ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ

2024

日本

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2024

том 53

МОСКВА
2024
Наука — Восточная литература

УДК 94(520)
ББК 66.2(5Я)я5
Я70

http://yearbookjapan.ru

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО (главный редактор)
Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ (ответственный редактор)
Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН
Казаков О. И. ИКСА РАН
Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН (зам. главного редактора);
Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ
Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО-Университет
Трубникова Н. Н. д. филос. наук, ИФ РАН

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН
Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)
Гордон Эндрю профессор (США)
Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО
Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)
Ивасита Акихиро профессор (Япония)
Каварадзи Хидэтакэ профессор (Япония)
Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН
Кистанов В. О. д.и.н. ИКСА РАН
Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ
Ларин В. Л. д.и.н., академик РАН (Владивосток)
Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ
Нумано Кёко профессор (Япония)
Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО
Пестушко Ю. С. д.и.н. ХГИК (г. Хабаровск)
Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ
Симотомаи Нобуо профессор (Япония)
Стефан Джон профессор (США)
Стоквин Артур профессор (Великобритания)
Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)
Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ
Чугров С. В. д.социол.наук МГИМО
Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

Издание осуществляется при поддержке Международного фонда Шодиева

Ежегодник Япония . 2024 . Т . 53 / Ассоциация японоведов . — М . : Наука — Вост. лит . , 2024. — 458 с . : ил.

В настоящем выпуске Ежегодника Япония представлены статьи российских японистов, посвященные анализу проблем современного японского общества и государства, а также анализу проблем истории и культуры Японии.

Издание рассчитано на специалистов-страноведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

ISSN 2687-1432 (в переплете)
ISSN 2687-1440 (онлайн)
© Авторы (лицензия Creative Commons Attribution License)

YEARBOOK
JAPAN
2024
vol. 53

MOSCOW
2024
Nauka — Vostochnaya Literatura

http://yearbookjapan.ru

Editorial Board:

Streltsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University (Editor in Chief)
Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute of World Literature of RAS
Grishachev Sergei V. Associate Professor, HSE University (Executive editor)
Kazakov Oleg I. Institute of China and Contemporary Asia of R AS
Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);
Meshcheryakov Aleksander N. Professor, HSE University
Nelidov Vladimir V. MGIMO-University
Trubnikova N. N. IPh of RAS

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian Academy of Sciences
Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University
Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University
Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University
Iwashita Akihiro (Japan) Professor, Hokkaido University
Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS
Kawaraji Hidetake (Japan) Professor, Kyoto Sangyo University
Kistanov Valerii O. Professor, Institute of China and Contemporary Asia of RAS
Korchagina Tatiyana I. Associate Professor, Moscow State University
Larin Victor L. Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok)
Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University of Foreign Studies
Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University
Pestushko Yurii S. Professor, State University of Culture, Khabarovsk
Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor, Hosei University
Shodiev Fattah K. (Belgium) Head of International Chodiev Foundation
Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Stephan John J. (USA) Emeritus Professor, University of Hawaii
Stockwin Arthur (UK) Emetirus Professor, University of Oxford
Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor, Tokyo University of Foreign Studies
Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian Studies (IAAS) of Moscow State University
Vojtishek Elena E. Professor, Novosibirsk State University

With the support of International Chodiev Foundation

Yearbook Japan. 2024. Vol. 53 / Association of Japanologists. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2024. 458 p., ill.

The present issue of Yearbook Japan presents articles by leading Russian Japanese Studies scholars analyzing the problems of the present-day Japanese society and state, as well as the problems of history and culture of Japan. The edition is aimed at specialists in country studies, as well as at all those interested in Japan.

ISSN 2687-1432 (print)
ISSN 2687-1440 (online)

© Authors (Creative Commons Attribution License)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

Саркисов К. О. Левые партии в Японии. Зарождение, взлет и закат 11

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Лебедева И. П. Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии 34

Кульнева П. В. Социокультурные аспекты привлечения иностранной рабочей силы в сферу услуг Японии 58

ИСТОРИЯ

Романчев Д. Д. Анатомия Цусимского инцидента 1861 г. Взгляд через призму дневников участников 87

Гришачев С. В.
Шмакотина З. А. Награждение японских военнослужащих российскими наградами в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922) 114

Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: режим Виши, франко-тайская война и японская экспансия в Индокитае 138

Стрельцов Д. В. Вступление Японии в Тройственный пакт: продуманная стратегия или конъюнктурное решение? 161

КУЛЬТУРА

Трубникова Н. Н. Страна Япония в «Записках о чудесах Лотосовой сутры»» 183

Дудко А. А. «Записи о путешествии к Фудзи» Сатомура Дзёха (1567 г.): автор, содержание и основные особенности 210

Дьяконова Е. М. Символика рыб и рыбной ловли в японской культуре. Киты, дельфины и фантастические существа моря в легендах и представлениях 227

Кулиева Л. Ш. «Религия пустынь»: ислам в Японии с XIX в. до наших дней 243

Шарова А. Б. Образ США в произведениях Фукудзава Юкити 265

Торбин О. В. А. Ф. Вакано и его коллекция 282

Катасонова Е. Л. Они были первыми: вспоминая создателей послевоенной японской моды 296

Шехтер А. Г. Синкретизм в новых религиозных движениях Японии на примере Оомотокё 322

ПЕРЕВОДЫ

Обретение личности: Фукудзава Юкити о своей учебе в школе Огата Коан (глава «Школа Огата» из «Автобиографии старца Фукудзавы») Перевод и комментарии А. Н. Мещерякова 339

ПРОБА ПЕРА

Rogov E. O. Visit of Itō Hirobumi to St. Petersburg in 1901 370

Горбаченко А. С. «Идущие в ряд сюртуки»: эдвардианский Лондон в восприятии Ногути Ёнэдзиро 387

Фокин Я. П. Сравнение нарративов исторической памяти в Японии и ФРГ после Второй Мировой войны 405

РЕЦЕНЗИИ

Воробьева Д. И. Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада. Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского «Куниёси и его время» 431

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гришачев С. В., Баринов А. А. О японоведческих конференциях (декабрь 2023 – февраль 2024): XVI ежегодная конференция Ассоциации японоведов и XXVI конференция «История и культура Японии» 445

АВТОРАМ 456

CONTENTS

POLICY

Sarkisov K. O. Left-Wing Parties in Japan. Their Origin, Rise, and Decline 11

ECONOMICS AND SOCIETY

Lebedeva I. P. Education as the Main Factor of Social Mobility in Japan 34

Kulneva P. V. Sociocultural Aspects of Attracting Foreign Labor to the Japanese Service Sector 58

HISTORY

Romanchev D. D. Anatomy of the Tsushima Incident of 1861. A Look Through the Prism of the Participants' Diaries 87

Grishachev S. V.
Shmakotina Z. A. Rewarding Japanese Servicemen With Russian Awards During World War I and the Civil War (1914–1922) 114

Molodiakov V. E. Continental Policy of Japan as Seen from France: The Vichy Regime Franco-Thai war, and Japanese Expansion in Indochina 138

Streltsov D. V. Japan's Joining the Tripartite Pact: An Elaborate Strategy or an Opportunistic Solution? 161

CULTURE

Trubnikova N. N. The Country of Japan in *Dainihonkoku Hokkekyō Genki* 183

Dudko A. A. *Journey to see Fuji* (1567) by Satomura Jōha: About the Author, Circumstances of Creation, and Main Features of the Diary 210

Dyakonova E. M. The Symbolism of Fish and Fishing in Japanese Culture. Whales, Dolphins, and Fantastic Sea Creatures in Legends and Ideas 227

Kulieva L. S. «Desert Religion». Islam in Japan From the 19th Century to the Present Day 243

Sharova A. B. The Image of the USA in the Works by Fukuzawa Yukichi 265

Torbin O. V. Alfred von Vacano and His Collection 282

Katasonova E. L. They Were the First: Remembering the Creators of Post-War Japanese Fashion 296

Shechter A. G. Syncretism in New Religious Movements of Japan: The case of Oomotokyō 322

TRANSLATIONS

Finding One's Identity: Fukuzawa Yukichi About His Studies in Osaka (Chapter "Ogata School" From "The Autobiography of Elder Fukuzawa") *Trans. by A. N. Meshcheryakov* 339

SCHOLARLY DEBUT

Rogov E. O. Visit of Itō Hirobumi to St. Petersburg in 1901 370

Gorbachenko A. S. "Frockcoats Walking in Line": Noguchi Yonejirō's Perception of Edwardian London 387

Fokin I. P. The Comparison of the Historical Memory Narratives in Japan and the FRG After the Second World War 405

BOOK REVIEW

Vorobeva D. I. *Ukiyo-e* Masters of the Utagawa School: Kuniyoshi and Kunisada. Review of the Second Edition of M. V. Uspensky's Monograph ″Kuniyoshi and His Time″ 431

ACADEMIC LIFE

Grishachev S. V., Barinov A. A. About Conferences on Japanese Studies (December 2023 – February 2024): 16th Annual Conference of the Association of Japanologists and 26th Conference "History and Culture of Japan".....445

FOR THE AUTHORS 456

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 11–33
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 11–33
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-11-33

Левые партии в Японии. Зарождение, взлет и закат

К. О. Саркисов

Аннотация

В статье рассматривается история возникновения и упадка некогда влиятельных левых сил в японской политике. На выборах осенью 2025 г. Социал-демократическая партия, а в прошлом Социалистическая партия имеет все шансы потерять единственное депутатское кресло в самой важной нижней палате парламента. Другая «левая» сила – коммунисты – сохраняют свои позиции, но занимаемые ими места – это чуть более 2% об общего числа. Причины кризиса левых партий, как это было и до Японии в странах Европы, разумеется, следует искать в коренных изменениях социально-классовой системы, структуре занятости в результате всех волн научно-технического прогресса. Но есть и национальная специфика, связанная с инерцией политических предпочтений. На становление, развитие и кризис левых партий определенное влияние оказывала довоенная история, имевшая отношение к европейским течениям христианского социализма, фабианства, анархического коммунизма и анархо-синдикализма. С победой большевиков в революции 1917 г. связано напрямую становление японской компартии как японской секции Коминтерна. В послевоенный период сильное влияние оказывали политические процессы в соседнем Китае и на Корейском полуострове.

Анализ нынешней ситуации с левыми партиями Японии показывает, что их решительный отказ от ставших одиозными марксистско-ленинских положений своих политических программ, откровенно критическое отношение к опыту строительства социализма в Советском Союзе и Китае, попытки доказывать, что отрицательный опыт в этих странах – результат искажения сути социализма, извращения его принципов, не помогает. Эта критика не повышает их авторитета и возможностей удержания симпатий своих сторонников и привлечения новых.

Особенно показателен пример СДПЯ, полный отказ которой от Маркса и Ленина в пользу Лассаля и Бернштейна не только не помог, но был воспринят как конъюнктурный ход, как готовность жертвовать своими принципами ради политической выгоды.

Ключевые слова: левые партии, политический процесс, консерваторы, оппозиция, выборы 2025 г., социально-классовая структура, профсоюзы.

Автор: *Саркисов Константин Оганесович*, к.и.н., приглашенный исследователь, Международный институт по изучению Японии, Университет Хосэй: Япония, 102-0073 Токио, Тиёда-ку Куданкита 3-2-3.
E-mail: sarkisovko@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-6398-0785

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Left-Wing Parties in Japan. Their Origin, Rise, and Decline

K. O. Sarkisov

Abstract

The article examines the history of the emergence and decline of the once influential leftist forces in Japanese politics. In the forthcoming elections in the fall of 2025, the Social Democratic Party (formerly the Japan Socialist Party) has every chance of losing their single seat in the more important lower house of the Japanese Diet. Another “left-wing” force, the communists, retain their positions, but they occupy about two percent of the total number of seats. Just as, before Japan, it was in European countries, one should, of course, seek the reasons for the current crisis in the fundamental changes in the social class structure and the employment structure caused by the waves of scientific and technological progress. The national specificities associated with the inertia of political preferences should be mentioned too. The pre-war history of Japanese politics exerted an influence on the formation and development of left-wing parties. It was related to the movements of Christian socialism, the Fabian Society, anarchist communism, and anarcho-syndicalism in Europe. The victory of the Bolsheviks in the 1917 revolution is directly related to the birth of the Japanese Communist Party as the “Japanese section of the Comintern.” In the post-war period, political events in neighboring China and the Korean Peninsula had a significant impact as well.

An analysis of the current situation of the left-wing parties shows that their decisive rejection of the now infamous Marxist-Leninist provisions of their

political programs, an openly critical attitude towards the experience of building socialism in the Soviet Union and China, and the attempts to prove that the negative experience of these countries is the result of distorting the essence of socialism and perverting its principles do not help. The criticism does not increase their authority and ability to retain the sympathy of their supporters and attract new ones. Complete rejection of Marx and Lenin in favor of Lassalle and Bernstein by SDP was not helpful and was perceived as an opportunistic move and a sign of willingness to sacrifice principles for the sake of political gain.

Key words: left-wing parties, political process, conservatives, opposition, 2025 elections, social class structure, trade unions.

Author: *Sarkisov Konstantin Oganesovich*, PhD (History), Invited Researcher, Research Center for International Japanese studies, Hosei University: 1F Kudan Building Annex, 3-2-3 Kudankita Chiyoda-ku Tokyo, 102-0073, Japan

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6398-0785

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Осенью 2024 г. в Японии пройдут выборы в нижнюю палату парламента. Одной из главных интриг предстоящего события – сохранится ли в политическом пространстве страны Социал-демократическая партия. Некогда социалистическая и вторая политическая сила страны, в оккупационное время однажды правящая партия, затем длительное время контролировавшая от четверти до трети всех депутатских мест в главной палате законодательного органа, ныне (сентябрь 2024) представлена только одним депутатом. Ее исчезновение и уход в небытие на 80-й год окончания войны и своего существования будет означать завершение эпохи, когда консерваторам противостояли социалисты. Появившиеся из их среды японские коммунисты, даже в годы своего расцвета и отдаленно не претендовавшие на власть, сохраняют себя, но на уровне нескольких процентов от общего числа депутатских мест. В статье рассматривается история становления и заката левых партий в Японии.

Зарождение

1 июля 1889 г. в Токио в низком деревянном здании, память о котором сохранили лишь пожелтевшие от времени фотографии, японский император объявил об открытии первой сессии парламента. Был сделан первый большой шаг в сторону формирования законодательной власти как противовеса исполнительной. Это было только начало. Политический спектр от флангов – левых партий через центр к правым, по обеим краям ультра и радикалы – все это в будущем, а пока противоборство разных позиций и интересов шло не между партиями внутри парламента, а между парламентом и правительством. Что касается третьей ветви власти – судебной, то полномочия Верховной Судебной Палаты (*дайсинъин* 大審院) были ограничены. И тем не менее в 1891 г. она уже проявила свою самостоятельность: после неудавшегося покушения на жизнь российского престолонаследника, посещавшего Японию, вопреки желанию императора Мэйдзи она, соблюдая букву закона, отклонила ходатайство правительства о вынесении смертного приговора преступнику, осудив его на пожизненное заключение.

Высшую бюрократию составили в основном принесшие победу антифеодальной революции представители кланов Тёсю и Сацума, а вместе с ними сражавшиеся против армии сёгуна выходцы из двух других юго-западных княжеств – Тоса и Хидзэн оказались за рамками правительства или выдавленными из него. Именно они, обделенные властью, взялись за создание политических партий.

Наибольшего успеха в этом достиг Итагаки Тайсукэ из клана Тоса (ныне преф. Коти на о-ве Сикоку). Он основал Либеральную партию, которая 1 июля 1890 г. на выборах в первый японский парламент завоевала 130 из 300 мест. Другой «столп» партийного движения – Окума Сигэнобу, старший сын самурайской семьи клана Хидзэн (ныне префектура Сага и частично Нагасаки). По его инициативе на свет в 1882 г. появилась Реформистская партия, которая спустя несколько лет на выборах в парламент первого созыва завоевала 41 место. Помимо упомянутых двух партий усилиями правительства в парламент прошли наспех сколоченные политические группы из чиновников и бизнесменов без ярко выраженной идеологии. В течение следующего десятилетия эти группы распадались, вливаясь то в одну, то в другую партии. Либералы и реформисты

не были исключением – со временем их популярность то падала, то восстанавливалась.

Парламентские выборы 1890 г. были демократическими условно – к избирательным урнам допускался 1,1% населения. Это те, кто платил налоги в казну в размере более 15 иен в год, а по возрасту был старше 25 лет. Но наследие феодального прошлого быстро преодолевалось, и в 1880-е гг. возникли предпосылки формирования новой сословно-классовой структуры общества, в которой большое место заняли представители «труда» (наемной силы) и «капитала» – хозяева растущих как грибы фабрик и заводов. Начинался процесс бурной индустриализации [Takeuchi 1967]. Япония опоздала на сто лет по сравнению с Англией и теперь, чтобы успешно с ней конкурировать на внутреннем и мировых рынках, необходимо было торопиться – писала японская газета[1].

Социалистическое движение японских «разночинцев» в основном из самурайского класса на почве сочувствия, сострадания и желания помочь зарождавшемуся рабочему классу в его противодействии капиталистам брало пример с Европы и США, где за несколько десятков лет до того социализм набирал силу тоже на волне индустриализации.

Во вторгшейся вместе с Англией в Китай Франции произошла революция 1848 г., которая в свою очередь сдетонировала гражданские антимонархические выступления по всей Европе. В шумных диспутах на дискуссионных площадках Берлина, Лейпцига, Дрездена, Парижа, Брюсселя, Лондона и особенно Женевы и Цюриха, как и в тиши их библиотек, рождались социалистические теории. Происходящее в Европе освещали появившиеся только в середине 1870-х гг. японские газеты. Социализм воспринимался как широкое антисистемное движение, включавшее в себя и другие «измы» – анархизм, нигилизм. В газетах всего из 3-4 страниц находилось место для сообщений о сборе социалистов на Трафальгарской площади в Лондоне, о событии 11 мая 1878 г. в Берлине, где социалист-анархист Макс Хёдель стрелял в германского императора Вильгельма I и его дочь Марию Прусскую, проезжавших в открытой карете по Унтер-ден-Линден, а еще меньше чем через месяц, 2 июня 1878 г., о том, как из окна квартиры на той же злополучной центральной улице германской

[1] *Asahi Shimbun* 1898, August 28, p. 2.

столицы социалист Карл Нобилинг выстрелом из охотничьей двустволки ранил кайзера. В Европе террористические акции со стороны социалистов и анархистов продолжались и позднее. К анархистам причисляли и народников в России, совершивших 15 марта 1881 г. убийство Александра II[2].

В Германии в конце октября того же года Отто Бисмарк инициировал в Рейхстаге «Исключительный закон против социалистов». Приехавший в Берлин в июне 1882 г. для ознакомления с конституцией Пруссии Ито Хиробуми, испытывавший глубокое уважение к канцлеру и сам при жизни прозванный в России «японским Бисмарком»[3], конечно же ознакомился с содержанием этого закона, но не увидел серьезной угрозы со стороны социалистического движения для только формирующейся японской государственности.

Вероятность организации покушения на жизнь японского императора в самой Японии никто не рассматривал серьезно, а пресса здесь успокаивала обывателя: «Социализма, в худшем смысле этого слова, как его понимают на Западе, у нас нет и, как мы надеемся, он не пустит корни еще долгое время». И тем не менее она же высказывала некоторое беспокойство: «Социальное недовольство, в неопределенной пока форме и неспособное перерасти в конкретные действия, становится все более ощутимым. Отношения между съемщиками жилья и домохозяевами уже не такие, какими они были в добрые старые феодальные времена. Черствый эгоизм, столь характерный для современной индустриальной цивилизации, лежит в основе ненависти, которую испытывают к домохозяевам съемщики жилья, и это вместо любви и почитания, как было в прошлом... Стремительно растущее число заводов и фабрик... привело к быстрому росту населения вокруг них. ...Борьба между трудом и капиталом в Японии уже началась!».[4]

Растущий над каменными домами лес фабричных труб как зловещий знак индустриальной революции, переход земли мелких собственников в руки крупных владельцев, небывалый рост состояний небольшого числа людей при увеличивающемся обнищании широких масс – так говорил в интервью англоязычной японской газете английский либерал Перси Олден. «Он имел возможность посетить в Японии как тюрьмы, так и фабрики и должен сказать, что

[2] *Yomiuri Shimbun* 1881, March 16, p. 1.

[3] Харбинская трагедия. Русское слово 1909, 27 октября, с. 1.

[4] *The Japan Times* 1897, March 20, p. 3.

предпочел бы сидеть в первых, чем работать во вторых». В тюрьмах светлее, воздуха побольше и вентиляция лучше, чем на фабриках, в частности, в помещениях прядильных фабрик, которые даже консервативная японская пресса называет одним из кругов ада. Английский политик предупреждал: «Под влиянием этих больших перемен нравы в народе постепенно деградируют. Вежливость и мягкие манеры становятся жесткими как те, что существуют в западных обществах, а острая конкуренция порождает себялюбие и жестокость»[5].

Противоречия между наемным трудом и капиталом, когда труд, как и любой товар, приобретает свою цену, становятся антагонистическими. В противовес капиталу, интересы которого защищало государство, возникают профсоюзы – главный объект активности японских социалистов и их политическая база. Профсоюзы стремятся действовать в рамках закона и опираясь на него, и в 1881 г. пресса сообщает о подаче группы рабочих заявки о регистрации профсоюзов[6]. В зачаточных формах возникает и забастовочное движение. В нем активное участие принимают социалисты, особенно их радикальная часть – анархисты, которые обосабливаются, разочаровавшись в легальных методах борьбы.

Японский анархизм во многом берет пример с западных образцов. Перечисляя имена самых известных деятелей европейского социалистического движения, японская газета после Маркса и Лассаля называла Бакунина[7]. В глазах японцев теоретик анархизма был яркой и незаурядной личностью. Из сибирской ссылки через Японию он бежал в Соединенные Штаты, а затем снова в Европу. За некоторое время пребывания в Иокогаме Бакунин не проявил интереса к японскому опыту, но проповедуемый им анархизм вызвал повышенный интерес в Японии. Спустя годы местная газета напишет: «Подобно холере или чуме анархизм проник в нашу страну. Если первая пронзила наше тело, вторая проникла в нашу голову»[8].

Японская полиция, как и к анархистам, столь же подозрительно стала относиться к социалистам в целом, считая их потенциально склонными к террору и другим противоправным действиям. По классификации источника из полиции, японские социалисты делились на

---

[5] *The Japan Times* 1898, December 18, p. 3.
[6] *Yomiuri Shimbun* 1881, January 26, p. 1.
[7] *Asahi Shimbun* 1899, October 25, p. 7.
[8] *Asahi Shimbun* 1910, November 10, p. 3.

три категории, первая из которых – те, кто был склонен к диверсиям и покушениям и готовил самодельные взрывные устройства. Вторая группа состояла из менее агрессивных и авантюрных, и, наконец, третья – «разделявшие принципы социализма, но не предпринимавшие никаких практических действий для реализации его доктрины»[9].

В эту последнюю группу поначалу входили те, кто в 1898 г. организовал легальную социалистическую организацию с невинным названием «Общество по изучению социализма». Ее первые собрания проходили в токийском районе Сиба в помещении Унитарианской миссии (Unitarian Church). Религиозная структура левого направления в англиканской церкви, духовно связанная с Фабианским обществом – течением в социализме тех же английских корней, просуществовало в Японии с 1887 г. по 1923 г. [Itoya 1979, p. 65].

Место было выбрано не случайно – некоторые члены Общества были христианами и входили в паству Унитарианской церкви. Первые занятия в этом обществе вел Такаги Масаёси – лектор Токийского университета, специалист по социологии, – дисциплине, зарождавшейся вместе с социализмом. Маркс был одним из теоретиков социализма, которых изучали члены Общества, и не более того. Значительно большее внимание члены Общества уделяли трудам Генри Джорджа, Фурье, Бланка и Лассаля [Scalapino 1966, p. 1].

Особой популярностью пользовался первый из них. Не зря предисловие к одной из его книг написал сам Лев Толстой. Великий писатель ярко и эмоционально хвалил за «красоту языка» (!), а также за «краткость и ясность, строгую логичность изложения... неотразимость научных доводов…», за «искреннее и глубокое чувство любви к истине, добру и людям» [Джордж 1907, с. VIII].

Члены Общества скоро перешли от теории к практике и, собравшись 5 мая 1901 г. в помещении профсоюза металлургов в токийском районе Канда, приняли решение о создании Социал-демократической партии. Через две недели Катаяма Сэн и двое других направились в полицейское управление района и подали заявление о создании партии. Но уже на следующий день власти не только отказали в регистрации, но и потребовали распустить фактически существующую партию. Дело в том, что накануне в нескольких газетах и профсоюзном журнале «Родо Сэкай» (Мир труда) была опубликована программа

[9] *The Japan Times* 1910, January 22, p. 3.

партии, напугавшая своей радикальностью. В ней провозглашался курс на столь обширные и по сути революционные реформы политической системы страны, что власти подали иск на газеты и журнал, опубликовавших программу. Суд, однако, признал их невиновными[10].

В январе 1904 г. за недели до начала войны с Россией японская англоязычная газета со ссылкой на французский источник сообщала о собрании японских социалистов, на котором один из выступавших призывал рабочих не поддаваться милитаристскому угару, проявить солидарность с их братьями – рабочими России, которые ведут борьбу с царизмом[11].

Оратор – Абэ Исоо, христианский социалист из группы упоминавшихся унитарианцев, проповедник, лектор университета Васэда. В 1906 г. он среди основателей первой социалистической партии Японии. Партия заявляла, что будет пропагандировать социализм в рамках японских законов[12].

Декларированное намерение действовать сугубо в рамках закона не помогло. Активное участие партии в многолюдных протестах против повышения цен на проезд в городском трамвае, стычки с полицией в токийских районах Уэно и Хибия в марте 1906 г. привели к тому, что в следующем году партия была запрещена. Полицейское преследование приверженцев социализма породило у них неверие в возможность законной деятельности и вынудило некоторых из них перейти к нелегальным формам борьбы.

Один из них, Котоку Сюсуй (幸徳秋水) или Дэндзиро (傳次郎) – яркая фигура в истории японского социализма. Он уехал в Сан-Франциско, где при участии японцев-единомышленников сформировал Социал-революционную партию. Соавтор переводов работ Маркса и Энгельса, Коммунистического манифеста, он особый интерес проявлял к творчеству русского анархиста Петра Кропоткина. Печатавшиеся нелегально книги Кропоткина в переводе Котоку получали довольно широкое распространение в Японии[13]. 7 февраля 1907 г. одно из писем на английском языке в адрес своего кумира Котоку начинает словами: «Дорогому учителю, товарищу...»[14].

---

[10] *Asahi Shimbun* 1901, July 06, p. 1.
[11] *The Japan Times* 1904, January 17, p. 4.
[12] *The Japan Times* 1906, March 06, p. 3.
[13] *Yomiuri Shimbun* 1910, November 19, p. 5.
[14] *Yomiuri Shimbun* 2022, January 16, p. 32.

По возвращении в Японию Котоку и его гражданская жена, активистка феминистского движения социалистка Канно Сугако развернули бурную деятельность. На съезде социалистической партии 17 февраля 1907 г. Котоку открыто призывал к прямым действиям, под которыми подразумевались насилие и террор. 26 июня 1908 г. среди бела дня в токийском районе Канда он и его сторонники провели демонстрацию с красными флагами и транспарантами, звавшими к анархо-коммунистической революции. Эти факты приводились в обвинительном заключении суда по делу о планировании покушения на жизнь императора. Вместе с другими – всего 26 обвиняемых (цифра знакомая по истории другой революции: «26 японских комиссаров» – *К. С.*) Котоку и Канно были приговорены к смертной казни через повешение.

В 1912 г. на скамью подсудимых сел и один из видных социалистов Катаяма Сэн. Он и двое других были осуждены за подстрекательство к забастовкам работников трамвайного парка столицы в декабре 1911 г. – январе 1912 г. После отсидки в тюрьме Катаяма эмигрировал в США. Случилось это в 1914 г., а в 1916 г. в Нью-Йорке он познакомился с оказавшимися здесь же Троцким, Бухариным и Коллонтай [Scalapino 1966, p. 6–7]. Бухарин был выслан сюда в октябре 1916 г. из Копенгагена, а до этого из Швеции и Норвегии, где скрывался под именем Мойша Довгалевский.

Под полицейским давлением в среде социалистов происходит деление на идеологические группы, порой непримиримые друг с другом. «Среди социалистов есть две группы – те, кто исповедует принцип классовой борьбы, другая – кто верит в классовую гармонию», писала японская пресса и сетовала, что японское правительство не видит этой разницы и ко всем социалистам относится без разбора, в то время как «социализм это одна из областей науки, нацеленной на развитие человечества, одна из сфер, изучением которой должны заниматься ученые»[15].

Огромное влияние на социалистическое движение в Японии оказали события 1917 г. в России. Два основных лагеря российских социалистов к моменту первой революции – социал-революционеры (эсеры) и Российская социал-демократическая рабочая партия

[15] *The Japan Times* 1917, February 25, p. 4.

(РСДРП). В Японии пресса только первых именовала «социалистами» и широко освещала формирование коалиционных кабинетов министров Временного правительства с их участием. Когда же события осени 1917 г. завершились победой одной из фракций РСДРП, то эта фракция в японской прессе получила название «партии экстремистов» (*кагэкиха* 過激派). Победа большевиков в гражданской войне и в борьбе с интервентами, включая японцев, меняет отношение к ним. В большой статье консервативная японская газета помещает крупный портрет Ленина и наделяет его «чудовищными способностями» (*кайкэцу* 怪傑)[16].

Триумф большевиков в российской революции и возникновение социалистического государства вызывают огромный интерес японских социалистов. И не случайно, что следы рождения первой компартии Японии ведут в Коминтерн, а конкретно в учрежденный под его опекой в 1921 г. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Несмотря на строгую конспиративность поведения членов будущей коммунистической ячейки, японской полиции было известно о тайном отъезде группы социалистов из Нагасаки в Шанхай и далее в Москву. Из Москвы японские социалисты-коммунисты вернулись в статусе японской секции Коминтерна, и учредительный съезд состоялся 15 июля 1922 г. с участием всего восьми участников на квартире одного из них. Так возникла подпольная идеологическая ячейка с полицейским клеймом «тайного общества»[17].

Первая программа японских коммунистов была составлена теоретиком Коминтерна Николаем Бухариным. Основные положения т.н. «тезисов 1923 г.»: ликвидация монархии, право пролетариата вооружаться, вывод японских войск из Кореи и Китая, обобществление земли и ряд других. Деятельность японских коммунистов и подписанные ими документы с помощью платных осведомителей и тех, кто выдавал информацию под пытками, становились известны японской полиции, и в ночь с 4 на 5 июня 1923 г. было арестовано все руководство партии. Последовавшее через три месяца, 1 сентября 1923 г., катастрофическое землетрясение в долине Канто с центром в Токио окончательно решило судьбу первой компартии Японии. В марте

[16] *Yomiuri Shimbun* 1920, March 08, p. 3.
[17] *Yomiuri Shimbun* 1932, December 16, p. 7.

следующего 1924 г. на втором съезде партии в южных окрестностях Токио было принято решение о ее роспуске.

Коминтерн не признал роспуска и потребовал восстановления партии. Учредительный съезд второй компартии состоялся 4 декабря 1926 г. под видом проводов старого года сотрудниками одной из японских компаний. В гостинице горячего источника «Госики» префектуры Ямагата на этот раз собралось в два раза больше депутатов – семнадцать.

В возрожденной компартии сразу же возникли принципиальные противоречия между двумя идейно-политическими течениями. Член партии Ямакава Хитоси в теоретических публикациях в журнале «Дзэнъэй» утверждал, что деятельность революционной партии с опорой на пролетариат без вовлечения широких народных масс – глупая затея. Залогом успеха может быть только одно – расширение единого фронта трудящихся на легальных условиях. В конечном счете победило течение, представленное другим теоретиком. Фукумото Кадзуо в своих работах критиковал Ямакава («ямакаваизм») за то, что тот не проводил четкой грани между экономической и политической борьбой, и в результате его теория становилась эклектичной и вела к оппортунизму и пораженчеству.

В победе «фукумотоизма» сказалось влияние Москвы. Коминтерн 15 июля 1927 г. принял очередные тезисы или точнее директивы стратегии и тактики своего японского отделения. Крайне неоднородные по целям и масштабам они были сформулированы как задачи и как лозунги – борьба с опасностью империалистической войны; руки прочь от китайской революции; защита СССР; полная независимость колоний; роспуск парламента; уничтожение монархии; всеобщее избирательное право для мужчин и для женщин, достигших 18-ти лет; право собраний, союзов, коалиций и т.п.; свобода слова и печати; 8-ми часовой рабочий день; страхование безработных; уничтожение антирабочего законодательства; конфискация земельных владений микадо [императора], помещиков, государства и церкви; прогрессивный подоходный налог.

Тезисы призывали связывать эти частичные требования с «лозунгом рабоче-крестьянского правительства и лозунгом пролетарской диктатуры». Залогом успеха является наличие «стальной, идеологически выдержанной, ленинской, дисциплинированной, централизованной и массовой коммунистической партии, борющейся вместе

с мировой компартией, шагающей нога в ногу со всем Коммунистическим Интернационалом»[18].

Идеи социальной революции как разрешения противоречий между экономическим базисом и политической надстройкой увлекала японскую городскую интеллигенцию начала эпохи Сёва. Имя Маркса в японской печати появилось в 1883 г. в связи с его ярким выступлением на одном из собраний социалистов в Женеве[19]. «Общество великояпонской цивилизации» во главе с видным политиком эпохи Мэйдзи Окума Сигэнобу намеревалось издать «Капитал» Маркса в серии выдающихся произведений Европы и Америки, таких как «История современной цивилизации» французского историка Шарля Сеньобоса и роман молодого Герберта Уэллса «Прозрения»[20]. В книжных магазинах появились полки с книгами по марксизму. Здесь же в 1928 г. стало продаваться «Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса» издательства Кайдзося. В этом же году появились в продаже «Сочинения Сталина и Бухарина» в 15 томах с рекламным анонсом: «Марксизм на основе теоретических трудов Маркса, Энгельса и Ленина получил свое новейшее теоретическое и практическое развитие в трудах Сталина-Бухарина. Знакомство с их произведениями, таким образом, не только погружает в новейшие и высочайшие идеи современности, но и дает в руки мощнейшее оружие в борьбе за освобождение пролетариата»[21].

На выборах 20 февраля 1928 г. находившаяся под сильным влиянием компартии легальная Рабоче-крестьянская партия, набрав около 200 тыс. голосов, смогла получить в парламенте два депутатских места. Под впечатлением от этого успеха полиция 15 марта 1928 г. провела по всей стране масштабные аресты коммунистов, и в декабре 1929 г. воссозданная компартия Японии перестала существовать. Через год начавшаяся агрессия Японии в Маньчжурии и фактическая аннексия этой провинции Китая резко усилили позиции военных и полицейский террор, что сделало невозможной даже подпольную деятельность партии [Nakamura 1996, p. 109–113].

---

[18] Тезисы ИККИ о Японии. Москва, 15 июля 1927 г. *Электронная библиотека исторических документов*: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/48060

[19] *Yomiuri Shimbun* 1883, May 25, p. 3.

[20] *Yomiuri Shimbun* 1908, April 05, p. 1.

[21] *Yomiuri Shimbun* 1928, March 16, p. 1.

Взлет и закат

После капитуляции Японии Штаб оккупационных войск 4 октября 1945 г. направил в адрес японского правительства директиву «О ликвидации ограничений свободы политических, религиозных и прочих гражданских прав». «В столице развеваются красные флаги» – так писали газеты об освобождении из печально известной тюрьмы в токийском пригороде Футю в 10 часов утра 10 октября 1945 г. первой группы японских коммунистов и проведении в честь этого события во второй половине того же дня демонстрации. Но на первых выборах в японский парламент 25 апреля 1947 г. коммунистам досталось всего 4 места.

Социалистическая партия, возникшая в послевоенные годы на развалинах довоенных легальных Социал-народной партии (*Сякай минсюто*), Японской рабоче-крестьянской партии (*Нихон роното*) и Японской пролетарской партии (*Нихон мусанто*), добилась существенно большего – 143 из 468 мест.

Социалисты первые послевоенные годы выступали как политическая организация рабочего класса. Подготовительный комитет по формированию социалистической партии 15 октября 1945 г. определял, в частности, такие задачи: «В качестве организационной структуры рабочего класса гарантировать политические свободы и стремиться к победе демократического строя; ликвидируя капитализм и решительно добиваясь победы социализма, стремиться к стабильной и лучшей жизни народа»[22]. Но как объединение правых ревизионистских и левых марксистских сил партия была обречена на фракционный раскол и конечный распад.

Учредительный съезд партии 2 ноября 1945 г. показал, что объединение в единую социалистическую партию в первый месяц после войны было компромиссом фракций по чисто прагматическим соображениям. Программа партии, принятая на съезде, была вполне умеренной. Она оставалась партией рабочего класса, но уже не ставила ребром вопрос о ликвидации капитализма и строительстве социализма.

Успех на выборах 25 апреля 1947 г. и разногласия между консервативными либеральной и демократической партиями позволили

[22] *Asahi Shimbun* 1945, October 16, p. 1.

лидеру социалистов Катаяма Тэцу сформировать первое (и последнее!) социалистическое правительство Японии, да и продержалось оно недолго. Меньше чем через год, в марте 1948 г. к власти пришла коалиция во главе с Демократической партией. Председатель Консервативной партии Асида Хитоси стал премьером, а правый социалист Нисио Суэхиро – вице-премьером. Но это правительство продержалось еще меньше. В августе 1948 г. замешанный в коррупционном скандале о передаче за взятки правительственных заказов одной из фирм Нисио вместе с премьером вынужден был подать в отставку.

Дальнейшая судьба социалистов и коммунистов в Японии определялась не столько внутренними, сколько внешними факторами. Раздел соседней Кореи на две зоны оккупации, завершившийся в 1948 г. образованием двух государств, стал прологом к кровопролитной войне. Ее неизбежность стала очевидной после того, как в Китае в гражданской войне победили коммунисты и 1 октября 1949 г. на свет появилась Китайская Народная Республика.

Военные победы коммунистов в Корее, и особенно в Китае рождали в Москве и Пекине иллюзорные надежды, что того же самого можно добиться и в Японии и бросали тень на курс японских коммунистов, нацеленных на мирную революцию через усиление работы в широких массах и в парламенте. Окрик в их адрес прозвучал из Бухареста. В журнале «За прочный мир, за народную демократию!» международный печатный орган Информационного агентства коммунистических и рабочих партий (Коминформ), заменившего в 1943 г. Коминтерн, появилась статья «О положении в Японии». В номере журнала от 6 января 1950 г. речь Носака Сандзо на прошедшем накануне Пленуме японской компартии о возможности победы «народного демократического режима» в Японии в условиях оккупации подверглась резкому порицанию. «Теория Носака вводит в заблуждение японский народ», а сам он прислуживает интересам «империалистических оккупантов Японии» – гневно изобличал Коминформ «буржуазную позицию» японского коммуниста[23].

Критика Коминформа поначалу встретила ответную реакцию японской компартии – председатель партии Токуда в статье «Мнение

[23] *The Japan Times* 1950, January 08, p. 1.

по поводу статьи “О положения в Японии”» полемизировал с Коминформом. Но после того, как к осуждению Коминтерна присоединился Пекин (статья в «Жэньминь жибао») на расширенном пленуме часть руководства партии во главе с Миямото потребовала от Носака признаться в своих ошибках. В результате в «Акахата» Носака опубликовал обширную статью, в которой признавался в «правооппортунистическом уклоне»[24].

В конечном счете партия в своей политической программе вернулась к курсу на «вооруженную борьбу», что немедленно сказалось на отношениях компартии с оккупационными властями. Эти отношения заметно ухудшились с началом войны в Корее. 26 июня 1950 г., буквально на следующий день после ее начала все шесть депутатов-коммунистов японского парламента были лишены депутатского статуса. Началась «чистка красных» – массовое увольнение коммунистов не только из государственных и общественных учреждений, но и предприятий частного сектора. В апреле 1952 г. вступил в силу подписанный в Сан-Франциско мирный договор, и Япония вернула себе суверенитет. Все приказы и постановления ШОВ потеряли силу. Сбежавшие в Пекин Токуда и Носака через радио «Свободная Япония» пытались призывать к вооруженной борьбе, но времена изменились, изменилась ситуация в рабочем движении в связи с экономическим оживлением и началом периода феноменально быстрых темпов экономического роста, и на 6-й общенациональной конференции 27-29 июля 1955 г. была принята резолюция об отказе коммунистов от курса на вооруженное восстание.

Что касается Социалистической партии, то разное отношение к мирному договору и японо-американскому договору безопасности 8 сентября 1951 г. раскололо партию на левую и правую, которые продолжали называть себя социалистическими. Но Левая социалистическая партия за счет ярко выраженной антивоенной политики, вплоть до концепции невооруженного нейтралитета приобретала все большее влияние в профсоюзах и в целом в обществе, еще не оправившемся от пережитой войны. На всеобщих выборах 27 февраля 1955 г. Левая социалистическая партия получила – 89 (19,1%) мест, Правая социалистическая партия – 67 (14,3%). Но на выборах по-прежнему лидировали консерваторы – демократы получили 185 (39,6%) депутатских

[24] *Yomiuri Shimbun,* evening edition 1950, February 07, p. 1.

мест, либералы – 112 (24,0%). Все остальные партии, включая главных соперников, коммунистов, а также мелкие партии и беспартийные, набрали всего 3,0%, заняв 14 мест.

Подавляющее преимущество двух сил вновь породило надежду на возникновение двухпартийной системы, что подтолкнуло их к внутреннему объединению в ожидании предстоящих схваток. Но даже после этого превосходство консерваторов было явным, и до рождения двухпартийной системы дело не дошло. В результате возникла система, названная позднее «полуторапартийной» или «политической системой 1955 г.».

Этот термин обозначал соперничество либерал-демократов и социалистов. В этой системе коммунисты занимали по-прежнему скромное место. Чтобы идти в ногу со временем, в партии началась разработка «особого пути» японской компартии с учетом местной специфики и «преодоления чуждых марксизму» явлений. Этот мотив стал одним из главных в острой критике со стороны КПЯ политики и практики советской компартии («Венгерские события» 1956 г.). В конце июля 1961 г. в принятой на 8-м съезде партии программе провозглашался двухэтапный путь достижения целей социалистической революции через этап демократической революции – борьбы с империализмом, в частности, с полуколониальной зависимостью Японии от США, и засильем японского монополистического капитала.

Мотив борьбы с полуколониальной зависимостью от США звучал актуально в связи беспрецедентно массовыми выступлениями против заключения нового японо-американского договора в 1960 г. *Ампо тосо* (борьба против договора безопасности) – самый острый политический кризис в послевоенной Японии, который завершился уходом в отставку Н. Киси и приходом к власти кабинета Икэда Хаято. Новый премьер стал претворять в жизнь не только умеренную, но и конструктивную повестку. Он отказался от намерений своего преемника пересмотреть политику и переключился с политической на социально-экономическую повестку.

Главной оппозиционной силой оставались социалисты. Умеренная примирительная политика Икэда Хаято и уход из СПЯ правых социалистов сказались на результатах выборов 20 ноября 1960 г. Правящая ЛДП увеличила свое представительство в нижней палате с 287 до 296 мест, что составило 63,4% из от общего числа в 467 мест, а социалистическая партия – 145 или 32,2%. Отколовшаяся от СПЯ

в дни борьбы против японо-американского договора партия демократического социализма получила 17 мест.

Экономические успехи Советского Союза, достижения в космосе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. объяснялись системными факторами и как формулировала консервативная японская газета: «Отныне для капитализма самый важный вопрос – как ответить на это»[25]. Но была и другая сторона: необходимость объяснять членам соцпартии причины возраставшей с каждым годом вражды между советскими и китайскими коммунистами.

Начавшаяся в 1966 г. в Китае культурная революция внесла огромную сумятицу в ряды социалистов и коммунистов. Японские коммунисты в ответ на происходившее в Китае и на вражду между Москвой и Пекином в октябре 1966 г. на своем X съезде провозгласили самостоятельный независимый курс. Перемены в коммунистической партии привели к выходу из нее как левых радикальных элементов, выступавших за более решительную тактику и стратегию, так и правых, призывавших к структурным реформам. К середине 1970-х гг. после нормализации межгосударственных отношений Японии с Китаем стремление социалистов сблизиться с Пекином сопровождалось ухудшением отношений с Москвой.

Компартия Японии недвусмысленно поддержала «Пражскую весну» – подавленную попытку чехословацкого руководства в 1968 г. выйти из-под контроля СССР. «Вторжение Советского Союза в Чехословакию является актом агрессии. И это непреложный факт» – официально заявлял один из лидеров японских коммунистов Фува[26]. Отход от теоретических догм происходил и в тексте программы партии. В ноябре 1973 г. из нее вычеркнули слова о диктатуре пролетариата и о Советском Союзе как ведущей стране социалистического лагеря. В 1976 г. марксизм-ленинизм был заменен на научный социализм.

Если замены терминов не меняли сути политической стратегии японских коммунистов, то опубликованный в начале июня того же 1976 г. программный документ «Декларация свободы и демократии» означал радикальный поворот в программе партии и возводил высокий барьер между ними и коммунистами в Москве и Пекине[27]. В документе декларировалось, что в случае прихода к власти

[25] *Yomiuri Shimbun* 1957, November 08, p. 1.

[26] *Yomiuri Shimbun* 1968, October 27, p. 2.

[27] Jiyū minshushugi to Nihon kyōsantō, 1976 nen. Nihon kyōsantō chōiinkai shuppankyoku.

коммунистическая партия гарантирует гражданские и политические свободы, сменяемость и независимость трех ветвей власти. «Смелый компромисс с концепцией буржуазной демократии» – оценивали этот шаг газеты[28].

Введение Советским Союзом войск в Афганистан КПЯ осудила как «советский социал-империализм»[29]. Как реакция на кровавую расправу с демонстрантами 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в заявлении ЦК КПЯ звучало: «Решительно осуждаем насильственные действия руководства китайской партии и правительства, растоптавших социалистическую демократию»[30].

В том же году японская компартия горячо приветствовала победу профсоюза «Солидарность» и демонтаж социализма в Польше. В целом положительно оценив советско-американский саммит на Мальте 2-3 декабря 1989 г., партия критически отнеслась к идее Нового политического мышления горбачевской Перестройки. В августе 1991 г., комментируя распад КПСС, председатель ЦК КПЯ Миямото в интервью говорил: «Если кратко – мы от души приветствуем это событие. Мы безгранично рады! На душе стало светлее! Советский Союз почти тридцать лет вмешивался в дела компартии Японии. Грубо и нагло вторгся в Чехословакию, совершил вооруженное вмешательство в Афганистане. С грохотом развалились великодержавность и гегемонизм, о которых мы твердили, что это не социализм»[31].

Закат

События конца 1980-х – начала 1990-х гг. полностью «переформатировали» политическое поле страны. Шоковый удар испытали либерал-демократы – на выборах 18 июля 1993 г. их число в нижней палате сократилось на 52 места. Но полученные 223 места из 511 позволили консерваторам сохранить позиии крупнейшей партии страны, хотя потеря большинства привела к утрате права формировать однопартийный кабинет.

В то же время, если тектонические сдвиги поколебали почву под ногами консерваторов, то она оказалось выбитой из-под ног социа-

[28] *Yomiuri Shimbun* 1976, June 03, p. 7.
[29] *Yomiuri Shimbun* 1981, July 01, p. 2.
[30] *Yomiuri Shimbun* 1989, June 06, p. 3.
[31] *Mainichi Shimbun* 1991, September 01, p. 1.

листов. На выборах 1993 г. партия потеряла почти половину мест – 66 из 136. Если вхождение в этом же году в пестрое коалиционное правительство из семи партий и одного политического объединения под руководством Хосокава Морихиро имело понятную цель – покончить с монополией ЛДП, своим традиционным противником, то последующее объединение с либерал-демократами и занятие в июне 1994 г. председателем партии Мураяма Томиити поста премьер-министра Японии воспринимались как готовность отказаться от своих принципов и своей политической идентичности ради сиюминутных выгод. Этот «реализм» в обществе выглядел не совсем пристойно.

Понимая это, партия поспешила изменить свое название, и вместе с ним политическое лицо. На приеме по поводу полувекового юбилея партии ее бывший председатель Танабэ Макото признавался: «...Те, кто на протяжении пятидесяти лет хотел избавиться от комплекса “марксистско-ленинской партии” и придать партии социал-демократические черты, оставались в меньшинстве. Если вплоть до выступлений против Договора о безопасности в 1960 г. сохранение этой идеологии имело какой-то смысл, то с началом курса правительства Икэда на быстрое экономическое развитие в партии усилилось движение в пользу социал-демократии. Однако из-за внутренних разногласий партия так и не смогла приобрести новое качество и прийти к власти. Хочется, чтобы изменение названия партии привело к победе в ней духа социал-демократии»[32].

19 января 1996 г. на съезде партии было принято решение о переименовании партии в социал-демократическую. Но изменение названия партии не только не помогло, но обернулось сокрушительным поражением. На выборах 20 октября 1996 г. ей досталось всего 15 мест в нижней палате парламента, что было пятикратным падением по сравнению с предыдущими выборами и десятикратным по сравнению с 1950–1970-ми гг. Случившееся напоминало катастрофу – обширные служебные пространства на втором этаже парламента пришлось спешно очищать, разбросанными по полу валялись выборные плакаты неудачников, а избранная горстка социал-демократов вынуждена была переселяться в приемные кабинеты на третьем этаже[33]. «Невыносимо тяжелое» – в своем настроении признавалась

[32] *Yomiuri Shimbun* 1995, November 03, p. 2.
[33] *Asahi Shimbun* 1996, November 02, p. 1.

журналистам председатель партии, Дои Такако[34], а на тему возможного сохранения коалиции с триумфально победившей на выборах ЛДП отказывалась рассуждать и говорила, что первостепенная цель – это возрождение партии. Но цель оказалась недостижимой: в 2000 г. еще удалось завоевать чуть больше – 19 мест, но дальше количество откатилось за десять. В 2012 г. партии досталось 2 места, а еще через десять лет в мае 2021 г. – всего лишь одно место из 465 в нижней палате парламента.

В отличие от социалистов, компартия сохраняет свое название. Партии советовали его изменить, чтобы она могла добиться больших успехов, но руководство партии отказывалось. «Если переименовать партию, она ничем не будет отличаться от других», говорил ее бывший председатель Сии Кадзуо[35]. Но и эта принципиальность не особенно помогает. На всеобщих выборах 25 июля 2000 г. партия добилась 20 мест, но уже через три года их было наполовину меньше – 9. С учетом быстрых перемен в новом столетии продолжалась работа по удалению из партийной программы, как считалось, устаревших формулировок. На XXII съезде была удалена фраза о партии как «авангардной». В пункте о ликвидации Сил самообороны уточнялось, что «в переходный период» в случае необходимости «используются существующие Силы самообороны в целях обеспечения безопасности народа»[36].

Однако политика постепенных точечных мер по приданию партии образа и идеологии, отвечающих веяниям новому времени, не дает желаемых результатов. На последующих выборах наблюдался дальнейший спад популярности партии – на выборах в октябре 2017 г. до 12 мест, а на самых последних выборах в октябре 2021 г. – до 10. Внеочередные всеобщие выборы в нижнюю палату парламента 27 октября 2024 г. КПЯ встретила с новым председателем партии. Спустя 23 года Сии Кадзуо покинул этот пост. 18 января 2024 г. на XXVIII съезде партии новым председателем впервые в истории партии стала женщина, – Тамура Томоко, 58 лет. Она закончила литературный факультет престижного университета Васэда со званием магистра наук. Во время учебы вступила в Лигу демократической молодежи Японии, молодежный отдел КПЯ, а потом и в саму партию.

[34] *Asahi Shimbun* 1996, November 07, p. 7.
[35] *Shūkan Asahi* 2015, January 02, p. 18.
[36] *Yomiuri Shimbun* 2000, November 26, p. 4.

Работала секретарем депутата парламента от КПЯ Исии Икуко – общественной деятельницы на поприще образования и воспитания, автора работ о творчестве Надежды Крупской.

На съезде была принята программа партии с изменениями, о которых уже шла речь. В ключевом пункте о частной собственности программа предусматривает не национализацию, а обобществление, причем лишь средств производства. КПЯ отмежевывается от советского опыта строительства социализма. В ней особо подчеркивается, что опыт строительства социализма в Советском Союзе и его «вассалов» в Восточной Европе, закончившийся поражением в 1989–1991 гг., не следует рассматривать как поражение социализма, а как «крах политики гегемонизма, бюрократизма и авторитаризма». «Революция [в России] изначально ставила своей целью построение социализма, однако в результате ошибочности выбора пути, по которому пошло ее руководство, советский народ превратился в общество угнетенных людей, ничего не имеющего общего с социализмом, и не удивительно, что это общество распалось»[37].

«...После смерти Ленина руководители страны, и прежде всего Сталин, отбросив принципы социализма, во внешней политике пошли по пути гегемонии, агрессии и подавления других народов, а во внутренней политике по пути бюрократизма и авторитаризма, лишая свой народ свободы и демократии. Это происходило под вывеской “социализма”, и поэтому ошибки обошлись особенно дорого, оказав негативное влияние на движение за мир и прогресс во всем мире». В случае прихода к власти компартия декларирует: «Строго гарантируется свобода разных идеологий и вероисповеданий, свобода политической деятельности противоборствующих партий. Предоставление определенной партии привилегий “руководящей” партии, придание определенному мировоззрению статуса “особой философии” – и все это под вывеской “социализма”, не имеет ничего общего с путем к социализму в Японии и решительно отвергаются».

Среди общих положений борьбы за мир и безопасность, против международного терроризма выделяется один конкретный пункт: «Партия ставит целью вернуть Курильские острова и острова Шикотан и Хабомаи – исторические земли Японии».

---

[37] Nihon kyōsantō kōryō 2020, January 18. Chapter 3.

Очистившись от «скверны» советского и китайского опытов и приспособив свою программу к универсальным ценностям свободы и демократии, партия сохраняет курс на борьбу за социально-политические преобразования в Японии с тем, чтобы «преодолев капитализм, перейти к решению задач социалистических преобразований, конечная цель которых строительство социализма и коммунизма»[38].

Помогут ли обещания новой программы компартии Японии избежать участи социалистов, находящихся на грани исчезновения? Удастся ли сохранить симпатии прежних сторонников и приобрести новых среди молодого поколения? Как признавался упоминавшийся бывший председатель партии Сии Кадзуо, «порой складывается впечатление, что мы бежим изо всех сил вверх по ступенькам движущегося вниз эскалатора»[39].

Библиографический список

Джордж, Г. (1907). «*Общественные задачи». С предисловием Л. Н. Толстого.* Москва: Посредник. № 659.

References

George, H. (1907). *Obshchestvennye zadachi. S predisloviem L. N. Tolstogo* [Social Problems. With the Foreword by Leo Tolstoy]. Moscow: Posrednik. № 659. (In Russian).

Itoya, T. (1979). *Nihon shakaishugi undō shisōshi: 1853–1922* [History of Japanese Socialist Movement Thought: 1853–1922]. Tōkyō: Hōsei daigaku. (In Japanese).

Nakamura, K. (1996). *Manshū jihen no shōgeki* [Impact of the Manchurian Incident]. Tōkyō: Keisō shobō. (In Japanese).

Scalapino, R. A. (1966). *The Japanese Communist Movement 1920–1966.* Berkeley: University of California Press.

Takeuchi, Y. (1967) *The Role of Marxism in Japan. I. Marxism in Meiji Era.* Retrieved from https://www.ide.go.jp/library/English/Publish/Periodicals/De/pdf/67_04_09.pdf

[38] Nihon kyōsantō kōryō 2020, January 18. Chapter 3.

[39] *Asahi Shimbun* 2013, October 27, p. 4.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 34–57
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 34–57
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-34-57

Образование как главный фактор социальной мобильности в Японии

И. П. Лебедева

Аннотация

В современном мире, в первую очередь, в развитых странах, главным фактором межпоколенческой социальной мобильности стало образование. По тому, усиливается или, наоборот, смягчается влияние «обстоятельств рождения» на доступ к образованию, социологи судят о степени открытости или жесткости социальной структуры. Хотя в Японии к настоящему времени высшее образование стало уже массовым, это не означает, что уменьшилась степень социального неравенства в этой сфере. Структурирование шансов детей на доступ к высшему образованию по линиям, разделяющим общество на разные социальные слои, начинается здесь еще на этапе обучения в школе – сначала в средней школе, а затем – в школе высшей ступени.

Неравенство шансов, формирующееся на стадии школьного образования, влияет и на выбор детьми и их родителями ранга университета, и на выбор специальности, а в дальнейшем – и на возможности трудоустройства, предопределяя, по сути, весь жизненный путь человека. Опираясь на работы известных японских социологов и материалы японской статистики, автор показывает, что японская система образования играет двоякую роль. С одной стороны, она предоставляет шансы оторваться от своих социальных корней и продвинуться по социальной лестнице все большему числу молодых людей, а с другой – консервирует и воспроизводит социальное неравенство.

По расчетам японских социологов, показатели относительной социальной мобильности, отражающей соотношение шансов на доступ к высшему образованию выходцев из разных слоев населения, на протяжении всего послевоенного периода отличались удивительной стабильностью. Это, с одной стороны, не подтверждает ставший расхожим тезис о нарастании неравенства в сфере образования в последние два-три десятилетия, а с другой – позволяет утверждать, что как прежде, так и теперь японское общество является *какуса сякай* или разделенным обществом. Однако нарастание в структуре

выпускников японских университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов дает основание предположить, что масштабы влияния фактора социального неравенства в сфере образования постепенно будут сокращаться.

Ключевые слова: социальная структура, социальное неравенство, образование, межпоколенческая мобильность, *какуса сякай.*

Автор: *Лебедева Ирина Павловна*, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Education as the Main Factor of Social Mobility in Japan

I. P. Lebedeva

Abstract

In the modern world, primarily in developed countries, education has become the main factor of intergenerational social mobility. Sociologists judge the degree of openness or rigidity of the social structure by whether the influence of "birth circumstances" on access to education increases or, conversely, softens. Although higher education has become widespread in Japan by now, this does not mean that the degree of social inequality in this area has decreased. Structuring children's chances of access to higher education along the lines dividing society into different social strata begins here at the stage of schooling – first, in secondary school, and then in high school.

The inequality of chances that forms at the stage of school education affects the choice of university rank and directions of specialization by children and their parents, employment opportunities in the future, determining, in fact, the entire life path of a person. Based on the works of famous Japanese sociologists and the data of Japanese statistics, the author shows that the Japanese education system plays a dual role. On the one hand, it provides a chance to break away from one's social

roots and move up the social ladder to an increasing number of young people. On the other hand, it preserves and reproduces social inequality.

According to calculations by Japanese sociologists, indicators of relative social mobility, reflecting the ratio of chances to access higher education for people from different backgrounds, were remarkably stable throughout the post-war period. On the one hand, this does not confirm the widely accepted thesis about the growing inequality in education in the last two or three decades. On the other hand, it allows us to assert that both before and now Japanese society is a *kakusa shakai*, or a gap society. However, the increase of the share of second-generation university degree holders in the structure of Japanese university graduates suggests that the scale of the influence of the factor of social inequality in education will gradually decrease.

Keywords: social structure, social inequality, education, intergenerational mobility, *kakusa shakai*.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В последние два десятилетия под влиянием заметных изменений, происходящих в экономике и обществе Японии, в центре внимания ученых, специалистов и общественности оказались вопросы о характере японского общества – о том, насколько открыта его социальная структура, насколько велико влияние социальных корней на жизненный путь человека, нарастает или, наоборот, снижается степень социального неравенства в ходе социально-экономического развития и т.д. Поскольку в современном мире, прежде всего, в высокоразвитых государствах, главным фактором, формирующим и меняющим социальный ландшафт, стало образование, в дискуссиях о характере японского общества центральное место заняли вопросы о том, насколько справедлива существующая система образования и способствует ли она сглаживанию социального неравенства. При этом, поскольку

полное среднее (12-летнее) образование получают сейчас практически все молодые японцы, речь идет главным образом о системе высшего образования. Рассмотрению некоторых аспектов этой проблемы и посвящена данная статья.

Образование и социальная мобильность

Прежде всего, следует отметить, что в Японии в силу особенностей демографической ситуации происходит непрерывное сокращение численности выпускников школ высшей ступени, т.е. потенциальных абитуриентов японских университетов. С 1 млн. 778 тыс. в 1990 г. их число сократилась до 1 млн 329 тыс. в 2000 г., 1 млн 69 тыс. в 2010 г. и 1 млн 37 тыс. в 2020 г. В 2022 фин. г. (т.е. по состоянию на 31 марта 2023 г.) высшую ступень средней школы закончили 990,2 тыс. японцев. Из них устроились на работу около 146 тыс. (14,7%), поступили в университеты 559,2 тыс. (59,4 %), а еще порядка 166 тыс. (16,8%) поступили в *сэммон гакко* – профессиональные колледжи, которые в последние годы стали особенно популярны, так как обучают профессиям (в основном техническим), пользующимся повышенным спросом на рынке труда[1].

Молодые люди, получившие полное среднее образование и решившие начать трудовую жизнь, без труда находят работу, так как численность этого контингента сокращается опережающими темпами. Так, если в 1990 г. на рынок труда вышли 736 тыс. выпускников школ высшей ступени (41,4% от их общего числа), то в 2000 г. – 239 тыс. (18,0%) , в 2010 г. – 169 тыс. (15,8%), в 2022 г. – 146 тыс. (14,%)[2]. Неудивительно поэтому, что коэффициент эффективного спроса на труд (показывающий соотношение между числом вакансий и числом лиц, ищущих работу) в этой категории особенно высок: в 2015 г. он составил 1,85, в 2018 г. – 2,53, в 2020 г. – 2,90, а в 2022 г. – 2,89[3].

---

[1] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

[2] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

[3] Rōdō tōkei yōran Reiwa 4 nen (Statistical Overview of the Ministry of Health, Labor and Welfare 2022).Table C-15: https://www.mhlw.go.jp/toukei/youran/indexyr_c_2.html 2022 c-15

Доля выпускников школ высшей ступени, поступающих в университеты, демонстрирует противоположную динамику. Если в 1990 г. она составляла 30,5%, в 2000 г. – 45,1%, в 2010 г. – 54,3%, то в последние годы уже вплотную приблизилась к 60%. В абсолютном же выражении число вновь принятых в вузы студентов возросло с 542 тыс. в 1990 г. до 599 тыс. в 2000 г., и затем стабилизировалось на уровне примерно 590 тыс. в год[4].

В последние три десятилетия в Японии происходило быстрое расширение сети частных университетов – их число увеличилось с 372 в 1990 г. до 620 в 2022 г., в том числе за счет преобразования трехгодичных *танки дайгаку* в полноценные четырехгодичные университеты. Возникли и новые префектурные и муниципальные университеты – их общее число возросло с 39 до 101. В результате к 2022 г. общее число высших учебных заведений Японии достигло 807, что на 300 единиц превысило показатель 1990 г.

Очевидно, что столь значительное расширение сети университетов с лихвой перекрыло реальные потребности в их образовательных услугах, результатом чего стало повышение доступности высшего образования в плане облегчения условий поступления. Конечно, это не относится к ведущим вузам страны, где, как и прежде, сохраняются высокая конкуренция и жесткий отбор. Но в целом ситуация, безусловно, стала более благоприятной для абитуриентов. Об этом можно судить, в частности, по такому показателю, как соотношение между числом поданных на поступление заявок и числом принятых студентов: в 1990 г. оно составило 1,93, в 2000 г. – 1,29, в 2010 г. – 1,16, в 2020 г. – 1,12 , в 2022 г. – 1,02. Похоже, что уходит в историю и такое прежде типичное следствие «экзаменационного ада», как *ронины*, т.е. потерпевшие неудачу абитуриенты, предпринимающие попытку повторного поступления через год. С 278 тыс. в 1990 г. их число сократилось до 145 тыс. в 2000 г., 84 тыс. в 2010 г. и 69 тыс. в 2020 г., а в 2022 г. составило всего лишь 766 человек[5].

---

[4] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 10: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

[5] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 11: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

Объективные условия для быстрого распространения высшего образования в Японии создает спрос на рабочую силу более высокого уровня образования и квалификации со стороны высокотехнологичной японской экономики. Это, в частности, проявляется в различиях в размерах начальной заработной платы выпускников с разным уровнем образования (табл. 1).

Таблица 1. Размеры начальной заработной платы выпускников (тыс. иен в месяц, 2022 г.)

Уровни образования							
Высшая ступень средней школы		Технологический колледж, *танки дайгаку*		Университет		Аспирантура	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
183,4	177,6	204,1	201,8	229,7	227,2	271,9	256,9

Источник: Nihon tōkei nenkan 2024 [Japan statistical yearbook]. Table 19–11. https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/73nenkan/1431-19.html

Так рынок оценивает выпускников с разным уровнем образования, и эти различия служат одновременно и стимулом к получению высшего образования. Кроме того, шансы на трудоустройство в качестве постоянного работника также выше для лиц с университетским образованием, что в условиях Японии, где существует значительный разрыв между постоянными и непостоянными работниками в оплате труда, объеме социальных гарантий, возможностях для карьерного роста и т.д., имеет особое значение. Так, например, в 2018 г. среди выпускников средних школ (9-летних) место постоянного работника получили 11,7%, среди закончивших высшую ступень средней школы – 61,9%, среди выпускников технологических колледжей и *танки дайгаку* – 74,7%, среди закончивших университеты – 79,1%[6].

Однако едва ли не самым главным фактором быстрого распространения высшего образования стали сформировавшиеся в после-

[6] Yakunen koyō jittai-ni tsuite Heisei 30 nen (About the situation in the Employment of Young People 2018) https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/4-21c-jyakunenkoyou-h30_08.pdf

военный период и укоренившиеся в общественном сознании представления о том, что хорошее образование – это главное условие достижения успеха в жизни и продвижения вверх по социальной лестнице. Специалисты характеризуют японское общество термином *гакурэки сякай*, что можно перевести как «общество, ориентированное на получение свидетельств об образовании». И оно полностью оправдывает такую характеристику.

Опросы показывают, что значительная часть родителей японских школьников хотели бы дать своим детям как можно более высокое образование, хотя при этом прослеживаются очевидные различия между позициями представителей разных социальных групп. Например, среди семей, где оба родителя имеют высшее образование, к этому стремятся 87%, среди семей, где высшее образование получил один из родителей – 74%, а среди семей, где оба родителя без высшего образования – лишь 50%. Эти различия отражаются и на устремлениях самих учеников. Так, к концу третьего года обучения в средней школе (т.е. накануне поступления в среднюю школу высшей ступени) среди учеников, у которых оба родителя имеют высшее образование, намерены в будущем поступить в университет ¾, среди тех, у кого высшее образование имеет один из родителей – 55%, а среди детей из семей, где ни один из родителей не имеет высшего образования – лишь 1/3 [Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku 2021, p. 49].

Как отмечает профессор Мацуока, в целом японская система образования более справедлива и равноправна, чем во многих других странах. Благодаря введению системы всеобщего обязательного 9-летнего образования, опирающейся на государственное финансирование, дети в самых отдаленных районах страны имеют возможность получить образование того объема и того уровня, которые определены государственными стандартами. Эти стандарты относятся и к уровню квалификации учителей, требования к которым одинаковы во всех школах [Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku 2021, p. 50–51].

Однако, равенство шансов на получение стандартного среднего образования не означает равенства в доступе к учебным заведениям более высокого уровня, прежде всего, к университетскому образованию. Показательно, что несправедливость в отношении шансов детей на получение высшего образования отмечают японцы, принадлежащие к разным социальным группам, хотя степень поддержки этого тезиса в целом снижается по мере повышения уровня образования

респондентов. Так, в случае, когда оба родителя имеют либо среднее, либо полное среднее образование, согласны с тем, что шансы на получение высшего образования неравны, 73,9%; в случае, когда один из родителей имеет образование на уровне *танки дайгаку* или *сэммон гакко,* это мнение разделяют 64,3%; в случае, когда высшее образование имеет один из родителей, степень поддержки этого тезиса составляет 69%, а когда высшее образование имеют оба родителя – 66,1% [Kyōiku to shakai kaisō 2018, p. 127].

Как показывает вся послевоенная история Японии, возможности получения высшего образования зависят от комбинации целого ряда факторов, главными из которых являются экономическое положение семьи, социальный статус ее главы (профессия отца) и уровень образования родителей. В то же время нельзя сказать, что эти факторы напрямую влияют на возможности детей из разных социальных страт получить высшее образование, поскольку меритократический характер японской системы школьного образования, т.е. ориентация на оценку прежде всего личных достижений учеников, создает условия для поступления в университеты и выходцев из семей, располагающихся на нижних этажах социальной структуры. Наглядным подтверждением этому являются приведенные выше данные о быстром нарастании доли выпускников высшей ступени средней школы, поступающих в университеты.

Тем не менее, данные табл. 2 свидетельствуют о весьма высокой корреляции между социально-экономическим положением семей и шансами детей на получение высшего образования.

Таблица 2. Доля детей, поступающих в университеты, в зависимости от социально-экономического положения их семей (%)*

Доход семьи (млн иен в год)	Уровень образования родителей			
	Оба родителя с высшим образованием	Один из родителей с высшим образованием	Один из родителей со средним специальным образованием или *танки дайгаку*	Оба родителя либо со средним, либо с полным средним образованием
До 3,75	-	43,2	29,4	24,7

От 4 до 6,75	-	66,7	37,3	18,9
От 7 до 9,25	75,0	73,7	44,2	34,0
Свыше 11,25	86,4	71,7	44,0	43,5

Источник: [Kyōiku to shakai kaisō, 2018 p. 118].

* Расчеты сделаны проф. К. Хирасава на основании данных SSM 2015. Выбраны наиболее типичные по уровню дохода группы семей. Социальный статус семьи в данном случае ассоциируется с уровнем образования родителей.

Как показывают данные таблицы, при всех различиях в доступности высшего образования для выходцев из разных социальных слоев, даже семьи, занимающие нижние ступени социальной структуры, стремятся по возможности направить своих детей в университеты. Поэтому состав японского студенчества постепенно меняется, становясь все более демократичным, хотя этот процесс нельзя назвать линейным.

Таблица 3. Изменение состава японцев по уровню образования (по возрастным когортам, %)

	Возрастные когорты по годам рождения					
	1985–1994	1975–1984	1965–1974	1955–1964	1945–1954	1935–1944
Второе поколение выпускников университетов	28,6	21,6	12,6	10,5	6,2	4,2
Первое поколение выпускников университетов	22,5	24,4	27,5	28,0	17,6	11,1
Лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование)	9,0	8,7	4,4	4,2	3,7	5,2

Лица, не имеющие высшего образования	39,9	45,3	55,4	57,3	72,5	79,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Shyōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2 2021, p. 124].

Используя данные Social Stratification and Social Mobility Survey (SSM) – масштабного социологического обследования, которое проводится в Японии раз в десять лет, начиная с 1955 г., профессор Осакского университета Т. Киккава проанализировал изменения в структуре образования японцев, рожденных в периоды 1935–1944 гг., 1945–1954 гг., 1955–1964 гг., 1965–1974 гг., 1975–1984 гг. и 1985–1994 гг., выделив следующие четыре группы: второе поколение выпускников университетов; первое поколение выпускников университетов; лица, получившие образование ниже уровня образования их отцов (имеющих высшее образование); лица, не имеющие высшего образования.

В табл. 3 приводятся результаты расчетов профессора Т. Киккава. Поскольку распространение высшего образования вело к росту среди глав японских семейств лиц с высшим образованием, происходил и рост в общем числе выпускников университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов [Shyōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2 2021, p. 124]:

Доля в общем числе выпускников университетов второго поколения (по годам рождения, %)

1935–1944	1945–1954	1955–1964	1965–1974	1975–1984	1985–1994
27,5	26,1	31,3	41,9	47,0	56,0

В то же время повышение в структуре выпускников университетов доли первого поколения, т.е. выходцев из более низких социальных слоев, означает, что в послевоенный период миллионы молодых японцев благодаря получению высшего образования смогли оторваться от своих классовых корней и занять в социальной структуре более высокое, чем их отцы, положение. Этот процесс отражает масштабы абсолютной мобильности по образованию, которая была особенно активной в поколениях, родившихся в период 1955–1974 гг., т.е. в период

быстрых темпов экономического роста, когда в стране происходила бурная индустриализация и урбанизация и высокими темпами росли доходы населения (т.е. их отцов). Взросление этих поколений также пришлось на весьма благоприятный с точки зрения экономической ситуации период.

Наряду с абсолютной мобильностью для анализа сдвигов в социальной организации специалисты используют и такой показатель, как относительная мобильность. В отношении образования она измеряет степень различий в возможностях получения высшего образования между выходцами из разных социальных групп, показывая в какой степени на эти возможности влияют их социальные корни. Как замечает профессор Токийского университета Х. Исида, образование – это, с одной стороны, инструмент, с помощью которого люди из непривилегированных слоев переходят в более высокий статус, а с другой – функция воспроизводства классовых позиций в следующих поколениях, поскольку преимущества привилегированных слоев в плане обеспечения образования для своих детей дают последним возможность сохранить свои классовые позиции [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1 2021, p. 10].

Ведущие японские специалисты сходятся во мнении, что вопреки получившим в последнее время широкое распространение представлениям о нарастании неравенства в сфере образования, на протяжении всего послевоенного периода не наблюдалось ни заметного усиления, ни заметного ослабления влияния социальных корней на возможности получения образования людьми, принадлежащими к разным социальным слоям. Так, по расчетам профессора Т. Киккава, соотношение шансов на получение высшего образования второго и первого поколений выпускников университетов менялось следующим образом (по когортам рождения): 1935–1944 гг. – 3,39; 1945–1954 гг. – 4,15; 1955–1964 гг. – 3,389; 1965–1974 гг. – 3,876; 1975–1984 гг. – 3,448; 1985–1994 гг. – 4,391 [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1 2021, p. 124]. Таким образом, заключает Т. Киккава, модель относительной мобильности не претерпела каких-либо существенных изменений, возможности получения высшего образования в Японии по-прежнему неравны, и в самой молодой когорте шансы второго поколения выпускников в четыре раза превосходят шансы первого поколения.

Такой же позиции придерживается и профессор Х. Исида, подчеркивая, что распространение высшего образования в послевоенной

Японии не сопровождалось сколько-нибудь заметным сокращением различий между классами в плане его доступности, и что роль образования как медиатора между наследованием классовых позиций и межпоколенческой мобильностью с течением времени не ослабела, но и не усилилась [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1. 2021, p. 30].

Профессор токийского университета Т. Накамура, поддерживая это положение, в то же время отмечает, что стабилизация модели относительной социальной мобильности не означает, что не происходит никаких изменений. В частности, сопоставляя данные SSM за 2005 г. и 2015 г., он делает вывод о том, что в самых молодых поколениях корреляция между уровнем образования (измеряемого числом лет обучения) и социальными корнями (доход и профессия отца) по всем уровням образования несколько ослабела (за исключением слоя 20-29-летних молодых людей, чьи отцы занимают высшие позиции в иерархии профессий) [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1, 2021, p. 45, 48].

Таким образом, расчеты и сделанные на их основании выводы японских ученых, по меньшей мере, не подтверждают тезис о том, что в последние два-три десятилетия произошло усиление неравенства в доступе к высшему образованию. Но в то же время, при всех изменениях, происшедших в японском обществе в послевоенный период, начиная с демократизации системы образования в ходе послевоенных реформ и кончая значительным расширением сети университетов и сокращением численности молодых японцев, как прежде, так и сейчас шансы на получение высшего образования структурируются по горизонтальным линиям, делящим общество на классы и страты. В этом смысле японское общество всегда представляло собой *какуса сякай* или разделенное общество (*gap society*).

Социально-экономическое положение семьи влияет не только на возможности детей получить высшее образование, но и на выбор ранга университета учениками и их родителями. В Японии существуют университеты самого разного уровня. Есть элитные государственные и частные вузы, выпускники которых попадают в центральные государственные ведомства и крупнейшие компании и банки. В то же время есть и университеты, выпускники которых не только не могут претендовать на подобное трудоустройство, но и получают зарплату на уровне зарплаты выпускников *сэммон гакко* или *танки дайгаку*. Причем, как отмечает профессор В. Фуруда, с течением времени эти различия не стираются [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 96].

Одной из главных целей получения высшего образования является повышение шансов молодых людей на удачное, перспективное трудоустройство. На основе анализа материалов SSM с 1965 г. по 2015 г. В. Фуруда попытался определить, в какой степени ранг университета влияет на возможности карьерного роста в качестве управленцев (*канрисёку*) и специалистов (*сэммонсёку*), которые считаются наиболее престижными карьерными треками. При этом университеты он поделил на две группы: наиболее престижные и известные (I ранг) и все остальные (II ранг). Объектом анализа стали мужчины в возрасте от 25 до 64 лет. Женщины были исключены из анализа, так как из-за замужества и рождения детей они часто оставляют работу, и их карьерный трек проследить сложнее.

Общие выводы, к которым пришел японский ученый, можно суммировать следующим образом. Ситуация с трудоустройством выпускников университетов складывалась по-разному на протяжении рассматриваемых пяти десятилетий, на что в немалой степени влияло состояние конъюнктуры. В связи с этим структура их трудоустройства и карьерного роста довольно заметно различается по когортам рождения и возрастным группам. Поскольку рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на этом вопросе, рассмотрим, как складывалась ситуация по двум возрастным группам – 25–34 года и 35–44 года и трем когортам рождения – 1961–1970 гг., 1971–1980гг. и 1981–1990 гг. Если говорить о поколении 25–34-летних мужчин, т.е. о возрасте, на который приходится начальный этап карьерного роста, то различия между выпускниками университетов первого и второго ранга достаточно заметны. Если среди первых на места управленцев и специалистов устраивались примерно 50–60%, то среди вторых – порядка 1/3. При этом в обеих группах наблюдалась тенденция к сокращению возможностей карьерного роста в качестве управленцев, а что касается специалистов, то этот карьерный трек был гораздо более доступен для выпускников университетов первого ранга. Так, в самой молодой когорте (1981–1990 гг. рождения) места специалистов получили порядка половины выпускников университетов первого ранга и менее четверти выпускников университетов второго ранга.

Что касается 35–44-летних мужчин, т.е. возраста, когда карьерные треки уже вполне определены, то для двух последних когорт (1961–1970 гг. и 1971–1980 гг. рождения) прослеживаются следующие тенденции. Во-первых, сохраняются различия между двумя группами

выпускников в плане доступности карьеры управленцев и специалистов. Если в когорте родившихся в 1961–1970 гг. эти различия незначительны (в обеих группах эти места занимали около 60% выпускников при практически одинаковом соотношении между управленцами и специалистами), то в когорте родившихся в 1971–1980 гг. положение дел заметно меняется. Карьерные возможности первой группы расширяются, в том числе и в качестве управленцев, а второй группы – сокращаются. Если в первой группе эти места занимали порядка 2/3 выпускников, то во второй – менее 40% [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 100]. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что должность *бутё* (руководителя отделения) в гораздо большей степени доступна выпускникам университетов первого ранга, чем второго. Для последних обычно пиком карьерного роста в качестве управленца становится должность *катё* (руководителя отдела).

Ухудшение ситуации для выпускников университетов второго ранга профессор В. Фуруда объясняет их переизбытком вследствие значительного расширения сети частных университетов в последние десятилетия. Из-за этого часть из них вынуждена либо устраиваться на места синих воротничков, либо поступать в *сэммон гакко*, чтобы получить востребованную рынком профессию.

Социально-экономическое положение семьи оказывает влияние на выбор не только ранга университета, но и будущей профессии. К такому выводу приходит в своем исследовании профессор И. Мори. Для анализа она использует материалы SSM за 2005 г. и 2015 г. В соответствии с социально-экономическим положением семьи (определяемым уровнем дохода, профессией отца и уровнем образования родителей) И. Мори выделила восемь групп, различающихся по такому критерию, как «степень легкости» поступления в университет (объект анализа – мужчины и женщины, родившиеся после 1960 г). Далее она проанализировала, какова вероятность в каждой из групп трудоустройства на места специалистов и насколько они различаются между собой по направлениям специализации. Разумеется, наиболее высокая степень «легкости поступления» характерна для выходцев из семей, занимающих престижное положение в социальной структуре, а к «испытывавшим трудности при поступлении» относятся, главным образом, выходцы из непривилегированных слоев, в частности, представители первого поколения выпускников университетов.

Вот к каким выводам пришла И. Мори. И для мужчин, и для женщин вероятность получения по окончании университета должности специалиста в тенденции возрастает по мере повышения социально-экономического статуса их семей. Так, если в первых двух группах (с наиболее низким социальным статусом) среди мужчин доля трудоустроившихся на места специалистов составила 36% и 17%, а среди женщин – 28% и 27%, то в 7 и 8 группах (с наиболее высоким социальным статусом) – соответственно 41% и 46%, 31% и 35% [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1, 2021, p. 141]. И. Мори объясняет эти различия тем, что представители этих групп заканчивают разные по степени престижности и известности университеты.

Что касается направлений специализации, то для тех, чье поступление в университет было облегчено в силу высокого социально-экономического положения их семей, больше характерна ориентация на получение «широких знаний» и выбор таких профессий, как врач, дантист, аудитор, финансист, преподаватель университета. Что же касается тех, кому поступить было непросто, то они демонстрируют четкую ориентацию на получение в университете профессиональных знаний и квалификации в областях, востребованных реальной экономикой. Мужчины выбирают технические или научно-технические специальности в таких областях, как общее машиностроение, электромашиностроение, строительство, землеустройство, информатика. Среди женщин популярны профессии школьных учителей, воспитателей детских садов, а также специальности, востребованные в системе социального обеспечения и медицинского обслуживания [Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2, 2021, p. 143–144].

Иными словами, социальные корни влияют не только на распределение молодых японцев по университетам разного ранга, но и на то, какими будут их карьерные треки и в каких секторах и сферах экономики они будут работать.

Механизм воспроизводства неравенства в системе образования

Как отмечалось выше, в Японии введено бесплатное обязательное 9-летнее образование, однако это не означает, что семьи японских школьников не несут никаких расходов на этом этапе обучения, причем это относится не только к частным школам (что само собой

разумеется), но и к государственным. Об уровне этих расходов дают представление материалы табл. 4.

Таблица 4. Расходы семей на образование учеников средней школы и высшей ступени средней школы (2021 г., тыс. иен в год)

Расходы	Средняя школа		Высшая ступень средней школы	
	государственные	частные	государственные	частные
школьное обучение	132,3	1061,4	309,3	750,4
внешкольное обучение	368,8	367,8	203,7	304,1

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Как показывают данные таблицы, расходы родителей на школьное образование в частных школах в разы превышают расходы в государственных: в средней школе – в 8 раз, а на следующей ступени – в 2,5 раза. Это связано с различиями не только и не столько в объеме и качестве образовательных услуг, сколько в общих условиях пребывания детей в школе. Однако в силу того, что основная часть детей обучается в муниципальных средних школах и лишь незначительная часть – менее 8% – в частных[7], влияние этих различий на ситуацию в сфере образования ограничено.

На этом этапе основную роль в воспроизводстве социального неравенства в сфере образования играет система дополнительного, внешкольного образования. Она включает три формы – *дзюку*, репетиторство и заочные курсы, причем львиную долю образовательных услуг предоставляют *дзюку*.

Дзюку начинались с небольших частных школ, которые создавали директора и/или преподаватели местных учебных заведений для

[7] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 1: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm Данные за 2022 г. В начальных частных школах обучается менее 1% детей.

проведения дополнительных занятий с определенной частью учеников. Однако постепенно их сеть все больше разрасталась и разветвлялась, и сейчас *дзюку* представляют собой крупную индустрию, состоящую из организаций самого разного типа. На рынке образовательных услуг *дзюку* доминируют порядка 80 крупных компаний, некоторые из которых имеют более сотни отделений и оперируют в масштабах всей страны. Их посещают более половины всех школьников, обучающихся в системе дополнительного образования. Они применяют одинаковые стандарты обучения и используют собственные методические материалы, гарантируя предоставление качественных образовательных услуг. Наряду с крупными *дзюку* на этом рынке функционируют сотни мелких и средних фирм, а также индивидуальных предприятий (собственниками которых являются директора или ведущие преподаватели местных школ) [Enrich 2018, p. 60].

Распространено мнение, что *дзюку* служат, прежде всего, для подготовки учеников к вступительным экзаменам для поступления в учебные заведения следующей ступени (сначала – в средние школы высшей ступени, затем – в университеты). Однако в действительности их функции гораздо шире. Начиная с начальной школы, родители прибегают к услугам *дзюку*, чтобы помочь детям в подготовке домашних заданий, лучше усвоить и углубить знания, которые они получают в школе. Согласно обследованию министерства образования, примерно 10–12% учеников начальной школы и 17–20% учеников средней школы посещают *дзюку,* чтобы повысить успеваемость в школе, а еще 40% – чтобы готовить домашние задания, повторять и углублять школьную программу. Роль *дзюку* в подготовке к вступительным экзаменам резко возрастает на третьем году обучения в средней школе, т.е. перед поступлением в среднюю школу высшей ступени. На этом этапе порядка 2/3 учеников, посещающих *дзюку,* концентрируются на подготовке к вступительным экзаменам [Enrich 2018, p. 58]. Эта подготовка предусматривает не только углубление академических знаний, но и овладение техникой прохождения экзаменов. Более того, репетиция экзаменов с использованием экзаменационных тестов прошлых лет помогает детям и их родителям объективно оценить свои возможности при выборе той или иной школы высшей ступени.

В принципе *дзюку* представляют собой структуру, обучение в которой доступно ученикам из самых разных социальных слоев. Это связано с гибкой системой организации занятий: дети и их родители

могут выбрать не только наиболее подходящее время для занятий, но и предметы для изучения и размеры групп учеников (начиная с индивидуальных занятий и кончая классами разных размеров). Понятно, что на этот выбор не может не влиять социально-экономическое положение семей, так как занятия в *дзюку* платные. Правда, отчасти в целях рекламы, отчасти в стремлении действительно поддержать способных детей из небогатых семей в последнее время некоторые крупные *дзюку* стали снижать плату за их обучение, а в отдельных случаях – даже выплачивать им стипендии [Enrich 2018, p. 267]. Но масштабы такой практики незначительны.

Как показывают данные табл. 4, средние расходы на *дзюку* семей школьников, обучающихся в государственных школах, ничуть не уступают расходам на эти цели привилегированных семей, чьи дети учатся в частных школах. Это связано с тем, что все те, кто стремится дать своим детям «как можно более высокое образование», используют обучение в *дзюку* как инструмент, повышающий шансы на поступление в наиболее известные школы высшей ступени. Подтверждением этому служит, в частности, значительной рост доли детей, обучающихся в частных школах высшей ступени, которые все больше конкурируют с государственными как в плане общего уровня образования, так и по такому важному критерию, как доля поступающих в университеты выпускников. Если в 2010 г. в частных школах обучались 29,7% старшеклассников, то в 2022 г. – уже 34,3%[8].

О том, насколько возможности использования внешкольного образования зависят от материального положения семей, можно судить по данным табл. 5.

Таблица 5. Расходы на внешкольное образование в зависимости от годового дохода семьи (по муниципальным школам)

Доход семьи, млн иен в год	менее 4	4-5,99	6-7,99	8-9,99	10-11,99	свыше 12

[8] Mombu kagaku tōkei yōran Reiwa 5 nen (Statistical Overview of the Ministry of Education, Science and Technology 2023). Table 1: https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00008.htm

Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год	215	253	283	273	398	502

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Различия примерно того же порядка наблюдаются и в отношении расходов семей на *дзюку* на завершающем этапе школьного образования, т.е. в период обучения детей в школах высшей ступени (табл. 6).

Таблица 6. Расходы на внешкольное образование в зависимости от годового дохода семьи (по муниципальным и частным школам)

Доход семьи, млн иен в год	менее 4	4-5,99	6-7,99	8-9,99	10-11,99	свыше 12
Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год, муниципальные школы	99	124	156	211	246	361
Расходы на внешкольное образование, тыс. иен в год, частные школы	147	150	163	226	297	494

Источник: Kodomo no gakushūhi chōsa 2021 [Survey of Expenditures on Children Education] https://www.mext.go.jp/content/20221220-mxt_chousa01-000026656_1a.pdf

Как мы отмечали в одной из ранее опубликованных статей, «то, в какие школы высшей ступени попадают ученики, имеет в Японии особое значение, поскольку в течение долгих десятилетий сформировались устойчивые закономерности: из наиболее престижных школ выпускники поступают в наиболее известные университеты, из школ более низкого ранга – в менее известные университеты, а из рядовых школ – в основном выходят на рынок труда. … Иными словами, жизненные пути молодых японцев во многом зависят от того, в какую школу высшей ступени они смогут попасть» [Лебедева 2020, с. 109].

Как показывают данные табл. 6, независимо от типа и ранга школы для повышения шансов детей на поступление в университет родители используют и обучение в *дзюку*, причем влияние материального положения семьи на объем расходов на эти цели на этом этапе даже возрастает. На наш взгляд, это объясняется тем, что к этому времени и родители, и сами ученики уже сделали выбор относительно дальнейшей судьбы последних. Небогатые семьи стремятся оптимизировать расходы на образование и не ставить недостижимых целей. Напротив, наиболее обеспеченные семьи стремятся использовать все возможности для обеспечения поступления своих детей в самые престижные вузы с тем, чтобы они могли наследовать высокое социально-экономическое положение. Тем самым уже на этом этапе формируются разные жизненные треки для выходцев из разных социальных слоев. Одни поступают в престижные университеты, другие – в менее известные вузы, третьи выбирают *танки дайгаку* или *сэммон гакко,* а часть выходит на рынок труда.

Понятно, что не только академические достижения школьников влияют на выбор университета того или иного ранга, но и размеры платы за обучение. Во всех государственных, префектурных и муниципальных университетах цены на образовательные услуги едины и достаточно умеренны (в 2020 г. 535 тыс. иен в год), из-за чего в ведущих государственных вузах страны сохраняется высокий конкурс и жесткий отбор. В частных университетах наблюдается огромный разброс цен – они зависят не только от престижности вуза, но от факультета (особенно дорого стоит образование на медицинских факультетах, где годовая плата доходит до 6,5 млн иен в год). Влияние платности высшего образования на его доступность усиливает то обстоятельство, что в отличие от ряда западных стран в Японии слабо развита как система предоставления кредитов на образование,

так и выплата стипендий студентам из малообеспеченных семей. Скорее всего, это связано с глубоко укоренившимся представлением, что оплата высшего образования детей является едва ли не священной обязанностью родителей.

От материальных возможностей семьи зависит не только выбор ранга университета, но и, как было показано в первой части статьи, само принятие решения о поступлении ребенка в университет (табл. 2). Причем значение этого фактора еще больше возрастает при принятии решения относительно высшего образования второго ребенка, о чем можно судить по приводимым ниже данным (табл. 7).

Таблица 7. Доли семей, дающих высшее образование одному и двум детям (в зависимости от социально-экономического положения), %*

Годовой доход, млн иен	Уровень образования родителей							
	оба родителя с высшим образованием		один из родителей с высшим образованием		один из родителей с образованием *танки дайгаку* или *сэммон гакко*		оба родителя со средним или полным средним образованием	
	I	II	I	II	I	II	I	II
менее 3,75	-	-	55,0	31,3	50,0	14,3	37,5	11,0
4-6,75	-	-	88,4	50,0	55,0	23,5	32,7	6,7
7-9,25	86,8	75,0	86,8	60,4	62,5	25,8	54,3	19,5
свыше 11,25	100,0	75,0	90,9	56,8	66,7	26,1	68,2	30,0

Составлено по: [Kyōiku to shakai kaisō 2018, p. 119].

*I – доли семей, где высшее образование получает один ребенок; II – доли семей, где оба ребенка получают высшее образование.

Понятно, что на принятие решения относительно высшего образования второго ребенка помимо экономического положения и социального статуса семьи оказывают влияние и другие факторы,

в частности, пол ребенка. Но в целом данные таблицы говорят о том, что уровень дохода играет в этом решающую роль. Между тем с этой проблемой рано или поздно сталкивается значительная часть японских семей, так как, несмотря на заметное сокращение среднего числа детей в семьях за последние десятилетия, немалая их часть и сейчас имеет по два ребенка и больше. Так, по данным за 2021 г. в половине семей (50,8%) насчитывалось по два ребенка, а в каждой пятой – по три и больше[9]. Японские социологи полагают, что сложности, с которыми сталкиваются японские семьи в стремлении дать детям достойное образование, являются одним из главных факторов снижения рождаемости в стране.

Заключение

Таким образом, система высшего образования Японии, будучи главным фактором социальной мобильности, играет двоякую роль. С одной стороны, благодаря быстрому распространению высшего образования и превращению его в последние годы в массовое нарастает число «мигрантов», отрывающихся от своих социальных корней и переходящих на более высокие ступени социальной структуры (в класс белых воротничков). Иными словами, высшее образование выступает в качестве мощного фактора абсолютной социальной мобильности.

Но что касается относительной социальной мобильности, т.е. соотношения шансов на получение высшего образования выходцами из разных социальных слоев, то расчеты японских ученых показывают, что в этом плане никаких существенных изменений не происходит. Как прежде, так и теперь доступ к высшему образованию, шансы на поступление в известный университет в значительной степени зависят от социально-экономического положения семьи, прежде всего, от ее финансовых возможностей. При этом социальные различия начинают структурировать эти шансы еще в средней школе, а затем и в школе высшей ступени, а главным инструментом консервации социального неравенства на этом этапе выступает система внешкольного образования (*дзюку*).

[9] Dai jurokkai shussei dōkō kihon chōsa. Kekka no gaiyū [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 43. *National Institute of Population and Social Security Research.*: https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf

Неравенство шансов, формирующееся на стадии школьного образования, влияет и на выбор ранга университета, и на выбор специальности, а в дальнейшем – и на возможности трудоустройства, предопределяя, по сути, весь жизненный путь человека. В результате, предоставляя шансы продвинуться по социальной лестнице все большему числу молодых людей, японская система образования в то же время консервирует и воспроизводит социальное неравенство. Ведь то, как складываются их жизненные пути, какое место они могут занять в социальной иерархии, в значительной степени зависит от их социальных корней, от того, к какому социальному слою принадлежат их семьи. Однако, нарастание в структуре выпускников японских университетов доли второго поколения обладателей университетских дипломов дает основание предположить, что масштабы влияния фактора социального неравенства в сфере образования постепенно будут сокращаться.

Библиографический список

Лебедева И. П. (2020) Образование и стартовые возможности японской молодежи. *Ежегодник Япония.* Т. 49. С. 86–120. https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004

References

Enrich, S. R. (2018). *Shadow Education and Social Inequalities in Japan. Evolving Patterns and Conceptual Implications*. Heidelberg: Springer.

Genjō de tsutaeru kyōiku shakaigaku [Sociology of Education in Practice]. (2021). Nakamura T., Matsuoka R. (eds.) Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).

Kyōiku to shakai kaisō [Education and Social Stratification]. (2018). Nakamura T., Hirasawa K., Aramaki S., Nakazawa W. (eds.) Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).

Lebedeva I. P. (2020). Obrazovanie i startovye vozmozhnosti yaponskoi molodezhi [Education and Starting Opportunities of Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 49, 86–120. https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004 (In Russian).

Shirahase, S. (ed.). (2022). *Social Stratification in an Ageing Society With Low Fertility Rate*. Singapore: Springer.

Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 1. Jinsei shōki no kaisū kōzō [Social Structure in the Aged Society With Low Fertility. The Structure of Stratification in the First Stage of Life]. (2021). Nakamura T., Miwa S., Ishida H. (eds.) Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Shōshi kōrei shakai no kaisō kōzō 2. Jinsei chūki no kaisō kōzō [Social Structure in the Aged Society With Low Fertility. The Structure of Stratification in the Middle Stage of Life]. (2021). Kikkawa T., Satō Y., Watanabe T. (eds.) Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 58–86
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 58–86
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-58-86

Социокультурные аспекты привлечения иностранной рабочей силы в сферу услуг Японии

П. В. Кульнева

Аннотация

Статья посвящена социокультурным аспектам привлечения иностранной рабочей силы в сферу услуг Японии в условиях, когда японская экономика сталкивается с рекордной за свою послевоенную историю нехваткой рабочей силы. Этот процесс анализируется с точки зрения открытости или закрытости японского общества для взаимодействия с другими культурами, с учётом свойственной Японии модели заимствования элементов внешних культур и в взаимосвязи с проблемой национальной идентичности, определяющейся принадлежностью нации к определённым культурным традициям. Японский сервис рассматривается как уникальный социокультурный феномен, а сфера услуг – как поле межкультурного взаимодействия, которое позволяет проиллюстрировать готовность Японии к открытию внешнему миру на современном этапе.

Автор ставит своей целью показать, на примере японской индустрии гостеприимства, взаимодействие японских и неяпонских ценностей, связанных с данной сферой экономической деятельности, и по возможности полно раскрыть социокультурные аспекты экономических проблем, стоящих в настоящее время перед сферой услуг Японии. Для этого в первой части работы рассмотрен процесс развития японского сервиса после войны от постепенного роста доли сферы услуг в ВВП страны до выдвижения традиционной концепции *омотэнаси* на международном уровне как уникального способа приёма гостей летней Олимпиады 2020 в Токио. Во второй части проведён анализ кризисных явлений на японском рынке труда и показано, как они отражаются на функционировании сферы услуг в настоящее время. Третья часть посвящена последствиям сложившейся ситуации и усилиям, которые прилагают японские компании для сохранения уровня сервиса в смешанной социокультурной среде.

Автор приходит к выводу, что как японские компании, так и правительственные ведомства, отвечающие за разработку иммиграционной политики, ведут себя достаточно осторожно, стремясь минимизировать внешнее воздействие на сервисные отрасли. Для компаний при этом важно сохранить привычный в японском обществе уровень обслуживания, а для правительства – защитить национальные интересы в экономической и политической сфере. В условиях неизбежного роста межкультурного взаимодействия японская сторона при этом предпочитает опираться на концепт *омотэнаси*, рассматривая его как мост между культурами.

Ключевые слова: сфера услуг Японии, концепция «омотэнаси», мягкая сила Японии, культура и национальная идентичность, рынок труда Японии, иммиграционная политика Японии, межкультурная коммуникация, японское общество.

Автор: *Кульнева Полина Викторовна*, к.э.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
E-mail: kpoline@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-8699-5568

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sociocultural Aspects of Attracting Foreign Labor to the Japanese Service Sector

P. V. Kulneva

Abstract
The article focuses on the sociocultural aspects of attracting foreign labor to the Japanese service sector in light of the current labor shortage in Japan. The process of attracting foreign labor is analyzed in terms of Japan's openness to interacting with other cultures and considering the Japanese model of borrowing and processing the elements of external cultures. The Japanese service model is viewed as a unique sociocultural phenomenon and a field of intercultural interaction that demonstrates Japan's readiness to engage with the global community.

The author aims to illustrate, using the Japanese hospitality industry as an example, the interaction between Japanese and non-Japanese values, and to delve into the sociocultural aspects of the current economic challenges Japan's service industry is facing. The first part of the article explores the evolution of Japanese service in the post-war period, from the gradual increase in the service sector's contribution to Japan's GDP to the international promotion of the traditional concept of *omotenashi* as a unique way of welcoming guests for the 2020 Summer Olympics in Tokyo. The second part examines the crisis situation in the Japanese labor market and its impact on the service sector today, while the third part discusses the repercussions of the current scenario and the measures Japanese companies are taking to uphold the standard of Japanese service in a diverse sociocultural context.

The author concludes that both Japanese companies and government agencies responsible for immigration policy are cautious in their approach, aiming to minimize external influences on the service industry. While it is crucial for companies to maintain the service standards, the government is seeking to safeguard national interests in the economic and political realms. Amidst increasing intercultural interactions, Japan leans on the concept of *omotenashi* as a cultural bridge between different societies.

Keywords: Japan's service sector, the concept of "*omotenashi*", Japan's soft power, culture and national identity, Japanese labor market, Japan's immigration policy, cross-cultural communication, Japanese society.

Author: *Kulneva Polina V.*, PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12.

E-mail: kpoline@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-8699-5568

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В 2024 г. японская экономика столкнулась с рекордной нехваткой рабочей силы – проблемой, ставшей следствием затяжного демографического кризиса. Численность населения трудоспособного возраста в Японии начала падать ещё в середине 1990-х гг. Это привело к нарастанию дисбаланса на японском рынке труда и необходимости заполнения невостребованных вакансий. Вместе с комплексом

сопутствующих внутренних проблем сложившаяся ситуация поставила страну перед новыми вызовами глобального характера, а именно – перед необходимостью более широкого открытия японского рынка труда для иностранной рабочей силы.

Одной из наиболее интересных областей исследования в связи с этим представляется ситуация в сфере услуг, которая стала к настоящему времени лицом страны и где ярко проявляются особенности японского менталитета. Переняв лучшие достижения западного капиталистического общества, японский сервис соединил их с японскими традициями и воплотил идеал гостеприимства, соответствующий представлению японцев об организации этой сферы.

В условиях сохраняющейся кризисной ситуации на японском рынке труда и возобновившихся после завершения пандемии COVID-19 международных связей японская сфера услуг сталкивается с серьёзными вызовами: во-первых, в связи с необходимостью найма всё большего числа иностранцев, во-вторых, из-за того, что Японию посещает всё больше иностранных туристов. Это усиливает остроту проблемы нехватки японского персонала в сервисных отраслях, в то же время заставляя японские компании задумываться о сохранении «лица Японии», которое они представляют. Тема исследования актуальна и показательна ещё и по той причине, что, будучи неотъемлемой частью национальной культуры, японская индустрия гостеприимства является полем межкультурного взаимодействия и позволяет проиллюстрировать готовность страны к открытию внешнему миру на современном этапе.

Цель исследования – раскрыть проблему привлечения иностранной рабочей силы в японскую сферу услуг с социокультурной точки зрения, в том числе показать на примере индустрии гостеприимства процесс взаимодействия японских и неяпонских ценностей, связанных с данной сферой экономической деятельности. Для этого в первой части работы будут раскрыты особенности японского сервиса как уникального социокультурного феномена; во второй части будут выявлены кризисные явления в японской сфере услуг и показано, с чем связана необходимость привлечения иностранного персонала в сервисные отрасли экономики; третья часть будет посвящена последствиям сложившейся ситуации и усилиям, которые прилагают японские компании для сохранения уровня сервиса в смешанной социокультурной среде.

Японский сервис как уникальный социокультурный феномен

После периода высоких темпов роста первых послевоенных десятилетий во второй половине 1970-х гг. в экономике Японии началась структурная перестройка: сокращение удельного веса материального производства в ВВП и численности занятых в производственном секторе. На определённом этапе развития подобные процессы происходят во всех индустриальных экономиках, однако в Японии они были ускорены сначала энергетическим кризисом 1973–1974 гг., а затем, в 1990-е гг., длительной экономической стагнацией [Лебедева 2007, с. 62], продолжающейся до сих пор.

В Таблице 1 представлено распределение рабочей силы между первичным, вторичным и третичным секторами экономики Японии в послевоенные десятилетия. Начиная с 1970-х гг. рост занятости во вторичном секторе, к которому относятся преимущественно обрабатывающие производства, замедляется, а в 1990-е гг. начинает существенно сокращаться. Одновременно происходит перераспределение трудовых ресурсов в пользу третичного сектора, или сферы услуг. Уже в 1980-е гг. сокращение доли промышленности в структуре ВВП Японии становится весьма ощутимым, одновременно всё более прочные позиции занимает сервис, то есть происходит сервисизация и софтизация экономики страны. В настоящее время в сфере услуг занято более 70% занятых в экономике, что соответствует уровню развитых стран.

Таблица 1. Число жителей Японии старше 15 лет, занятых в первичном, вторичном и третичном секторе экономики (1950–2020 гг.)*

Год	Число занятых (млн чел.)				Доля (%)			
	Общ.**	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор	Общ.	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор
1950	36,0	17,5	7,8	10,7	100,0	48,5	21,8	29,6
1960	44,0	14,4	12,8	16,8	100,0	32,7	29,1	38,2
1970	52,6	10,1	17,9	24,5	100,0	19,3	34,0	46,6

1980	55,8	6,1	18,7	30,9	100,0	10,9	33,6	55,4
1990	61,7	4,4	20,5	36,4	100,0	7,1	33,3	59,0
2000	63,0	3,2	18,6	40,5	100,0	5,0	29,5	64,3
2010	59,6	2,4	14,1	39,6	100,0	4,2	25,2	70,6
2020	57,6	2,0	13,2	40,7	100,0	3,5	23,7	72,8

* В японской статистике к первичному сектору относятся сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, к вторичному сектору – горнодобывающая промышленность, производственные отрасли и строительство, к третичному – остальные отрасли, преимущественно сферы услуг.

** Включая отрасли, не поддающиеся классификации.

Источники:

Kokusei chōsa [National Census]. *Statistics Bureau of Japan*. 2005. https://www.stat.go.jp/data/kokusei/2005/sokuhou/03.htm;

Jinkō no rōdōryoku jōtai, shūgyōsha no sangyō shokugyō [Labor Force Status of Population, Industry / Occupation of Employed People]. *Portal Site of Official Statistics of Japa (e-Stat)*. 2023. https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200521&tstat=000001011777&cycle=0&tclass1=000001011807&stat_infid=000001086234&tclass2val=0

Развитие сферы услуг ознаменовало вступление Японии в эпоху постиндустриального развития вместе с другими передовыми экономиками мира, где сформировалось общество потребления с изобилием товаров и услуг, причём с господством последних во всех сферах жизни, начиная от отдельного потребителя и заканчивая государством [Бодрийяр 2006, с. 203]. В первые послевоенные десятилетия, несмотря на сохранявшийся перекос в сторону тяжёлой промышленности, быстрыми темпами росли операции с недвижимостью, развивались юридические и транспортные услуги; процветала появившаяся ещё до войны мелкая уличная торговля, широко предоставлялись услуги на дому. Развитие продаж подержанных товаров (автомобилей, велосипедов, печатной продукции), с одной стороны, а с другой – расширение сети автомобильных заправок и зарождение ресторанного бизнеса в 1960-е гг. говорит о том, что жители Японии в основной своей массе были по-прежнему бедны, но их образ жизни стремительно менялся.

В период структурной перестройки экономики, в 1970-е гг., в Японии появляются новые формы розничных продаж – супермаркеты

и магазины шаговой доступности *комбини*[1], возрастает значение рекреационных (туризм, спорт и другие формы проведения досуга) и информационных услуг. В целом по всем направлениям наблюдается диверсификация услуг: растёт разнообразие ресторанов, появляются новые формы отдыха и развлечений (боулинг, гольф), социальные услуги становятся более всеобъемлющими по своей направленности на разные социальные группы и потребности населения. В информационной и технологической сферах получают развитие услуги по обработке информации и разработке ПО, распространяется консалтинг. Главной тенденцией десятилетий, последовавших за перегревом экономики и сдуванием «финансового пузыря» в 1990-е гг., стала дальнейшая структурная перестройка, связанная с информационной революцией. Развитие сферы услуг подстёгивали государственные программы дерегулирования в широком спектре отраслей, предпринимавшиеся с целью оживления деловой активности, и процессы глобализации, которые привели к более активному вовлечению японского сервиса в мировую торговлю и другие формы международного взаимодействия. Сфера услуг становится движущей силой японского экономического роста и лицом страны, определяющим её современный облик. На новый уровень выходят информационные и персональные услуги: первые получают распространение не только среди индивидуальных потребителей, но и в форме информационного обслуживания предприятий, вторые всё больше распространяются на медицину, здравоохранение и социальное обеспечение, существенно повышая качество жизни общества[2].

К настоящему времени Япония вошла в число стран-лидеров по уровню повседневного комфорта для её жителей и гостей, что выражается как в узкопрофильных и интегральных рейтингах, так и в лидерстве японских компаний по качеству сервиса при международных сопоставлениях.

---

[1] *Комбини* – японское название круглосуточных магазинов шаговой доступности (англ. Convenience Store), которые предоставляют широкий спектр товаров и услуг повседневного спроса, включая банковские переводы и почтовые отправления. Появившись в США в 1920-е гг., *комбини* получили широкое распространение в Японии после войны и стали уникальным явлением розничной торговли благодаря привнесению в их бизнес-модель японской специфики.

[2] Обзор японской сферы услуг сделан по материалу: Morikawa Masayuki. Sābisu sangyō to seisaku no hyakunen: Gaikan [One Hundred Years of Service Industries and Policy: an Overview]. *RIETI*. 02.2017. (In Japanese). https://www.rieti.go.jp/jp/publications/pdp/17p003.pdf

С точки зрения удобства жизни в Японии в качестве показательных примеров стоит отметить развитость и надёжность японской почтовой системы[3] и мировое лидерство страны по доступности для населения ресторанов и магазинов *комбини*. По данным материала, опубликованного в 2010 г., Япония была лидером по количеству ресторанов и кафе на душу населения. Если в США один ресторан приходился на 547 человек, то в Японии – на 266[4]. Согласно исследованию 2017 г., Япония занимала 3 место в мире по доступности магазинов *комбини*, уступая по этому показателю только Республике Корея и немного Тайваню: в конце 2017 г. один магазин *комбини* приходился на 2248 жителей Японии, а всего таких магазинов в стране было 56378[5]. При этом культура *комбини* в Японии считается многими потребителями более развитой, чем в других странах, так как они предоставляют больший ассортимент услуг и необходимых товаров. Согласно исследованиям, так называемые «*комбини* японского типа» отличаются большой долей в продажах продуктов, готовых к употреблению, особым вниманием к созданию систем поставок, совместных с поставщиками, эффективностью информационного обмена со всеми участниками цепочек поставок [Shō 2015, p. 133].

Что касается глобального восприятия Японии, то в 2021 г. страна впервые стала мировым лидером в рейтинге Всемирного экономического форума по уровню конкурентоспособности как направление для путешествий и туризма (англ. Travel & Tourism Development Index). Рейтинг учитывает экологические, экономические и другие условия, предлагаемые страной для туристов, в том числе инфраструктуру туристического обслуживания. Хорошие отзывы получают японские отели (что неудивительно, учитывая древнюю историю японской индустрии гостеприимства)[6] и японские авиакомпании[7]. Лицом

[3] State of the Postal Sector 2023. *Universal Postal Union*. Berne, October 2023. P. 21. https://www.upu.int/UPU/media/upu/publications/State-of-the-Postal-Sector-2023.pdf

[4] 474,048 restaurants in Japan. *A Geek in Japan*. July 14, 2010. http://www.ageekinjapan.com/474048-restaurants-in-japan/

[5] Taiwan second highest in world for ratio of convenience stores per population. *Taiwan News*. 03.04.2018. https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3397167

[6] Так, например, традиционная японская гостиница Нисияма Онсэн Кэйункан занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый старый в мире отель, которым более 1300 лет непрерывно управляет одна семья.

[7] Авиакомпания JAL стала лучшей по итогам 2022 г. в интегральном рейтинге международной корпорации Bounce, учитывающем, помимо прочего, качество обслуживания на борту (https://usebounce.com/blog/2023-airline-index). В рейтинг британской консалтин-

страны с точки зрения сервиса являются многие другие отрасли японской экономики. Показательно, что в списке 100 компаний с лучшим обслуживанием клиентов (Best Customer Service), опубликованном Forbes в 2023 г., представлены практически все известные японские брэнды автомобилей[8], а на сайтах таких производителей, как Sony, Sharp и Canon присутствуют награды за качество услуг на зарубежных рынках. Могут быть приведены и другие примеры, не говоря об общем впечатлении, которое складывается у любого человека, посетившего Японию или столкнувшегося с необходимостью покупки или послепродажного обслуживания японских товаров.

Хотя многие модели потребления вместе с подходами к маркетингу товаров и услуг и практиками обслуживания клиентов были заимствованы Японией из стран Запада, в первую очередь США, японский сервис имеет свои уникальные особенности. Достижения западной цивилизации в сфере культуры потребления наложились на японский менталитет и исконно японские представления о комфортной организации быта. Как отмечает японовед-культуролог М. П. Герасимова, результатом культурных заимствований в Японии было, как правило, «появление феноменов, становившихся знаковыми именно для Японии» [Герасимова 2010, с. 92]. Это означает, что элементы внешних культур перерабатывались и совершенствовались с учётом японских реалий.

На совершенствовании сервиса в Японии в наибольшей степени отразились такие свойственные японцам черты характера, как трудолюбие, перфекционизм и неприятие неопределённости. В предоставлении услуг японские компании стремятся к созданию максимально комфортных и предсказуемых условий для клиентов, к учёту их пожеланий и мельчайших деталей обслуживания с сохранением при этом достаточной дистанции. Именно сочетание комфорта с дистанцией, бережным отношением к личному пространству человека, в наибольшей степени соответствует представлению об идеальном обслуживании в Японии. Как отмечает американский антрополог Эдвард Холл,

---

говой компании Skytrax World Airline Awards 2023 также попали японские компании ANA и JAL в номинациях «лучшая авиакомпания мира» (3 и 5 места соответственно), «лучший в мире экипаж» (3 и 10 место), «лучшая авиакомпания для семьи» (5 и 6 место) (https://edition.cnn.com/travel/skytrax-world-airline-awards-2023/index.html).

[8] Best Customer Service. *Forbes*. November 29, 2023. https://www.forbes.com/lists/best-customer-service/

в японской культуре сочетаются два противоположных полюса – высококонтекстный и низкоконтекстный[9], что проявляется, с одной стороны, в происходящей из внутреннего круга общения потребности в близости и комфорте, с другой, в сильном самоконтроле и дистанции в формальных ситуациях [Hall 1976, p. 65–68].

Значительное внимание уделяется также стабильности качества услуг. Японские компании проводят большую работу, направленную на постоянное совершенствование всех бизнес-процессов, – применительно к сфере обслуживания это совершенствование навыков персонала, непрерывный и всесторонний контроль степени удовлетворённости клиентов и покупателей. Можно сказать, что традиционные практики, обеспечившие в своё время сильные позиции японской промышленности (например, методы *камбан* и *кайдзэн*[10]), по сути, проецируются на сервис и обеспечивают его истинно японское качество.

Нельзя не отметить, однако, что те же особенности японского менталитета приводят к проблемам, типичным именно для японской сферы обслуживания. Зачастую чрезмерная сосредоточенность на деталях процесса и должностной инструкции приводят к негибкости в принятии решений и неспособности адекватно реагировать на непредвиденные ситуации[11]. Сохраняются и коммуникативные проблемы, связанные с языковым барьером при общении с иностранцами и дистанцией между персоналом и клиентом.

Совершенствование сервиса как лица страны является неотъемлемой частью послевоенного курса Японии на транслирование своего

---

[9] Понятия высококонтекстной и низкоконтекстной культуры были введены самим Эдвардом Холлом и относятся к свойственным разным культурам стилям общения. Считается, что в высококонтекстных культурах индивиды способны считывать больше информации из непрямого вербального и невербального общения, опираясь на культурный контекст. Для высококонтекстных культур также характерна значимость социального статуса и иерархии и относительная закрытость. Низкоконтекстным культурам, наоборот, свойственна прямолинейность в коммуникации. Признавая наличие в поведении японцев двух противоположных полюсов, Э. Холл считал японскую культуру преимущественно высококонтекстной [Hall 1976].

[10] *Камбан* – система организации производства и снабжения, позволяющая реализовать логистическую концепцию «точно в срок» благодаря фиксации объема необходимых работ в письменном виде на «табличках» *камбан* (с развитием технологий были переведены в электронную форму). *Кайдзэн* – практика постоянного совершенствования производства, разработки и других бизнес-процессов.

[11] In Japan, the customer is not king. *Japan Today*. October 13, 2010. https://japantoday.com/category/features/opinions/in-japan-the-customer-is-not-king

международного имиджа посредством мягкой силы. Основные направления нацеленной на это публично-культурной дипломатии включают распространение информации о традиционной и современной культуре Японии [Добринская 2015, с. 39–40]. Это достигается, помимо прочего, путём привлечения в страну иностранных туристов и их непосредственного знакомства с лучшими сторонами японской жизни.

Осознавая большой потенциал этого подхода при проведении масштабных международных мероприятий, японские организаторы летних Олимпийских игр 2020 (прошли в Токио в 2021 г. из-за пандемии Covid-19) обратились именно к сервису. 7 сентября 2013 г. в своей речи, произнесённой от имени Японии на французском языке на сессии МОК в Буэнос-Айресе, где выбиралась будущая столица летней Олимпиады 2020, известная японская телеведущая французского происхождения Такигава Кристэль употребила слово *омотэнаси*, имея в виду уникальный способ приёма гостей, который может предложить только Япония[12]. Слово *о-мо-тэ-на-си*, произнесённое К. Такигава по слогам[13], было включено в список наиболее популярных слов 2013 г. в связи с тем, что «имело большой резонанс» и отражает «дух гостеприимства, укоренившийся в японском обществе»[14].

Дух *омотэнаси* действительно пронизывает всю японскую сферу услуг. К этой концепции обращается большое число компаний, наиболее представительной среди которых можно считать Японские авиалинии (JAL). Компания декларирует намерение «следовать духу *омотэнаси*, взращенному японской культурой, чтобы и впредь ставить себя на место клиента, продолжая предоставлять услуги в соответствии с его пожеланиями»[15]. Важность концепции *омотэнаси* в продажах подчёркивают японские компании самых разных отраслей (в том

---

[12] Существительное вежливой формы, образованное от глагола *мотэнасу* «принимать, развлекать, угощать». Имеет морально-философский подтекст, связанный с внутренним настроем человека и выражением внутреннего через внешнее: в зависимости от написания, *омотэ-наси* может также переводиться как «не имеющий [скрывающей внутренний мир человека] лицевой стороны», то есть искренний.

[13] Christel Takigawa Olympic 2020 presentation O-Mo-Te-Na-Shi. *Interesting scenery of Japan*. 12.09.2013. https://www.youtube.com/watch?v=ZNigPTJZZ0E

[14] Dai 30-kai 2013-nen jushō-go [The 30th Award Words of 2013]. *JIYUKOKUMINSHA*. 2024. (In Japanese). https://www.jiyu.co.jp/singo/index.php?eid=00030

[15] Rinen, bijon [Philosophy, vision]. *JAL*. 2024. (In Japanese). https://www.jal.com/ja/philosophy-vision/brand/logo/

числе известный производитель напитков Ito En, группа компаний Takashimaya, владеющая сетью универмагов, производитель электроники Fujitsu), причём эта практика получает всё большее распространение именно в последнее время. Приверженность *омотэнаси* в гостиничном бизнесе воплощена в появившейся недавно системе бронирования omotenashi.com с возможностью поиска японских гостиниц, объединённых данной концепцией, на японском, английском и китайском языках. В целом, концепция *омотэнаси* уместна везде, где возникают отношения «поставщик услуги – гость / клиент» и декларируется даже в сфере здравоохранения и работе полицейских участков (в частности, при оказании помощи иностранным гостям). Интересно, что приверженность духу *омотэнаси* декларируется даже японскими сетями американских компаний McDonald's и KFC.

Подобно понятию *монодзукури*[16], которое стало выражением квинтэссенции культуры японского предпринимательства и, по сути, относится к заимствованным у Запада производственным процессам, соединённым с японскими традициями и доведённым до совершенства, *омотэнаси* – это лучшее, что было привнесено Японией в сервисную экономику. Не случайно именно в последнее время, когда в японской сфере услуг достигнуты определённые успехи и Япония во многих отношениях превзошла другие развитые страны в этом направлении, концепт *омотэнаси* стал акцентироваться на международном уровне и декларироваться как философия компаний разных отраслей. Примечательно, что и *монодзукури*, и *омотэнаси* – исконно японские слова, которые употреблялись раньше в связи с реалиями японской жизни[17], и только сравнительно недавно были приложены к современным экономическим практикам.

---

[16] *Монодзукури* – японское слово, представляющее собой комбинацию «моно», означающего вещь, и «дзукури», означающего акт её создания. Слово стало использоваться в 1990-е гг. для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть особый национальный дух японской промышленности, с другой – создать положительный имидж японских производств как высокотехнологичных и по-своему передовых в условиях вынужденной трансформации, последовавшей за потрясениями 1970-х и 1980-х гг.

[17] Так, понятие *монодзукури* ассоциировалось в средневековых текстах с сельскохозяйственными работами, а *мотэнаси* – с духовным совершенствованием и поведением, в том числе во время таких ритуалов, как чайная церемония. Monozukuri; Motenashi. *Kotobank* [Electronic Database of Japanese Dictionaries]. (In Japanese). https://kotobank.jp/word/物作り-646335; https://kotobank.jp/word/もて成し-645955

Концепт *омотэнаси* позволяет подчёркивать специфику японского сервиса как уникального социокультурного феномена, в котором воплотилась и способность японцев к заимствованию лучших зарубежных практик, и умение преобразовывать эти практики в японских реалиях. Успехи, достигнутые в этой сфере, позволяют Японии использовать сервис как инструмент мягкой силы для формирования своего позитивного международного имиджа. В этом отношении можно сказать, что сфера услуг является для страны одним из наиболее ценных национальных активов.

Кризис японского рынка труда в сервисных отраслях

По мере старения поколения послевоенного бэби-бума, в условиях изменения образа жизни и системы ценностей японского общества, в 1970–80-е гг. в Японии возникают серьёзные демографические проблемы. Достигнув своего пика в 1995 г., численность населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) в стране начала снижаться. Одновременно, с ростом ожидаемой продолжительности жизни и по мере падения рождаемости, продолжала расти численность населения старше 65 лет и снижалась доля молодёжи.

Сохраняясь до сих пор, эти тенденции будут усиливаться, и если в настоящее время доля трудоспособного населения в Японии составляет около 60%, а пожилых людей старше 65 лет – чуть менее 30%, то согласно прогнозам, к 2070 г. трудоспособное население будет составлять лишь 51% всего населения страны, а японцев старше 65 лет будет уже более 40%[18]. Эти процессы оказывают разностороннее влияние на японскую экономику и общество, приводя к дефициту рабочей силы, снижению производительности труда, сокращению потребительской активности, увеличению нагрузки на систему социального обеспечения и другим сопутствующим проблемам.

Вот уже более 10 лет дефицит кадров в японских компаниях разных отраслей практически непрерывно растёт (за исключением периода пандемии, когда была снижена экономическая активность в целом).

[18] Nihon no shōrai suikei jinkō (Reiwa 5-nen suikei). Kekka no gaiyō. [Estimated Future Population of Japan (as of 2020). Summary of results]. *National Institute of Population and Social Security Research*. 2023. P. 21. (In Japanese). https://www.ipss.go.jp/pp-zenkoku/j/zenkoku2023/pp2023_gaiyou.pdf

По результатам опроса, проведённого в 2023 г. научно-исследовательским центром Teikoku Databank, 51,4% японских компаний отметили дефицит кадров для вакансий постоянных сотрудников и 30,7% – для вакансий на неполную или временную занятость. При этом наибольшие трудности испытывала сфера услуг. Так, среди представителей гостиниц японского и европейского типа 75,5% респондентов говорили о проблемах с постоянным и 78,0% о проблемах с непостоянным персоналом, для сферы общественного питания эти показатели составляли 61,3% и 85,2% соответственно. Другими крайне проблемными отраслями оказались розничная торговля, информационные технологии, строительство, управление персоналом, транспортировка и хранение, лизинг и аренда, индустрия развлечений, сельское, лесное и рыболовное хозяйство, индустрия поддержания чистоты и порядка, а также здравоохранение и гигиена. Практически везде за последние три года ситуация ухудшилась, и о проблемах с заполнением вакансий заявляют от 46% до 67% опрошенных компаний[19]. По данным того же научно-исследовательского центра, растёт число банкротств по причине нехватки персонала. В 2023 г. число таких банкротств достигло своего исторического максимума – 260 компаний, половина из которых строительные и логистические[20]. Иными словами, эта проблема представляет угрозу для сферы услуг в целом и может иметь глобальные последствия для экономического роста и позиций Японии в мировой экономике.

Осознавая масштаб проблемы, правительство Японии вынуждено проводить целенаправленную политику по привлечению в страну иностранной рабочей силы. Это дополняет попытки улучшить демографическую ситуацию различными мерами стимулирования рождаемости[21], а также усилия компаний по повышению привлекательности вакансий для японского персонала, расширению возможностей найма для женщин и пожилых работников, внедрению IT-технологий для автоматизации и повышению эффективности процессов там, где это возможно.

[19] Tokubetsu kikaku: Hitodebusoku ni taisuru kigyō no dōkō chōsa [Special Project: Survey of Corporate Trends Regarding Labor Shortages]. *TDB*. 04.2023. (In Japanese). https://www.tdb.co.jp/report/watching/press/pdf/p230502.pdf

[20] Hitodebusoku tōsan no dōkō chōsa [Survey on Trends in Bankruptcies due to Labor Shortage]. *TDB*. 2023. (In Japanese). https://www.tdb.co.jp/report/watching/press/pdf/p240106.pdf

[21] Эта проблема, как и другие гендерные проблемы японского рынка труда, подробно раскрыта в публикации Лебедевой И. П. [Лебедева 2021].

Первые осторожные меры по привлечению иностранцев в страну и открытию для них возможностей трудоустройства были предприняты ещё в 1990-е гг., когда в связи с демографической ситуацией стали вырисовываться проблемы в отдельных отраслях. В 1990 г. вступили в силу поправки к «Закону об иммиграционном контроле и признании статуса беженца», согласно которым у японских эмигрантов и их потомков, проживающих за рубежом, появилась возможность вернуться в Японию и работать в статусе долгосрочных резидентов.

В 1993 г. начала работать Программа подготовки технических стажёров (TITP), которая ставила своей официальной целью передачу навыков работникам из развивающихся стран, однако на практике давала возможность краткосрочного использования труда иностранцев. В 2000-е гг. условия программы несколько раз подвергались корректировке: с трёх до пяти лет были увеличены сроки пребывания специалистов в Японии, добавлены новые отрасли и профессии. В частности, хотя программа нацелена на технических специалистов, в настоящее время в списке доступных профессий присутствуют и услуги, например, уход за больными, внешняя очистка зданий, работа в прачечной, работа в аэропорту (транспортировка грузов, диспетчерская), уборка общественных пространств. Последние серьёзные поправки к условиям программы были сделаны в преддверии Олимпиады и Паралимпиады в Токио, когда потребность в обслуживающем персонале резко возросла.

С сентября 1998 г. у обучающихся в Японии иностранцев появилась возможность оформления «разрешения на деятельность, не связанную со статусом пребывания», то есть на работу в течение ограниченного времени (как правило, 28 часов в неделю). Иностранные студенты до сих пор широко используют эту возможность для подработки в сферах, не требующих высокой квалификации, в том числе в ресторанах и магазинах.

В 2018 г. в иммиграционное законодательство был добавлен новый статус пребывания в Японии – «рабочий определённой квалификации» (Specified Skilled Worker, SSW). Въезд иностранных граждан в этом статусе стал возможен с апреля 2019 г., для этого требуется подтверждение квалификации и знания японского языка. Таким образом осуществляется целевое привлечение персонала в конкретные отрасли, которые испытывают его наибольшую нехватку. С самого начала статус SSW распространялся на две категории

профессий: SSW1 и SSW2. Категория SSW2, требующая более продвинутых навыков, но дающая иностранному гражданину больше привилегий (неограниченное продление пребывания и въезд членов семьи), изначально распространялась только на два сектора – строительство и судостроение, в то время как в категорию SSW1 был включён широкий спектр производственных и непроизводственных профессий, в том числе такие услуги, как уход за больными, внешняя очистка зданий, наземное обслуживание аэропортов, техническое обслуживание воздушных судов, индустрия гостеприимства, ресторанный сервис. В июне 2023 г. было объявлено о перемещении в категорию SSW2 девяти секторов, в том числе вышеперечисленных сервисных отраслей (за исключением ухода за больными, который попадает под особое регулирование). Очевидно, что это было вызвано необходимостью продления срока пребывания работников этих категорий. В марте 2024 г. в категорию SSW1 были добавлены новые профессии в сфере перевозок и лесной промышленности. В первой группе профессий иностранные работники теперь допускаются к работе водителем автобуса, такси и грузового транспорта, а в железнодорожных перевозках – в качестве машиниста поезда, кондуктора или работника станции.

Иммиграционная политика Японии всегда была постепенной и осторожной, она остаётся предметом борьбы между консервативными и либеральными силами. Как отмечает профессор социологии японского Университета Васэда Хигути Наото, новые меры сталкиваются с сопротивлением правого крыла правящей Либерально-демократической партии Японии, и вопросы либерализации экономической и трудовой политики постоянно лоббируются японским бизнес-сообществом[22]. Можно сказать, что привлечение иностранного персонала является вынужденным решением, связанным с объективной потребностью японского бизнеса в заполнении вакансий и безвыходностью сложившейся демографической ситуации. Иммигранты по-прежнему находятся в жёстких административных рамках и привязаны к своему профессиональному статусу, не говоря о трудностях социальной адаптации. Вместе с тем главной тенденцией либерализации последних десятилетий стало расширение сфер профессиональной

[22] Постепенная иммиграционная реформа в Японии: верный путь к провалу. *Nippon.com*. 27.09.2023. https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00920/

деятельности иностранцев, увеличение допустимых сроков пребывания для ряда категорий и более широкое привлечение работников низкой квалификации (ранее рабочие визы выдавались в основном высококвалифицированным специалистам).

Ещё одним важным фактором, который поставил японские компании перед необходимостью найма иностранного персонала, является рост числа туристов, который стал особенно заметен в годы, предшествовавшие пандемии. Привлечение иностранных туристов было одной из важных мер *абэномики* – экономической политики, предложенной правительством премьер-министра С. Абэ в 2012 г., чтобы оживить экономическую активность и развернуть в обратную сторону дефляционную спираль, в которой уже несколько десятилетий находится экономика Японии. Так, например, пакет мер 2016 г. включал план по привлечению 40 млн туристов из-за рубежа к 2020 г. и 60 млн к 2030 г. Это подразумевало увеличение пропускной способности аэропортов и портов, повышение вместимости гостиниц, предоставление услуг, соответствующих международным стандартам, на всех этапах приёма и сопровождения гостей[23]. В настоящее время, благодаря снятию коронавирусных ограничений и удешевлению иены, туристическая активность возобновилась, более того, в марте 2024 г. число иностранных туристов, посетивших Японию, превысило 3 млн впервые в истории страны. При этом уровень подготовки японского персонала зачастую не позволяет справляться со всеми поставленными задачами в полном объёме хотя бы по причине языкового барьера. В одном из недавних исследований менеджер иностранного отеля, работающего в Японии, отметил, что «5 лет назад [в 2014 г.] более 70% клиентов были японцами, тогда как сейчас [в 2019 г.] более 60% клиентов – иностранцы, в первую очередь из Китая, Южной Кореи, Тайваня и других стран Азии». Чтобы справиться с этим вызовом, отель был вынужден нанимать в штат персонал, говорящий по-китайски и по-корейски. В большинстве своём это были иностранные студенты, которые недавно окончили японский университет. На момент интервью доля иностранного персонала в опрошенном отеле достигала 5%. Похожей стратегии этнической диверсификации рабочей силы придерживался ряд

[23] Abenomics. *The Government of Japan*. November, 2016. P.8. https://www.japan.go.jp/sp/_userdata/abenomics/pdf/161111_abenomics.pdf

других респондентов из сферы гостеприимства [Ying, Takamichi 2022, p. 88]. Таким образом, хотя японские компании объективно сталкиваются с нехваткой персонала на рынке труда, многие их них, вероятно, нанимали бы иностранцев, даже если бы японских работников было достаточно.

На современном этапе очевидно, что движущей силой экономического роста Японии всё чаще становится именно сфера услуг, которая вытягивает экономику из рецессии в периоды спада деловой активности в производственном секторе[24]. С учётом нехватки японского трудоспособного населения жизненно важным для поддержания экономического роста будут именно иностранцы. Расчёты Японского агентства международного сотрудничества (JICA) показали, что для обеспечения среднегодового целевого прироста ВВП в 1,24% в ближайшие десятилетия число иностранных работников в Японии должно к 2030 г. удвоиться (т.е. достигнуть 4 млн человек), а к 2040 г. быть на уровне 6 млн 740 тыс.[25] При этом если к 2070 г. зависимость производственных отраслей от иностранного персонала, исчисляемая как доля иностранцев в общем числе работников, может составить около 21%, то, как ожидается, в гостиничном бизнесе, общественном питании и других сервисных отраслях эта зависимость будет находиться в диапазоне 24,4–28,9%[26]. Это означает, что межкультурное взаимодействие становится реальной перспективой для функционирования японской сферы услуг в ближайшие десятилетия.

---

[24] Japan's economic growth quickens in August as service sector counters factory decline. *S&P Global*. Aug 23, 2023. https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/research-analysis/japans-economic-growth-quickens-in-august-as-service-sector-counters-factory-decline-aug23.html

[25] 2030/ 40-nen no gaikokujin to no kyōsei shakai no jitsugen ni muketa torikumi chōsa kenkyū hōkoku-sho [Survey and Research Report on Initiatives Aimed at Realizing a Coexistence Society with Foreigners by 2030/40]. *JICA*. 03.2022. P. 19. (In Japanese). https://www.jica.go.jp/Resource/jica-ri/ja/publication/booksandreports/uc7fig00000032s9-att/kyosei_20220331.pdf

[26] Shōrai jinkō suikei ni motodzuku 2070-nen no gaikokujinrōdōsha izondo ni tsuite – sangyō-betsu no suikei [Dependence on Foreign Workers in 2070 Based on Future Population Projections – Estimates by Industry]. *NLI Research Institute*. 12.07.2023. (In Japanese). https://www.nli-research.co.jp/report/detail/id=75436?site=nli

Сохранение японского уровня сервиса в смешанной социокультурной среде

Неизбежный рост численности иностранного персонала является серьёзным вызовом для японского общества. С социокультурной точки зрения, в условиях растущей потребности компаний в иностранных работниках, встают проблемы межкультурного взаимодействия, социальной адаптации иностранцев и принятия ими японских ценностей – что крайне важно, если японский сервис хочет сохранить своё лицо. В то же время, учитывая наплыв иностранных туристов и, в целом, растущее число иностранцев в Японии, японская сфера услуг будет вынуждена приспосабливаться к международным стандартам и постепенно менять свой облик, чтобы соответствовать потребностям не только японских, но и иностранных клиентов. Здесь будет важно найти баланс между японскими и заимствованными практиками обслуживания. По мнению востоковеда Н. В. Анисимцева, выраженному им в исследовании иммиграционной политики Японии в начале 2000-х гг., массовая иммиграция привела бы к разрушению тех общественных институтов, которые вывели Японию в число преуспевающих наций [Анисимцев 2004, с. 54]. Процессы, наблюдаемые в последние десятилетия, отчасти подтверждают эти опасения, по крайней мере не оставляют сомнений, что привлечение иностранного персонала в японскую сферу услуг является серьёзной социальной проблемой.

Согласно последнему отчёту Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, на конец октября 2023 г. в стране трудилось чуть более 2 млн иностранцев, из них 27,0% в производственном секторе и 52,5% в непроизводственной сфере – оптовой и розничной торговле (12,9%), гостиничном бизнесе и общественном питании (11,4%), здравоохранении (4,4%), сфере ИКТ (4,2%), образовании (3,9%), других секторах сферы обслуживания (15,7%). Большинство иностранцев были заняты в первых двух упомянутых сферах – чуть более четверти миллиона человек в торговле и почти четверть миллиона в гостиничном бизнесе и общественном питании[27]. При этом необходимо иметь в виду, что в Токио концентрация иностранцев

[27] “Gaikokujinkoyō jōkyō” no todokede jōkyō matome [“Foreign Employment Status” Notifications Summary]. *Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan*. 10.2023. P. 8. (In Japanese). https://www.mhlw.go.jp/content/11655000/001195787.pdf

больше, чем в других префектурах. Так, например, непосредственно перед пандемией доля иностранных работников в общей численности персонала магазинов *комбини* 23 районов Токио (его самой заселённой части) достигала 30[28].

О мультикультурном характере складывающейся деловой среды можно судить по национальному составу иностранных работников в Японии. На октябрь 2023 г., большинство из них составляли вьетнамцы (25,3%), китайцы, включая жителей Гонконга и Макао (19,4%) и филиппинцы (11,1%), менее многочисленные группы были представлены непальцами, бразильцами, индонезийцами, гражданами Республики Корея, Мьянмы, Таиланда, Перу, а также гражданами стран G7[29]. Бо́льшая часть иностранного персонала, таким образом, прибывает в Японию из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а выходцев из западных стран меньшинство (доля граждан стран G7 составила 4,1%). Тем не менее географическая близость стран не означает лёгкости социокультурной адаптации приезжающих и принятия ими японской корпоративной культуры. Так, несмотря на соседство Японии с Китаем и Кореей и активное взаимодействие с этими странами на протяжении длительного периода истории, опросы предпринимателей и жителей двух стран свидетельствуют о заметных различиях в манере поведения и менталитете этих народов.

При найме иностранного персонала у японских компаний как производственных, так и непроизводственных отраслей социокультурные и коммуникативные проблемы зачастую вызывают большее беспокойство, чем такие технические сложности, как поиск и процедура найма иностранцев. Согласно недавнему опросу Канцелярии Кабинета министров Японии, среди распространённых опасений торговых точек, ищущих иностранный персонал для взаимодействия с клиентами, были недостаточное знание японского языка у новых сотрудников (на это указали 25,8% респондентов) и сложности

[28] Konbini no gaikokujinkoyō muzukashii tenpo rūru no rikai wa kotobadzukai kara [Employing Foreigners at Convenience Stores: Understanding Difficult Store Rules Begins with Wording]. *Tsugi no Jidai*. 16.03.2023. (In Japanese). https://smbiz.asahi.com/article/14857245

[29] "Gaikokujinkoyō jōkyō" no todokede jōkyō matome ["Foreign Employment Status" Notifications Summary]. *Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan*. 10.2023. P. 6. (In Japanese). https://www.mhlw.go.jp/content/11655000/001195787.pdf

коммуникации с японским персоналом (13,4%). Техническими проблемами найма и управления были при этом обеспокоены менее 10% опрошенных[30]. В связи с наймом иностранных студентов наибольшие опасения у японских компаний, по информации Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, вызывают недостаточное владение японским языком и – в не меньшей степени – недостаточное понимание японской корпоративной культуры (эти проблемы отметили, соответственно, 38,9 и 36,9% опрошенных компаний в 2015 г.)[31].

Другая сторона той же проблемы – недовольство японских клиентов и работников компаний сферы обслуживания иностранным персоналом, с которым они вынуждены взаимодействовать. В интернете можно встретить негативные отзывы о «не умеющих общаться с клиентами» (не только по причине незнания языка, но и с точки зрения манеры общения и учёта привычных для японцев деталей) иностранных официантах, кассирах и консультантах торговых точек. Это говорит о том, что беспокойство работодателей о социокультурных и коммуникативных проблемах при найме иностранного персонала не лишено оснований.

Иностранцы, устраивающиеся на работу в Японии, происходят из иной социокультурной среды с отличающимися от Японии стандартами сервиса. Существует по меньшей мере несколько известных различий в стандартах обслуживания, которые отмечают сами японцы как проблемные зоны, вызывающие непонимание или даже культурный шок при посещении ими другой страны, или же могут не подойти иностранцам, посещающим Японию. В Таблице 2, на основе японских источников, сделано обобщение таких различий между Японией и «другими странами», которым японцы обобщённо противопоставляют себя, говоря об особенностях именно японского сервиса.

---

[30] Kigyō no gaikokujinkoyō ni kansuru bunseki – torikumi to kadai ni tsuite [Analysis of Companies' Employment of Foreigners – Initiatives and Issues]. *Cabinet Office*. 09.2019. P. 27. (In Japanese). https://www5.cao.go.jp/keizai3/2019/09seisakukadai18-6.pdf

[31] Gaikokujinryūgakusei no shūshoku sokushin ni tsuite [Regarding Job Promotion for Foreign Students]. *MEXT*. 06.2022. P. 3. (In Japanese). https://www.jasso.go.jp/gakusei/career/event/guidance/__icsFiles/afieldfile/2022/06/14/1mnka_gakuryu.pdf

Таблица 2. Ключевые различия стандартов сервиса между Японией и «другими странами»*

Японская культура обслуживания	Зарубежная культура обслуживания
Концепт омотэнаси: – в равной степени распространяется на все уровни обслуживания, включая магазины шаговой доступности и фастфуд; – является частью политики компании и присутствует везде, где возникают отношения «обслуживающий персонал – клиент»; – нет культуры чаевых, *омотэнаси* не зависит ни от чаевых, ни от ценовой категории услуги.	Концепт гостеприимства (англ. hospitality): – не распространяется на такие базовые сферы обслуживания, как кассир в магазине или продавец фастфуда; – в низком ценовом сегменте уровень обслуживания зависит от личных качеств работника и, зачастую, от чаевых (США и другие страны, где принято давать чаевые).
Высокий статус клиента по умолчанию, «гость является богом» (яп. *окякусама ва камисама*).	За исключением высокого ценового сегмента, отношения между обслуживающим персоналом и клиентом являются равноправными. В Корее, где особенно сильны конфуцианские ценности, клиент может (и должен) выражать почтение к обслуживающему его работнику старшего возраста.
Чёткое разделение личного и общественного: в Японии обслуживающему персоналу запрещено пользоваться мобильным телефоном в личных целях во время работы, работники не отвлекаются на приватные беседы, вряд ли завяжут с клиентом разговор о чём-то личном и т.д. Обслуживание клиента в соответствии с должностной инструкцией является безусловным приоритетом.	Пересечение личного и рабочего пространства: обслуживающий персонал может разговаривать по мобильному телефону и обсуждать друг с другом личные вопросы во время работы, возможны вопросы к клиенту, которые расцениваются в Японии как вмешательство в личное пространство, более того, они могут быть необходимы для установления доверительных отношений с клиентом и гарантируют чаевые.

Распространение на сферу обслуживания общих особенностей японского менталитета: – внимание к деталям; – избегание неопределённости (чёткие инструкции); – *хоннэ* и *татэмаэ*[32] в культуре общения (связано с предыдущим пунктом, выражается в стремлении скрывать свои эмоции и улыбаться независимо от настроения); – избегание конфликтных ситуаций (прямого отказа, слова «нет» и т.п.).	Другой образ мышления: – восприятие деталей, предусмотренных в японской сфере обслуживания, как избыточных; – неумение следовать чётким инструкциям; – другое понимание «искренности» и коммуникативной функции улыбки; – прямолинейность.

* Под «другими странами» (яп. *кайгай*) в японских источниках обобщённо понимаются страны, противопоставляемые Японии. В таблице приведены условные обобщения, если не указано иное.

Источники:

Omotenashi = hosupitariti? Nihon to kaigai to no chigai o kaisetsu [Omotenashi = Hospitality? Explaining the differences between Japan and other countries]. *Pointblank Promotions*. 16.04.2022. (In Japanese). https://pointblankpromo.com/news/2022/3/22/hospitality;

Naze nihonjin wa sekaiichi “okyakusama ni chō herikudaru” no ka. “Okyakusama wa kamisama” no Nihon vs “yokeina osekkai” no Kankoku [Why are Japanese People the Most Humble towards Customers in the World? Japan, where the “Customer are God” VS South Korea with “Unnecessary Interference”]. *Tōyō Keizai*. 16.07.2022. (In Japanese). https://toyokeizai.net/articles/-/604282

Признавая условность этих обобщений, можно отметить, что существенная часть проблем, которые могут возникать в сфере обслуживания при найме иностранного персонала, лежит в социокультурной плоскости. Японские компании прилагают большие усилия, чтобы минимизировать культурный разрыв между японскими и иностранными работниками. Более того, сама система привлечения иностранного персонала в сферу обслуживания подразумевает строгий отбор, учитывающий оценку понимания иностранцем

[32] *Хоннэ* и *татэмаэ* – социокультурные категории, которые принято относить к японскому обществу как свойственные японской манере общения. *Хоннэ* для японца – личные глубокие мотивы и намерения, в то время как *татэмаэ* – социально приемлемое поведение, которое не всегда допускает их демонстрацию [Дэвис, Икэно 2009, с. 277–281].

японских социокультурных реалий. Так, для получения статуса SSW, помимо подтверждения уровня японского языка, требуется сдать теоретические и практические экзамены установленного образца, содержание которых различается в зависимости от выбранной отрасли. Например, для получения разрешения на работу в сфере гостеприимства по программе SSW, которая включает заселение гостей в отели и обслуживание в ресторанах, нужно, помимо прочего, продемонстрировать знание правил вежливости и моделей поведения, принятых в японском обществе. Само собой разумеется при этом, что будущие работники должны детально освоить стандарты японского сервиса. Особые требования предъявляются к иностранцам, которые хотят работать в сфере медицинского обслуживания (ухода за больными): такие кандидаты должны не только обладать базовыми знаниями медицины и анатомии, но и изучить детали и нюансы общения с больными, которым, вероятно, уделяется повышенное внимание только в Японии.

Довольно большое число вакансий в магазинах шаговой доступности, колл-центрах, ресторанах и т.д. занимают иностранцы, не прошедшие отбор через программу SSW[33] – это обучающиеся в Японии иностранные студенты с разрешением на частичную занятость или иностранцы, имеющие вид на жительство в стране. В этом случае при приёме на работу человека иной культуры японские работодатели уделяют повышенное внимание обучению и тренингам, а приступив к фактической работе, человек первое время находится под надзором наставника. Сетями, которые наиболее часто ищут сотрудников среди иностранцев, разработаны инструкции и разговорники на нескольких языках.

На этапе поиска персонала ключевое значение имеет инфраструктура, которая тоже продумана так, чтобы минимизировать риски. Многие компании обращаются к услугам посредников – рекрутинговым агентствам, которые осуществляют первичный подбор кадров, могут помочь с тренингами и коммуникацией (это делается даже при подборе персонала по программе SSW). С точки зрения механизма рекрутинга персонала интересен пример японской сети магазинов Lawson, которая открыла в Республике Корея и Вьетнаме центры подбора

[33] Программа SSW охватывает далеко не все отрасли сферы обслуживания и не все виды деятельности, где имеет место нехватка персонала, например, не включает работу кассиром в *комбини*.

и обучения персонала для молодых людей, собирающихся на учёбу в Японии и планирующих искать там подработку. Lawson имеет также собственную рекрутинговую компанию Lawson Staff. Одновременно, как и многие другие компании, Lawson проводит встречи с соискателями в крупных городах Японии, уделяя особое внимание молодым специалистам в университетах. Регулярные встречи с иностранными соискателями проводит и сеть Family Mart. Она также имеет в Японии несколько центров обучения персонала, куда в качестве инструкторов приглашаются специалисты из зарубежных офисов компании.

В условиях, когда взаимодействие японского и иностранного персонала стало в Японии неизбежной реальностью, японские работодатели стараются исключить дискриминацию, обеспечив одинаковое отношение к японским и иностранным работникам. По возможности персонал наделяется равными обязанностями при наличии необходимой квалификации и работает в равных условиях. Это бывает непросто, но такой подход официально декларируется как желательный и даже необходимый. Один из ярких примеров, освещавшихся недавно японским центральным телеканалом NHK, – гостиница японского типа (яп. *рёкан*) Кагая, которая приняла революционное решение о найме иностранца в традиционно японскую сферу. С ноября 2022 г. там работает гражданин Непала, принятый по программе SSW. Подчёркивается, что если раньше *рёкан* мог нанимать иностранных работников только по стандартной рабочей визе в качестве переводчиков, то статус SSW приближает их к японским коллегам по обязанностям, которые им можно доверить[34].

Поскольку потребность сферы услуг в иностранном персонале связана с необходимостью взаимодействия с туристами из других стран, японские работники также проходят специальное обучение и вынуждены корректировать свои подходы. Представляется, что межкультурное взаимодействие, которое вышло за рамки сферы услуг и стало частью повседневной жизни японцев, приведет к неизбежному размыванию границ между японской культурой и теми культурами, которые имеют много отличных от нее составляющих. Тем не менее, зачастую именно японское гостеприимство *омотэнаси*

[34] Natsuyasumi shīzun hoteru ryokan no jinzai kakuho-saku wa? [Summer Vacation Season: How Do Hotels and Inns Secure Human Resources?]. *NHK*. 28.07.2023. (In Japanese). https://www3.nhk.or.jp/news/contents/ohabiz/articles/2023_0728.html

часто рассматривается как мост между Японией и внешними культурами. Как это видит некоммерческая организация «Международный совет по *омотэнаси*», образованная перед Токийской олимпиадой и продолжающая свою деятельность, направленную на межкультурное взаимодействие японцев и иностранцев, по сей день, *омотэнаси* может сформировать в Токио мультикультурное общество, в котором смогут ужиться представители разных стран и культур. Как считают сотрудники организации, *омотэнаси* может сделать общение людей «безбарьерным», «устранив невидимую стену между ними» за счёт доброжелательности, аккуратности, внимания к другим людям и чуткого отношения к их потребностям[35]. Можно согласиться с тем, что *омотэнаси* – та часть японской идентичности, которая должна быть сохранена.

Заключение

В послевоенный период Япония достигла больших успехов в развитии сферы услуг и, в соответствии со своей моделью заимствования элементов внешней культуры, преобразовала западную сервисную экономику, усовершенствовав мировые практики обслуживания на основе собственных традиций. В результате японская сфера услуг приобрела заслуженный статус лица страны и стала важной частью её глобального имиджа, что подтверждается выбором концепта *омотэнаси* в качестве главной идеи, сформировавшей гостеприимную атмосферу летней Олимпиады в Токио.

Вследствие демографических процессов, которые привели к кризисной ситуации на японском рынке труда, сфера услуг Японии сталкивается с серьёзными вызовами. Это выражается в растущей необходимости в поиске иностранного персонала для заполнения вакансий, усилении межкультурного взаимодействия на рабочих местах и риске падения привычной для общества планки японского сервиса. Учитывая неизбежность наблюдаемых процессов и потребности бизнеса, правительство Японии было вынуждено внести изменения в иммиграционное законодательство и открыть для иностранного персонала больше сервисных отраслей. Либерализация иммиграционного законодательства имеет двоякий эффект, с одной стороны,

[35] Daihyōsha messēji [Message from the Representative]. *Omotenashi International Council*. 2021. (In Japanese). https://omotenashi.tokyo.jp/representative-message/

помогая японским компаниям с комплектацией штата сотрудников, с другой стороны, обостряя социокультурные проблемы.

К настоящему времени в ключевых отраслях сферы услуг Японии сформировалась мультикультурная среда с достаточно большой долей иностранного персонала из разных стран мира (в первую очередь Восточной и Юго-Восточной Азии, культурный разрыв с которыми достаточно велик несмотря на географическую близость). Чтобы избежать возможных противоречий и сохранить уровень обслуживания, японские компании сферы услуг уделяют повышенное внимание тренингам для иностранцев и ищут надёжные каналы поиска и найма персонала. Достаточно строгий отбор с учётом потребностей конкретных отраслей происходит при выдаче разрешений на въезд «рабочим определённой квалификации» по программе SSW, введённой в 2018 г., которая распространяется в том числе и на сферу услуг. В отраслях, не охваченных программой, компании обращаются к специализированным посредникам или полагаются на себя, формируя инфраструктуру для подбора и подготовки персонала самостоятельно.

После отмены коронавирусных ограничений процессы глобализации возобновились, и в Японию приезжает всё больше иностранцев как в туристических целях, так и для постоянного проживания. Это означает, что несмотря на традиционную закрытость и нелюбовь к изменениям, японскому обществу придётся постепенно приспосабливаться к новой реальности. Развитие сферы услуг в Японии наглядно демонстрирует, как японское общество реагирует на внешнее вмешательство в привычный уклад своей жизни. К изменениям приспосабливаются и работодатели, и потребители, причём работодатели стараются свести к минимуму воздействие на качество обслуживания (что не всегда получается). Государство, в свою очередь, принимает решения и вырабатывает политику с учётом национальных интересов, открывая доступ иностранному персоналу только там, где это необходимо. О стремлении сохранить социокультурные основы японской сервисной индустрии свидетельствует опора на концепт *омотэнаси* в расширении межкультурных контактов.

Библиографический список

Анисимцев Н. В. (2004) Иммиграционная политика Японии: национальный вариант. *Россия и АТР*. № 1. С. 46–55.

Бодрийяр Ж. (2006) *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Москва: Республика; Культурная революция.

Герасимова М. П. (2010) Механизм заимствования в японской культуре. *Ежегодник Япония*. Т. 39. С. 192–208.

Добринская О. А. (2015) Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии. *Ежегодник Япония*. Т. 44. С. 36–56.

Дэвис, Р. Дж., Икэно О. (ред.). (2009) *Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры*. Москва: АСТ, Астрель.

Лебедева И. П. (2021) *Вименомика*: достижения и проблемы. *Японские исследования*. № 1. С. 101–120. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-101-120

Лебедева И. П. (2007). *Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.)*. Москва: Восточная литература.

References

Anisimtsev, N. V. (2004). Immigratsionnaya politika Yaponii: natsional'nyi variant [Japan's Immigration Policy: National Version]. *Russia and the Pacific*, 1, 46–55. (In Russian).

Baudrillard, J. (2006). *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow: Respublika, Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russian).

Davis, R. J. & Ikeno, O. (ed.). (2009). *Yaponiya. Kak ee ponyat': ocherki sovremennoi yaponskoi kul'tury* [Japan. How to Understand It: Essays on Contemporary Japanese Culture]. Moscow: AST, Astrel. (In Russian).

Dobrinskaya, O. A. (2015). Osobennosti «myagkoi sily» Yaponii v stranakh Tsentral'noi Azii [The Characteristic Features of Japan's Soft Power in Central Asia]. *Yearbook Japan*, 44, 36–56. (In Russian).

Gerasimova, M. P. (2010). *Mekhanizm zaimstvovaniya v yaponskoi kul'ture* [The Mechanism of Borrowings in Japanese Culture]. *Yearbook Japan*, 39, 192–208. (In Russian).

Hall, E. T. (1976). *Beyond Culture*. New York: Doubleday.

Lebedeva, I. P. (2007). *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.)* [Japan: Industry and Entrepreneurship (Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2021). *Vimenomika*: dostizheniya i problemy [*Womenomics*: Achievements and Problems]. *Japanese Studies in Russia,* 1, 101–120. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-101-120 (In Russian).

Shō, Sh. (2015). Nihongata konbini no genchika purosesu: Famirīmāto no Taiwan shinshutsu o rei ni [Localization Process of Japanese-style Convenience Stores: Using Family Mart's Entry Into Taiwan as an Example]. *Journal of Innovation Management*, 12, 133–155. https://doi.org/10.24677/riim.12.0_133 (In Japanese).

Ying, Z. & Takamichi, M. (2022). Determinants of Cultural Diversity Management in Japan: Case Studies of Hospitality Industry. *Journal of Japanese Studies: Exploring Multidisciplinarity*, January, Vol. 1, No. 1, 75–100. http://doi.org/10.55156/jjsem.dec2104

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 87–113
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 87–113
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-87-113

Анатомия Цусимского инцидента 1861 г. Взгляд через призму дневников участников

Д. Д. Романчев

Аннотация

В 1854 г. японское государство было вынуждено отказаться от политики изоляции, продолжавшейся более двух веков, после чего оно стало частью мирового сообщества. В то время продолжалась Крымская война (1853–1856), которая по своим масштабам вышла за пределы собственно Крыма, и боевые действия шли, в том числе, и на Тихом Океане. В этой непростой обстановке происходило установление дипломатических отношений между Российской Империей и Японией, что в итоге удалось Е. В. Путятину (1803–1883) в 1855 г., когда был заключен так называемый Симодский Трактат.

После неудачных для Российской Империи итогов Крымской войны соперничество между Россией и Британией в рамках «Большой игры» продолжилось, и Япония оказалась в ее орбите уже в 1861 г. Взор русского и английского флотов был обращен на выгодно расположенный остров Цусима. Попытка закрепиться там, однако, закончились для России неудачно – не без участия британских дипломатов и военных. Так называемый «Цусимский инцидент», с одной стороны, показал ограниченность возможностей России на Дальнем Востоке в тот период, а с другой – стал первым со времен инцидента с Головниным в 1811 г. открытым конфликтом между русскими и японцами, усилив в последних страх перед угрозой с севера. Посредничество же Великобритании продемонстрировало её более крепкие позиции в Японии и позволило ей и далее укреплять связи со Страной Восходящего Солнца.

Ключевые слова: Япония, Россия, Великобритания, период Токугава, Цусимский инцидент, бакумацу.

Автор: *Романчев Данила Дмитриевич,* лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Anatomy of the Tsushima Incident of 1861. A Look Through the Prism of the Participants' Diaries

D. D. Romanchev

Abstract

In 1854, the Japanese state had to abandon its 215-year policy of seclusion and unwittingly became part of the world community. Simultaneously, the Crimean War of 1853–1856, the scope of which extended beyond the boundaries of Crimea, raged, with military operations taking place even in the Pacific Ocean. Efimy Vasilyevich Putyatin (1803–1883) eventually succeeded in establishing diplomatic relations between the Russian Empire and Japan in 1855 with the signing of the so-called Shimoda Treaty, despite the challenging circumstances.

After the unfavorable results of the Crimean War for the Russian Empire, the rivalry between Russia and Britain within the context of the "Great Game" continued, and Japan was affected by it already in 1861. The strategically located island of Tsushima caught the attention of the Russian and English fleets. But Russia's attempt to establish a foothold there failed, and not without the involvement of British diplomats and the military. The so-called "Tsushima Incident," on the one hand, showed the boundaries of Russia's capabilities in the Far East at that time. On the other hand, it became the first open conflict between the Russians and the Japanese since the "Golovnin Incident" of 1811, increasing the latters' fear of the threat from north. Through its mediation, Great Britain was able to further solidify its relations with the Land of the Rising Sun and demonstrated its capabilities in Japan.

Keywords: Japan, Russia, Great Britain, Tokugawa period, Tsushima incident, *bakumatsu*.

Author: *Romanchev Danila Dmitrievich*, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.
E-mail: nickname210366@gmail.com
ORCID: 0009-0007-2363-6051

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

К 1853 г. Япония уже более двухсот лет находилась в добровольной изоляции от внешнего мира в рамках политики изоляции *сакоку* – «страна на замке». За несколькими исключениями в виде голландской торговой миссии в городе Нагасаки и доступом туда же китайских торговых судов, Япония отказывала иностранцам в посещении.

Политика *сакоку* начала давать трещину в начале XIX в. на фоне усиления активности иностранных держав в водах Дальнего Востока. Еще в 1730-х гг. у северных берегов Японии проходил один из отрядов экспедиции Витуса Беринга (1681–1741), в 1787 г. – корабли Жана Франсуа де Лаперуза (1741–1788), а в 1804 г. в Нагасаки прибыло посольство Николая Резанова (1764–1807), который пытался завязать экономические отношения с соседней страной. В начале XIX в. также участились контакты русских мореплавателей с японцами на Курильских островах. Периодически эти контакты оборачивались актами агрессии[1] с обеих сторон. Пленение японцами в 1811 г. капитана Василия Головнина (1776–1831) чуть не закончилось войной между двумя странами, но после длительных переговоров он и его спутники были отпущены, спустя 2 года плена.

Вместе с активностью английских судов на юге Японии это привело к изданию в 1825 г. указа, который предписывал стрелять по любым иностранным судам в пределах японских вод.

[1] Инцидент Хвостова 1806-1807 гг. (или *Российское вторжение годов Бунка*) – нападения судов Российско-американской компании на японские промыслы и селения на Сахалине, Итурупе и на побережье северо-западного Хоккайдо, инициированное Николаем Резановым (1764–1807) по итогу его неудачного визита в Японию.

В 1840–1842 гг. Цинский Китай, ранее придерживавшийся политики изоляции, был разгромлен британскими войсками. Империя Цин была вынуждена подписать унизительный для себя мир, начавший в Китае так называемые «сто лет позора». Японское правительство было всерьез обеспокоено событиями в соседнем государстве и, не желая повторить судьбу Китая, стало проявлять осторожность.

Решающую роль в открытии Японии для мира сыграли Соединенные Штаты Америки. В 1842 г. для торговли с США был открыт Китай, а в 1850 г. Калифорния стала частью США по итогу Американо-мексиканской войны 1846–48 г. Эти два события подстегнули торговлю между Америкой и Азией. Кораблям был нужен перевалочный пункт, который позволил бы заправляться углем и провизией. Вкупе с другими факторами, это привело к решению США отправить в 1851 г. в Японию военную эскадру [Eckel 1944 p. 109–110]. Это была не первая попытка США установить отношения, но все предыдущие (в 1837, 1846 и 1849 гг.) закончились безрезультатно [Sewall 1905, pp. 34–35, 49, 56]. Тогда было решено оказать давление на сёгунат с помощью военного флота, противопоставить которому японцам было практически нечего.

В тот же период Россия активно продвигалась на Дальнем Востоке. С назначения Николая Муравьева (1809–1881) губернатором Восточной Сибири в 1850-х гг. начинается активное изучение этого региона, что подвело Россию к заключению в 1858 г. Айгунского трактата с Китаем, по которому граница прошла по Амуру. В 1849–1850 гг. военно-морская база России на Дальнем Востоке была перенесена из Охотска в Петропавловск-Камчатский, сообщение с «большой землей» осуществлялось водным путем по Амуру [Eckel 1944, p. 110].

Таким образом, Япония очутилась в окружении сразу трех крупных держав, стремящихся расширить свою сферу влияния в регионе: США, Великобритании и России.

В 1853 г. коммодор Мэтью Перри (1794–1858) на 4 военных кораблях направился в Японию и принудил японцев к переговорам. Чиновникам сёгуната удалось отсрочить переговоры до 1854 г., и 31 марта был подписан Канагавский договор или Договор о мире и дружбе. Согласно ему, для кораблей США открывались порты Симода (на юго-запад от Эдо) и Хакодатэ (на севере), где они могли за деньги или путем обмена получать еду, воду, уголь и т.д. [Гримм 1927, с. 50–51]. Хотя соглашение и не было в полном смысле торговым договором,

оно дало зеленый свет другим государствам на заключение аналогичных. 14 октября 1854 г. был заключен англо-японский, а 7 февраля 1855 г. русско-японский Симодский трактат.

Насильственное открытие страны стало спусковым крючком для начала кризиса в Японии. Страна уже десятилетия находилась в состоянии экономического кризиса, которому в свете новых событий было суждено перерасти в политический. Началась череда событий, которая привела к свержению сёгуната Токугава.

В 1861 г. Россия и Япония вступили в конфликт по поводу присутствия русских на о. Цусима. В российской историографии этот вопрос неоднократно поднимался, однако большинство авторов полностью или частично упускали из виду особенности внутриполитического устройства Японии периода *бакумацу* (1853–1867). В данной статье мы пытаемся рассмотреть Цусимский инцидент с точки зрения его непосредственных участников при учете ситуации внутри Японии.

Дальневосточная эскадра

Поражение в Крымской войне подталкивало Россию к экспансии на Дальнем Востоке, где граница сфер влияния еще не была определена. «В Балтике морская жизнь могла быть всегда только искусственною и призрачною, Черное же море было утрачено по Парижскому трактату. Но на далеком Востоке […] у нас выросли новые интересы поддерживать и защищать которые лежало на обязанности флота» [Беломор 1897, с. 238].

Для продвижения интересов России в китайских водах в 1860 г. была сформирована дальневосточная эскадра, или как её часто именовали «китайская эскадра». Она имела целью оказать давление на Китай на фоне идущей Второй Опиумной войны. После заключения Айгунского мирного договора, который оставлял уссурийские земли в совместном владении, дальнейшие переговоры зашли в тупик. Вышедшая с Балтийского моря эскадра поступила в распоряжение советника в Китае Николая Игнатьева (1832–1908) и всячески способствовала ему в деле заключения нового договора[2] [Беломор 1897, с. 237–238]. Попутно суда эскадры выполняли задачи по освоению

[2] Известия о плавание наших судов за границей. *Морской сборник*, № 1, январь 1861, т. 51. С. 30–35.

территорий Дальнего востока. Базой для эскадры выступал японский город Нагасаки, где были арендованы крупные участки земли.

Командующим этой первой в своем роде эскадры выступал капитан 1-го ранга Иван Лихачёв (1826–1907), отобранный лично Великим князем генерал-адмиралом Константином (1827–1892). Лихачёв с 1858 г. готовился к путешествию на Восток, и уже тогда обратил внимание на стратегическое положение острова Цусима [Беломор 1897, с. 238]. 16 апреля 1860 г. он пишет: «По слухам, дошедшим до Гошкевича[3], англичане имеют виды на этот остров. Японцы сами говорили ему об этом […]. Мы должны там их предупредить» [Болгурцев 1993, с. 76–77; Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 20]. В тот же день он дал распоряжение кораблю «Джигит» по пути в залив Бохайвань зайти «в порт на острове Тсу-Сима».

Военная мощь эскадры Лихачёва была незначительной, она состояла из достаточно устаревших на тот момент тихоходных судов – фрегатов, корветов и клиперов, таких как «Джигит», «Японец», «Опричник», «Наездник», «Светлана», «Посадник» и др. [Беломор 1897, с. 240, 245–246]. Лихачёв неоднократно нелестно отзывался об экипажах этих судов и о самом состоянии кораблей [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 94, 120]. Этими небольшими силами Лихачёв приступил к воздействию на китайское правительство. Присутствие флота сказалось на сговорчивости китайской стороны, хотя Лихачёв и отзывался о русских посланниках негативно: «Проведен целый день в бесполезной переписке с нашим китайским посольством. Ни одной здравой самостоятельной мысли. Мелочность и нервический страх от всякого вздора. С такими людьми, конечно, и никакого влияния не добьешься […]». «Толковал с Игнатьевым: одна мысль подавляет в нем все – это желание ускакать в Петербург, сдерживаемая единственно страхом, чтоб там не досталось – vrai enfant de son pere [истинное дитя своего отца]» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 49, 72, 82].

Несмотря на занятость в китайских делах, уже 2 июня 1860 г. в письме генерал-адмиралу Константину Лихачёв писал, что передал Игнатьеву записку о значимости острова Цусима, и сделал это в спешке, так как опасался действий Англии: «я не могу отказаться

[3] Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875), востоковед, дипломат и лингвист, один из первых японоведов России. Первый дипломатический представитель Российской Империи в Японии (1858–1865).

от моего убеждения в необходимости для нас этого пункта […]. Если я не ошибаюсь, то консул Гошкевич писал в Министерство Иностранных Дел о слухах, дошедших до него о происках Англичан» [Беломор 1897, с. 241].

В ожидании ответа из Петербурга корвет «Посадник» отправился в порт Нагасаки, где был взят в аренду участок в местечке близ горы Инаса. Там возникли разного рода долговременные постройки: госпиталь, пристань, жилье для экипажей. Традиционно для иностранных поселений японские власти выделяли просторные помещения храмов[4]. В дальнейшем пункт дислокации русских моряков в Нагасаки обзаведется собственными банями, хорошо обставленным госпиталем, квартирами для офицеров, учебными аудиториями для юнкеров[5] [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 94].

После заключения 14 ноября 1860 г. Пекинского трактата между Российской Империей и проигравшим Вторую Опиумную войну Китаем Уссурийский край был навсегда закреплен за Россией. Посланник Игнатьев спешно отправился в Петербург. В этой связи значение эскадры как фактора давления на Китай уменьшилось. Из состава эскадры выделили группу под командованием капитан-лейтенанта Майделя, состоящую из кораблей «Боярин», «Воевода» и «Джигит», которая 27 января 1861 г. отправилась обратно в Кронштадт[6] [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 122]. В итоге эскадра ослабла и переключилась на локальные задачи.

24 декабря 1860 г. Лихачёв получил ответ от Великого Князя, в котором тот описал свою встречу с царем и министром иностранных дел Горчаковым (1798–1883). Великий Князь и царь склонялись к поддержке идеи Лихачёва о важности Цусимы, однако Горчаков, опасавшийся любых международных конфликтов, открестился от решения вопроса по дипломатической линии, оставив это дело в ведении морского министерства [Беломор 1897, с. 242–243]. В итоге Великий Князь Константин поставил перед Лихачёвым задачу вести сношения с властями Цусима исключительно в рамках морской сделки.

---

[4] Известия о плавание наших судов за границей. *Морской сборник*, №1, январь 1861, т. 51. С. 33.

[5] Донесение начальника нашей эскадры в китайских водах капитана 1-го ранга Лихачева. *Морской сборник*, №3, март 1861, т. 52. С. 238–240.

[6] Рапорт капитан-лейтенанта Майделя, командующего отрядом судов, возвращающихся из Китая. *Морской сборник*, № 4, апрель 1861, т. 52. С. 596.

«Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя самого не сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островскими властями, или еще лучше безо всяких соглашений, par le fait accompli [де-факто], но только так чтоб от Японцев не было официального протеста […] это было бы всего лучше», резюмировал генерал-адмирал [Беломор 1897, с. 242–243]. Также в личном письме Константин пишет: «[…] Государь Император полагает, что будет весьма достаточным результатом, если нам удастся добыть себе право устроить на о. Тсу-Сима заведение, подобное тому, какое создано нами в Виллафранке[7]. Феодальное устройство Нипонской Империи, может быть, поможет в сем деле, в том смысле, что Вам удастся ограничится полюбовною сделкою с местным Князем или владетелем без сношений с Центральным Правительством» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 309].

Для Лихачёва ситуация сложилась таким образом, что ответ на его июньский рапорт пришел только в декабре (хотя был написан в начале августа)[8], и, если в момент активных боевых действий в Китае Цусимская авантюра могла пройти гладко, ныне обстановка изменилась. Во время войны Англии нужна была поддержка России, и в этих условиях британцы могли закрыть глаза на действия русских. Теперь же Лихачёву приходилось рассчитывать только на свои силы.

24 декабря Лихачёв пишет ответ, в котором уведомляет, что приступает к исполнению воли Великого Князя, однако тут же отмечает, что «я предвижу многие затруднения […] и что на скорое решение вопроса вполне удовлетворительным образом едва ли можно теперь рассчитывать» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 123].

В то же время росло и подозрение англичан по отношению к русским кораблям на Дальнем Востоке. Англичане обвиняли Россию в снабжении китайских войск информацией о передвижении союзников, а английская газета North China Herald от 1 сентября 1860 г. обвиняла Россию в попытке воспользоваться слабостью Китая, чтобы захватить его. Уже во время Цусимского Инцидента эта же газета

[7] Угольная станция для русских военных кораблей на Средиземном море близ города Ницца, взятая в аренду у Сардинского королевства в 1857 г.

[8] Задержка, в частности, была вызвана семейными проблемами адъютанта графа Муравьева майора Хитрово, который по этой причине сильно припозднился.

назовет причиной покушения[9] на английского посланника в Японии Резерфорда Олкока «нападение» русских на Цусиму [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 58, 60, 83, 265].

Цусимский инцидент 1861 г.

Остров Цусима занимал важнейшее положение на пути из российского Дальнего Востока в Восточно-Китайское море. Для Японии Цусима была также крайне важна – львиная доля торговли после открытия страны проходила через Внутреннее японское море, одним из проходов в которое служит Симоносэкский пролив. Вход в него прикрывает собой Цусима. Для России же Цусима могла стать форпостом-гарантом безопасности русского Приморья.

Княжество Цусима состояло из нескольких островов и по-японски называлось Цусима-Футю-хан. В 1861 г. его возглавлял *даймё* Со Ёсиёри (1818–1890), которого в русскоязычных работах называют также Мунэ Ёсиёри.

Цусима-хан всегда испытывал материковое влияние. На острове шла торговля с Китаем и Кореей, его посещали корейские посольства. В связи с этим остров обладал особой «самостью» [Auslin 2006, p. 78–79]. Население было небольшим, крупных городов не было. Капитан «Посадника» в апреле 1861 г. рапортовал о «15000 душах» на острове [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 168].

Важность Цусимы осознавали и англичане. Английский консул в Хакодатэ писал: «для нас срочной необходимостью является захват Цусимы и превращение её в остров Перим»[10] [Накамура 1983, с. 198–199]. Ценна Цусима для Англии была еще и тем, что по договорам 1858 и 1860 гг. с Китаем англичане не могли иметь баз между рекой Амур и Кореей, и Цусима могла стать альтернативным форпостом английского влияния в этих водах [Auslin 2006, p. 80]. Англичане проводили гидрографические исследования острова на судне «Saracene» в 1855 г. и кораблях «Actaeon» и «Dove» в 1859 г. [Беломор 1897 с. 240; Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 37].

[9] 5 июля 1861 г. 14 самураев из княжества Мито напали на британскую дипломатическую миссию в храме Тодзэндзи (ныне район Минато в Токио). В тот момент там находился консул Британии.

[10] Остров в Баб-эль-Мандебском проливе между Африкой и Аравийским полуостровом. В 1857 г. был занят Великобританией.

В 1859 г. английский капитан Уильям Уорд (1829–1900) потребовал от властей Цусимы открытие портов для английских судов (перечень открытых для торговли японских портов был ограничен Ансэйскими договорами).[11] Тогда между англичанами и местными жителями произошёл конфликт, в ходе которого были жертвы [Накамура 1983, с. 199]. Позднее местные жители рассказали, что «“Actaeon” однажды выпалил картечью по чиновникам, и убил, и ранил двоих или троих» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 170].

Лихачёв узнал о визите англичан на остров из первых рук. Зимой 1861 г. он общался с капитаном судна «Actaeon», которое ранее исследовало остров. По любезному позволению капитана, Лихачёв сумел ознакомится с созданной в результате описи острова картой и прочими работами, а также узнал о планах «Actaeon» вернуться на Цусиму с наступлением весны [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 128–129].

Лихачёв принял решение упредить англичан. Он направляет «Посадник» для «описных работ в Корейском проливе и около острова Тсу-сима»[12]. В рапорте Лихачёв, перечисляя оставленные им в Японии суда, указывает: «[из них] именно корвет «Посадник», который имеет особое назначение, оторвать его от которого я нахожу решительно невозможным […][13]. Очевидно, что Лихачёв специально не распространялся о задании «Посадника».

13 марта 1861 г. в бухту близ деревни Осаки прибыл «Посадник», который 5 марта вышел из Хакодатэ с экипажем в 360 человек[14] [Auslin 2006, p. 77]. Его капитаном был Николай Бирилёв (1829–1882), награжденный несколькими высшими наградами за оборону Севастополя. Бирилёв ранее был ответственным за переговоры с властями Нагасаки по поводу аренды части территории, в чем заметно преуспел. Отношения с японцами в Нагасаки сложились у русских моряков очень неплохие: «[…] в Иедо и Хакодатэ, туземцы нехорошо расположены к европейцам […] здесь [в Нагасаки] же совершенно

[11] Серия так называемых «неравноправных договоров», которые Япония была вынуждена заключить с Западными странами в 1858 г. (пятый год эры Ансэй).

[12] Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник,* № 7, июль 1861, т. 54. С. 31.

[13] Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник,* № 7, июль 1861, т. 54. С. 31, 36.

[14] Рапорты командира корвета «Посадник», капитан-лейтенанта Бирилева. *Морской сборник*, №7, июль 1861, т. 54. С. 50–51.

противное, – европейцы в большом уважении и почтении у японцев»[15]. Возможно, Бирилёв рассчитывал добиться успеха и на Цусиме.

По одной из версий, предлогом к остановке на Цусиме стала необходимость в ремонте [Накамура 1983, с. 198], однако в рапорте капитана Бирилёва, датированным мартом 1861 г., об этом не говорится[16]. 13 марта корабль пристал у берегов Цусима-хан, где, по одним данным, получил разрешение на ремонт [Накамура 1983, с. 198], по другим – начал ремонт вопреки протестам местных властей. Кораблю требовалось заменить фок-мачту и отремонтировать кормовую часть, однако это явно не были серьезные повреждения [Болгурцев 1993, с. 76–78].

Далее «Посадник» переместился в залив Асо. По русской версии, «Посадник» получил разрешение даймё Со Ёсиёри исследовать побережье полуострова Имодзаки [Болгурцев 1993, с. 76–77]. 1 апреля «Посадник» отошел к побережью, где команда высадилась, произвела исследование местности, начала заготовку материалов для строительства долговременных укрытий. Возможно, на то было получено согласие Цусима-хан. На это косвенно указывает то, что вместе с русскими трудилось порядка 15-20 японцев [Болгурцев 1993, с. 76–77; Гришачев С. В. 2015, с. 100–102]. Вместе с русскими они рубили лес, строили склады, лазарет, бани, пристань.

О прибытии русских было доложено *бакуфу*, однако обмен посланиями шел медленно. Следует отметить, что главой правительства *бакуфу* на тот момент был Андо Нобумаса (1819–1871), который возглавил совет *родзю*[17] после убийства своего предшественника, Ии Наосукэ (1815–1860). Наосукэ был убит сторонниками изгнания иностранцев, движения *сонно-дзёи*[18], так как при нем было одобрено заключение новых торговых Ансэйских договоров в 1858–1859 гг., а также были начаты масштабные репрессии против

---

[15] Известия о плавание наших судов за границей. *Морской сборник,* №1, январь 1861, т. 51. С. 39.

[16] Рапорты командира корвета «Посадник», капитан-лейтенанта Бирилева. *Морской сборник*, №7, июль 1861, т. 54. С. 51.

[17] *Родзю* – «старейшина». Высшая должность советника в аппарате правительства сёгуната Токугава.

[18] «Почитание императора – изгнание варваров». Политический лозунг, провозглашенный Аидзава Сэйсисай (1782–1863) в его работе «Синрон» («Новая теория»). В 1850-х гг. вдохновил масштабное политическое движение, призывавшее к немедленному изгнанию из Японии иностранцев и к почитанию императора сёгунатом.

оппозиции сёгунату. В связи с его убийством и началом по всей стране волны террора против сторонников *бакуфу*, Андо Нобумаса старался снизить градус накала внутри страны и не делать никаких резких движений. На самого Нобумаса в 1862 г. также будет совершено покушение. Период с 1860 по 1864 гг. отмечен регулярными поджогами иностранных сеттльментов, покушениями на иностранцев и их доброжелателей из числа японцев, первыми вспышками гражданской войны.

Кроме того, Нобумаса имел придворный титул Цусима-но-ками, т.е. «владыка Цусима». Хотя этот формальный титул никак не был связан с землями, которыми в действительности владел Нобумаса (его владения находились в Ивакитайра-хан на Тохоку), этот фактор мог оказывать на него дополнительное давление.

При рассмотрении Цусимского инцидента необходимо учитывать внутриполитическую обстановку не только в Японии в целом, но и внутри Цусима-хан в частности. Элиту большинства княжеств того периода раздирали внутренние противоречия. Если говорить более конкретно, то это был конфликт между условными «радикалами» и «консерваторами», под которыми стоит подразумевать сторонников изгнания иностранцев и почитания императора и сторонников союза с *бакуфу*. Княжество Цусима не было исключением. Внутри него также шел спор по поводу противодействия с иностранцами. Для Цусима это было тем более актуально, ибо остров между Кореей и Японией мог легко стать добычей для внешних сил. События 1859 г. с англичанами и 1861 г. с русским кораблем лишь подстегивали этот конфликт внутри элиты Цусима. Со Ёсиёри пытался решить всё мирным путем, не вызывая волнений в народе. Несколько раз он посылал на «Посадник» посланников, расспрашивая команду о целях пребывания.

Между Цусима-хан и *бакуфу* были непростые отношения. Уже после того, как Цусимский инцидент разрешился не в пользу России и было решено передать русские постройки властям острова, *бакуфу* просило консула Гошкевича, чтобы они были переданы именно в управление сёгуната, так как передача местным властям их не устроила [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 268].

На то у сёгуната были основания. Еще в 1858 г. сёгунат хотел получить земли Цусима-хан в прямое управление, предлагая роду Со переселиться в провинцию Кавати (современная префектура Осака),

однако из-за нежелания лишаться земли предков и привычного образа жизни, элита домена Цусима воспротивилась этому намерению. Сёгунат в этот период уже терял влияние, так что осуществить свое желание он не смог. После Цусимского инцидента главный вассал Цусима-хан Сасу Иори (1802–1862) попытался вместе с Андо Нобумаса вновь разработать план обмена земель Цусима на другую территорию, однако он был раскрыт, а самого Иори убили радикальные вассалы Цусима-хан [Akio 2010, p. 373]. Власть в Цусима-хан перешла в руки радикальной партии, и в 1862 г. она заключила союз с другим оппозиционным сёгунату княжеством – Тёсю, правители которого были связаны брачными узами с Со. Однако, после поражения Тёсю в ходе так называемого «Первого карательного похода»[19] 1864 г., этот союз выльется в гражданскую войну в княжестве Цусима в 1864–1865 гг., когда сторонники союза с сёгунатом поднимут восстание против власти радикалов, убив в процессе сотню вассалов Цусима. Закончится это все политическим хаосом, истощением и без того скудных финансов, ослаблением княжества.

Капитан «Посадника» Бирилёв по прибытии на Цусиму попытался вступить в переговоры с главой княжества Со Ёсиёри, заявив, что англичане готовятся захватить остров. Он предлагал защиту и покровительство [Накамура 1983, с. 199]. Слова его не были в данном случае блефом. Россия с опасением наблюдала за активностью английских судов в 1855 и 1859 гг. в прибрежных водах острова. До консула Гошкевича периодически доходили слухи о намерениях Англии занять остров, которые он передал при встрече Лихачёву: «В то же время японские чиновники под величайшим секретом и с непритворным беспокойством несколько раз сообщали русскому консулу и адмиралу о намерении *одной великой державы* [выделено – *Р. Д.*], Англии – завладеть Тсу-Симою» [Беломор 1897, с. 246–247].

Помимо «Посадника», на русскую станцию на Цусиме в разное время заходили также суда «Наездник», «Разбойник», «Светлана» и т.д. Судя по всему, присутствие русских в водах острова Цусима беспокоило японцев, живших в Имосаки. Согласно одной версии, у них произвели конфискацию территорий для русских построек, по другой же, местных беспокоили слухи о том, что Бирилёв собирался

[19] Первый и второй карательный походы против Тёсю 1864 и 1865-66 гг. – военные походы сёгуната Токугава против мятежного Тёсю-хан. Закончились неудовлетворительно для сёгуната, еще сильнее пошатнув авторитет *бакуфу*.

арендовать часть острова в этом районе, что в конечном итоге также грозило им потерей земель [Накамура 1983, с. 199–200].

Помимо занятий лесозаготовками и строительства, подчиненные Бирилёва заходили вглубь острова, охотились, брали лошадей, ходили в горы. Удалось вырыть колодец, строились угольные склады, дома для командиров. Однако, по посланиям самого Бирилёва можно сделать вывод, что он не до конца понимал настроения местных жителей. В рапорте он писал: «[…] дело шло на лад, дружба царствовала во всей силе» [Накамура 1983, с. 199]. Было ли то умышленное преувеличение, или он добросовестно заблуждался, не до конца ясно.

Сам Лихачёв посещал Цусиму 8 и 28 апреля 1861 г. Он отмечал добродушное отношение японцев[20] [Широкорад 2005, с. 177; Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 167, 179], однако ругал Бирилёва за медлительность: «Дела Бирилева идут весьма плохо. Он в течении месяца не дождался ничего. Излишне осторожен, подчиняется всяким японским придиркам и допускает разные стеснения. Умеет ладить с японцами, но если будет продолжать так, то я боюсь, что решительно ничего не сделает» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 170]. Осмотрев местность, Лихачёв примерно оценил, где можно было бы разместить батареи, редуты или башни, что позволило бы в будущем контролировать главный рейд. По его мнению, место для станции было идеальное [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 170, 180]. Во время второго визита Лихачёв отметил, что «дела, кажется, идут хорошо» и что у Бирилёва все же «есть достоинства». В рапорте на имя Великого Князя он также писал: «Здесь приступлено уже к устройству некоторых временных заведений […]. Необходимые материалы и рабочих доставляют сами Японцы добровольно, за условленную плату». «[..] все, однако же, устроилось вполне дружелюбным образом, благодаря благоразумию и искусству [..] Бирилева» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 179–181, 311–312].

Реальное отношение местных к русскому присутствию оценить сложно. Вполне возможно, что часть населения действительно относилась к русским доброжелательно, однако нельзя забывать о царивших в Японии анти-иностранных настроениях и конфликте внутри элиты Цусима-хан.

---

[20] Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник*, №7, июль 1861, т. 54. С. 36.

Вопреки сообщениям Бирилёва, 21 мая 1861 г. произошел конфликт. Русские моряки на небольшой лодке предприняли попытку пройти водные врата Офунакоси[21]. В тот период на этих вратах стояла пограничная застава *бансё* (番所) *бакуфу,* и суда не могли просто так пройти через них. Когда русские попытались прорваться, жители местной деревни под руководством некого крестьянина Ясугоро, а также несшие здесь службу самураи предприняли попытку не допустить этого, бросая в русских камни и ветки. В итоге Ясугоро был застрелен моряками, а еще два японца были пленены. Позднее один из них скончался. [Накамура 1983, с. 200; Auslin 2006, p. 79]. Полное имя убитого было Мацумура Ясугоро (1823–1861) и он действительно был земледельцем, вставшим во главе недовольных местных жителей. Фамилию Мацумура ему даровали после смерти, вместе со статусом воина[22]. В плен на «Посадник» попали рядовые самураи Ёсино Кадзуносукэ и Оцука Сэйдзо. Ёсино в плену откусил себе язык, после чего умер от кровопотери уже после того, как двоих пленных отпустили. Сложно оценить реальную причину кровопролития, учитывая, что ранее сам Лихачёв проходил этими местами и, как он отмечал, «Японцы сильного и открытого сопротивления не оказывали» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 170].

Обоим погибшим возвели памятник и почитают ныне в святилище Ясукуни. В некоторых источниках Ясугоро называют самураем, а Кадзуносукэ и Сэйдзо иногда называют крестьянами [Широкорад 2005, с. 178]. Путаница, скорее всего, вызвана тем, что два упомянутых самурая были *госи*, то есть «сельскими самураями», и могли напоминать земледельцев своим видом. Поскольку Ясугоро даровали

---

[21] Небольшой пролив, разделяющий северный остров Камидзима и южный Симодзима. Т.к. пролив Офунакоси высыхает во время отлива, два острова иногда считают одним целым.

[22] Kagimoto, Y. (2015) *Matsumura Yasugorō to Yoshino Kazunosuke no ishibumi. Ōfunakoshi Seto* [Monument of Yasugoro Matsumura and Kazunosuke Yoshino. Ōfunakoshi strait] https://yurapuka.net/tsushima/2015/03/31/%E6%9D%BE%E6%9D%91%E5%AE%89%E4%BA%94%E9%83%8E%E3%81%A8%E5%90%89%E9%87%8E%E6%95%B0%E4%B9%8B%E5%8A%A9%E3%81%AE%E7%A2%91%E3%80%80%E5%A4%A7%E8%88%B9%E8%B6%8A%E7%80%AC%E6%88%B8/;

Roshia gunkan no ōbō soshi shita Tsushima jiken. Gisei ni natta tōmin tatae, rekishi tsutaeru futatsu no ishibumi [«Tsushima Incident» that stopped the arbitrariness of Russian warships. Two monuments commemorating the victims of the islanders are conveying their history]. *Yomiuri Shinbun*, *Local Kyūshū news*, 14.06.2023. https://www.yomiuri.co.jp/local/kyushu/news/20230613-OYTNT50127/

статус самурая после смерти, его могут ошибочно относить к воинскому сословию еще при жизни.

После случившегося Со Ёсиёри попытался снизить накал напряженности, сообщив своим подданным, что «Это дело государственное и следует обратиться по этому поводу к правительству *бакуфу*, мы направим туда гонца. Поскольку решается судьба дома Мунэ [Со], прошу проявить преданность, чтобы не запятнать имени дома» [Накамура 1983, с. 200; Широкорад 2005, с. 178]. А опасения были вполне реальны: еще до конфликта чиновники Цусима наблюдали собрания местных жителей, на которых они обсуждали необходимость силой изгнать русских с острова [Auslin 2006, p. 79].

В этот момент ситуация переросла именно в то, от чего предостерегал Лихачёва Великий Князь Константин. Из местной морской сделки ситуация переходила в международный конфликт, в который решило вмешаться *бакуфу*.

Следует заметить, что в водах Цусима в тот период находилось также 2 японских и 1 английский военный корабль [Auslin 2006, p. 79]. Когда в мае 1861 г. русские моряки и японские рабочие возводили постройки для русской станции, Имосаки посетил английский фрегат «Actaeon» в сопровождении двух канонерских лодок. Российская сторона любезно приняла гостей, поделившись с ними информацией и припасами. Англичане, скорее всего, передали информацию о присутствии русских британскому посланнику в Японии, так как почти сразу после этого визита к консулу Гошкевичу стали поступать настоятельные просьбы отозвать корабли с Цусимы [Болгурцев 1993, с. 78]

14 июня на Цусиму прибывает посланник сёгуната Огури Тадамаса (1827–1868), который в тот период занимал пост управляющего иностранными делами. Выбор столь высокого должностного лица в качестве посланника на остров говорит о том, какое важное значение сёгунат предавал этому инциденту [Накамура 1983, с. 200]. Еще раньше управляющий города Нагасаки Окабэ Нагацунэ (1825–1867) посылал на Цусиму и близлежащие княжества инструкции предпринять осторожные меры, однако ничего конкретного сделано не было. Параллельно с отправкой Огури Тадамаса на Цусиму сёгунат приказал управляющему Хакодатэ Мурагаки Норимаса (1813–1880) выразить протест консулу России в Хакодатэ Гошкевичу [Auslin 2006, p. 80].

В ходе переговоров Тадамаса потребовал, чтобы русские покинули остров, однако Бирилёв отказался, отметив, что не сделает это без приказа [Накамура 1983, с. 200]. Тадамаса, в свою очередь, твердым отказом ответил на просьбы Бирилёва об аудиенции с правителем Цусима-хан. Возможно Тадамаса считал, что предоставление аудиенции было бы равнозначно признанию прав русских находится на острове, что он считал категорически незаконным. Стремление Бирилёва встретиться с местными властями понятно. Именно этого хотел от него Лихачёв – сделки с местным правительством.

27 июня переговоры с Огури Тадамаса были прерваны, и он отправился в Эдо. Там он попытался предложить *бакуфу* перевести Цусима в прямое владение сёгуната, а также провести переговоры по поводу этого инцидента в официальной дипломатической манере, обратившись к международному сообществу, однако ему отказали. Он был против вмешательства Британии, заявляя, что это все равно, что «прогнать тигра от парадных ворот и пригласить волка к задним»[23]. Не сумев убедить *бакуфу*, Тадамаса уходит в отставку [Tanabe 1966, p. 177–185; Yokoyama 2001, p. 109–125]

Цусима-хан, оставшийся без поддержки *бакуфу*, был вынужден в итоге дать Бирилёву аудиенцию с Со Ёсиёри 8-9 июля 1861 г. [Болгурцев 1993, с. 77–78]. Бирилёв преподнес Ёсиёри дары: оружие, порох, подзорную трубу и домашнюю птицу как своего рода извинение за долгое пребывание. Бирилёв предложил властям Цусима свое покровительство взамен аренды берегов Имодзаки, за что передал бы Цусима 50 пушек. Со Ёсиёри решил не брать на себя ответственность, поэтому заявил, что хочет, чтобы Бирилёв вел переговоры напрямую с сёгунатом, что шло вразрез с планами Лихачёва. Тем не менее сохранился следующий приписываемый чиновникам Цусима документ:

«Князь Тсу-Симский вполне желает принять покровительство России во всех отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Татамура, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем. Мы просим Русское

[23] *Tsushima jiken no tsūsetsu o tadasu* (Revealing the myths about the Tsushima Incident) http://tozenzi.cside.com/tusimajiken.html#%E9%80%9A%E8%AA%AC%E3%80%80%EF%BC%92

Правительство снабдить нас сколько будет можно новейшими огнестрельными оружиями, а также и просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу […] просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться искоренять их веру […] Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо» [Болгурцев 1993, с. 77–78].

Действительно, в дневнике Лихачёва от 29 апреля 1861 г. есть запись относительно разговоров Бирилёва с чиновником Цусима, которые они вели за обедом: «Из их разговоров можно заключить, что мы бы здесь все сделали, если бы у нас был в Иеддо [Эдо] кто-нибудь, чтобы действовал с нами заодно и сколько-нибудь помог бы нам подвинуть вопросы. Все здешние говорят только, что жена и сын князя […] в Иеддо» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 180]. По этому сообщению можно сделать вывод, что фактор нахождения семьи главы Цусима в заложниках в Эдо[24] имел влияние на нежелание местных перечить *бакуфу*. Сын правителя Цусима, как сообщали Лихачёву, находился в Эдо в качестве наказания за визит англичан на остров в 1859 г. [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 170].

Гошкевич трижды встречался с Мурагаки Норимаса и в ходе бесед разъяснял ему, что идея аренды части Цусима – личная инициатива и самоуправство Бирилёва. В цели русских, по мнению Гошкевича, входило лишь защитить Цусиму от нападок Англии [Накамура 1983, с. 201].

Пытаясь найти выход из данной ситуации, правительство *бакуфу* решилось на радикальные меры и обратилось за поддержкой к английскому посланнику Резерфорду Олкоку, который в середине августа направил на Цусиму два судна под командованием адмирала Джеймса Хоупа (1808–1881) [Накамура 1983, с. 201; Auslin 2006, p. 80]. Этот шаг показывал слабость *бакуфу.* Кроме того, это могло привести к занятию острова уже Британией. Андо Нобумаса удалось убедить англичан в угрозе их торговым интересам со стороны действий Бирилёва. С Хоупом Лихачёв был знаком, они встречались несколько раз в водах Китая [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 49, 56].

[24] *Санкин котай* – «поочередное прибытие на службу», система обязательных для *даймё* и их семей долгосрочных командировок в Эдо. Сочетала в себе механизм финансового давления на удельных правителей, а также элемент заложничества.

Для Британии было важно сохранить нейтральный или зависимый статус Цусимы, которая, как, впрочем, и Япония, выступала бы аналогом Сиама в Юго-Восточной Азии, разграничивая сферы влияния Великих Держав. 28 августа адмирал Хоуп прибыл на Цусиму и передал капитану Бирилёву письмо с протестом на имя Лихачёва [Auslin 2006, p. 81–82]. Одновременно продолжалось давление на Гошкевича. Он заявил Мурагаки Норимаса: «"Посадник" должен уйти, приказ командующего Лихачева давно находится в пути».

Стоит отметить, что три стороны конфликта – Россия, Великобритания и Япония – по-разному описывают фактор вмешательства англичан. С позиции России, японцы были вынуждены отказаться от переговоров с русскими по поводу Цусимы именно под давлением англичан, в то время как власти острова уже были готовы удовлетворить все требования русских. Позиция Великобритании состоит в том, что японцы попросили помощи англичан в деле избавления от «русской агрессии» [Auslin 2006, p. 80–81]. Японцы же не придают действиям англичан столь большого значения, называя дальнейшее вмешательство Великобритании демонстрацией для сохранения баланса сил в Азии. Отдельно отмечается, что именно англичане предложили свою помощь. В третьем издании «Исторического словаря Обунся» указано, что русские были вынуждены уйти из-за сопротивления княжества Цусима и его жителей, а также из-за давления со стороны британских военных кораблей. Действительно, действиям Хоупа на Цусиме зачастую придается образ «решительного противостояния» в духе эпохи «Большой игры», однако на деле эффект его прибытия был ограничен. Бирилёв после своего визита никуда не делся, ссылаясь на отсутствие приказа. Если и искать причины ухода русских, то в событиях куда как более ранних. 17 июля управляющий Хакодатэ Мурагаки Норимаса впервые довел до Гошкевича позицию сёгуната относительно Цусимского инцидента, требуя ухода русских. Гошкевич обещал оповестить об этом Лихачёва. Норимаса повторил свой запрос 8 августа, попутно намекая на недовольство дипломатов западных стран в Эдо действиями России. Он повторил протест 9 и 14 сентября. Уже тогда стало очевидно, что дело выходит за рамки дозволенного. Уже тогда уход русских был предопределен.

Что касается Лихачёва, то еще 7 июня до него начали доходить вести о переходе ситуации на Цусиме в кризисную фазу. Он в этот период находился при губернаторе Приморья и выполнял задачи по

снабжению поселений. В первых числах августа Лихачёв посылает «в помощь Бирилёву» судно «Опричник», а другое – «Абрек» – в Хакодатэ. «Опричник» должен был доставить на Цусиму приказ об отступлении. 27 августа сам Лихачёв решил идти в Хакодатэ, зайдя по пути в залив Ольга[25]. В заливе 18 сентября он обнаружил оставленное ему послание адмирала Хоупа, который был здесь 5 сентября. «Он был на Тсу-Симе, где написал Бирилёву бумагу […]. Бумага заключает протест против занятия нами места на берегу в Тсу-Симе» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 249, 262].

Решение об отступлении с Цусимы Лихачёв принял примерно в начале августа, а англичане решились на отправку кораблей к Цусиме 14–15 августа, то есть уже после. Следовательно, действия англичан могли подгонять отступление русских, но не предопределили его[26].

Далее Лихачёв, понимая, что Цусимская авантюра окончательно провалилась, рассуждает в своем дневнике о главных, по его мнению, причинах этого провала. Во-первых, если бы послание пришло в августе 1860 г., а не в декабре, то можно было бы действовать «под гром китайской войны». Теперь же нельзя было ожидать от англичан бездействия. Во-вторых, для успеха нужен был дипломатический тыл. Если бы Гошкевич получил инструкции из Петербурга (а он их не получал совсем) и остался бы в Эдо хотя бы ненадолго, то смог бы понять настроение *бакуфу* по поводу Цусимы и следить за его шагами. В-третьих, факт назначения Лихачёва с эскадрой в помощь губернатору Приморской области сильно отвлёк его от дел на Цусиме. «Я взялся за дело с самыми ничтожными надеждами на успех, построенными единственно на умении и ловкости Бирилёва, и, может быть, слишком понадеялся на свою звезду и на авось. Надо было ничего не делать. […] Пишу это 14 сентября [через неделю] и все не могу прийти к хладнокровному состоянию: я теряю тут, может быть, всю будущность свою. Но, однако, понимаю, что как дело это мне ни дорого, как оно может быть ни важно для России, – должно его тушить», резюмировал Лихачёв, явно пребывая в подавленном настроении [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 262–263].

---

[25] Ольга – залив Японского моря в Приморском крае России. Местоположение одноименного населенного пункта.

[26] *Tsushima jiken no tsūsetsu o tadasu* (Revealing the myths about the Tsushima Incident) http://tozenzi.cside.com/tusimajiken.html#%E9%80%9A%E8%AA%AC%E3%80%80%EF%BC%92

Когда Лихачёв прибыл 20 сентября 1861 г. в Хакодатэ, то здесь обнаружил «Абрека», которому Хоуп также оставил дубликат послания. Как отмечает Лихачёв, в народе начала хождение некая бумага, в которой приводилось «донесение князя Тсусимского о нападении на него русскими». Отдельно Лихачёва удивляло то, что буквально все в курсе, что на Цусиме что-то происходит: «Какого же ждать исхода при таких условиях?» Попутно на Гошкевича активно давили местные власти, в результате чего Лихачёв предложил отправить «Абрек», дабы отозвать русские суда с Цусимы: «желая доказать им наше искреннее расположение», так как на тот момент и «Опричник», и «Посадник» еще были на Цусиме [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 265–266]. 23 сентября «Абрек» вышел в море, на нем также отправились два японских чиновника.

Стоит отметить, что власти Хакодатэ также заявили Лихачёву, что собираются разрешить англичанам исключительное право на морскую съемку территории Японии. По словам Лихачёва, он в феврале и марте просил Гошкевича получить это право у японцев. Лихачёв выразил протест японцам, заявив, что у него должны быть те же права, что и у англичан. Японцы отвечали уклончиво, обещая написать в Эдо [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 266].

19 сентября «Посадник» покинул остров Цусима, а 26 сентября он прибыл в Хакодатэ, сообщая, что «у него все там было благополучно». 3 октября в Хакодатэ пришел «Абрек», который ранее 29 сентября одновременно с «Опричником» покинул Цусиму. «Опричник» ушел в Шанхай [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 267–268]. В контексте конфликтов с местными жителями достаточно необычно выглядит рапорт капитана судна «Опричник» – «Я простился с здешними японцами так, как, может быть, не прощался с моими земляками. Был ли то обман с их стороны или непритворное чувство приязни, но, по-видимому, сожаление о разлуке с нами было непритворное, что же лично до меня касается, то я их вполне люблю» [Накамура 1983, с. 202].

Официальной позицией Министерства иностранных дел было то, что инцидент был спровоцирован Лихачёвым и Бирилёвым без санкции русского правительства. 6 октября 1862 г. Гошкевич писал в Петербург: «Японцы остались не совсем уверены в том, что командир корвета «Посадник» зашел на остров Цусима по необходимости для исправления повреждений, хотя и выражают это сомнение одними

намёками. В общем же этот поступок не относят нисколько к распоряжениям нашего Правительства, но главную идею приписывают начальнику эскадры, а подробнее, особенно насильственные меры, падают на командира корвета, который поэтому прозван Цусимским героем и сравнивается с Хвостовым и Давыдовым» [Соколов 2016, с. 55]. Само по себе сравнение Бирилёва с Хвостовым и Давыдовым, чьи имена для японцев стали синонимом агрессии против их страны, может многое говорить об их отношении к инциденту.

Отдельно стоит отметить, что Лихачёв изначально не нашел в Гошкевиче союзника в Цусимской истории. 18 апреля 1860 г. он писал: «Гошкевич не разделяет моих видов на остров Тсу-Сима. Он принял тот образ действий, какой, конечно, мог: предостерегать японцев от англичан и уговаривал их, чтобы они только держали его au fait [в курсе] всех действий и попыток англичан. […] Но едва ли на это можно полагаться. Надо только найти предлог или случай, чтоб, как можно менее компрометируя себя, предупредить тут англичан […] [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 21–22]. Во время визита обоих в Эдо в марте 1861 г. Лихачёв выразил недовольство Гошкевичем, заявляя, что «Он до такой степени легкомыслен и ветрен, что успел уже японцам наговорить о Тсу-Симе […], на что ни права, ни полномочия никакого не имел». Гошкевич достаточно сильно верил своим японским коллегам, в то время как Лихачёв считал, что он заблуждается в их намерениях, говоря, что «[..] они, кажется, в него и в нас не верят на копейку» [Русские моряки на Дальнем Востоке… 2021, с. 157, 266–267].

Заключение

Анализируя Цусимский инцидент 1861 г., мы можем получить ценную информацию сразу по нескольким вопросам.

В этих событиях прослеживаются контуры потенциального глобального плана России по расширению своей сферы влияния на Дальнем Востоке. Воспользовавшись тем, что англо-французские войска заняты войной в Китае, командир дальневосточной эскадры Лихачёв должен был создать опорные пункты в Нагасаки и Цусиме, добыв таким образом для России незамерзающие порты. Возникшее по итогам Крымской войны опасение замыкания кораблей русского флота в пределах портов и прибрежных вод сильно беспокоило Лихачёва,

и дальнейшие события отечественной истории покажут обоснованность этих опасений. Однако данный план так и не стал частью политики правительства, ибо подобные амбиции разделяли далеко не все. Следовательно не стоит расценивать инициативу Лихачёва как целенаправленную политику России. Однозначно этих планов придерживался сам Лихачёв, в руках которого и были непосредственные рычаги управления на местах. Цусимский инцидент стоит рассматривать именно как его инициативу, которая, в случае успеха, была бы одобрена правительством России, однако в случае любых препятствий со стороны Японии или третьей страны предполагалось от идеи отказаться и считать все действия дальневосточной эскадры самоуправством. В итоге, реальная обстановка на местах и противодействие англичан не позволили реализовать планы по закреплению на Цусиме.

Цусимский инцидент даёт и интересную перспективу внутриполитической ситуации в Японии. Инцидент развивался в сложный для правительства сёгуната период смуты. *Бакуфу* ревностно реагировало на события в проблемном для них регионе, стараясь не давать волю каким бы то ни было сепаратным договоренностям. Успех русских моряков в переговорах с местными властями городов Хакодатэ и Нагасаки, а также в целом доброжелательное отношение местных японцев могли внушить Лихачёву и Бирилёву надежду на успех и на Цусиме. Однако, в отличие от Хакодатэ и Нагасаки, которые находились в прямом управлении сёгуната Токугава, Цусима была удельным княжеством, не имевшим полномочий вести переговоры и заключать сделки, а также давно находившимся под подозрением *бакуфу*.

Реакция местных жителей отражает отношение японцев к иностранцам. Русские моряки свидетельствуют о «доброжелательном» отношении японцев. Местные жители и чиновники княжества вполне могли установить с русскими «рабочие» отношения, в то время как другая часть населения Цусимы видела в иностранцах лишь угрозу. Раскол общества – характерная черта периода *бакумацу*.

Инцидент вынудил японское правительство, возможно, впервые обратиться за иностранной помощью. Было ли вмешательство Англии навязано японскому правительству или инициировано им – в любом случае, это был очередной признак слабости власти *бакуфу*. Тем не менее, ему удалось использовать одних иностранцев против других, отстоять целостность страны и не дать никакой третьей стороне занять остров. Впоследствии Лихачёв писал: «Одного только

мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров» [Широкорад 2008, с. 33]. Кроме того, соглашательская позиция по Цусимскому вопросу могла вызвать у западных стран мысль о дозволенности аналогичных действий на землях Японии.

Действия Бирилева, которые многие японцы восприняли как агрессию, прервали продолжительный период доброжелательных отношений между русскими и японцами в дипломатическом плане, напомнив последним о действиях Хвостова и Давыдова в начале XIX в. Страх перед «северной угрозой» был реальным фактором во внутренней политике Японии периода *бакумацу*. В 1866 г. на острове Хоккайдо завершается строительство крепости в европейском стиле – Горёкаку, которая призвана была защитить Японию от русского вторжения. В этой же крепости в 1868–1869 гг., уже после падения власти Токугава, расположился штаб восставших против нового правительства бывших вассалов сёгуна, которые мотивировали свой захват Хоккайдо, в частности, необходимостью защищать северные рубежи Японии от России [Романчев 2024, с. 34, 37]. Однако, стоит отметить, что действия России, хотя и нарушали договоренности между Японией и западными странами, едва ли можно сравнить с инцидентом Хвостова. Русские моряки не отличались жестокостью к местному населению, стараясь решить поставленную начальством задачу максимально мирным способом.

Действия Англии и России по недопущению того, чтобы остров Цусима попал в чьи-то руки, являют собой не только очевидный казус «Большой игры», но и являются предтечей той политики, которую позднее назовут «политикой открытых дверей». В широком смысле слова эта политика предполагала равные права для западных держав в экономической и политической деятельности в Китае, но она в целом отражала действия Великих держав и в Японии периода *бакумацу*. Слова Лихачёва о недопустимости эксклюзивных прав англичан на опись японских вод и английские слова о недопустимости эксклюзивных прав русских на Цусиме говорят именно об этом. Все страны должны были иметь равные права на проникновение в Японию, что было закреплено Ансэйскими договорами. В то же время опыт взаимодействия держав в этом регионе, а также нежелание вступать в прямое столкновение говорят о том, что западные страны скорее стремились к сотрудничеству в ходе империалистического раздела этого малоизученного и опасного региона.

Для России инцидент стал важным уроком, показавшим, что слабая заселенность русского Дальнего Востока, слабая эскадра и удаленность от центра сильно сковывали возможности Империи в регионе. Идея о необходимости иметь незамерзающий порт в морях Дальнего Востока еще не скоро вернется в повестку дня.

Англичане же, хотя и заработали определенные политические баллы в глазах японского правительства, уже в 1862 г. вступят с японцами в конфликт, что закончится бомбардировкой английскими кораблями портов Кагосима и Симоносэки[27].

Пример Цусимы показывает, как стремление западных держав сдерживать влияние друг друга в регионах мира формирует политическую повестку в затронутых этим противостоянием странах. Желание России и Англии закрепиться на Цусиме спровоцировало конфликт внутри княжества Цусима, а также между элитой княжества и центральным правительством. Эти противоречия станут причиной гражданской войны в Цусима-хан в 1864–1865 гг., полностью выведя это княжество из политической борьбы периода *бакумацу*.

Цусимский инцидент и действия русской эскадры в 1860–1861 гг. являют собой пример изобретательности и храбрости русских моряков, которые в условиях крайней стесненности ресурсами успешно выполняли свою дипломатическую миссию в Китае, а также утверждали русское владычество на территории будущего Приморья.

Библиографический список

Беломор А. (1897). Тсу-симский эпизод. *Русский вестник*. № 4. Т. 248. С. 234–247.

Болгурцев Б. Н. (1993). Стратегическая ошибка князя Горчакова. *Гангут*. №5. С. 76–79.

Гримм Э. Д. (ред.) (1927). *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925)*. Москва: Издание Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова.

Гришачев С. В. (ред.) (2015). *История российско-японских отношений: XVIII – н. XXI в.* Москва: Аспект Пресс.

[27] В 1863–1864 гг. английский флот участвовал в карательных акциях против княжеств Сацума и Тёсю. Это была реакция на убийство самураями Сацума английского гражданина и на обстрел иностранных судов княжеством Тёсю в 1863 гг.

Накамура С. (1983). *Японцы и русские: Из истории контактов* / пер. с японского с сокр. В. Г. Сапожникова. Москва: Прогресс.

Романчев Д. Д. (2024). Феномен «Республики Эдзо» в истории Японии. Попытка сецессии или акт отчаяния? *Вестник ИВ РАН*. № 1 (27). С. 26–42.

Русские моряки на Дальнем Востоке: дневник начальника эскадры в Китайском море И. Ф. Лихачева. 1860-1861 гг. (2021). / под ред. В. Г. Смирнова. Москва: Паулсен.

Соколов А. Р. (2016). *Россия и Япония. Взаимное открытие*. Москва: Алетейя.

Широкорад А. Б. (2005). *Россия выходит в Мировой океан*. Москва: Вече.

Широкорад А. Б. (2008). *Япония. Незавершенное соперничество*. Москва: Вече.

References

Akio, Y. (2010). *Bakumatsu ishin daijinmei jiten, jōkan* [Encyclopedia of Great People of the End of the Edo Period and the Meiji Restoration Period, Second Volume]. Tokyo: Shin jinbutsu ōrai publishing. (In Japanese).

Auslin, M. (2006). *Negotiating With Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy*. Harvard University Press.

Belomor, A. (1897). Tsu-simskii epizod [The Tsushima Episode]. *Russkii vestnik*, 248 (4), 234–247. (In Russian).

Bolgurtsev, B. N. (1993). Strategicheskaya oshibka knyazya Gorchakova [Duke Gorchakov's Strategic Mistake]. *Gangut*, 5, 76–79. (In Russian).

Eckel, P. (1944). The Crimean War and Japan. *The Far Eastern Quarterly*, 3 (3), 109–118.

Grimm, E. D. (Ed.). (1927). *Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke (1842–1925)* [Collection of Treaties and Other Documents on the History of International Relations in the Far East (1842–1925).]. Moscow: N. N. Narimanov Institute of Oriental Studies. (In Russian).

Grishachev, S. V. (Ed.) (2015). *Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese relations: XVIII – beginning of XXI century.]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Nakamura, S. (1983). *Yapontsy i russkie: Iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians: From the History of Contacts]. Moscow: Progress. (In Russian).

Romanchev, D. D. (2024). Fenomen «Respubliki Edzo» v istorii Yaponii. Popytka setsessii ili akt otchayaniya? [The Phenomenon of the "Republic of Ezo" in Japanese History. An Attempt of Secession or an Act of Desperation?]. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, 1, 26–42. (In Russian).

Russkie moryaki na Dal'nem Vostoke: dnevnik nachal'nika eskadry v Kitaiskom more I. F. Likhacheva. 1860–1861 gg. (2021). [Russian Sailors in the Far East: Diary of the Chief of the Squadron in the China Sea I. F. Likhachev. 1860–1861]. Ed. by V. G. Smirnov. Moscow: Paulsen. (In Russian).

Sewall, J. (1905). *The Logbook of the Captain's Clerk: Adventures in the China Seas*. Bangor, Maine.

Shirokorad, A. B. (2005). *Rossiya vykhodit v Mirovoi okean*. [Russia is Entering the World Ocean.] Moskva: Veche. (In Russian).

Shirokorad, A. B. (2008). *Yaponiya. Nezavershennoe sopernichestvo*. [Japan. Unfinished Rivalry]. Moskow: Veche. (In Russian).

Sokolov, A. R. (2016). *Rossiya i Yaponiya. Vzaimnoe otkrytie*. [Russia and Japan. Mutual Discovery]. Moskow: Aleteiya. (In Russian).

Tanabe, T. (1966). *Bakumatsu gaikō-dan* [Diplomatic Talks at the End of the Edo Period]. Tokyo: Heibonsha. (In Japanese).

Yokoyama, I. (2001). *Bakumatsu ishin to gaikō* [The Era of Bakumatsu-Meiji and Foreign Diplomacy]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 114–137
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 114–137
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-114-137

Награждение японских военнослужащих российскими наградами в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922)

С. В. Гришачев, З. А. Шмакотина

Аннотация

Период от окончания Русско-японской войны до октябрьской революции 1917 г. – это время политического, экономического и культурного сближения России и Японии. Инерция этого сближения определила стратегию в отношении России и в годы Гражданской войны – японская политическая элита сделала ставку на те силы, которые подтверждали преемственность военных и финансовых обязательств Царского и Временного правительств.

В Первую мировую войну страны вступили фактически союзницами, этот союз увенчался договором 1916 г. Элементом сотрудничества стало и его отражение в символических действиях. За годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и, собственно, в годы самой войны российских наград удостоились сотни японских военнослужащих. В статье анализируется состав военнослужащих, какими наградами и за какие заслуги были награждены представители императорского дома, выбравшие военную службу, дипломаты, генералы, а также адмиралы флота и морские офицеры, инженеры и водолазы.

После октября 1917 г. Япония еще несколько лет поддерживала представителей Белого движения, адмирала А. В. Колчака. Кроме того, и даже с большей активностью поддержка оказывалась атаману Г. М. Семенову. Например, японские гарнизоны размещались в Забайкалье с осени 1918 г. с его приходом там к власти. Парадоксальным образом, многие японские офицеры и рядовые были представлены в годы Гражданской войны к российским наградам, чему также есть подтверждения в архивных документах.

Ключевые слова: Россия и Япония в н. XX в.: ордена Российской империи, орден Св. Станислава, орден Св. Анны, орден Андрея Первозванного,

орден Св. Александра Невского, броненосный крейсер «Пересвет», линкор «Императрица Мария», Танака Котаро, принц Канъин, Особый Маньчжурский Отряд.

Авторы:

Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ: 105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5.

E-mail: sgrishachev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6039-9637

Шмакотина Зоя Алексеевна, студентка 5 курса ОП «Востоковедение» Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ: 105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5.

E-mail: Zoya.shmakotina@gmail.com

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Rewarding Japanese Servicemen With Russian Awards During World War I and the Civil War (1914–1922)

Grishachev S. V., Shmakotina Z. A.

Abstract

The period from the end of the Russo-Japanese War to the 1917 October Revolution was a time of political, economic, and cultural rapprochement between Russia and Japan. Moreover, this rapprochement was observed after the events of 1917 for several more years, since, during the Russian Civil War, Japan supported the anti-Bolshevik forces in the Far East.

The two countries entered the First World War as de facto allies; this alliance culminated in the Treaty of 1916. Its reflection in symbolic actions was also an element of this cooperation. In the years before the First World War, and, actually, during the war, hundreds of Japanese servicemen were given Russian awards. The article analyzes the composition of military personnel, what awards and for what

merits were presented to the members of the Imperial House who did military service, diplomats, generals, as well as fleet admirals and naval officers, engineers, and divers.

After October 1917, Japan supported members of the White Movement and Admiral A. V. Kolchak for several more years. In addition, even more active support was provided to Ataman G. M. Semenov. For example, Japanese garrisons were stationed in Transbaikalia starting from the autumn of 1918, when he came to power there. Paradoxically, many Japanese officers and enlisted men were presented with Russian awards during the years of the Civil War, which fact is also confirmed in archival documents.

Key words: Russia and Japan in the beginning of the 20th century, Orders of the Russian Empire, Order of Saint Stanislaus, Order of Saint Anna, Order of Saint Andrew the Apostle the First-Called, Order of Alexander Nevsky, battleship *Peresvet* (*Sagami*), dreadnought *Imperatritsa Maria*, Tanaka Kotarō, Prince Kan'in Kotohito.

Authors:

Grishachev Sergey Victorovich, PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University: 21/4(5), Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: sgrishachev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6039-9637

Shmakotina Zoya Alekseevna, student of the "Asian and African Studies" educational program, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University: 21/4(5), Staraya Basmannaya Street, Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: Zoya.shmakotina@gmail.com

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

В последнее время проведено уже немало исследований по истории российско-японских отношений в н. XX в., свидетельствующих о том, что после войны 1904–1905 гг. между двумя странами наметилось принципиальное геополитическое сближение, а в годы Первой мировой они уже были фактически союзницами. Это сильно корректирует укорененное в отечественной научной литературе,

да и в общественном сознании упрощенное представление о том, что две страны в 1-й пол. XX в. жили лишь в состоянии постоянной конфронтации. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что между двумя странами в этот период регулярно возникали моменты напряженности и даже вооруженные конфликты, однако говорить о системном противостоянии, длившемся четыре десятилетия, все же не приходится [Гришачев 2020]. Периоды обострения отношений сменялись периодами деэскалации, а порой даже и сближения. Более того, динамику двусторонних отношений в указанный период нельзя свести к упрощенной формуле «противостояние–сближение». В реальности процесс был намного более сложным и многослойным.

Нижеприведенное описание ситуаций и причин вручения наград японским дипломатам и военным как раз показывает многофакторность взаимодействия двух государств в обстоятельствах сотрудничества в годы Первой мировой войны и в условиях глубокого внутреннего раскола в России в годы Гражданской войны. И за награждениями, произведенными в эти годы, достаточно хорошо просматривается политическая, дипломатическая и практическая мотивация сторон, что более фактурно высвечивает сюжеты и вопросы, по-настоящему актуальные для двусторонних отношений в описываемый период.

Восстановление отношений между Россией и Японией после 1905 г. и память о войне

Диалог между Россией и Японией вскоре после войны довольно быстро налаживается. Заново устанавливаются дипломатические отношения, теперь уже на уровне послов. Постепенно происходит раздел сфер влияния на северо-востоке Цинского Китая – в Маньчжурии и Монголии, где стороны пытаются не допустить проникновения других держав. Интенсифицируется экономическое сотрудничество, налаживается торговля по железным дорогам Маньчжурии, за которые еще недавно велась ожесточенная борьба.

Сближение сопровождается и символическими событиями, в частности – визитами представителей японского императорского дома. Данная практика была прервана в период войны, но теперь она возобновляется, и чаще всего это непродолжительные посещения, являющиеся частью поездки в Европу. Так, в апреле 1909 г. в Царском селе

Николай II встретился с принцем Куни Куниёси[1], которого сопровождали представители японского посольства. В мае того же 1909 г. подобная встреча состоялась с принцем Насимото Моримаса и его супругой, а весной 1910 г. – с принцем Фусими Саданару и его супругой[2]. Самый известный приезд – визит принца Канъин Котохито, совершенный в 1916 г., – был наиболее продолжительным, он совершался именно в Россию (теперь уже страну-союзницу) и довольно подробно освещался в прессе.

Надо отметить, что вышеуказанные представители японского императорского дома в свое время выбрали военное образование и карьеру, и все они так или иначе приняли участие в Русско-японской войне, за что были удостоены наград на родине. В свете вышесказанного особенно любопытным представляется тот факт, что часть из них во время визитов в Россию уже после 1905 г. были представлены к высшим российским наградам,

Так, например, принцы Куни Куниёси и Насимото Моримаса были награждены орденами Св. Андрея Первозванного, а Фусими Саданару – не только высшим орденом Российской империи, но также еще и орденом Св. Александра Невского [Левин 2003, с. 38; Пономарев, Шабанов 2009, с. 870]. Участников войны с Россией теперь награждали в столице недавнего врага.

В эти годы быстро налаживается и сотрудничество по увековечению памяти погибших в ходе войны 1904–1905 гг., как с одной, так и с другой стороны. Эта память довольно быстро приобретает примирительный, причем порой показательно примирительный характер.

Стороны предприняли множество усилий для того, чтобы захоронить останки и обустроить могилы павших в Маньчжурии, а также скончавшихся в плену в годы войны в самой Японии. Мероприятия по увековечению памяти павших были проведены в торжественной обстановке, с участием дипломатов и военных. Летом 1908 г. Порт-Артур (яп. Рёдзюн) посетил вице-адмирал Н. А. Матусевич (1852–1912). В годы Русско-японской войны он принимал участие в бое-

[1] Принц Куни-но-мия Куниёси 久邇宮邦彦王 (1873–1929) – член императорской фамилии, участник Русско-японской войны, впоследствии фельдмаршал. Принц Насимото-но-мия Моримаса 梨本宮守正王 (1874–1951) – военный, в чине капитана участвовал в войне 1904–1905 гг., впоследствии фельдмаршал. Принц Фусими-но-мия Саданару 伏見宮貞愛 (1858–1923) – участник Японо-китайской и Русско-японской войн, впоследствии фельдмаршал.

[2] РГИА Ф. 473, оп. 2, д. 1951, л. 4–11

вых действиях, в частности – в сражении в Желтом море. К 1908 г. он дослужился до должности начальника Владивостокского порта. В сопровождении японских военных он посетил церемонию открытия памятника русским защитникам Порт-Артура. После этого визита он предложил наградить сопровождавших его двух японцев: старшего лейтенанта Матида Бунъити он ходатайствовал представить к ордену Св. Анны 3-й степени, а переводчика Хино Бумпэй – к ордену Св. Станислава 3-й степени[3].

Кроме того, в Петербурге обсуждался вопрос о награждении знаками отличия членов японской комиссии по сооружению памятника русским защитникам Порт-Артура, а также тех, кто принимал российскую делегацию на открытие этого памятника.

В ответ в сентябре 1908 г. Н. А. Матусевич прислал российскому генконсулу в Дальнем (яп. Дайрэн) Н. А. Распопову серебряный венок с просьбой возложить его на братскую могилу теперь уже японских моряков, павших под Порт-Артуром. Как сообщал в донесении от 16 сентября 1908 г. сам Н. А. Распопов, «Японские власти, уведомленные о таковом акте нашего адмирала, воспользовались этим случаем, чтобы вновь подчеркнуть свои дружественные к нам чувства»[4]. Поэтому возложение венка было обставлено торжественно. Н. А. Распопова встречал адмирал Эгасира Ясутаро. Вместе они поднялись на Перепелиную гору, где был выстроен почетный караул и оркестр. Н. А. Распопов возложил венок, присланный адмиралом Матусевичем, под звуки японской традиционной музыки. После церемонии состоялся совместный завтрак[5]. Мероприятия по увековечению памяти русских солдат и моряков столь же торжественно проводились и в других местах[6].

Японская сторона по дипломатическому этикету совершала ответные жесты. Интересный случай произошел летом 1910 г.,

---

[3] РГАВМФ Ф. № 417, оп. № 5, д. № 3110, л. 1–2. Однако впоследствии, по неустановленным причинам, японская сторона исключила последнего из списка награждения: Там же: РГАВМФ Ф. 417, оп. 5, д. 3110, л. 4–5.

[4] РГАВМФ Ф. 417, оп. 2, д. 1099, л. 319–320

[5] Там же: РГАВМФ Ф. 417, оп. 2, д. 1099, л. 319–320

[6] В 1908 г. на о. Оки (преф. Симанэ) была обустроена братская могила русских моряков, чьи тела выбросило на берег после Цусимского сражения. Над могилой был установлен памятник силами общества местных японских военных и местной же администрации, а на церемонии его открытия присутствовало около 500 человек. Русское посольство профинансировало установление ограды вокруг этого памятника.

когда военная делегация во главе с генерал-майором Хосино посетила г. Харбин для того, чтобы от лица императора Мэйдзи лично вручить награды российским офицерам, которые присутствовали в Порт-Артуре на открытии памятника павшим русским же воинам. Награды были приняты, однако в ответ на запрос министра финансов В. Н. Коковцова, как поступить в данной ситуации, военный министр В. А. Сухомлинов передал волю государя. Николай II хотя и посчитал это событие жестом исключительной международной вежливости, не имеющим еще прецедента, тем не менее, рекомендовал пока оставить его «без соответствующего ответного акта и отложить таковой до первого подходящего случая, когда представится возможным оказать японскому правительству с нашей стороны подобное же внимание»[7]. Таким образом, царь, видимо, полагал, что у ответного дипломатического жеста должно быть какое-то обоснование и повод.

Так или иначе, все эти действия говорят о том, что вчерашние соперники довольно быстро стали проявлять официальную симпатию по отношению друг к другу. Разумеется, это было не изъявлением некой дружбы народов, а символическим оформлением геополитического сближения, столь необходимого на тот момент, а также и знаком элитам обеих империй.

Военное сотрудничество в 1914–1917 гг. и символические награждения августейших персон и высших военных чинов

Как известно, в годы Первой мировой войны Россия и Япония вступили уже союзниками. И хотя японские солдаты так и не оказались в окопах на европейском театре боевых действий, тем не менее, сотрудничество в военном и военно-экономическом аспекте между двумя империями было достаточно заметным. Россия разместила в Японии колоссальные заказы на изготовление и поставку вооружения для армии – винтовки, патроны, пехотный саперный инструмент и т.д. Японские военные наблюдатели были направлены в разные рода войск русской армии – пехоту, флот, артиллерию и др.[8] В Петроград

[7] РГИА Ф. 560, оп. 45, д. 70, л. 153.

[8] Довольно остро и долго обсуждался вопрос об отправке японских добровольцев на фронт, однако, несмотря на желание большого количества волонтеров, сам этот факт пока

с гуманитарной миссией прибыл и два года (с 1914 по 1916 гг.) работал госпиталь японского Красного креста [Пестушко 2008].

Элементом этого сотрудничества было даже военное сотрудничество на море. После того, как в августе 1914 г. германский крейсер-рейдер «Эмден» захватил шедший из Нагасаки во Владивосток пароход «Рязань», по просьбе из Петрограда японское военно-морское командование отрядило два миноносца для охраны русских торговых судов в своих территориальных водах [Павлов 2014, с. 14].

Как и прежде, в годы Первой мировой войны символическим подтверждением росийско-японского сближения становятся показательные награждения высокородных и высокопоставленных лиц. Наиболее ярким эпизодом здесь следует назвать визит великого князя Георгия Михайловича, посетившего Японскую империю в январе 1916 г. Этот визит имел важное политическое значение – помимо выражения уважения и дружеских чувств к стране-союзнице, необходимо было внушить японскому правительству, бизнесменам и финансистам необходимость скорейшего налаживания и увеличения производства вооружения для русской армии. Визит был обставлен очень торжественно, и в программу встреч великого князя входил чуть ли не весь истеблишмент Японии, начиная с императора Тайсё.

В ходе личной встречи с японским императором была выражена благодарность за уже оказанную союзническую помощь. После этого в знак благодарности от лица Николая II японской монаршей чете были преподнесены награды – императору Тайсё орден Св. Андрея Первозванного, а его супруге – орден Св. Екатерины. На следующий день император Тайсё отправил на имя императора Николая II телеграмму, в которой выражал признательность за врученные знаки [Барышев 2009, с. 62–63].

В тот же день великий князь Георгий Михайлович нанес визит одному из влиятельнейших японских политиков, *гэнро*, фельдмаршалу Ямагата Аритомо в его собственной резиденции и от лица императора вручил украшенный бриллиантами орден Св. Александра Невского со словами признательности за вклад в развитие добрососедских отношений между Россией и Японией. При этом он выразил уверенность в том, что страны-союзницы в ближайшее время одер-

---

имеет весьма слабое документальное подтверждение. См. подробнее: [Пестушко 2008, с. 215].

жат решительную победу над врагом [Барышев 2009, с. 64]. Руководивший генеральным штабом армии в годы Русско-японской войны фельдмаршал Ямагата дал в ответ обещание приложить все силы для того, чтобы поставки вооружений в Россию были осуществлены без промедлений.

Российские награды получили и другие высокопоставленные военные и дипломаты. Бывший министром армии в 1905 г., а ныне губернатор Кореи Тэраути Масатакэ, а также премьер-министр Окума Сигэнобу и министр иностранных дел Исии Кикудзиро были пожалованы орденами Св. Александра Невского. Орденом Св. Владимира были награждены генерал-лейтенант Мицуоми Камио и вице-адмирал Като Садакити в память о взятии германской крепости Циндао [Барышев 2009, с. 64].

Награды меньшего разряда великий князь раздал во время посещения артиллерийского арсенала в Токио. Здесь он встретился с оружейниками, изготавливавшими винтовки для российской армии, и вручил им золотые и серебряные медали. Поскольку речь идет о вручении большого количества знаков, то логично предположить, что они были взяты в поездку в достаточном объеме, что называется, про запас.

Символические награждения теми же орденами были сделаны и в отношении военных дипломатов, отправленных в Россию. Японские представители – и от армии, и от флота – в составе нескольких миссий побывали в Петрограде, Москве и некоторых других крупных городах, а также непосредственно на фронтах войны. Только в первой половине 1916 г. российские оборонные предприятия посетили 8 японских делегаций, а действующую армию – 5 [Павлов 2014, с. 118].

Их присутствие было столь частым и вездесущим, что чаще всего наводило на мысль о сборе данных для военного руководства в Токио. Среди российского офицерства нередко даже возникал вопрос о целесообразности этих миссий. Так, например, осенью 1915 г. в России побывала группа представителей японского генштаба, в итоге прикомандированная к артиллерийскому складу в Ревеле (Таллинн). Сама миссия носила ознакомительный характер, конкретные задачи перед ней не ставились. По итогам ее пребывания в России, главе делегации – капитану 1 ранга Осуми – был вручен орден Св. Анны второй степени [Пестушко 2008, с. 113–114].

Но все же были и те, кто не только посещал склады и заводы, но также ставку Верховного главнокомандующего и театр боевых дей-

ствий. Так, генерал-майор Оба Дзиро был именно прикомандирован к ставке на протяжении довольно длительного времени с самого начала войны. И если за десять лет до того он участвовал в штурме Порт-Артура, то в текущей войне был несколько раз представлен к российским наградам.

Что касается краткосрочных визитов, то наиболее известным стал приезд летом 1916 г. группы во главе с генерал-лейтенантом Фукуда Масатаро и военным атташе полковником Одагири Масадзуми. Они удостоились аудиенции императора в ставке, а затем аудиенции у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Киеве, после чего в течение двух недель объезжали и осматривали русские позиции в прифронтовой полосе, знакомясь с командирами частей, осуществлявшими действия, позднее названные «Брусиловским прорывом». При этом японцы несколько раз попали под огонь в районе Рожище под Луцком, когда немецкие аэропланы стали сбрасывать бомбы и стрелять из пулеметов [Павлов 2014 с. 53, 239–241].

В дневнике журналиста М. К. Лемке, бывшего при ставке Верховного главнокомандующего в 1916 г., имеется следующая запись: «Японский и черногорский военные представители, оба генералы, только что вернувшиеся с фронта, по словам сопровождавшего их графа Замойского, ходили в атаку вместе с нашими войсками и вообще держали себя очень храбро, за что и получили по Владимиру на шею» [Лемке 2003, с. 203–204].

Каких-либо подтверждений того, что члены миссии Фукуда действительно были награждены именно за участие в атаке и именно орденом Св. Владимира, не обнаружено. Корнет граф А. С. Замойский действительно сопровождал группу Фукуда, но в своем отчете он сообщил, что после возвращения с линии фронта из штаба 12-й пехотной дивизии было выдано всему составу миссии лишь общее удостоверение о нахождении под огнем [Павлов 2014, с. 243–244]. При этом было очевидно, что военнослужащих такого уровня по самому их статусу считалось приличным наградить. Поэтому как минимум один из участников миссии, сам Фукуда был награжден, и к уже имевшемуся у него ордену Св. Станислава он получил впоследствии также и орден Св. Анны 1 степени[9].

[9] *Medals of Asia*: https://asiamedals.info/threads/1st-class-st-stanislaus-and-st-anna-orders-for-non-christians-awarded-to-general-masataro-fukuda.25920/

Награждения за оказание логистической помощи

Помимо этикетно-дипломатических вручений, о которых речь шла выше, следует более подробно остановиться на награждениях за оказание конкретной помощи – военной, логистической или ремонтно-технической. Практика награждения союзников в подобных случаях существовала отнюдь не только в отношении военных и не только в отношении японцев. Например, имеется документация, согласно которой были награждены моряки английских подводных лодок, потопивших немецкий крейсер «Ундине», французские подданные за строительство судов для России. Подобным же образом были награждены норвежские подданные, члены команд судов гидрографической экспедиции «Эклипс» и «Кит»[10]. Нередко подобные награды получали и российские матросы и офицеры от правительств стран-союзниц Если же говорить о японских моряках, то их содействие в годы войны проявилось в следующих моментах – перевозка особо ценных грузов, осмотр и починка кораблей, предоставление оборудования со стороны морского министерства, а также помощь этого же министерства в закупке необходимого снаряжения.

Перевозка особо ценных грузов была связана с оплатой военных заказов. Дело в том, что долгое время японский бизнес, не веря в достаточную кредитоспособность российского правительства, ожидал гарантий будущих платежей, поэтому поставки оружия в нужном объеме не удавалось наладить. В итоге Петрограду пришлось согласиться со следующим предложением японского бизнеса: для России был открыт кредит в японских банках, а в качестве обеспечения гарантии этого кредита в Японию и США была вывезена большая партия золота.

Перевозка должна была быть осуществлена в кратчайшие сроки, что и было сделано японскими военными судами, которыми командовал контр-адмирал Идэ Кэндзи. В итоге командующий Сибирской флотилией вице-адмирал М. Ф. Шульц вошел с ходатайством к морскому министру И. К. Григоровичу наградить японского адмирала и его штаб «за высокополезные труды, сопряженные с большой ответственностью по двукратной приемке и доставке в Японию и Америку золотой валюты». Самого Идэ предполагалось наградить

[10] РГАВМФ, Ф. 417, оп. 5, дела 3574–84.

орденом Св. Станислава 1 степени, флаг-капитана Такахаси Санкити орденом Св. Станислава 2 степени, а флаг-офицеров Тоёда Тэйдзиро и Цуцуми Масао – орденом Св. Анны 3 степени и Св. Станислава 3 степени соответственно.

В том же рапорте М. Ф. Шульц сообщал: «К этому имею честь добавить, что благодаря личным качествам контр-адмирала Иде, мне удалось завязать с ним самые тесные дружеские отношения, выразившиеся в обмене целого ряда знаков симпатии, как между нами, так и между нашими штабами и другими офицерами. Полагаю, что в лице молодого, энергичного и европейски культурного контр-адмирала Иде, имеющего безусловно большое будущее, мы приобретаем благожелательно расположенного нашим интересам сторонника»[11]. Интересно обратить внимание на факт личной приязни на уровне двух штабов в ситуации, когда со времен Русско-японской войны прошло лишь десять лет, а речь в данном случае идет об офицерах, принимавших участие в боевых действиях 1904–1905 гг. с обеих сторон.

Японская сторона также награждала российских офицеров своими наградами. Из множества случаев приведем лишь несколько примеров. Летом 1916 г. Орден Восходящего Солнца 3 степени получил военный и морской атташе, капитан 2 ранга А. Н. Воскресенский, а командир Владивостокского порта контр-адмирал П. В. Римский-Корсаков получил такой же орден 2 степени. К тем же наградам были представлены и другие офицеры флота[12].

Оборот наград между двумя морскими ведомствами в этот период принял заметные масштабы и специфику. Упоминавшийся выше военно-морской агент в Японии А. Н. Воскресенский, уже имевший японские награды, в письме от 14/27 августа 1916 г. накануне визита принца Канъин пишет:

«Нынче пишу вам главное из-за орденов. Японские ордена для лиц нашего морского ведомства, о коих начато было еще Акиямой, теперь с предстоящей поездкой принца Канъина будут наконец выданы и все должно решиться до 10 сентября, отъезда Канъина из Петрограда... Кроме того, принцем Канъин предположено еще выдать ордена командующим флотами Балтийского и Черного моря. Зато придется, однако,

[11] РГАВМФ Ф. 417, оп. 1, д. 38964, л. 1– 3.
[12] РГАВМФ Ф. 418. оп. 1–3, д. 4538, л. 78–79.

сравнять с выданными нам, а именно пропущены были в Морском Министерстве помощник начальника Морского Генерального Штаба вице-адмирал Ямая, начальник Главного технического управления вице-адмирал Точинай и адъютант Генмора капитан 1 ранга Ямаока. Инженер Муто составляет все наши чертежи, и ему, собственно, следует орден более чем кому другому – он с самого начала возится с нашими заказами»[13].

Из вышеприведенного абзаца видно, что вручение наград имело, во-первых, практический смысл: к наградам были представлены офицеры, выполнявшие конкретную техническую работу, – адъютант морского генерального штаба Ямаока Томокадзу к ордену Св. Анны 2 степени, а инженер-конструктор главного технического управления Муто Инотаро – к ордену Св. Станислава 2 степени.

Но, кроме этого, были награждения, в которых отчетливо проглядывался и сугубо дипломатический смысл, когда ответить меньшим числом на награждения противоположной стороны было невозможно. В итоге для сравнения счета к ордену Св. Анны 1 степени был представлен помощник начальника морского генштаба вице-адмирал Ямая Танин. Здесь опять уместно напомнить, что в 1904 г. он командовал бронепалубным крейсером «Акицусима», участвовавшим в битве в Желтом море 10 августа.[14] К тому же ордену Св. Анны 1 степени был представлен начальник главного технического управления вице-адмирал Тотинаи Содзиро, который командовал бронепалубным крейсером «Сума» в Цусимском сражении в мае 1905 г.[15]

Таким образом, к наградам Российской империи в годы Первой мировой войны было представлено немалое число высших офицеров японского флота, отличившихся в морских сражениях Русско-японской войны. Следует опять же подчеркнуть, что подобное стало возможно именно в силу изменения внешнеполитических курсов двух империй, невероятно сблизившихся за эти годы, поэтому острота восприятия прежнего конфликта ослабевала. И по приведенным

[13] РГАВМФ Ф. 418, оп. 1–3, д. 4538, л. 111.

[14] Напомним, что в том же сражении, но, разумеется, с другой стороны, на броненосце «Цесаревич» служил уже упоминавшийся Н. А. Матусевич, впоследствии дослужившийся до чина вице-адмирала, который, будучи в должности начальника Владивостокского порта, прислал венок на могилы японских солдат в Порт-Артур в 1908 г.

[15] Ф. 417, оп. 5, д. 4576, л. 1–2.

выше ходатайствам можно утверждать, что в некоторых ситуациях в отношениях между высшими чинами российского и японского флотов возникало и человеческое доверие.

Награждение японских водолазов за помощь в снятии с мели броненосного крейсера «Пересвет»

Наиболее существенную практическую помощь в годы Первой мировой войны оказали японские моряки при ремонте русских кораблей и переводу их в порт Владивосток. В 1916 г. российское правительство выкупило ставшие японскими трофеями за десять лет до того крейсер «Варяг» («Соя»), броненосцы «Пересвет» («Сагами») и «Чесма» («Танго»)[16]. По замыслу они должны были перейти на север, в порт Романов-на-Мурмане (совр. Мурманск), чтобы войти в состав формируемой на Кольском полуострове флотилии.

Выкупленные в Японии в 1916 г. русские суда достаточно сильно выработали свой ресурс, к тому же требовали серьезного переоснащения – от фугасных снарядов и тросов до парусины, посуды, матрасов, рубашек и перевязочных материалов для лазарета. В вопросах снабжения японское морское министерство выступило посредником при закупках необходимого[17].

Корабли были переведены во Владивосток японскими экипажами и сданы под русское командование в апреле 1916 г. Офицерский состав экипажей трех кораблей, а также крейсера «Ибуки», сопровождавшего этот отряд, был награжден знаками орденов Св. Анны и Св. Станислава разных степеней для нехристиан установленные. Более тридцати моряков кондукторских и нижних чинов были награждены золотыми и серебряными медалями с надписью «За усердие»[18].

Однако на этом необходимость в японской помощи не окончилась. Она пригодилась очень скоро, в случае аварии на броненосном крейсере «Пересвет». После прибытия во Владивосток из Японии корабль прошел первичный ремонт и вышел на первые ходовые испытания с русским экипажем. При возвращении в порт он наскочил на мель

[16] Изначально корабль назывался «Полтава», в японском флоте он получил названия «Танго». Однако на момент возвращения в Россию на Черноморском флоте уже появился новый корабль под именем «Полтава», поэтому «Танго» был переименован в «Чесму».

[17] РГАВМФ, Ф. 418, оп. 1, д. 4539, л. 39–42

[18] РГАВМФ Ф. 417, оп. 5, д. 3583, л. 9, 57–59.

у о. Скрыплёва. Имевшимися подручными средствами корабль снять с мели не удалось. Ситуация осложнилась еще и тем, что по приказу контр-адмирала А. И. Бестужева-Рюмина[19] корабль несколько раз пробовали стащить с камней буксирами, в результате чего было серьезно повреждено внутреннее дно. Средствами, имевшимися в порту Владивостока, справиться с подобными повреждениями было фактически невозможно.

По этим причинам были приглашены японские специалисты, всего в работах их участвовало около 180 человек. Они сняли боевую рубку, броню, облегчили корабль. После этого к работам приступили 14 водолазов. В рапорте П. В. Римского-Корсакова отмечается их точность в определении положения корабля на камнях, а также в проведении подкильных проводников для подведения найтовых. Пробоины были залиты цементом, после чего подведены понтоны и откачана вода. Корабль сняли и отбуксировали во Владивосток.

Была отмечена работа капитана 2 ранга Фукусима Куматаро, руководившего всеми работами и капитана 2 ранга Кокума Сува, делавшего все расчеты. Особо была отмечена работа лейтенанта Хасигути Ясутака, который принимал непосредственное участие в водолазных работах. Он спустился в затопленные отсеки, обследовал пробоину и залил ее цементом, чтобы откачать воду.

По сложившейся традиции все они были представлены к соответствующим степеням орденов Св. Анны и Св. Станислава для нехристиан установленные. К награждению серебряными медалями с надписью «За усердие» были представлены около тридцати нижних чинов и мастеровых, обслуживавших эти работы. [20]

Судя по имеющимся сведениям, награды были согласованы, утверждены и вручены. Корабль был отправлен снова в Японию – на ремонт в порт Майдзуру. Однако все усилия по ремонту крейсера «Пересвет» оказались напрасны – после починки и перехода из Японии до Порт-Саида в декабре 1916 г. он подорвался на немецких минах, более 250 человек команды при этом погибли.

---

[19] А. И. Бестужев-Рюмин был назначен командиром отряда из трех кораблей, выкупленных в Японии.

[20] РГАВМФ, Ф. 417, оп. 5, д. 3584, л. 4–8, 9–10.

Награждение японских моряков за водолазные работы и составление проекта по подъему линейного корабля «Императрица Мария»

Следующим поводом для запроса помощи японских водолазов, стал трагический случай, произошедший в Севастополе 20 октября 1916 г., когда на борту линкора «Императрица Мария» прогремел страшный взрыв и погибло несколько сот человек. Корабль после взрыва перевернулся и затонул на 20-метровой глубине в полумиле от берега. Прежде чем поднимать корабль, необходимо было выяснить состояние и точное положение корабля. В России работ по обследованию и подъему кораблей такого класса прежде не проводилось. Поэтому на одном из заседаний Технического Совета Главного Управления Кораблестроения генерал-лейтенант В. П. Ведерников высказал предложение обратиться за помощью и консультациями к иностранным специалистам из Италии, США и Японии, имевшим опыт подобных операций.

Так, например, японские моряки и водолазы имели значительный опыт по подъему русских кораблей в Порт-Артуре, а также крейсера «Микаса», затонувшего осенью 1905 г. на рейде Сасэбо после взрыва в одном из погребов. Итальянские же специалисты пытались поднять сопоставимый с «Императрицей Марией» линкор «Леонардо да Винчи», также затонувший после внутреннего взрыва летом 1916 г.

Ни одна из американских, английских и итальянских фирм не дали прямого ответа. Лишь японская сторона ответила согласием и направила комиссию в Севастополь в составе 12 человек. В нее входили водолазы, корабельные инженеры, инженеры-механики, техники, плотники и другие специалисты. Сопровождал ее военный атташе Танака Котаро. Группа прибыла в Севастополь уже в декабре 1916 г.

После проведения водолазных работ подполковник Фукуи Дзюммэй и инженер-механик Курода Такума разработали многоэтапный проект поднятия судна, имевший много общего с одним из российских проектов. Все работы предполагалось завершить в течение восьми месяцев, для чего планировалось привлечь не менее двухсот(!) японских рабочих и специалистов. Проект этот был одобрен Главным управлением кораблестроения (ГУК), и было принято решение о том, чтобы просить японское командование начать его осуществление.

Однако в марте 1917 г. японская миссия вынуждена была вернуться домой. Дело в том, что еще 14 января в Йокосуке на рейде от внутреннего взрыва затонул броненосный крейсер «Цукуба», в результате чего погибло свыше 350 человек. И японские водолазы были востребованы в ликвидации этого инцидента.

Участники миссии, продлившейся несколько месяцев, были представлены к награждению за водолазные работы и труды по составлению проекта подъема корабля. В ходе представления выяснилось, что как минимум двое ее участников уже были награждены российскими наградами. Собственно капитан 1 ранга К. Танака имел орден Св. Станислава 2 степени со звездой и Св. Анны 2-й степени. А корабельный инженер капитан Хасигути Ясутака уже был награжден орденом Св. Станислава 3 степени[21]. В недавнем прошлом лейтенант, а теперь капитан Хасигути получил свою награду, как уже было указано выше, за водолазные работы на крейсере «Пересвет», проведенные за полгода до этого[22].

Таким образом, представления к орденам в двух последних случаях – за работы на крейсере «Пересвет» и линкоре «Императрица Мария» – стали вознаграждением за наиболее сложные и необходимые российскому флоту работы. Дополнительным подтверждением качества этой работы служит факт неоднократного награждения некоторых японских моряков.

Гражданская война и награждение японских военных

События 1917 г. – две революции и начало Гражданской войны в России – кардинально изменили внешнеполитическое положение страны в целом и взаимоотношения с Японией, в частности. Вопрос об участии России в войне и о взаимоотношениях со странами Антанты, разумеется, в новой исторической реальности был истолкован разными политическими силами по-своему. Если большевики отрицали всяческую легитимную связь с предыдущей властью, то лидеры Белого движения (в частности, правительство А. В. Колчака) делали ставку на то, что они являются законными представителями и леги-

[21] РГАВМФ: Ф. 417, оп. 2, д. № 2320, л. 63.

[22] Хасигути Ясутака (1895–1948), будучи флотским инженером, дослужится до чина контр-адмирала.

тимными правопреемниками Временного и Царского правительств, гарантами выданных прежде военных, политических и финансовых обязательств.

В этой логике Япония продолжала оказывать союзническую помощь Белому движению, считая легитимным правительство А. В. Колчака. Причем зачастую представителями Токио были ровно те же люди, что работали в России в предшествовавшие годы. Достаточно сказать, что в конце 1918 г. главой японской военной миссии при правительстве А. В. Колчака в Омске был назначен уже упоминавшийся выше Танака Котаро – в прошлом военный атташе в России, а ныне адмирал. И пресса, и люди из окружения Колчака отмечали прекрасное знание русского языка и русских реалий адмиралом, а также его особо дружеские отношения с Верховным правителем России. Понятно, что эти отношения возникли еще в 1916–1917 гг., когда А. В. Колчак командовал Черноморским флотом, а Танака Котаро возглавлял миссию японских специалистов в Севастополе, обследовавших затонувший линкор «Императрица Мария».[23]

Японские военные поддерживали также и атамана Г. М. Семёнова, до определенной степени координировавшего свои действия с А. В. Колчаком. Уже осенью 1917 г. Г. М. Семенов отправляется на Дальний Восток и пытается возглавить антибольшевистские силы в Маньчжурии и Забайкалье. Он занимается созданием военных отрядов, и к весне 1918 г. его силы насчитывают несколько тысяч человек.

С японской стороны контакты с атаманом (если не шефство над ним) осуществлял начальник военной резидентуры в г. Харбин полковник Куросава Хитоси, ставший позднее начальником японской военной миссии в Чите. Здесь также следует отметить тот факт, что еще в 1916 г. Куросава Хитоси сопровождал принца Канъин в поездке в Петроград, Москву и в ставку Верховного главнокомандующего[24]. Скорее всего, именно в этой поездке, как сопровождающее лицо он был представлен к ордену Св. Станислава 1 степени[25] – лишнее

[23] В конце жизни адмирал оставил воспоминания о своем пребывании в Омске и об отношениях с А. В. Колчаком: *Кокурицу ко:бун сёкан. Адзиа рэкиси сирё: сэнта*: https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2012081317121190329&ID=M2012081317121290342&REFCODE=B12080958900

[24] РГИА Ф. 473, оп. 2–261, д. 1951, л. 85

[25] *Кокурицу ко:бун сёкан. Адзиа рэкиси сирё: сэнта:* https://www.digital.archives.go.jp/das/image/M0000000000000045391

подтверждение тому, что люди, работавшие на российском направлении, продолжили свою деятельность и после 1917 г.

Почести же ему продолжил оказывать и Г. М. Семенов: в знак благодарности за оказание всесторонней помощи полковник Куросава был назначен 21 ноября 1919 г. почётным командиром одного из полков «с пожизненным зачислением в списки полка и 1-й сотни с правом ношения формы, присвоенной полку за воздаяние трудов, понесённых по воссозданию русской государственности и восстановлению порядка в пределах вверенного Семёнову округа».[26]

В составе Особого Маньчжурского Отряда (О.М.О.) Г. М. Семенова среди прочих частей имелся добровольческий батальон, состоящий из японцев. Следует особо отметить, что служащие в этом батальоне японцы не являлись военнослужащими регулярных частей, дислоцированных на российском Дальнем Востоке. Формально они не состояли на службе в японской армии и действовали отдельно[27]. При этом рекрутированием добровольцев также занимались представители японской военной резидентуры, и к апрелю 1918 г. их уже насчитывалось 346. Это были преимущественно военнослужащие запаса – как в офицерском звании, так и рядовые [Полутов 2012, с. 76].

Сохранившиеся приказы о награждениях японцев, служивших в О.М.О., свидетельствуют о том, что награжденных было около 300 человек – как офицеров, так и рядовых:

Орден св. Анны 1-й степени – 2 человека;

Орден св. Анны 2-й степени – 61 человек;

Орден св. Анны 3-й степени – 119 человек;

Ордена св. Владимира 3-й степени – 5 человек;

Ордена св. Станислава 2-й степени – 19 человек;

Ордена св. Станислава 3-й степени – 35 человек;

Георгиевский крест 4-й степени – 18 человек.[28]

Первые награждения орденами японские офицеры О.М.О. получили весной 1918 г., когда части Г. М. Семенова повели наступление из Маньчжурии. Командир японского добровольческого батальона

[26] ГАЗК Ф. 329. оп. 1, д. 46.

[27] Параллельно следует отметить тот важный факт, что еще в 1918 г. японское командование отказало А. В. Колчаку в посылке войск западнее Омска. В дальнейшем, на протяжении всех лет присутствия в регионе регулярные японские части уклонялись от прямых боевых столкновений с регулярными частями Красной Армии и Армией ДВР [Дацышен 2021, с. 123].

[28] ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 10, 46, 82.

Окумура Хироси 27 мая 1918 г. в бою за переправу через Онон в 12-ти верстах южнее ст. Оловянной занял позицию в арьергарде и отразил атаки красной конницы, прорвавшейся с тыла, чем дал возможность отвести части О.М.О. и спасти их от полного уничтожения. В другом бою, 28 июля того же года, майор Такэда Отохару, неподалеку от ст. Маньчжурия (совр. Отпор), сумел отбить захваченную красными частями сопку Атамановскую. Майор во время боя лично принял на себя командование батальоном, сумел захватить пленных и несколько пулеметов. В обоих случаях японские офицеры были награждены орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, образца, установленного для чинов О.М.О. [Селиванов 2017, с. 29, 192]

Регулярные части японского экспедиционного корпуса – 3-я, 7-я и 12-я пехотные дивизии, а также отдельные части и подразделения – активно сотрудничали с войсками Г. М. Семенова, особенно после вступления его отрядов в Читу. Ряд наград японские офицеры получили за участие в Б*о*гдатском сражении 1919 г. Однако большая часть награждений, сделанных за пределами О.М.О., свидетельствует о том, что помощь носила не столько военный, сколько хозяйственно-экономический, логистический и технический характер. Японские военнослужащие помогали в делопроизводстве О.М.О., работали в лазаретах Забайкалья, обеспечивали доставку продовольствия. Награждались также японцы, комендanты железнодорожных станций на Транссибе.

О.М.О. имел особенный вариант орденов для нехристиан, которыми также награждали прикомандированных Семёнову японцев. Это был орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Он имел отличительную гравировку – буквы О, М и О на трех из четырех концах креста. Изготавливались также ордена Св. Анны и Св. Станислава. Пока ставка Отряда находилась в Чите, ордена изготавливались с применением слоновой кости вместо эмали в Художественно-промышленном училище, образованном в результате объединения эвакуированной в 1919 г. из Екатеринбурга Художественно-промышленной школы с читинской ХПШ [Алексеев 2019, с. 139–145]. В Читинской типографии были изготовлены художественные образцы грамот на награждение орденом Св. Георгия 4-й степени [Селиванов 2017, с. 45]. После поражения Белого движения в Забайкалье и отступлении частей Г. М. Семенова в Маньчжурию – с ноября 1920 г. орденские знаки св. Георгия св. Анны и св. Станислава изготавливались в Харбине [Селиванов 2017, с. 62].

Своеобразным эпилогом взаимодействию японского командования и атамана Г. М. Семенова может послужить эпизод, произошедший уже после разгрома Белого движения и вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока.

Семёнов покидал Россию через Приморье, откуда сначала переместился в Сеул, где он встретился с генералом Оба Дзиро, в прошлом командующим 3-й дивизии, расквартированной в Чите. Встреча произошла во дворце генерал-губернатора Кореи, где в честь российского гостя был устроен обед, к которому генерал Оба вышел, надев все имевшиеся у него русские ордена. Семёнов по поводу этого в своих мемуарах писал, что доброе к нему отношение в военной среде Японии явно не изменилось [Семенов 2007, с. 290]. Сотрудничество Г. М. Семенова с японскими военными продолжится и после 1922 г., однако далее оно будет носить принципиально иной характер и не будет кардинально влиять на собственно отношения между Японией и Россией, где установилась иная власть.

Что же касается биографии генерала Оба Дзиро, то в очередной раз важно отметить много общего с биографиями других, вышеперечисленных военных. В годы Русско-японской войны он участвовал в осаде Порт-Артура, а в годы Первой мировой был военным представителем Японии в ставке Верховного Главнокомандующего в России. С началом Гражданской войны, в 1918 г. он был назначен командиром 3-й дивизии, расквартированной в Чите, которая несла охрану железной дороги от Нерчинска до Верхнеудинска.

Таким образом, биография Оба Дзиро показывает основные этапы, повторяющиеся в жизни многих японских военнослужащих к. XIX – н. XX вв., имевших отношение к России, – война в 1904–1905 гг., сотрудничество в годы Первой мировой, отмеченное наградами, а также помощь тем политическим и военным силам, которые в годы Гражданской войны боролись с большевиками.

Заключение

Вышеприведенный обзор событий и обстоятельств, в которых японские военнослужащие получали российские награды на протяжении 15 лет, показывает, насколько сложным и многоплановым было взаимодействие России и Японии в начале XX в. Это был период двустороннего сближения, отмеченный взаимными колониальными

и геополитическими интересами. Достаточно быстро память о войне 1904–1905 гг. стала поводом для проявления ритуалов примирения: военные с обеих сторон пытались друг друга наградить или отметить мужество вчерашних соперников.

На высоком государственном уровне состоялось несколько десятков символических вручений, включая российские награды японской императорской чете и принцам, представителям правящего рода. Довольно часто награждался высший офицерский состав – адмиралы и генералы. При этом во множестве случаев российские награды вручались тем военным, которые за несколько лет до того проявили себя в сражениях войны 1904–1905 гг.

В годы Первой мировой войны, помимо этикетно-дипломатических награждений по своему назначению, было множество вручений наград за оказание конкретной помощи, особенно в области военно-морского сотрудничества – перевозка грузов, оснащение русских кораблей, ликвидация последствий аварий на кораблях «Пересвет» и «Императрица Мария».

После 1917 г. в годы Гражданской войны Япония поддержала те политические силы, которые подтверждали преемственность военных и финансовых обязательств Царского и Временного правительств. Неудивительно поэтому, что дипломатические контакты с правительством А. В. Колчака и всестороннюю помощь отрядам атамана Г. М. Семенова осуществляли именно те японские высшие офицеры – адмиралы и генералы, – которые работали в России еще до 1917 г. и уже были награждены российскими орденами.

С окончанием Гражданской войны и установлением советской власти в России начинается новый период двусторонних отношений, наполненный новым содержанием. Однако даже в моменты немногочисленных потеплений между Японией и СССР столь массовые награждения орденами и медалями военнослужащих противоположной стороны, как это было до того, станут попросту невозможны.

Библиографический список

Алексеев Е. П. (2019) Екатеринбургская художественно-промышленная школа в Чите. Июль 1919 – январь 1921 гг. *Региональные архитектурно-художественные школы.* № 1. С. 139–145.

Барышев Э. А. (2009) Японская миссия Великого князя Георгия Михайловича. *Знакомьтесь – Япония* № 50. С. 58–72.

Гришачев С. В. (2020) Россия и Япония: Исторические обиды как фактор национальной идентичности. *История.* Т. 11. Вып. 12 (98). DOI: 10.18254/S207987840010434-6

Дацышен В. Г. (2021) Япония и российское правительство А. В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири. *Японские исследования*, № 1, с. 121–140. https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Левин С. С. (2003) *Орден Святого Апостола Андрея Первозванного (1699–1917). Орден Святой Великомученицы Екатерины (1714–1917). Списки кавалеров и кавалерственных дам.* – Москва: ГИМ.

Лемке М. К. (2003) *250 дней в царской ставке*. – Минск: Харвест.

Павлов Д. Б. (2014) *Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны.* – Москва: Политическая энциклопедия.

Пестушко Ю. С. (2008) *Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917).* – Хабаровск: ДВГГУ.

Полутов А. В. (2012) Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.). *Вестник ДВО РАН*, № 4. С. 71–84.

Пономарев В. П., Шабанов В. М. (сост.) (2009) *Кавалеры Императорского ордена Святого Александра Невского, 1725–1917: Биобиблиографический словарь.* 3 т. Т. 3. – Москва: Русский мир.

Селиванов М. С. (2017) *История знаков гражданской войны в России. 1917–1922 гг.* 3 т. Т. 3. – Москва [б.и.].

Семенов Г. М. (2007) О себе. Воспоминания, мысли и выводы (1904–1921) – Москва: Центрполиграф.

References

Alekseev, E. P. (2019). Ekaterinburgskaya khudozhestvenno-promyshlennaya shkola v Chite. Iyul' 1919 – Yanvar' 1921 gg. [Yekaterinburg School of Industrial Art in Chita. July 1919–January 1921]. *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly*. [Regional Schools of Art and Architecture], 1, 139–145. (In Russian).

Baryshev, E. A. (2009). Yaponskaya missiya Velikogo knyazya Georgiya Mikhaylovicha [Japanese Mission of the Great Prince Georgy Mikhaylovich]. *Znakom'tes' – Yaponiya* [Meet Japan], 50, 58–72. (In Russian).

Datsyshen, V. G. (2021). Yaponiya i rossiiskoye pravitel'stvo A. V. Kolchaka. K probleme sovremennogo otnosheniya k yaponskoi

interventsii v Sibiri [Japan and the Russian Government of A. V. Kolchak. On the Issue of the Contemporary Evaluation of the Japanese Intervention in Siberia]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 121–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Grishachev, S. V. (2020). Rossiya i Yaponiya: Istoricheskie obidy kak faktor natsional'noi identichnosti [Russia and Japan: Historical Grievances as National Identity Attribute]. *Istoriya*, Vol. 11, Issue 12 (98). DOI: 10.18254/S207987840010434-6. (In Russian).

Lemke, M. K. (2003). *250 dnei v tsarskoy stavke.* [250 Days in the Tsar's Supreme Headquarter]. Minsk: Kharvest. (In Russian).

Levin, S. S. (2003). *Orden Svyatogo Apostola Andreya Pervozvannogo (1699–1917). Orden Svyatoi Velikomuchenitsy Ekateriny (1714–1917). Spiski kavalerov i kavalerstvennykh dam* [Order of Saint Andrew the Apostle the First-Called (1699–1917). The Order of Saint Catherine the Great Martyr (1714–1917). The List of Knights and Dames]. Moscow: State Historical Museum. (In Russian).

Pavlov, D. B. (2014). *Russko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voiny.* [Russo-Japanese Relations During the First World War]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Pestushko, Y. S. (2008). *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917).* [Russo-Japanese Relations During the First World War (1914–1917)]. Khabarovsk: Far Eastern State University for the Humanities. (In Russian).

Polutov, A. V. (2012). Yaponskie voennye missii v Man'chzhurii, Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.). [Japanese Military Missions in Manchuria, Siberia, and the Russian Far East During 1918–1922]. *Vestnik DVO RAN* [Herald of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 4, 71–84. (In Russian).

Ponomarev, V. P., Shabanov, V. M. (eds.). (2009). *Kavalery Imperatorskogo ordena Svyatogo Aleksandra Nevskogo, 1725–1917: Biobibliograficheskii slovar'.* [The Knights of the Order of Alexander Nevsky, 1725–1917: Dictionary of Biographies and Bibliography]. Vol. 3. Moscow: Russkii mir. (In Russian).

Selivanov, M. S. (2017). *Istoriya znakov grazhdanskoi voiny v Rossii. 1917–1922 gg.* [History of Awards of the Civil War in Russia. 1917–1922]. Vol. 3. Moscow. (In Russian).

Semenov, G. M. (2007). *O sebe. Vospominaniya, mysli i vyvody (1904–1921).* [About Myself. Memories, Thoughts, and Conclusions]. Moscow: Tsentrpoligraph. (In Russian).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 138–160
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 138–160
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-138-160

Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: режим Виши, франко-тайская война и японская экспансия в Индокитае

В. Э. Молодяков

Аннотация

Статья продолжает анализ малоизученных аспектов японо-французских отношений в годы Второй мировой войны – сопротивление Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитая военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии Японии. Стратегической целью Японии после военного поражения Франции в 1940 г. было установление контроля над Индокитаем. Авторитарный режим Виши провозгласил политику «сохранения империи», однако пошел на компромисс с Японией, учитывая неравенство сил в регионе и удаленность Индокитая от метрополии.

Япония оказывала давление на Францию с помощью своего союзника, Таиланда, подтолкнув его к агрессивной войне против Индокитая. Автор рассматривает процесс выработки французской политики и действия (а также временами бездействие) ее руководителей и основных исполнителей с осени 1940 г.: главы государства маршала Филиппа Петэна, руководителей правительства в должности вице-премьера Пьера Лаваля и Жана-Франсуа Дарлана, министров иностранных дел Поля Бодуэна и Пьера-Этьена Фландена, министра колоний Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитая Жана Дэку, посла в Японии Шарля Арсена-Анри и посла в США Гастона Анри-Эй.

В основу положены документы, дневники, воспоминания и другие свидетельства действующих лиц в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, Таиланд, дипломатия, колония, экспансия, безопасность, сопротивление.

Автор: *Молодяков Василий Элинархович*, доктор политических наук, профессор, Международный институт японской культуры университета Такусёку (адрес: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan).
E-mail: dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen From France: The Vichy Regime, Franco-Thai war, and Japanese Expansion in Indochina

V. E. Molodiakov

Abstract

The article continues to analyze the little-studied aspects of the Japanese-French relations during the Second World War – the resistance of the French state (the Vichy regime) and the authorities of French Indochina to the military, political, economic, and propaganda expansion of Japan. The strategic goal of Japan after the military defeat of France in 1940 was to establish control over Indochina. The authoritarian Vichy regime proclaimed a policy of "preserving the empire," but compromised with Japan because of the inequality of forces in the region and the remoteness of Indochina from the metropole.

Japan exerted pressure on France with the help of its ally Thailand, pushing it to an aggressive war against Indochina. The author examines the process of developing French policy and the actions (as well as inaction) of its leaders and main performers since the autumn of 1940: Head of State Marshal Philippe Petain, heads of government as Vice Prime Minister Pierre Laval and Jean-François Darlan, Foreign Ministers Paul Baudouin and Pierre-Etienne Flandin, Colonial Minister Charles Platon, Governor-General of Indochina Jean Decoux, Ambassador to Japan Charles Arsene-Henry, and Ambassador to the US Gaston Henry-Haye.

This article is based on documents, diaries, memoirs, and other evidence of the actors in combination with the latest historical research.

Keywords: Japan, France, Vichy regime, Indochina, Thailand, diplomacy, colony, expansion, security, resistance.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies (address: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan).
E-mail: dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473.

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Французский Индокитай перед лицом японской экспансии

Настоящая работа продолжает наши предыдущие публикации [Молодяков 2022b; Молодяков 2023] и посвящена малоизученным аспектам японо-французских отношений в годы Второй мировой войны, а именно сопротивлению Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитая (Индокитайского союза)[1] военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии Японии. Мы уже охарактеризовали основные аспекты проблемы и степень их изученности [Молодяков 2022b, с. 139–141], что позволяет ограничиться повторением принципиальных положений.

Японские историки изучили военные аспекты интервенции в Индокитай (仏印進駐, *Фуцу-Ин синтю:*) в стратегическом контексте «продвижения на юг», деятельность японской дипломатии, не игравшей самостоятельной роли, планы колонизации Индокитая. Придерживаясь японоцентричного подхода, они рассматривали действия французской стороны лишь как ответные, а потому уделяли основное внимание деятельности посольства Франции в Японии и генерал-губернаторства Индокитая, а не французского правительства.

В работах французских историков дипломатии этих лет о событиях в Индокитае написано мало, ибо акцент делался на ситуации в Европе, прежде всего на отношениях с Германией. Во французской

[1] Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

литературе об Индокитае как части колониальной империи[2] главное внимание уделено сопротивлению японской экспансии – военной, политической, экономической и культурной – о чем за пределами Франции известно мало. Ученые других стран, в том числе советские, рассматривали события в Индокитае в рамках общего процесса японской экспансии или в связи с японо-китайской войной, т.е. из «японского угла» и с незначительным обращением к французским источникам. Сказалось и принятое после войны отношение к режиму Виши как «коллаборационистскому» и «прогерманскому», а потому якобы неспособному к самостоятельной внешней политике. Такие идеологически мотивированные и фактически неверные оценки заметно скорректированы и во многом опровергнуты французскими, а теперь и российскими историками [Бурлаков 2022; Молодяков 2022а], однако внешняя политика Французского государства за пределами Европы и Северной Африки остается недостаточно изученной.

Сразу после военного поражения Франции в июне 1940 г. Япония перешла к политике ультиматумов, хотя та сохранила флот и колонии. Стратегической целью Токио было установление военного и экономического контроля над Индокитаем как источником сырья (каучук, олово, уголь, железная руда) и как путем снабжения режима Чан Кайши, которое она стремилась пресечь. В радиообращении к жителям империи маршал Петэн 3 сентября 1940 г. провозгласил курс на укрепление ее единства и на защиту от любых посягательств [Pétain 1974, p. 459], что диктовалось положением Франции между германским «молотом» и британской «наковальней». Однако правительству пришлось пойти на компромисс с Японией из-за неравенства сил в регионе. Французские вооруженные силы в Индокитае общей численностью 60 тыс. человек (из них всего 12 тыс. французов) были «армией поддержания внутреннего порядка», не предназначенной для отражения агрессии извне [Grandjean 2004, p. 9–11].

«Индокитай оказался перед лицом прямой угрозы, практически без средств защиты и без надежды на немедленную помощь [...] У Индокитая имелись две возможных формы сопротивления, но лишь единственная могла быть эффективной, исходя из имевшихся средств. Первая была грубой, славной, но безнадежной; вторая тонкой,

[2] Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений Франции, вне зависимости от их статуса.

косвенной, но действенной. [...] Так сложилась твердая, продожительная и обдуманная воля к сопротивлению Японии как в самых мелких, так и в самых значительных делах» [Gaudel 1947, p. 13, 18], – констатировал свидетель событий. Япония вынудила Францию допустить оперативное присутствие ее войск на территории Индокитая и продолжала оказывать давление на нее с помощью своего союзника Таиланда, которого подтолкнула к агрессивной войне. Теперь японо-французские отношения этих лет надо рассмотреть из «французского угла» и без идеологических клише.

В настоящей работе автор анализирует процесс выработки французской политики и действия, а нередко и бездействие, ее руководителей и основных исполнителей в ходе инспирированной Японией франко-тайской войны 1940–1941 гг.: главы государства маршала Филиппа Петэна, руководителей кабинета министров в должности вице-премьера Пьера Лаваля и Жана-Франсуа Дарлана (оба по совместительству возглавляли МИД), министров иностранных дел Поля Бодуэна и Пьера-Этьена Фландена, министра колоний Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитая Жана Дэку, посла в Японии Шарля Арсена-Анри и посла в США Гастона Анри-Эй. Акцент в работе сделан не на официальных документах, которые публиковались или сообщались в Токио и Ханой, но на выработке решений и на позициях конкретных лиц, поэтому особое внимание уделено их свидетельствам, не изученным в российском японоведении.

Территориальные претензии Таиланда к Французскому Индокитаю и позиция Японии

Франция, по верному замечанию П.-Э. Фландена, «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131], будучи «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602]. Японская экспансия шла по разным направлениям, включая привлечение на свою сторону Таиланда (до 1939 г. Сиам) – одного из немногих независимых государств тогдашней Восточной Азии.

Первую попытку обобщить эволюцию французской политики на Дальнем Востоке с учетом японской экспансии предпринял генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Р. Леви. С 1936 г. он сотрудничал с Центром по изучению иностранной

политики – неправительственной организацией, претендовавшей на роль национального think-tank, – и в начале 1939 г. выпустил под его грифом книгу «Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938», законченную в ноябре 1938 г. Охарактеризовав действия Франции как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения с Китаем и с Японией» [Lévy 1939, p. 8], он указал на недостаточную обороноспособность Индокитая в случае военного конфликта [Lévy 1939, p. 110–115] (ср. [Gaudel 1947, p. 32–38; Grandjean 2004, p. 9–11]) и на поддержанный Японией «национальный подъем» в Сиаме как на потенциальную угрозу Франции.

Леви напомнил, что армия Сиама насчитывает около 65 тыс. чел. и в случае мобилизации может быть увеличена до 150 тыс. чел., что у нее есть танкетки и легкие танки, от 150 до 200 самолетов и военно-морской флот, включая 4 подводные лодки, купленные в Японии. Задав вопрос, против кого направлена эта армия, если соседи – Франция и Великобритания в своих колониях – не намерены нападать на Сиам, аналитик ответил, что он скорее обратит ее против Франции в силу экономической зависимости Бангкока от британского капитала. Фактический диктатор страны после переворота 1933 г. генерал Пибун Сонгкрам (с 1934 г. военный министр, с конца 1938 г. премьер-министр, главнокомандующий, глава МВД и МИД) открыто заявлял о претензиях на «исконно тайские территории» Камбоджи, Лаоса и Бирмы. Духовной скрепой режима он сделал идеологию «пантаизма» – объединения всех тайских народов по этническому признаку под властью тайского короля, фактически же под своей собственной, поскольку король Рама VIII был ребенком. Потенциального союзника Сонгкрам видел в Японии, не просто подавшей пример успешной вестернизации для противостояния «великим державам», но пропагандировавшей паназиатизм и единство в борьбе против «белого империализма» [Michelin 2019, p. 122–128], однако генерал не был «японской марионеткой». По его словам, пример Японии наряду с Германией и Италией доказывает, что «одна лишь военная сила может дать стране возможность воплотить свою историческую судьбу» [Lévy 1939, p. 115–118]. «Исторической судьбой» он считал «возвращение» территорий Камбоджи и восточного Лаоса, попавших под контроль и власть Франции во второй половине XIX в., чего в Бангкоке «ей не могли простить», как напомнил Дэку [Decoux 1949, p. 124–125].

Франции удалось укрепить свои позиции в регионе, заключив 7 декабря 1937 г. новый договор о дружбе, торговле и мореплавании с Сиамом, который ранее в одностороннем порядке разорвал имевшиеся соглашения. После начала войны в Европе французский посланник в Бангкоке П. Леписсье в декабре 1939 г. начал переговоры о заключении договора о ненападении, обещая Таиланду территориальные уступки при проведении новой границы по реке Меконг. Генерал-губернатор Индокитая Ж. Катру возражал против уступок, но Леписсье убедил министра колоний Ж. Манделя в целесообразности своих предложений [Huguier 2007, p. 229–230]. Договор был заключен 12 июня 1940 г. – «в самый острый период боев на Западном фронте, накануне падения Парижа» [Гольдберг 1959, с. 53]. В тот же день Таиланд подписал договор о ненападении с Англией. По словам Дэку, инициатива в заключении договоров принадлежала британцам, а Леписсье лишь следовал за ними [Decoux 1949, p. 128–131].

Более важным оказался заключенный в тот же день в Бангкоке договор с Японией о дружбе и взаимном уважении территориальной целостности, который делал их союзниками и «фактически открывал Японии дорогу в Таиланд» [Гольдберг 1959, с. 53]. Японские националисты, связанные с военными, политическими и деловыми кругами, со второй половины 1900-х гг. поддерживали вьетнамских националистов в Индокитае: не только политические, но и религиозные (преимущественно буддийские) движения антихристианского, а значит, антифранцузского характера, – что не раз вызывало официальные протесты Франции [Gaudel 1947, p. 40–51; Grandjean 2004, p. 63–68]. Помощь вьетнамским националистам и буддийским организациям оказывали влиятельные таиландские круги при явном попустительстве властей (подробнее [Goscha 1999]).

Поражение Франции в июне 1940 г. и немедленное давление Токио на режим Виши, оставшийся без союзников, вдохновили Бангкок на эскалацию реваншистской кампании. «После перемирия отношение англосаксонских стран к Индокитаю было очень сдержанным. Эта негативная и во многом недальновидная позиция должна была привести к особенно тяжелым последствиям» [Gaudel 1947, p. 218]. Уже в июле таиландские войска выдвинулись на границу с Индокитаем вдоль Меконга, а во французские владения хлынула пропаганда «пантаизма». Назначенный генерал-губернатором Дэку просил Леписсье протестовать, но усилия посланника, чьи позиции заметно ослабели,

успехом не увенчались. «К середине августа 1940 г. Япония предъявила Таиланду следующие требования: 1) создание японских морских баз в Сиамском заливе; 2) создание японских военно-воздушных баз на территории Таиланда; 3) установление льгот для транспортировки японских грузов по железным дорогам Таиланда; 4) заключение пакта о взаимопомощи между Японией и Таиландом» [Гольдберг 1959, с. 53].

В начале сентября таиландская военная миссия отправилась в Токио через Сайгон и Ханой. Ее глава нанес генерал-губернатору «визит вежливости» и в ходе беседы предложил заключить военный союз «перед лицом общей угрозы – японской агрессии» (подобные опасения у Бангкока имелись) в обмен на лаосские территории на правом берегу Меконга. Дэку имел опыт международных переговоров по службе в генеральном штабе флота: он участвовал в Женевской конференции по разоружению в 1932 г., в Лондонской морской конференции в 1935/36 г. и в конференции по проливам в Монтрё в 1936 г. [Huguier 2007, p. 135–149]. Оценив ситуацию, он отказался что-либо обсуждать без санкции правительства, которому немедленно сообщил не только о «дружеском» предложении из Бангкока, но и о росте японских военных грузоперевозок через Таиланд [Decoux 1949, p. 132–133; Michelin 2019, p. 131].

В воздухе запахло грозой. Еще в середине августа таиландский вице-министр иностранных дел (МИД возглавлял сам диктатор) интересовался у американского и английского посланников возможной реакцией их стран на «возвращение» Таиландом территорий Индокитая в случае, если японцы нападут на него, а также сообщил о предстоящей отправке военных миссий в Японию, Германию и Италию. Дипломаты верно понимали тактику «игры на двух столах», которой придерживался Сонгкрам, но лишь посоветовали ему проявлять «умеренность» на всех направлениях [Morley 1980, p. 209–211, 215–219; Michelin 2019, p. 131–133].

11 сентября 1940 г. глава МИД Франции П. Бодуэн записал: «Два дня назад наш посланник в Бангкоке протестовал против распространения в Индокитае сиамских листовок, требовавших вернуть Лаос и Камбоджу Сиаму[3]. В тот же день посланники Англии

[3] 23 июня 1939 г. название страны было изменено по инициативе Сонгкрама, но многие иностранцы продолжали использовать старое.

и Соединенных Штатов уведомили сиамское правительство, что их правительства заинтересованы в сохранении статус-кво в Индокитае. Чтобы прояснить японскую политику в отношении Сиама я поручил нашему послу в Токио обратить внимание японского правительства на то, что позиция Сиама угрожает Индокитаю. [Посол] Арсен-Анри попросил японское правительство предпринять решительные действия в Бангкоке» [Baudoin 1948, p. 237]. 11 сентября посланник Таиланда в США получил в Государственном департаменте совет придерживаться «всеобщих принципов честной игры и добрососедства» [Morley 1980, p. 211]. За всплеском реваншистских и антифранцузских настроений в Таиланде Дэку видел «руку Токио» [Decoux 1949, p. 133–134], ибо недооценивал самостоятельность действий Сонгкрама [Michelin 2019, p. 129].

Присмотримся к главным действующим лицам. Бодуэн с 1938 г. был генеральным директором Индокитайского банка и президентом Дальневосточного финансового союза, поэтому знал ситуацию в регионе, понимая как интересы Франции, так и возможные угрозы им. При обсуждении ответов на японское давление он высказывался за уступки, поясняя, что Франция не сможет защитить свои владения от вторжения и что лучше сохранить что-то, чем безвозвратно потерять всё. В отличие от Петэна, военного министра генерала М. Вейгана и министра колоний А. Лемери, Бодуэн был озабочен экономическими интересами Франции больше, чем соображениями национального престижа. К началу новой волны таиландских претензий Вейган и Лемери были уже удалены из правительства (первый – под давлением немцев). Военный министр генерал Ш. Юнцижер сосредоточился на отношениях с Германией, ибо до назначения возглавлял комиссию по перемирию с ней. Министр колоний контр-адмирал Ш. Платон, герой обороны Дюнкерка от немцев, не знал ситуацию в Азии и не имел политического опыта, поэтому полагался на Бодуэна. Козырной картой главы МИД было личное доверие Петэна, авторитарному стилю правления которого он соответствовал. В июне 1940 г. Бодуэн выступил за скорейшее перемирие с Германией, и маршал поставил его во главе внешнеполитического ведомства с целью не допустить туда П. Лаваля, делавшего ставку на сотрудничество с немцами.

Посол Арсен-Анри, служивший в Токио с марта 1937 г. и считавшийся японофилом, выступал за сотрудничество с Японией, поскольку

видел в нем единственный шанс сохранения французских позиций в Индокитае после того, как Лондон и Вашингтон отказались помочь в противостоянии японскому нажиму (отношения с Лондоном были фактически разорваны после нападения англичан 3 июля 1940 г. на французский флот в Мерс-эль-Кебире). К Таиланду посол не испытывал симпатий, поэтому 13 и 16 сентября, выполняя указание Бодуэна, прямо заявил японцам, что «мы считаем их ответственными за агитацию в Сиаме» [Baudoin 1948, p. 237]. Вице-министр иностранных дел Т. Охаси, сторонник экспансии, ожидаемо отверг обвинения [Morley 1980, p. 211].

Оказавшийся способным администратором и дипломатом генерал-губернатор Индокитая Дэку в ответ на давление японцев избрал тактику строгого следования директивам из Виши, которых еще надо было дождаться, и отказался от «персональной дипломатии» в стиле своего предшественника Катру, который после отрешения от должности перешел на сторону Ш. де Голля. «Если бы у меня было всего одно слово, чтобы описать адмирала Дэку, это слово было бы: патриот», – оценил его после войны один из ближайших сослуживцев по Индокитаю [Huguier 2007, p. 182]. Особое впечатление на японцев и тайцев производило пристрастие авторитарного Дэку к строгому соблюдению протокола и к полагающимся ему почестям. В ситуации неравенства сил адмирал всегда держался как единственный хозяин Индокитая [Granjean 2004, p. 103–104, 109–112; Huguier 2007, p. 180–181]. Свидетель событий А. Годель писал: «С 1940 г. французы в Индокитае поражались странным колебаниям в поведении японцев. Чувствовалось, что на них влияет старый комплекс неполноценности азиатских народов, что быстро позволило нам взять верх. Несомненно, в их глазах престиж Франции оставался велик. [...] До 9 марта 1945 г. (оккупация Индокитая японцами – В. М.) политический суверенитет Франции в Индокитае под сомнение не ставился» [Gaudel 1947, p. 17, 15].

Японский посол в Виши Р. Савада придерживался антигерманской ориентации, хотя не афишировал ее. Он не только демонстрировал Бодуэну стремление исправно доносить до Токио позицию Франции, но делился с министром впечатлениями от общения с немцами и некоторой полученной от них информацией [Baudoin 1948, p. 170–171, 187–189, 249, 261].

Предполагая ухудшение ситуации, Бодуэн 14 сентября просил немецкого посла в Париже О. Абеца[4] о том, чтобы министр иностранных дел И. фон Риббентроп «посоветовал (японцам – *В. М.*) умеренность, поскольку не в интересах белой расы отдавать Индокитай в руки японских, китайских или сиамских войск» [Baudoin 1948, p. 239], возможно, рассчитывая, что такая лексика будет понятна собеседникам. Подобные зондажи расценивались как проявление «коллаборационизма» режима Виши [Левинсон 1952, с. 174–175]. Однако здесь видно стремление сыграть не столько на «расовом инстинкте», сколько на германо-японском соперничестве и возможных противоречиях на заключительном этапе подготовки Тройственного пакта. Абец ответил, что «мы можем лишь давать советы» японцам [Baudoin 1948, p. 239]. Через день после заключения пакта (27 сентября 1940) японское правительство приняло новую, амбициозную программу внешней политики, провозглашавшую курс на создание «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», куда наряду с Японией, Китаем (прояпонский режим Ван Цзинвэя), Маньчжоу-го и Таиландом входили... Французский Индокитай, британские Малайя, Бирма и Борнео, Голландская Индия (современная Индонезия) и Филиппины, находившиеся под протекторатом США. Это была недвусмысленная заявка на господство в регионе.

Ультиматум Бангкока и ответ Виши

Гром грянул 13 сентября 1940 г., когда Таиланд предъявил Франции ультиматум. Он потребовал «уточнить» границу, проведя ее по самому глубокому руслу Меконга (что приводило к передаче Таиланду около 40 прибрежных островов), «уступить» приграничные области Луанг-Прабанг и Биссак в Лаосе, «предоставить гарантии безопасности» лицам таиландской национальности в Лаосе, а в случае отказа – передать и эти территории Таиланду. Ратификация договора от 12 июня ставилась в зависимость от выполнения этих требований [Morley 1980, p. 212]. В ответ Франция предложила немедленно ввести договор в действие и передать текст ратифи-

[4] Глава посольства в Париже и главный политический советник военного командования во Франции. Формально дипломатических отношений между Третьим Рейхом и Французским государством не было, но с ноября 1941 г. в Виши в качестве представителя МИД Германии находился генеральный консул Р. Круг фон Нидда.

кационных грамот в Бангкок по телеграфу [Gaudel 1947, p. 94–95]. 17 сентября таиландский посланник в Виши вручил ультиматум Бодуэну. Министр, найдя документ «неприемлемым и по форме, и по содержанию», отказался обсуждать его и вообще «принимать во внимание» [Baudoin 1948, p. 241]. Вдобавок пришла телеграмма Арсена-Анри: Токио отказался «влиять» на Бангкок. В тот же день Бодуэн сделал доклад кабинету, отметив синхронность требований Таиланда и Японии, чьи делегаты вели в Ханое переговоры с Дэку. Д. И. Гольдберг охарактеризовал это как «комбинированный нажим со всех сторон, рассчитанный на полную капитуляцию Франции в индокитайском вопросе» [Гольдберг 1959, с. 53].

Британский и американский посланники в Бангкоке негативно относились к «вишистской» администрации в Индокитае, вынужденной идти на компромисс с японцами, а потому ограничились пожеланиями «сохранить статус-кво» – к удовлетворению уверенного в своих силах Сонгкрама, который вел конфиденциальные переговоры с японцами [Morley 1980, p. 212–218]. В Токио начали подготовку новых предложений Таиланду: вхождение в «Сферу сопроцветания Великой Восточной Азии» в обмен на поддержку его претензий к Индокитаю в виде посредничества в территориальном споре. Там хотели опередить США и Великобританию, которые тоже тайно вели с Сонгкрамом переговоры о союзе [Morley 1980, p. 218–219]. Кто успеет первым?

Бодуэн, лучше чем кто-либо из французских министров понимавший, чтó происходит в Индокитае, был готов после некоторых проволочек уступить Японии (так и случилось), но не соглашаться на требования Таиланда. 30 сентября он доложил правительству, что решительно заявил таиландскому посланнику, вторично принесшему ультиматум, об отказе и добавил: «Поднимать этот вопрос в третий раз бесполезно» [Baudoin 1948, p. 254]. Советские историки признавали, что «правительство Виши упорно отвергало эти притязания и согласилось вести переговоры лишь о пограничных островах на Меконге» [Левинсон 1952, с. 176], поскольку вопрос поднимался ранее, и что «Дэку попытался оказать некоторое сопротивление японскому нажиму», хотя их общий вердикт был предсказуем: «Вследствие предательской политики петэновского правительства и его представителя Дэку Северный Вьетнам был оккупирован японскими войсками» [Гольдберг 1959, с. 53–54].

Можно ли считать сказанное объективным выводом ученого-историка? Следом – видимо, в доказательство – Гольдберг привел послевоенное заявление Вьетнамского центрального информационного агентства: «Как только началась Вторая мировая война, правительство Петэна отдало Францию германскому фашизму, а правительство Дэку отдало Индокитай японскому империализму. Немецкие войска наводнили Францию, а японские войска – Индокитай» [Гольдберг 1959, с. 54]. «Явная лживость этих утверждений совершенно очевидна» (используем слова Гольдберга по другому поводу [Гольдберг 1959, с. 68]), поскольку «не следует искусственно отождествлять ситуацию в Индокитае и во Франции перед лицом агрессора. В действительности условия, в которые были поставлены эти две страны, несравнимы» [Gaudel 1947, p. 8]. «Источник» подобных утверждений находился в Москве. Режим Петэна, пытавшийся восстановить стабильность в пределах своей юрисдикции, преследовал коммунистов во Франции (нацисты до нападения на СССР вели с ними переговоры в Париже), администрация Дэку – в Индокитае, где коммунисты от митингов перешли к вооруженным выступлениям «народных масс» при участии местных националистов, получавших оружие от японцев, и даже бандитов [Gaudel 1947, p. 48–51]. За подавление этих выступлений Дэку после войны во Франции едва не стал жертвой бессудной расправы со стороны коммунистов.

Под давлением немцев Петэн 28 октября 1940 г. поставил во главе МИД Лаваля, занятого выстраиванием отношений с Берлином как гарантии существования Французского государства. Бодуэна маршал сохранил возле себя на посту государственного секретаря при главе правительства [Baudoin 1948, p. 269–270]. В Виши Индокитай фактически остался без присмотра: Лаваль не интересовался им, Платон сосредоточился на защите африканских владений от англичан и голлистов, а в подчиненном ему министерстве колоний, по словам Бодуэна, «царил хаос» [Baudoin 1948, p. 246]. Однако Индокитай не бросили на произвол судьбы: сопротивление экспансии Японии и Таиланда возглавил адмирал Дэку, назвавший свои мемуары «У штурвала Индокитая». Недруги адмирала, которым тоже пришлось держать ответ [Catroux 1959; Legrand 1963], называли их «защитительной речью, в которой умолчания и объяснения не соответствуют исторической правде» [Poujade 2007, p. 27], однако Дэку не столько оправдывал, сколько объяснял свои действия. В связке

с ним действовал посол Арсен-Анри, пользовавшийся уважением в Токио.

Генерал-губернатор Дэку был верен законному правительству Франции, признанному большинством не участвовавших в войне стран, включая СССР, США и Ватикан, а после прекращения существования Французского государства в августе 1944 г. признал Временное правительство Французской республики во главе с де Голлем, но тот не доверял адмиралу как «петэнисту». После освобождения из японского плена, куда он попал во время оккупации Индокитая 9 марта 1945 г., адмирал был арестован, доставлен во Францию и предан суду, затем оправдан за отсутствием состава преступления, но ошельмован как «коллаборант» и «капитулянт». Его вынужденное взаимодействие с японцами мы уже рассмотрели. Именно Дэку в октябре 1940 г. принял ответственное и даже рискованное решение перебросить бóльшую часть находившихся в Индокитае боеспособных войск на границу с Таиландом вдоль Меконга, где положение становились все более угрожающим, затем возглавил вооруженное сопротивление агрессору с эффективным применением немногочисленных наличных сил флота и авиации [Decoux 1949, p. 135–143].

Репутацию Дэку определило то, что он «провинился» и перед коммунистами, и перед голлистами. Адмирал предупреждал, что в Бангкоке французский посланник Леписсье ведет «свою игру», заискивая перед таиландским правительством, и 5 ноября 1940 г. отправил министру колоний Платону телеграмму с просьбой добиться его отзыва [Decoux 1949, p. 137], что и было вскоре сделано. Подробности принятия решения нам неизвестны. Для главы МИД Лаваля вопрос не входил в число важных, и он удовлетворил просьбу Платона, не вникая в детали. Однако Франция до конца войны была представлена в Таиланде не посланником, а лишь поверенным в делах. Должность занял Р. Гарро, «вынужденный разбираться с тяжелым наследием, которое оставил предшественник, и прилагать усилия для исправления столь тяжелой ситуации» [Decoux 1949, p. 138]: в переговорах во время войны 1940/41 г. он проявил себя как настойчивый защитник интересов Франции [Morley 1980, p. 225]. Отозванный Леписсье присоединился к де Голлю, став первым главой дипломатической миссии, перешедшим на его сторону.

Франко-тайская война и посредничество Японии

28–29 ноября таиландские войска вторглись на территорию Индокитая. Пограничные стычки переросли в полномасштабный конфликт, хотя без объявления войны и разрыва дипломатических отношений. Анализ военной кампании лежит за пределами нашей работы [Gaudel 1947, p. 95–109; Huguier 2007, p. 231–237; Michelin 2019, p. 136–147]. Французское правительство решило приступить к прямым переговорам с Таиландом и направило инструкции поверенному в делах в Бангкоке, но с Гарро не стали разговаривать. «Центр тяжести» находился в Токио. 2 декабря глава МИД Ё. Мацуока предложил Арсену-Анри посредничество Японии, которая «представилась Франции как союзница Индокитая, позволяющая ограничить потери» [Poujade 2007, p. 37]. Посол ограничился ответом, что передаст предложение в Виши.

Арсен-Анри, которому пришлось вести основные переговоры, не знал главного. 21 ноября конференция четырех министров – «военный кабинет» Японии в составе премьер-министра, главы МИД, военного и морского министров – приняла документ «Политика в отношении Таиланда и Французского Индокитая при посредничестве в возвращении Таиландом утраченных территорий» (текст [Morley 1980, p. 220–221]). Бангкоку в обмен на принятие всех японских требований предлагалась помощь в «возвращении» территорий, находящихся под властью не только Франции, но и Великобритании (!); несогласие предполагалось наказать укреплением отношений с Индокитаем. Ханою – при принятии японских требований – Токио предлагал все же уступить территории Таиланду, но обещал помочь свести уступки до минимума и не посягать на территориальную целостность Индокитая. На случай несогласия было припасено несколько «кнутов»: активная поддержка Таиланда; противостояние «маневрам» англичан и американцев (Дэку тайно контактировал с ними, но кто-то «сливал» информацию японцам, славшим протесты в Виши [Decoux 1949, p. 142]); отказ от соглашения Мацуока–Арсен-Анри от 30 августа 1940 г. о признании территориальной целостности Индокитая. В перспективе это означало интервенцию.

В запасе у Мацуока была еще одна карта: «Общее содержание переговоров с Францией будет сообщено Германии. Если нужно, мы попросим Германию оказать давление на Францию, чтобы повлиять на французское правительство к выгоде Японии». Токио собирался

натравить Таиланд на Французский Индокитай, причем Францию рассматривал как враждебную страну, а Таиланд как потенциального, хотя и сомнительного союзника. Однако германская карта оказалась битой. Немцы не хотели давить на Лаваля, усиленно изображавшего «коллаборацию», так как понимали, что Петэн и большинство его министров настроены антигермански. 9 декабря статс-секретарь МИД Р. фон Вайцзеккер заявил таиландскому посланнику в Берлине, что Германия против любого военного решения проблемы, но поддержит франко-тайские переговоры об исправлении границы, в том числе при посредничестве Японии. То же самое посланнику повторил министр иностранных дел Италии Г. Чиано.

На умиротворяющее воздействие Берлина на Токио надеялись в Вашингтоне: 12 декабря госсекретарь К. Хэлл предписал поверенному в делах в Виши Р. Мёрфи неформально поговорить об этом с французскими дипломатами [Morley 1980, p. 221–222]. Однако проведенное Петэном отстранение Лаваля от власти 13 декабря и его замена во главе МИД на экс-премьера Фландена, до войны имевшего репутацию «человека Лондона», вызвали настолько серьезный кризис во франко-германских отношениях, что немцам стало не до Таиланда. 14 декабря Бангкок заявил о желании начать переговоры о мирном решении проблемы. 19 декабря французское правительство ответило, что не пойдет ни на какие территориальные уступки и отказалось от японского посредничества. 26 декабря в Токио конференция четырех министров приняла новый документ о политике в отношении Таиланда и Индокитая, который усиливал ее антифранцузскую направленность (текст [Morley 1980, p. 223]).

Пользуясь численным преимуществом, таиландская армия в декабре 1940 г. и январе 1941 г. глубоко проникла на территорию Лаоса и Камбоджи. Дэку и командующий войсками генерал М. Мартэн организовали сопротивление, но силы были слишком неравны. «В Индокитай были направлены с разрешения германского верховного командования две французские подводные лодки, затем три крейсера и одна подводная лодка» [Левинсон 1952, с. 176]. Однако попытки Франции перебросить на индокитайский фронт из разных мест четыре батальона сенегальских стрелков и несколько эскадрилий с пилотами, включая самолеты, заказанные и уже оплаченные в США, были блокированы сначала англичанами с согласия американцев, затем немцами. При этом Таиланд закупал американские истребители, пока

в нейтральном Вашингтоне не вняли непрекращающимся протестам Дэку [Henry-Haye 1972, p. 208–210; Decoux 1949, p. 145].

Генерал-губернатор надеялся на поддержку США. Не из-за симпатий к Петэну, хотя президент Ф. Рузвельт именно в это время направил к нему послом адмирала У. Леги (прибыл в Виши 5 января 1941 г.), который считался его доверенным лицом, но из-за возможной обеспокоенности усилением Японии. Обращения через американское генконсульство в Ханое ничего не дали. Новый посол в Вашингтоне Г. Анри-Эй вспоминал приходившие туда «безнадежные мольбы адмирала Дэку, который тоже не мог понять равнодушия американцев» [Henry-Haye 1972, p. 208]. Демарши «петэновского» посла, принятого холодно, тоже оказались безуспешными. Впрочем, ни он, ни напутствовавший его Бодуэн всерьез не рассчитывали на американскую помощь, включая получение оплаченного вооружения, чего не смог добиться прежний посол Р. де Сан-Кентен [Henry-Haye 1972, p. 207–210; Baudoin 1948, p. 193–194, 211–212, 227].

Положение правительства Франции и его представителей с началом франко-тайской войны осложнялось тем, что в то же время они вели в Токио трудные переговоры по экономическим вопросам, связанным с Индокитаем, на которых «Япония выдвигала свои требования под видом помощи и сотрудничества» [Gaudel 1947, p. 201]. Данный сюжет лежит вне пределов нашей работы, поэтому отметим лишь главное. Во-первых, срыв переговоров из-за неуступчивости французской стороны мог привести к отказу Японии от соглашения Мацуока–Арсен-Анри (вариант был предусмотрен решениями конференций четырех министров от 21 ноября и 26 декабря 1940 г.) с последующей интервенцией. Во-вторых, Индокитай остро нуждался в рынке сбыта для риса и каучука, а в сложившейся ситуации Япония осталась единственным возможным покупателем [Benoist-Méchin 1984, p. 256–257].

В-третьих, Дэку по мере сил мешал проникновению японского капитала в Индокитай, что признавали и советские авторы, и сдался лишь после соответствующих решений правительства в мае 1941 г., вынужденного к тому изменением общей ситуации [Левинсон 1952, с. 178–179]. Генерал-губернатор направил в Японию лучших специалистов во главе с главным финансистом Индокитая Ж. Кузеном, которые выехали из Ханоя 2 декабря, в день японского предложения о посредничестве. Делегацию возглавил бывший генерал-губернатор

Индокитая Р. Робэн в ранге чрезвычайного посла, прибывший в Токио через Европу и СССР по Транссибирской магистрали [Gaudel 1947, p. 200, 64]. Руководители и исполнители французской политики были едины в том, что лучше пойти на экономические уступки, чем на территориальные, и что лучше уступить Японии, чем Таиланду, если не на кого рассчитывать.

В Бангкоке таиландские дипломаты были корректны, но непреклонны в требованиях о территориальных уступках. Сонгкрам чувствовал тактическую победу, но не был уверен, насколько сможет ее закрепить, поскольку из Лондона его предупредили о рискованных последствиях принятия военной помощи от Японии [Morley 1980, p. 224–225]. Истинная позиция англичан была неизвестна французам. Позиция американцев оптимизма не внушала. В Вашингтоне Анри-Эй выслушивал общие слова от Рузвельта, Хэлла и его заместителя С. Уэллеса; при этом до него доходили «философские» замечания госсекретаря, что со временем Япония «поглотит» и Индокитай, и Таиланд. Фланден, демонстративно игнорируемый немцами, стал внимателен к японским предложениям. 15 января 1941 г. Мацуока напомнил Арсену-Анри свое предложение о посредничестве. Днем позже аналогичное напоминание было сделано Робэну: это означало «увязку» войны с экономическими переговорами и звучало тревожно. 17 января Сонгкрам, получив известие о победе французского флота в Сиамском заливе, запросил помощи у нового японского посланника Я. Футами, а его заместитель по МИД сообщил, что англичане готовы выступить посредником. Посланник телеграфировал своему министру совет действовать немедленно [Morley 1980, p. 226–227].

19 января Мацуока «посоветовал» Арсену-Анри прибегнуть к посредничеству Японии, а не США или Великобритании, пригрозив в случае отказа «очень твердой позицией» Токио. Перед этой встречей правительство и военное командование Японии решили оказать давление на обе стороны, чтобы заставить их заключить перемирие и исключить участие других стран. Днем позже Мацуока официально предложил посредничество. Арсен-Анри посоветовал правительству и Дэку принять его [Decoux 1949, p. 143]. Сонгкрам согласился сразу. 22 января агрессивно настроенный вице-министр Охаси припугнул французского посла возможностью интервенции, если ответа из Виши придется ждать слишком долго. Для большей убедительности Япония отправила эскадру в Сиамский залив. Британское правительство

в послании американскому выразило «озабоченность» возможным изменением статус-кво в регионе. Госсекретарь обещал «тщательно рассмотреть» сказанное. В Виши Фланден сказал Леги, что Франция «больше не может отказываться». Немцы ограничились заявлением, что заинтересованы в «поддержании мира и порядка» в Индокитае [Morley 1980, p. 227–230].

24 января Арсен-Анри официально известил Мацуока о принятии японского посредничества, отметив, что речь идет лишь о прекращении огня, а не о передаче территорий. В качестве первого шага посол предложил отвести войска обеих стран из зоны боевых действий на «законные» территории к очевидной выгоде Франции, но сразу натолкнулся на сопротивление японцев и был вынужден принять их условия. После прекращения огня 28 января стороны начали переговоры о перемирии на борту японского крейсера «Натори» в бухте Сайгона и там же три дня спустя подписали его.

Мирные переговоры открылись 7 февраля в Токио под председательством Мацуока, красовавшегося в роли международного арбитра. Два дня спустя морской министр, адмирал флота Ж.-Ф. Дарлан, которого Петэн назначил своим преемником на посту главы государства, возглавил правительство в должности вице-премьера, остававшейся вакантной после отставки Лаваля. В новом кабинете, сформированном 25 февраля, Дарлан по совместительству возглавил МИД и МВД; Платон остался министром колоний. Именно Дарлан, знавший слабость обороны Индокитая, рекомендовал Дэку на пост генерал-губернатора и теперь фактически наделил его полномочиями «проконсула», призванного «сохранить всё, что еще можно сохранить». В отличие от Фландена Дарлан смог заставить немцев считаться с собой. В отличие от Лаваля он не декларировал на каждом шагу стремление к «коллаборации», хотя и шел на уступки – по мнению Петэна, порой неоправданные – но это совсем другая история.

Мирные переговоры начались с претензий Таиланда на все территории, утраченные им с 1867 г., на что Франция согласиться не могла. Несмотря на усиление японского военного присутствия в Индокитае, «французская делегация в Токио долго не шла на капитуляцию. 21 февраля вишийский кабинет отверг японские предложения, содержавшие требование удовлетворить основные претензии Таи[ланда], и заявил, что “Франция будет сражаться всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении”» [Левинсон 1952, с. 176].

В условиях постоянного нажима со стороны Японии, чреватого интервенцией и закончившегося ультиматумом со сроком исполнения 5 марта [Morley 1980, p. 233–234], Франция приняла предъявленные требования, о чем 7 марта стороны официально сообщили в совместном коммюнике. 11 марта «после долгих и жестких споров нашим представителям, – свидетельствовал Дэку, – пришлось принять условия компромисса, которые, по воле Японии, были невыгодны для нас» [Decoux 1949, p. 144]. Парафированное в этот день соглашение предусматривало передачу Таиланду территорий Лаоса и Камбоджи западнее Меконга площадью в 30 тыс. кв. км с населением в 1 млн. человек. А. Годель оценил новую границу как «нонсенс с исторической, этнической, экономической и политической точек зрения» [Gaudel 1947, p. 111]. Французские делегаты добились некоторых уступок, включая демилитаризацию передаваемых территорий.

Мирный договор был подписан 9 мая 1941 г. Япония выступала гарантом выполнения соглашения и посредником при разрешении дальнейших споров, что было оформлено отдельными протоколами о «политическом взаимопонимании». Дэку пришлось лично объяснить вынужденность территориальных уступок королю Луангпхабанга (позднее Лаоса) Сисавангу Вонгу, который «царствовал, но не управлял» под протекторатом Франции. Король Камбоджи Сисоват Монивонг умер 24 апреля 1941 г., и адмирал встретился с его преемником Нородомом Сианук только на похоронах монарха [Decoux 1949, p. 283–297; Huguier 2007, p. 210–215].

Заключение. «Цена» японского посредничества

«Коллаборант» Бенуа-Мешен едва ли не единственный в правящих кругах Франции положительно оценил посредничество Токио, которое «заставило нас передать территории Таиланду, но куда меньше, чем хотело правительство Бангкока» [Benoist-Méchin 1984, p. 256]. К остальным оценкам применимы крылатые слова о «похабном мире». «Англосаксы, остававшиеся пассивными в течение всего конфликта, не сделали ничего решительного, чтобы предотвратить акт грабежа, устроенного Бангкоком и Токио, – отметил Дэку. – […] В силу какого-то помрачения Англия и Соединенные Штаты, отказав Индокитаю в любой помощи, косвенно

помогли Японии закрепиться на будущем тихоокеанском театре конфликта» [Decoux 1949, p. 144–145]. «В Индокитае все знали, что Япония была не единственной державой, заинтересованной в уничтожении сделанного Францией в Азии», – многозначительно добавил Годель [Gaudel 1947, p. 232].

Режим Петэна легко обвинять в дальнейших уступках Японии, включая допуск ее войск в южную часть Индокитая летом 1941 г. и заключение с ней соглашений о «совместной обороне» (сюжет достоин отдельного рассмотрения), но и то, и другое было сделано под прямым нажимом Токио на правительство в Виши, минуя Дэку и Арсена-Анри [Gaudel 1947, p. 117–119]. Генерал-губернатор подчеркнул: «С этого времени вопрос (о японской экспансии в Индокитае – *В. М.*) не мог быть решен ни в Виши, ни в Ханое, ни даже в Токио, но лишь в Вашингтоне. Только жесткое вето американского правительства было способно помешать разграблению индокитайских территорий и остановить Японию в подготовке военного конфликта и продвижения на юг. В свете последовавших событий остается пожалеть, что Соединенные Штаты в очередной раз упустили время действовать» [Decoux 1949, p. 146]. Дэку видел в этом недальновидность Рузвельта, но тот сознательно готовил войну на Тихом океане. Двадцать лет спустя бывший посол Анри-Эй был куда категоричнее в оценке действий президента [Henry-Haye 1972, p. 211–212, 371–374].

Награбленное не пошло Таиланду впрок. С началом войны на Тихом океане японцы оккупировали его. В конце июля 1944 г. Сонгкрам, сделавший себя после «победы» фельдмаршалом, был вынужден уйти в отставку, чтобы обеспечить стране перемещение из лагеря «Оси» в лагерь «союзников» с минимальными потерями. В 1946 г. по требованию Франции, правительство которой возглавлял де Голль, Таиланд вернул все захваченные в 1941 г. территории в состав Индокитая ради допущения в ряды ООН.

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Гольдберг Д. И. (1959). *Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.)*. Москва: Издательство восточной литературы.

Левинсон Г. (1952). Захват Японией Индо-Китая. *Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2022а). *Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление».* Москва–Санкт-Петербург: Нестор-История.

Молодяков В. Э. (2022б). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть первая). *Ежегодник Япония*. Т. 51. С. 137–159.

Молодяков В. Э. (2023). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть вторая). *Ежегодник Япония*. Т. 52. С. 113–133.

References

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Benoist-Méchin, [J.] (1984). *De la défaite au désastre. T. 1. Les occasions manquées. Juillet 1940 – Avril 1942*. Paris: Albin Michel. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednii velikii frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Sankt-Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Catroux [G.], Général, Ambassadeur de France. (1959). *Deux actes de drame indochinois. Hanoï: juin 1940 – Dien Phen Phu: mars-mai 1954.* Paris: Plon. (In French).

Decoux, [J.] Amiral. (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Gaudel, A. (1947). *L'Indochine Française en face du Japon*. Paris: J. Susse. (In French).

Gol'dberg, D. I. (1959). *Vneshnyaya politika Yaponii (sentyabr' 1939 g. – dekabr' 1941 g.)* [Japan's Foreign Policy (September 1939 – December 1941)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

Goscha, Ch. E. (1999). *Thailand and the Southeast Asian Networks of the Vietnamese Revolution, 1885–1954*. Richmond: Curzon.

Grandjean, Ph. (2004). *L'Indochine face au Japon. 1940–1945. Decoux – de Gaulle, un malentendu fatal.* Paris: L'Harmattan. (In French).

Henry-Haye, G. (1972). *La grande éclipse franco-américaine*. Paris: Plon. (In French).

Huguier, M. (2007). *L'Amiral Decoux: Sur tous les mers du monde*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Legrand, J. (1963). *L'Indochine à l'heure japonaise.* [Cannes: à compte d'auteur]. (In French).

Levinson, G. (1952). Zakhvat Yaponiei Indo-Kitaya [Japanese Capture of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Meshcheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Paris: Passés Composés. (In French). (Electronic edition).

Molodiakov, V. E. (2022a). *Sharl' Morras iI «Action française» protiv Germanii: "podlinnoe lionskoe soprotivleniye".* [Charles Maurras and "Action Française" vs Germany: "genuine resistance of Lyon"]. Moscow – Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Molodiakov, V. E. (2022b). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' pervaya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2023). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' vtoraya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)]. *Yearbook Japan*, 52, 113–132. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance Into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Poujade, R. J. (2007). *L'Indochine dans la sphère de la coprospérité japonaise: De 1940 à 1945*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 161–182
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 161–182
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-161-182

Вступление Японии в Тройственный пакт: продуманная стратегия или конъюнктурное решение?

Д. В. Стрельцов

Аннотация

В статье рассмотрена мотивация Японии по вступлению в Тройственный пакт с Германией и Италией в 1940 г. Проанализирована внутриполитическая борьба в Японии в период перед его подписанием – с особым акцентом на позиции основных политических сил, и, прежде всего, армейской и военно-морской группировок. Основным пунктом противоречий между ними был вопрос о том, заключать ли пакт с Германией в контексте возможных последствий этого шага для интересов Японии в связи с ее отношениями с тремя державами – Великобританией, США и СССР.

По мнению автора, с приходом второго кабинета Коноэ в японском руководстве сложился консенсус относительно присоединения к германо-итальянскому пакту. На фоне военных побед Германии в Европе и предполагаемой неготовности США сворачивать политику изоляционизма Токио рассчитывал, что этот шаг позволит зафиксировать раздел сфер влияния трех держав, в рамках которого Япония получила бы обширные колонии европейских стран в Азии.

Япония просчиталась по большинству моментов, обусловивших ее решение вступить в пакт. Японии не удалось использовать Ось в качестве средства «нейтрализации» СССР и США. Оказавшись на стороне нацистской Германии в разгоравшейся мировой войне, Япония утратила любые, в том числе дипломатические, возможности для отхода назад, противопоставив себя гораздо более мощной в экономическом и военном отношениях коалиции, что, в конечном счете, привело ее к катастрофе. Несостоятельным был и расчет Японии на посредничество Германии в деле достижения японо-китайского мира: Чан Кайши отверг любые попытки в этом направлении, видя стратегию двух стран по вишизации правительства Китайской Республики.

Ключевые слова: Япония, Германия, Тройственный пакт, Ось Берлин-Рим-Токио, «армейская группировка», «военно-морская группировка», экспансия на Юг, Зона совместного процветания Восточной Азии.

Автор: *Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, профессор, МГИМО-университет: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского д. 76; Институт Китая и современной Азии: 117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 32.

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan's Joining the Tripartite Pact: An Elaborate Strategy or an Opportunistic Solution?

D. V. Streltsov

Abstract

The article addresses the motivation of Japan to join the Tripartite Pact with Germany and Italy in 1940. The internal political struggle in Japan on this issue is analyzed, with special emphasis on the positions of the main political forces and, first of all, the Army and Navy factions. The main point of contradiction between them was the question of whether Japan should conclude a pact with Germany in the context of its interests regarding the relations with the three major powers – Great Britain, the USA, and the USSR.

According to the author, with the arrival of the second Konoe cabinet, there was a consensus in the Japanese leadership on joining the German-Italian pact. Against the background of Germany's military victories in Europe and the alleged unwillingness of the United States to curtail the policy of isolationism, Tokyo hoped that this step would fix the division of the spheres of influence of the three powers, within which Japan would receive extensive colonies of European countries in Asia.

Japan miscalculated most of the points that led to its decision to join the pact. Japan failed to use the Axis as a means of "neutralizing" the USSR and the USA.

Having found itself on the side of Nazi Germany in the outbreak of the World War, Japan lost any, including diplomatic, opportunities to retreat, opposing itself to a much more powerful coalition in economic and military terms, which ultimately led it to disaster. Japan's calculation on German mediation in achieving Japanese-Chinese peace would also be untenable: Chiang Kai-shek rejected any attempts in this direction, seeing through the strategy of Japan and Germany to *Vichy*-ize the government of the Republic of China.

Keywords: Japan, Germany, Tripartite Pact, Berlin-Rome-Tokyo Axis, Army Faction, Navy Faction, Expansion to the South, East Asia Joint Prosperity Zone.

Author: *Streltsov Dmitry Victorovich*, Professor, MGIMO University, 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; Institute of China and Contemporary Asia of RAS, 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

В ноябре 1936 г. Япония заключила с Германией и Италией Антикоминтерновский пакт. Этот пакт, основанный на общих идейных и политических ценностях, – приверженности всех трех стран идее борьбы с коммунизмом и стремлении сдержать влияние в мире Советского Союза, был предшественником Тройственного пакта – полноценного военного альянса трех стран, заключенного в сентябре 1940 г. Установленные в 1936 г. отношения сотрудничества трех стран, стремившихся к разделу мира и озабоченных разделом сфер влияния, стали полноценной основой процесса формирования данного блока.

Вместе с тем присоединение Японии к Тройственной оси носило отнюдь не императивный характер – ему предшествовали большие раздумья, сомнения и дипломатические игры. Цель данной статьи заключается в том, чтобы более детально разобраться, какова была мотивация Японии в 1939–1940 гг., заставившая ее в конце концов сделать выбор в пользу этого шага, и удалось ли ей достичь поставленных целей. Особый упор будет сделан на слабоизученную

в отечественной историографии внутриполитическую борьбу в Японии в период с 22 мая 1939 г., когда был подписан Стальной пакт между Германией и Италией, до момента подписания Тройственного пакта 27 сентября 1940 г.

Внешнеполитическая ситуация вокруг проблемы трехстороннего пакта в 1936–1939 гг.

После выхода Японии из двух договоров об ограничении военно-морских вооружений – Вашингтонского и Лондонского – основным ее геополитическим противником были не Великобритания или США, а Советский Союз. В глазах Токио он представлял собой рассадник враждебной коммунистической идеологии и источник прямой военной угрозы. Борьба с «красной опасностью» была одной из идейных основ милитаристского режима, установившегося в стране с начала 1930-х гг., а главную скрипку в правящей клике страны играла армия, которая придерживалась концепции продвижения на Север. Закономерным следствием проводимой японским руководством политики явилось подписание в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией, который формально не был направлен против СССР, но фактически предусматривал политическую координацию действий трех стран на антисоветской основе. Уже тогда в Японии стала обсуждаться идея превращения Антикоминтерновского пакта в полноценный военный союз.

Одним из препятствий на пути его заключения были японо-германские противоречия в Китае, который на тот момент был главным объектом японских вожделений. Германия имела существенные коммерческие интересы в этой стране и продолжала оказывать режиму Чан Кайши военно-дипломатическую поддержку даже после начала Японией в июле 1937 г. полномасштабной агрессии в Китае. Однако когда весной 1938 г. Берлин отказался от поддержки уханьского правительства Гоминьдана, придя к выводу о приоритете тесных военно-политических отношений с Токио, это препятствие было снято. Летом 1938 г. Германия инициировала первые переговоры о заключении трехстороннего союза с Японией и Италией, рассматривая его в качестве средства сдерживания Великобритании и Франции в рамках подготовки к военной операции по оккупации Чехословакии [Tajima 2016, p. 46].

Практические действия в направлении блокирования с Германией стала предпринимать и Япония. С начала 1939 г. правительство Хиранума, вступив в переговоры с Германией и Италией, придерживалось *тюдо гайко* – «дипломатии среднего пути», задача которой заключалась в том, чтобы повернуть союз против СССР и одновременно не дать втянуть Японию в европейские дела [Yellen 2016, p. 558–559]. За этим стояла главная стратегическая цель Японии: успешно завершить войну в Китае, а на следующем этапе продолжить экспансию на Север – в Сибирь и на Дальний Восток.

Однако для Берлина главным врагом на этом этапе был не Советский Союз, а Великобритания, причем, по мысли министра иностранных дел Й. Риббентропа, союз с Японией должен был обеспечить невмешательство Америки в европейский конфликт. Например, в письме от 7 марта 1939 г. Риббентроп написал послу Японии в Германии Х. Осима: «В рамках Трехстороннего пакта Германия и Италия больше всего на свете ожидают от Японии, что она обеспечит сдерживание Соединенных Штатов и сохранение их нейтральной позиции» [Tajima 2016, p. 46].

Военные столкновения с СССР в 1938–39 гг. резко меняют геополитические расчеты Токио. В результате масштабного пограничного конфликта на озере Хасан в июле 1938 г. и сражений на реке Халхин-Гол в мае-августе 1939 г., продемонстрировавших превосходство советской военной техники и советского оперативного искусства, Япония, осознав реальный военный потенциал РККА, фактически отказалась от агрессивных замыслов в отношении СССР. На повестку дня встает продвижение в сторону Южных морей, а основным проводником этого направления экспансии становится военно-морская группировка, которая усилила свои позиции в политическом руководстве страны. Теперь главным врагом становится Великобритания, сопротивление которой могло серьезно навредить этим планам.

Шоковый эффект в Токио вызвала новость о заключении Германией Пакта о ненападении с СССР 23 августа 1939 г. в ходе визита Риббентропа в Москву. Это событие ускорило отставку кабинета Хиранума, а сменившее его 30 августа 1939 г. правительство адмирала Абэ Нобуюки уже в сентябре заключило перемирие с СССР. В глазах Токио Берлин Токио договорился с Москвой за спиной Японии: этот факт был воспринят как «предательство». Японское руководство пришло к критическому переосмыслению всей проводившейся

ранее прогерманской политики и даже к размышлениям о заключении с СССР сепаратной сделки на двустороннем уровне.

Будучи заинтересованной в стабильности своего тыла, Япония теперь озаботилась поиском путей дипломатического сдерживания и нейтрализации СССР, одним из которых представлялось заключение с Москвой пакта о нейтралитете и даже ее вовлечение в трехсторонний пакт с Германией и Италией. И хотя кабинет Абэ был крайне скоротечным, заданная им линия на советском направлении продолжилась и после его падения. Японская политическая и военная элита извлекла жизненно важный урок из Халхин-Гольского инцидента: полагаться в отношениях с Москвой исключительно на дипломатические методы, избегая войны с Красной Армией. Этот урок сохранял для Токио свою значимость вплоть до 1945 г.

Однако оставался нерешенным другой вопрос – как вести себя по отношению к Германии и Италии, заключившим в мае 1939 г. Стальной пакт? Германия в тот период продолжала активно зазывать Японию в пакт, выступая с идеей создания трехстороннего союза как инструмента сдерживания Великобритании в Европе. Однако Токио колебался – работал аргумент об опасности вовлечения в ненужный конфликт на далеком от нее континенте в условиях незавершенной войны в Китае. Кроме того, Япония опасалась, что чересчур тесные связи с нацистской Германией могут поссорить ее с США – основным поставщиком нефти и иных стратегических материалов, без которых она не могла бы продолжать затянувшуюся войну на материке, не говоря уж о том, чтобы двигаться на Юг.

К тому же Японии удалось договориться с Великобританией, которая, подписав 24 июля 1939 г. соглашение Крейг-Арита, гарантировала ей доминирующее положение в Китае [Dülffer 1986, p. 230]. Таким образом, во второй половине 1939 г. существовал значительный и, казалось бы, непреодолимый разрыв между стратегическими позициями Японии и Германии по отношению к европейскому театру, который не позволял надеяться на подписание полноценного военного союза.

Внутриполитическая борьба в Японии

В японском руководстве не было единства мнений по поводу дальнейшей стратегии на европейском направлении**.** Там существовало

несколько группировок, каждая из которых оценивала данный вопрос на основе собственного видения перспектив развития геополитической ситуации в мире. Основным пунктом противоречий между ними был вопрос о том, заключать ли пакт с Германией в контексте возможных последствий этого шага для интересов Японии, которые оценивались в связи с ее отношениями с тремя державами – Великобританией, США и СССР.

За союз с Германией выступали представители японского МИДа – это были посол в Италии Сиратори Тосио, посол в Германии Осима Хироси, а также Мацуока Ёсукэ, который позднее занял пост министра иностранных дел во втором кабинете Коноэ (июль 1940 – октябрь 1941 г.) Они блокировались с армейской верхушкой во главе с военным министром С. Итагаки. Армейская группировка исходила из того, что альянс с Германией выгоден Японии, так как позволит нейтрализовать Великобританию и сдержать Советский Союз, который будет вынужден сосредоточиться на подготовке к войне в Европе и ослабить внимание к Азии, приостановив военную помощь правительству Чан Кайши.

Скептически пакт с Германией, заняв практически противоположную позицию, оценивали группа сторонников южного направления экспансии. Сюда входила часть японского внешнеполитического истеблишмента, а также некоторые руководители военно-морского флота[1]. Наиболее ярким представителем этого направления был адмирал Ёнаи Мицумаса, который последовательно выступал против подключения Японии к пакту с Германией и Италией в период пребывания на посту военно-морского министра с февраля 1937 по август 1939 г. [Aizawa 2010, p. 135]. Однако в числе противников пакта можно было видеть не только морских офицеров: там были и *гэнро* К. Сайондзи, и главный идеолог «императорского пути» С. Араки, и «либералы» – К. Номура, Ц. Мацудайра, К. Хориноути, а также бывший посол в Германии К. Мусякодзи, подписавший от Японии Антикоминтерновский пакт. Против пакта выступал и экс-министр иностранных дел Х. Арита, для которого эта позиция стала личным выпадом против Мацуока и армейских кругов [Молодяков 2006, с. 330].

[1] Они условно названы в статье военно-морской группировкой, хотя следует понимать, что ее взгляды разделяли далеко не все офицеры императорского флота.

Представители военно-морской группировки, занимавшие ключевые посты в императорском флоте, относились к конфликту с Англией более скептически, чем армейская группировка, и выступали против превращения Антикоминтерновского пакта в полноценный антибританский союз. Многие из них имели пробританское воспитание, пройдя стажировки в британских военно-морских школах, и хорошо помнили о том, что подъем Японии как мощной военно-морской державы пришелся на период после заключения в 1902 г. японо-английского союза, ставшего важным фактором победы в войне с Россией в 1904–05 гг.

Следует признать, однако, что основу оперативного состава среднего и низшего звена императорского флота составляли тогда прогермански настроенные офицеры, многие из которых получили военное образование в Германии. Свою роль играла высокая оценка технических возможностей германского подводного флота, который мог эффективно угрожать морским коммуникациям Великобритании и США. Кроме того, после окончания действия англо-британского союза в 1922 г. стажировки для морских офицеров в Англии прекратились, а Великобритания и США, навязавшие Японии на Вашингтонской и Лондонской конференциях ограничения на военно-морское строительство, стали восприниматься ими как противники [Auer 2006, p. 93].

Другим камнем преткновения двух течений в японском руководстве явился вопрос о привлечении СССР к членству в пакте. Значительная часть военно-морской группировки выступала против превращения отношений с Германией в полноценный антисоветский союз – главным образом потому, что ее представители понимали гибельность для Японии войны на два фронта и необходимость обеспечения прочного тыла в период экспансии на Юг. К ним примыкала часть внешнеполитического истеблишмента из числа специалистов по России, имевших реалистические представления о военном потенциале СССР.

Например, упомянутый М. Ёнаи с большим сомнением относился к Антикоминтерновскому пакту и выступал против сотрудничества с Германией на антисоветской основе, которое бы только усилило враждебность между Токио и Москвой. Во времена своей молодости, в 1915–1917 гг., он работал военно-морским атташе в Петрограде, хорошо знал русский язык и считал Россию/СССР дружественным Японии государством в ее противостоянии с США и Великобританией.

Продолжал Ёнаи выступать за хорошие отношения с СССР и после назначения в феврале 1937 г. на пост военно-морского министра.

О том что в руководстве Японии имеется влиятельная группировка сторонников сближения с Москвой, свидетельствует документ «Методы немедленного и благоприятного прекращения китайского инцидента», датированный 19 июля 1939 г. Он не имеет четкого авторства. По одним сведениям, он принадлежал перу Ё. Мацуока, по другим – послу Т. Сиратори [Tajima 2016, p. 47]. В документе утверждалось, что для завершения затянувшейся китайско-японской войны Японии было бы выгодно привлечь на свою сторону Советский Союз и сформировать коалицию четырех стран в составе Японии, Германии, Италии и СССР. В документе предлагался раздел сфер влияния с Советским Союзом и содержалось следующее замечание: «Если между Великобританией и Советским Союзом начнутся военные действия, было бы целесообразно… созвать совершенно секретное совещание генеральных штабов Японии, Советского Союза, Германии и Италии против Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. (...) Мощь сотрудничества между Японией, Советским Союзом, Германией и Италией, безусловно, не уступала бы мощи сотрудничества между Великобританией, Соединенными Штатами и Францией с точки зрения дипломатии, войны и экономики [Tajima 2016, p. 48]».

Несмотря на имеющиеся противоречия, во всех наиболее влиятельных институтах страны – как в армии, так и во флоте и в МИДе, – существовали и общие для всех алармистские настроения, основанные на реалистичной оценке военно-экономического потенциала Японии, а также понимании рисков, связанных с вовлечением в конфликт с США в случае подписания пакта с Германией. Однако если в армии эти настроения уравновешивались надеждами на продолжение Вашингтоном традиционной политики изоляционизма, а также расчетом на то, что Рузвельт воздержится от борьбы на два фронта, которая стала бы неизбежной после подписания японо-германского союза, то представители военно-морской группировки не питали на этот счет больших иллюзий.

Сильную обеспокоенность возможным ухудшением японо-американских отношений в результате присоединения к пакту проявлял, например, заместитель военно-морского министра Ямамото Исороку, который солидаризовался по данному вопросу с М. Ёнаи, больше озабоченным последствиями для японо-британских отношений

[Aizawa 2010, p. 138]. А в октябре 1940 г., уже после подписания Тройственного пакта, адмирал Ямамото открыто заявил: «Сражаться с Соединенными Штатами – это все равно, что сражаться со всем миром... Несомненно, я умру на борту «Нагато» (флагман японского императорского флота – *Д. С.*). Тем временем Токио будет сожжен дотла трижды» [Jeffrey 2009, p. 3].

По мнению японского исследователя К. Аидзава, негативная оценка М. Ёнаи и И. Ямамото союза с Германией имела различные корни. Если «русофил» Ёнаи выступал против Антикоминтерновского пакта в первую очередь потому, что понимал реальное соотношение сил в случае конфликта Японии с СССР, то Ямамото делал это в силу своего крайне критичного отношения к армии, которая, по его мнению, беспрепятственно расширяла свою экспансию в Китае [Aizawa 2010, p. 140]. Объединяло их то, что оба они были ярыми сторонниками продвижения на Юг.

Противостояние между армейской и военно-морской группировками по поводу пакта с Германией достигло своего апогея летом 1939 г., когда 8 августа на совещании «Пятерки» (малого кабинета министров, в котором участвовали пять руководителей наиболее значимых для ведения войны министерств) в ответ на предложение министра армии С. Итагаки немедленно заключить пакт министр финансов С. Исивата задал вопрос военно-морскому министру М. Ёнаи относительно шансов коалиции Германии, Италии и Японии победить в войне с коалицией Великобритании, Франции, США и СССР, тот ответил, что таких шансов просто нет [Auer 2006, p. 88]. Окончательно вопрос о вступлении в пакт был снят с повестки дня после поступления новости о подписании советско-германского Пакта о ненападении.

Факторы подписания пакта в 1940 г.

В течение следующего, 1940 года ситуация в Европе резко изменилась, что стало решающим фактором в пользу изменения осторожной позиции японского руководства по отношению к пакту с Германией и Италией. Огромное впечатление на Токио произвели победы вермахта в Скандинавии и Западной Европе в апреле-июне 1940 г., и, прежде всего, оккупация Франции и трех стран Бенилюкса. Череда побед Германии открыла для Японии новые возможности для начала экспансии на Юг, и прежде всего в Юго-Восточной Азии и на Тихом

океане, где находились колонии разгромленной Гитлером Франции и оккупированной Голландии. 1 августа 1940 г. Ё. Мацуока, министром иностранных дел во втором кабинете Коноэ, была провозглашена идея создания Зоны совместного процветания Восточной Азии. В ее состав, в дополнение к голландским и французским владениям, были включены также британские колонии и доминионы.

Ускорение приготовлений к продвижению на Юг, по мнению некоторых исследователей, в числе прочего было связано с опасениями, что Германия попытается использовать успехи в Европе для закрепления своих прав на колонии побежденных стран. Например, гонконгский исследователь Дж. Йеллен пишет об опасениях среди японской военной и политической элиты, что Германия, празднуя одну военную победу за другой, разовьет у себя аппетит к мировому господству и попытается захватить перед носом у Японии французские и голландские колонии в Азии [Yellen 2016]. На фоне этих опасений японские лидеры в качестве предварительного условия для создания Оси Берлин–Рим-Токио пытались сделать признание Берлином особых интересов Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии [Yellen 2016, p. 557–558].

Нельзя не признать, что определенные основания для такой трактовки событий имелись. Например, германское правительство после падения Франции в противоположность надеждам Токио не пошло на то, чтобы официально отказаться от французских колониальных владений в Азии. Очевидно у немцев не было повода для проявления «благодарности» японцам, с которыми у них на тот момент формально отсутствовали союзнические отношения.

Однако верно и то, что Германии в тот момент приходилось учитывать международное положение «союзной» ей вишистской Франции в европейской войне против Великобритании. К тому же, будучи заинтересованной в пакте с Японией, особенно в контексте дальнейших планов экспансии на континенте, Германия все же пошла ей на некоторые уступки по азиатским делам. Например, 20 мая 1940 г. Й. Риббентроп отказался от любых претензий Германии на голландскую Ост-Индию. Его заявление гласило, что германо-голландский конфликт был исключительно европейским делом и не имел ничего общего с любыми вопросами, касающимися территорий за пределами континента, и что Германия не проявляет никакого интереса заниматься этими вопросами. Поэтому вряд ли утверждение Йеллена

полностью соответствует действительности: в Японии, по всей видимости, хорошо понимали, что у Германии отсутствовали в тот момент военные и экономические возможности продвинуться в Юго-Восточную Азию [Goeschel 2022, p. 10].

Тем временем США предприняли в 1940 г. ряд шагов, которые свидетельствовали об иллюзорности надежд Токио и Берлина на сохранение Вашингтоном нейтралитета в будущих конфликтах с ними. 17 августа 1940 г. в Ольденсбурге между США и Канадой было подписано соглашение о создании совместного командования для координации обороны Северной Америки. Оно продемонстрировало солидарность США с британским правительством, которое в одиночку продолжало сопротивление нацистам в Европе. В сентябре 1940 г. Вашингтон разработал с правительством У. Черчилля соглашение о предоставлении ему 50 эсминцев в обмен на аренду британских баз в Средиземном море и в иных чувствительных для Германии и Италии стратегических районах мира. В результате в Германии пришли к выводу о том, что в создавшихся обстоятельствах Великобритания вряд ли капитулирует [Stratman 1970, p. 76].

В свою очередь, это усилило мотивацию Берлина к заключению пакта с Токио, которая была основана на старой идее о том, что Тройственный пакт станет гарантией от вмешательства США в европейские дела, так как последние не захотят воевать на два фронта (в Европе и Азии). Что касается Японии, американо-британское соглашение об аренде баз дало пищу для опасений, что флот США может переместиться в крупнейшие базы британского флота в Азии – Сингапур или Гонконг, усиливая тем самым решимость Великобритании продолжать войну.

Другим новым проявлением американского фактора стало усиление Рузвельтом поддержки правительства Чан Кайши. Еще в декабре 1938 г. чунцинскому правительству был предоставлен политический важный заем объемом 25 млн. долл. США, ставший началом программы финансовой и военной помощи гоминдановскому правительству. Это в свою очередь усиливало пессимизм в японском руководстве, осознавшем, что националистический Китай вряд ли удастся победить в обозримом будущем, несмотря на активные действия по его политической и военной изоляции. Например, в феврале 1940 г. в ходе беседы британского посла в Японии Р. Крейги с заместителем министра иностранных дел Тани последний выразил большую

обеспокоенность «различными видами» поддержки правительства Чан Кайши со стороны США, причем, как отмечается в телеграмме американского посла Дж. Грю госсекретарю США, «беспокойство Тани было искренним», и «по всем признакам он был сильно расстроен».[2] В создавшейся ситуации сторонники сближения с Германией стали склоняться к мысли о том, что вступление в пакт даст дополнительные рычаги давления на Америку, заставив ее считаться с объединенной мощью трех держав и проводить более осторожную политику по отношению к Японии.

Однако в военном и политическом истеблишменте страны попрежнему не наблюдалось никакого единства по проблеме вступления в пакт. Если в армии преобладала точка зрения, что заключение пакта предоставит Японии дополнительные гарантии от вмешательства СССР в китайскую войну и благодаря этому даст возможность успешно завершить кампанию на материке, то во флоте занимали более осторожную позицию, основанную на предположении, что пакт с Германией окончательно подвинет страну к ссоре с США, а это крайне нежелательно в условиях экспансии на Юг из-за сильной зависимости флота от американских поставок топлива и других стратегических материалов. Кроме того, во флоте более остро ощущали риски от втягивания страны в войну в Европе, которую они оценивали как сложившуюся в пользу Германии более скептически и не считали Великобританию окончательно поверженной.

Ситуация изменилась с приходом к власти 16 июля 1940 г. второго кабинета Коноэ, в который вошел прогермански настроенный Ё. Мацуока, возглавивший внешнеполитическое ведомство. Он энергично продавливал решение о присоединении к пакту, полагая, что дни Великобритании уже сочтены и нужно успеть к разделу «мирового пирога». Военно-морской министр Ёсида Дзэнго, единственный противник пакта с Германией в правительстве Коноэ, апеллировал к риску военного столкновения с США, но не был услышан и ушел в начале сентября 1940 г. в отставку в состоянии сильного нервного истощения [Paine 2017, p. 150].

В результате в японском руководстве сложилась консенсусная оценка геополитической ситуации на тот момент, в соответствии

[2] The Ambassador in Japan (Grew) to the Secretary of State. *Foreign relations of the United States, diplomatic papers, 1940, the Far East, Vol. IV*: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1940v04/d684

с которой США пока еще не готовы полностью сворачивать политику изоляционизма, а потому Япония не должна упустить момент, связанный с победами Германии в Европе и уязвимым положением Великобритании, Франции и Нидерландов, чтобы предъявить свои претензии на новые территории в Южных морях. Наилучшим способом достижения этой цели представлялось присоединение к германо-итальянскому пакту. По мнению российского исследователя Д. Милеева, данное решение было принято на фоне того, что в политической элите Японии «резко укрепили позиции германофильские группировки, которые видели возможность использовать обретенную мощь Германии для усиления влияния Японии на Дальнем Востоке» [Милеев 2010, с. 8].

Кроме того, армейское руководство энергично доказывало, что пакт защитит Японию от ее злейшего врага, Советского Союза [Paine 2017, p. 150]. Однако в реальности главным врагом Японии на тот момент по-прежнему оставался Китай. Преобладающей в политическом руководстве была точка зрения о необходимости заключения пакта о нейтралитете с СССР и даже привлечения Москвы к Тройственной оси. Нелишне вспомнить в этой связи, что в конце мая 1940 г. японскому послу в Москве из Токио пришло указание приступить к переговорам по вопросу о заключении пакта о нейтралитете [Тобэ 2015, с. 379].

Пакт с Германией-Италией и пакт с СССР в этой парадигме не противоречили друг другу. Более того, Япония по-прежнему всерьез воспринимала возможность заключения четырехстороннего союза и уже после заключения Тройственного пакта рассчитывала на успех дипломатической игры, которую в ноябре 1940 г. затеял Берлин с целью договориться с Москвой о разделе сфер влияния в мире.

Подписание Тройственного пакта и его политические последствия для Японии

Летом 1940 г. крупный японский дипломат, бывший министр иностранных дел Н. Сато посетил Италию и Германию, чтобы выяснить положение дел в Европе и прозондировать намерения их лидеров в отношении переговоров об усилении Антикоминтерновского пакта, прерванных в августе 1939 г. после подписания советско-японского пакта о ненападении [Добринская 2017, с. 57]. На фоне отказа

Великобритании принять предложение Гитлера о мире, высказанное им публично 19 июля 1940 г., Германия обрела дополнительный стимул к вовлечению Японии в пакт, особенно с учетом возможности вступления США в европейскую войну на стороне Великобритании.

В июле 1940 г. на совещаниях политического руководства был сделан вывод о том, что наилучшим решением для создания большей сферы влияния в Восточной Азии будет соглашение Японии с Германией и Италией, основанное на взаимном признании сфер интересов на Западе и на Востоке, но без каких-либо обязательств по вступлению в войну. Это решение, в частности, было зафиксировано на конференции в Огикубо 19 июля, где также было рекомендовано заключить пакт о ненападении с Советским Союзом [Dülffer 1986, p. 231]. Позиция Японии была зафиксирована в меморандуме «Об укреплении сотрудничества между Японией, Германией и Италией», принятом 30 июля 1940 г.

С германской стороны для ускорения процесса подписания пакта в Японию в сентябре 1940 г. был направлен помощник Риббентропа Генрих Штамер (впоследствии посол Третьего рейха в этой стране). Германия попыталась добиться конкретных обязательств о вступлении в войну. Германский проект предполагал, что такие обязательства будут действовать в том случае, если одна из трех держав подвергнется «либо открытому, либо скрытому нападению» со стороны державы, не участвующей ни в одной из войн [Stratman 1970, p. 78]. Очевидно, этот пункт был направлен против США, которые оказывали военную и экономическую помощь Великобритании. Германия исходила из следующего: если бы в пакте было четко указано, что Америка автоматически оказывается в состоянии войны со всеми странами Оси, это эффективно удержало бы ее от вступления в войну.

Япония же, как уже отмечалось выше, была против фиксирования подобных обязательств. Она выступила с предложением ограничиться пунктом о взаимопомощи, согласно которому партнеры по договору будут поддерживать друг друга «всеми возможными средствами» в случае войны, но без конкретных обязательств по вступлению в нее. Германия, поняв, что на большее ей рассчитывать не приходится, была вынуждена принять японскую формулировку.

27 сентября 1940 г. Адольф Гитлер, посол императорской Японии в Германии Курусу Сабуро и министр иностранных дел Италии граф Галеаццо Чиано, зять Муссолини, подписали в Берлине Тройственный

пакт[3]. Документ представлял собой базовое соглашение трех сторон – Германии, Италии и Японии – о разграничении своих сфер влияния в Европе и в Азии. Именно этому были посвящены первые две статьи документа.

3-я статья пакта предусматривала, что если одна из договаривающихся держав подвергнется нападению со стороны «державы, в настоящее время не вовлеченной в европейскую войну или в японо-китайский конфликт», прочие участницы пакта окажут ей помощь всеми имеющимися средствами. В этой статье, очевидно, подразумевались США, так как СССР был формально исключен из действия пакта: статья 5 пакта подтверждала сохранение политического статуса, существующего в отношениях стран-участниц с Советским Союзом (здесь, очевидно, подразумевался советско-германский Пакт о ненападении).

В обменных письмах между министром иностранных дел Японии Ё. Мацуока и германским послом в Токио О. Оттом были обозначены секретные дополнения к публичному соглашению. Они представляли собой уступки Германии в ответ на согласие Японии на вступление в пакт. Германия соглашалась с тем, что вывод о наличии факта нападения на одну из договаривающихся сторон будет делаться в ходе консультаций между тремя участниками договора, и что Япония будет свободна выбирать, вступать ли ей в войну. Бывшие германские колонии на Тихом океане оставались у Японии, прочие же германские колонии, находящиеся под ее контролем, Германия соглашается продать ей после окончания войны в Европе. Кроме того, в документах, приложенных к пакту, оговаривалось, что Германия будет «содействовать дружественному взаимопониманию» с СССР и «предлагать с этой целью свои услуги», направленные на налаживание сотрудничества между участницами пакта, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой [Stratman 1970, p. 81].

Для Японии, стремившейся избежать столкновения с Советским Союзом, заключение Тройственного пакта означало качественное улучшение отношений с Германией, которые ухудшились после германо-советского договора о ненападении 1939 г. Одновременно Япония рассчитывала на скорое вовлечение СССР в пакт. Уже 3 октября, т.е. совсем скоро после подписания пакта, министерство иностранных

[3] Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940. // Yale Law School. Lilian Goldman Law Library. https://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp

дел Японии подготовило «Предложение о руководящих принципах урегулирования отношений между Японией и Советским Союзом». В его 7-й статье после изложения концепции раздела сфер влияния в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии говорилось о том, что «участвующие в пакте державы предложат Советскому Союзу сотрудничество в построении нового порядка. На этой основе державы будут неустанно работать над тем, чтобы вовлечь Советский Союз в альянс по созданию альянса четырех держав» [Tajima 2020, p. 52]. В статье содержался проект разделения сфер влияния между СССР и Японией в Азии, в рамках которого за СССР признавалась бы внешняя Монголия и Синьцзян, за Японией – три северных провинции Китая [Tajima 2020, p. 257–279]. А в принятой 3 февраля 1941 г. директиве к четырехсторонним переговорам (с участием Германии, Италии, Японии и СССР) предлагалось поделить мир на четыре зоны влияния, одну из которых (Индия, Иран и Афганистан) признать за СССР [Tajima 2020, p. 257–279].

Возвращаясь к вопросу из заголовка статьи, а именно – было ли вступление Японии в Тройственный пакт результатом продуманной стратегии или конъюнктурным решением, следует признать, что имеющиеся материалы не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Конечно, встав на путь внешней экспансии, Япония на протяжении нескольких лет сознательно двигалась в направлении союза с нацистской Германией и фашистской Италией в силу сходства политической системы и стратегических целей, заключающихся в разделе мира и установлении мирового господства. Однако конкретное решение присоединиться к пакту в сентябре 1940 г., очевидно, было основано на субъективной и глубоко ошибочной оценке ситуации, сложившейся на тот момент в Европе: Великобритания вот-вот капитулирует, США вмешиваться не будут, а с СССР удастся договориться, поэтому настало время «делить мир».

Япония просчиталась по всем основным пунктам, обусловившим ее решение вступить в пакт. Во-первых, это касалось ее мотивов в отношении СССР. С позиций японского руководства, идея посредничества Берлина в деле установления договорных отношений с СССР, с перспективой привлечения Москвы к Оси, была одной из важнейших причин подключения Японии к Трехстороннему пакту. Между тем проведенные в ноябре 1940 г. переговоры Германии с министром иностранных дел В. М. Молотовым продемонстрирова-

ли принципиальные различия сторон в подходах к вступлению СССР в договорные отношения со странами Оси. При этом Япония не была поставлена в известность об итогах этих переговоров и узнала о них лишь в конце марта 1941 г., когда в ходе визита Ё. Мацуока в Берлин выяснилось, что Германия не собирается помогать Японии в заключении пакта о ненападении с СССР, а уж тем более содействовать вовлечению Москвы в Трехсторонний пакт. В ответ на прозвучавшее 28 марта заявление Мацуока о том, что «без усилий и военной мощи Германии нет абсолютно никаких шансов на улучшение японо-советских отношений», обозначившее надежду Японии на германское посредничество, Риббентроп ответил, что «о присоединении СССР к Трехстороннему пакту не может быть и речи». Более того, в своем вступительном слове на встрече, состоявшейся 29 марта, Риббентроп попытался побудить Японию к активным действиям, заявив, что «Япония должна продвинуться на Юг и напасть на Сингапур, не беспокоясь о каком-либо вмешательстве со стороны России» [Tajima 2016, p. 56]. На этом фоне Японии пришлось самостоятельно договариваться с СССР, заключив 13 апреля 1941 г. с Москвой Пакт о нейтралитете, причем делать это втайне от своего германского союзника.

Японские лидеры не были осведомлены и о решении Германии начать подготовку к агрессии против СССР. Когда 22 июня 1941 г. Германия без уведомления Японии начала войну, это событие, по словам японского премьера Коноэ Фумимаро, было «вторым актом предательства Германии», последовавшим за «первым актом предательства (заключением германо-советского Пакта о ненападении – *Д. С.*)» [Tajima 2016, p. 57]. С самого начала Ё. Мацуока признавал: «Если вспыхнет русско-германский вооруженный конфликт, Тройственный пакт будет парализован, а Японии будет нанесен ущерб» [Coox 1972, p. 556]. Вторжение Германии в СССР наглядно продемонстрировало правительству Японии ошибочность всех его политических расчетов, касающихся Трехстороннего пакта.

Во-вторых, нелогичным и нерациональным оказалось для Японии вступление в Ось и с той точки зрения, что она в конечном счете оказалась втянутой, пусть и опосредованно, в далекий от ее интересов конфликт в Европе, чего ранее она всеми средствами старалась избежать. В реальности Япония, хотя и обладала в то время одним из трех крупнейших военно-морских флотов в мире, была поглощена войной с Китаем и не имела возможности вмешаться в дела Европы.

В свою очередь, и Германия, начав агрессивную войну против СССР, не могла оказать Японии существенную военную помощь на азиатском фронте. Фактически это лишало пакт какого-либо реального значения в качестве полноценного военного союза. Кроме того, оказавшись в результате подписания пакта открыто на стороне нацистской Германии в разгоравшейся мировой войне, Япония «сожгла за собой мосты» и утратила любые, в том числе дипломатические, возможности для отхода назад, противопоставив себя гораздо более мощной в экономическом и военном отношениях коалиции, что, в конечном счете, привело ее к катастрофе.

В-третьих, не сработала и идея нейтрализации США с помощью пакта. С одной стороны, открытие военных действий против СССР в июне 1941 г. означало, что части вермахта будут сосредоточены на советском фронте. Это резко снижало в глазах Японии способность Германии действовать в качестве сдерживающего фактора в отношении США. К тому же две страны-союзницы так и не смогли эффективно координировать свою политику сдерживания Америки в рамках пакта: несмотря на давление Германии, Япония добилась права самостоятельно решать, вступать ли ей в войну с США, что было подтверждено не только самим текстом пакта, но и решением совещания участниц пакта от 3 сентября 1941 г. [Dobson 1999, p. 181].

С другой стороны, подписание пакта не только не «охолодило» Вашингтон, наоборот, оно усилило позиции там сторонников активной политики и отхода от изоляционизма. США немедленно усилили политику торговых ограничений против Японии, распространив в к. 1940 – н. 1941 гг. эмбарго на лом, авиационное топливо, сталь, цинк, никель и иные цветные металлы [Носов 2015, с. 85]. Таким образом, результатом союза с Германией для Японии стало дальнейшее увеличение градуса противостояния с Америкой и усиление американской поддержки Великобритании.

Для США пакт превратил Японию из региональной угрозы на Тихом океане в глобальную – последняя стала восприниматься в тесной увязке с агрессивной политикой Гитлера, апофеозом которой стало вторжение в СССР 22 июня 1941 г. Как отмечала С. Мураками, никакое другое действие не могло бы так эффективно подтвердить утверждение сторонников жесткой линии в Вашингтоне о том, что «продвижение Японии на Юг было частью обширного плана Оси по завоеванию мира, который в конечном итоге достигнет Америки,

если та немедленно не предпримет действий, чтобы его остановить» [Murakami 1989, p. 145]. Именно участие Токио в пакте стало одним из основных причин провала дальнейших переговоров между Японией и США, явившегося основной причиной нападения Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 г.

В-четвертых, не получилось у Токио и ускорить победное завершение войны с Китаем за счет «эффективной нейтрализации» СССР и США. С одной стороны, Япония рассчитывала использовать германское посредничество для установления тесных отношений с СССР (от военной помощи которого Чан Кайши находился в критической зависимости), в том числе для того, чтобы добиться с помощью последнего мира с Китаем на японских условиях. Эта стратегия, как было показано выше, полностью провалилась после подписания пакта. С другой стороны, несостоятельным был и расчет Японии на прямое посредничество Германии в деле достижения мира с Китаем: Чан Кайши отверг любые попытки в этом направлении, видя насквозь стратегию двух стран по «вишизации» правительства Китайской Республики [Tajima 2016, p. 55–57]. На этом фоне японскому правительству пришлось в конце ноября 1940 г. признать марионеточную администрацию Ван Цзинвэя, что ни в коей мере не приблизило Японию к искомым целям на китайском направлении.

Библиографический список

Добринская О. А. (2017). Сато Наотакэ: путь дипломата. *Японские исследования*. № 3. С. 51–67.

Милеев Д. А. (2010) Некоторые вопросы сотрудничества Японии и Германии во Второй мировой войне. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. № 2. С. 7–26.

Молодяков В. Э. (2006) *Эпоха борьбы: Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель*. Москва: АИРО.

Носов М. Г. (2015) США – Япония: между началом Второй мировой войны и Пёрл-Харбором. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 2. С. 79–96.

Тобэ Р. (2015). Политика Японии в отношении Советского Союза в 1931–1941 гг.: проблема советско-японского пакта о ненападении. *Российско-японские отношения в формате параллельной истории*. Под общ. ред. А. В. Торкунова и М. Иокибэ. Москва: Издательство МГИМО-Университет. С. 361–391.

References

Aizawa, K. (2010). Japan and the Tripartite Pact. International Forum on War History 2010 "The Strategy of the Axis Powers in the Pacific War". *National Institute for Defense Studies*. September 29, 2010. P. 129–144 Retrieved January 31, 2024, from https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/forum/e2010.html

Auer, J. E. (ed.) (2006). *Who Was Responsible? From Marco Polo Bridge to Pearl Harbor*. Tokyo: Yomiuri Shimbun.

Coox. A. D. (1972). Japanese Foreknowledge of the Soviet German War, 1941. *Soviet Studies,* 23 (4), 554–572.

Dobrinskaya, O. (2017). Sato Naotake: put' diplomata [Naotake Sato: The Way of a Diplomat]. *Japanese Studies in Russia*, 3, 51–67. (In Russian).

Dobson, H. (1999). The Failure of the Tripartite Pact: Familiarity Breeding Contempt Between Japan and Germany, 1940–45. *Japan Forum,* 11(2), 179–190.

Dülffer, J. (1986). The Tripartite Pact of 27 September 1940: Fascist Alliance or Propaganda Trick? *Australian Journal of Politics & History*, 32, 228–237.

Goeschel, C. (2022). Performing the New Order: The Tripartite Pact, 1940–1945. *Contemporary European History*, July, 1–17.

Jeffrey, R. (2009). *Japan's Decision for War in 1941: Some Enduring Lessons*. Strategic Studies Institute, US Army War College.

Mileev, D. (2010). Nekotorye voprosy sotrudnichestva Yaponii i Germanii vo Vtoroi mirovoi voine [Some Issues of Cooperation Between Japan and Germany in World War II]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobschaya istoriya*. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Universal History], 2, 7–26. (In Russian).

Molodyakov, V. (2006). *Epokha bor'by: Siratori Tosio (1887–1949): diplomat, politik, myslitel'*. [The Era of Struggle: Toshio Shiratori (1887–1949): Diplomat, Politician, Thinker]. Moscow: AIRO. (In Russian).

Murakami, S. (1989). Indochina: Unplanned Incursion. In: Conroy, H., Wray, H. (eds.), *Pearl Harbor Reexamined: Prologue to the Pacific War* (pp. 141–150). Honolulu: University of Hawaii Press.

Nosov, M. (2015). SShA – Yaponiya: mezhdu nachalom Vtoroi mirovoi voiny i Perl-Kharborom [USA – Japan: Between the Beginning of the Second World War and Pearl Harbor]. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2, 79–96. (In Russian).

Paine, S. C. M. (2017). *The Japanese Empire: Grand Strategy From the Meiji Restoration to the Pacific War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stratman, G. J. (1970). *Germany's diplomatic relations with Japan 1933–1941*. Thesis, Dissertations, Professional Papers. Paper 2450. Retrieved March 21, 2023, from https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=9f1dd873632f7a0ea024b0c5094e358ba187cef9

Tajima, N. (2016). Tripartite Pact Between Japan, Germany and Italy. In International Forum on War History: Proceedings (pp. 45–60). Retrieved March 21, 2023, from http: www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2016/03.pdf

Tajima, N. (2020). Nichidoku bokyo kyotei, nichudokui sankokudōmei: Indo, Afuganisutan, Iran wo shōten to shite [Anti-Comintern Pact, Tripartite Pact, War Alliance Between Japan, Germany and Italy: Focusing on India, Afghanistan and Iran]. *Seijo Law Review*, 01(86), 257–279. Retrieved May 5, 2022, from https://cir.nii.ac.jp/crid/1520290882917670528 (In Japanese).

Tobe, R. (2015). Politika Yaponii v otnoshenii Sovetskogo Soyuza v 1931–1941 gg.: problema sovetsko-yaponskogo pakta o nenapadenii [Japan's Policy Towards the Soviet Union in 1931–1941: The Problem of the Soviet-Japanese Non-Aggression Pact]. In: A. Torkunov and M. Iokibe (Eds.). *Rossiysko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii* [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. Moscow: MGIMO University. (In Russian).

Yellen, J. A. (2016). Into the Tiger's Den: Japan and the Tripartite Pact, 1940. *Journal of Contemporary History,* 51(3), 555–576.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 183–209
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 183–209
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-183-209

Страна Япония в «Записках о чудесах Лотосовой сутры»

Н. Н. Трубникова

Аннотация

«Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии» (*Дайнихонкоку Хоккэкё: гэнки*, 1040-е гг.), обсуждая различные способы почитания важнейшей книги буддийского канона, дают в то же время своеобразную картину Японии середины эпохи Хэйан. «Страна Япония» как место свершения дел, предсказанных в сутре, упоминается в репликах персонажей, смотрящих на страну извне: из Китая, с Корейского полуострова, из мира богов, с Темной дороги, где вершится суд над умершими. Повествователь говорит о Японии в целом, когда отмечает начало новых для страны, но известных в остальном мире обыкновений, восходящих к «Лотосовой сутре». От других хэйанских текстов *Хоккэ гэнки* отличается более широким географическим охватом, хотя описания местных традиций, связанных с сутрой, здесь еще нет. Внимание рассказчика сосредоточено на горе Хиэй близ столицы, где монахи школы Тэндай изучают сутру, а также на знаменитых горах и святилищах, где принято совместное почитание богов и будд. При этом почитание гор Кумано и Митакэ уже выглядит как общеизвестное, а пещеры Атаго близ столицы, «адская долина» в горах Татияма в краю Эттю: и горы в краю Хо:ки описаны так, как если бы их святыни были еще мало кому знакомы. Многие рассказы соотнесены с путями паломничества, опасными, но обещающими удивительные встречи; цель паломника выглядит не как прохождение пути, предписанного в сутре, но как донесение ее учения (о способности каждого существа стать буддой) до как можно большего числа обитателей страны.

Ключевые слова: рассказы *сэцува*, *Хоккэ гэнки*, Лотосовая сутра, буддийские традиции Японии, горное подвижничество *сюгэндо:*, боги *ками*.

Автор

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ: Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Country of Japan in *Dainihonkoku Hokkekyō Genki*

N. N. Trubnikova

Annotation

Dainihonkoku Hokkekyō Genki (*Records of the Miracles of the Lotus Sūtra in the Great Country of Japan*, 1040s), discussing various ways of venerating the most important book of the Buddhist canon, at the same time gives a unique picture of Japan in the mid-Heian era. The 'Country of Japan' as the place of accomplishment of the deeds predicted in the Sūtra is mentioned in the remarks of the characters looking at the country from the outside: from China, from the Korean Peninsula, from the world of the gods, from the Dark Road, where judgment is carried out on the dead. The narrator speaks about 'Japan' when he notes the beginning of customs new to the country, but known to the rest of the world, dating back to the Lotus Sūtra.

The *Hokke Genki* differs from other Heian texts in its broader geographical coverage, although there is no description of local traditions associated with the Sūtra. The narrator's attention is focused on Mount Hiei near the capital, where the monks of the Tendai school study the Sūtra, as well as on the famous mountains and shrines where the common veneration of gods and Buddhas is customary. At the same time, the veneration of the Kumano and Mitake mountains already looks well-known, and the Atago caves near the capital, the "hell valley" in the Tachiyama Mountains in the Etchū region, and the mountains in the Hōki region are described as if their shrines were still only familiar to few people. Many stories are related to pilgrimage routes, dangerous but promising amazing encounters. The pilgrim's goal does not seem to be walking the path prescribed in the Sūtra,

but rather conveying its teaching (about the ability of every being to become a Buddha) to as many inhabitants of the country as possible.

Key words: *setsuwa* tales, *Hokke Genki*, *Lotus Sūtra*, Buddhist traditions of Japan, *shugendō* mountain asceticism, *kami* deities.

Author

Trubnikova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration: 82, Vernadsky av., Moscow, Russian Federation.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6784-1793

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

«Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии» (大日本国法華経験記, *Дай Нихон-коку Хоккэ-кё: гэнки*, кратко *Хоккэ гэнки*) – сборник в трех свитках, содержащий 129 поучительных рассказов 説話, *сэцува*, изложенных буддийским ученым слогом на *камбун* и объединенных темой почитания «Лотосовой сутры», она же «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы»[1]. Среди героев преобладают монахи, но есть и монахини, миряне, мирянки, животные и божества. В книге есть и развернутые жизнеописания приверженцев сутры, и краткие сообщения о подвижниках, известных всего одним-двумя чудесами. Кто-то посвятил долгие годы труда одной лишь «Лотосовой сутре», кто-то совмещал ее изучение с иными монашескими или мирскими занятиями, а кто-то лишь однажды столкнулся с нею – но эта встреча изменила его жизнь и посмертную участь. Чудеса, обсуждаемые в рассказах, все так или иначе исполняют предсказания сутры: ее приверженцы обретают поддержку в земных делах и в изучении ее самой, встречаются с буддами, бодхисаттвами, богами и другими могущественными помощниками, достигают долголетия, земного бессмертия либо благого посмертия. В конце каждого свитка помещено стихотворение, казалось бы, парадоксальное: оно величает

[1] 妙法蓮華経, *Мё:хо: рэнгэ кё:,* санскр. *Саддхарма-пундарика-сутра,* ТСД 9, № 262; ниже цитаты из сутры даны в переводе А. Н. Игнатовича по изданию [Сутра… 1998].

всех подвижников, кто «переписывает, читает про себя и вслух, разъясняет и толкует» сутру, а далее говорится: «Кто видит их и слышит, кто хвалит их и хулит, – все станут буддами». Это предсказание всеобщего освобождения – и для почитателей, и для гонителей, – восходит к самой сутре и мыслится как основа ее чудесных свойств: ее содержание важно для всех, и потому любые способы ее распространения дают огромные «заслуги» 功徳, *кудоку*, позволяющие творить чудеса.

Сборник *Хоккэ гэнки* имеет предисловие, где указано, что составил его монах Тингэн 鎮源 в годы Тё:кю: 長久 (1040–1044 гг.). Многие рассказы восходят к более ранним сборникам *сэцува* – «Японским легендам о чудесах» (日本霊異記, *Нихон рё:ики*, рубеж VIII–IX вв.) и «Японским записям о возрождении в краю Высшей Радости» (日本往生極楽記, *Нихон о:дзё: Гокураку-ки*, 983–985 гг.); к записям о знаменитых монахах в летописях VIII–IX вв., к «Великому зерцалу» (大鏡, *Ookагами*, XI в.); возможно, к биографиям отдельных монахов 別伝, *бэцудэн*[2]. Однако примерно половина героев в *Хоккэ гэнки* появляется впервые – и кроме рассказов Тингэна о них ничего не известно. В дальнейшем почти все истории из книги (114 из 129) в переложении с *камбун* на старояпонский язык входят в «Собрание стародавних повестей» (今昔物語集, *Кондзяку моногатари-сю:*, 1120-е гг.), а оттуда заимствуются в сборники *сэцува* XIII в. Позже снова на *камбун* многие рассказы появляются в «Буддийских записях годов Гэнко:» (元亨釈書, *Гэнко: сякусё*, XIV в.) и последующих сводах монашеских жизнеописаний.

Текст *Хоккэ гэнки* в современных изданиях основан на старопечатной книге 1717 г.[3]; сохранилось также несколько рукописей. Основным научным изданием служит книга [Ōjōden. Hokke genki 1995]. Избранные рассказы Тингэна перевел на русский язык А. Н. Мещеряков вместе с историями о чудесах из *Нихон рё:ики* и *Гокураку-ки* [Мещеряков 1984], эта подборка не раз переиздавалась. Обзор исследований памятника и его полный перевод помещены в сетевом препринте[4].

---

[2] Датировка таких биографий по большей части сомнительна, но вероятно, некоторые из них уже были составлены к 1040-м гг.

[3] *Дайнихонкоку Хоккэкё: гэнки*. https://www.digital.archives.go.jp/das/meta/F1000000000000040887.html

[4] Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии. Предисл., пер. со старояпонского и примечания. Н. Н. Трубниковой. https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_3bbcca8ff1e546239c38eff13a61ccdc.pdf

В современном японоведении книга Тингэна изучается прежде всего в контексте одной из традиций японского буддизма – традиции «Цветка Закона» 法華, *Хоккэ*; в эпоху Хэйан она была особенно развита в школе Тэндай на горе Хиэй, но представлена также и в других школах, отражена в произведениях изящной словесности и в изобразительном искусстве; см.: [Tanabe, Tanabe 1989; Teiser, Stone 2009]. Мне бы хотелось рассмотреть *Хоккэ гэнки* с другой точки зрения: выяснить, какой предстает в книге Япония середины эпохи Хэйан. Насколько я знаю, к сборнику Тингэна почти не применялся метод подсчета и сравнения контекстов каких-либо элементов по всему тексту; обычно обсуждаются отдельные рассказы. Исключение – статья [Tsujimoto 2023] об именах богов *ками* в *Хоккэ гэнки*. Моя статья основана на подсчете топонимов в книге Тингэна и сопоставлении их контекстов.

В предисловии Тингэн задает очень широкий взгляд на мироздание – такой, как в «Лотосовой сутре»: «Когда находишь ее исток-начало – обретаешь все, что условно или истинно в сотне миров и под тысячей условий». В эту картину входят все миры возможного перерождения, от адских «подземных темниц» до счастливых небес, к тому же рассмотренные под всеми возможными углами зрения. Далее обзор постепенно сужается до «поднебесной», населенной людьми. Тингэн упоминает Снеговые горы 雪嶺, Сэцурэй, то есть Гималаи (там Будда в одном из своих прежних рождений готов был отдать себя на съедение демону ради двух строк Закона, оставленного древними буддами) и китайский Цзянлин 江陵, где жил и трудился Чжи-и 智顗 (538–597) – основоположник учения школы Тяньтай, которой наследует японская Тэндай. Говоря о движении сутры по миру, рассказчик отмечает две вехи: Кумараджива 鳩摩羅什 (344–413), потомок индийских царей, «перевел ее на востоке» 東に訳して, *хигаси-ни якуситэ*, то есть в Китае, а затем царевич Сё:току 聖徳太子 (574–622) «запросил ее с запада» 西に請じて, *ниси-ни дзё:дзитэ*, опять-таки из Китая. Как относительны восток и запад, так относительно и все в непостоянном мире, и только сутра прокладывает «верную колею» 正軌, *сё:ки*.

Быть приверженцем «Лотосовой сутры» можно где угодно; как говорит один из них, «“Цветок Закона” мне отец и мать, на Чудесный Закон смотрю я как на учителя и старшего, Единую колесницу считаю своим домом, запреты и заповеди – своей защитой» (1–18). «Единая колесница» 一乗, *Итидзё:*, здесь – учение «Лотосовой

сутры», соединяющее в себе наставления всех «колесниц», всех направлений буддизма. Свое могущество сутра являет повсюду, и японские чудеса предстают в *Хоккэ гэнки* как частный случай мировых. Неудивительно, что в сборнике «записок о чудесах» Япония выглядит как место буддийского подвижничества; попробуем разобраться, какие ее черты важны с этой точки зрения.

Точное указание места действия рассказа – провинция, уезд, селение – в *Хоккэ гэнки* встречается только в рассказах, заимствованных из *Нихон рё:ики*. Значительно чаще здесь обозначены место рождения героя, храм, где он учился и жил, горы, где искал уединения, или дороги, по которым странствовал. Заглавиями рассказов у Тингэна обычно служат имена и/или краткие описания героев: «Великий учитель Дзикаку с горы Хиэй» (1–4), «Учитель Устава Муку:» (1–7), «Некий хранитель сутры в глубине гор Ёсино» (1–11) и т.п. Рассказов, где имена героев не названы, всего 28 из 129; рассказов без привязки к месту действия – 10 из 129[5]. Видимо, предания о чудотворцах – в самом деле бытовавшие в Японии в середине эпохи Хэйан или сочиненные по тому образцу, какими они, согласно книжной традиции, должны были быть, – место действия считают более важным, чем имена действующих лиц. В *Гокураку-ки* рассказы расположены по порядку от высокопоставленных героев к простым, и соответственно, от столицы к провинциям; в *Хоккэ гэнки* при той же общей схеме (монашествующие, потом миряне, мужчины, затем женщины) движение от центра к периферии не прослеживается. Похожие по сюжету рассказы (например, о том, как подвижники «Лотосовой сутры» состязались с приверженцами других сутр) то привязаны к месту действия (1–33, 2–48), то нет (1–17).

Страна Япония

Как и в *Нихон рё:ики* и в *Нихон о:дзё: Гокураку-ки*, слово «японские» в заглавии книги Тингэна указывает прежде всего на то, что составитель следует образцу одного или нескольких китайских сочинений и берется рассказать похожие истории, только из жизни своих соотечественников[6]. Для *Хоккэ гэнки*, согласно предисловию,

[5] И из этих десяти шесть, судя по должностям героев, относятся к столице.

[6] Для *Нихон рё:ики* образцами служат «Записки о загробном воздаянии» (冥報記, кит. *Минбао-цзи*,VII в., ТСД 51, № 2082) и «Собрание записок о чудесах Алмазной сутры

примером для подражания служат «Записки о чудесах» учителя Закона Цзи 寂法師. Видимо, речь идет о монахе И-цзи 義寂 (919–987) и его «Записках о чудесах Цветка Закона» 法華驗記, кит. *Фахуа-яньцзи* (другие версии см.: [Kikuchi 2014, p. 67–68]).

В заглавии у Тингэна означена не просто «Япония» 日本, *Нихон*, а «великая страна Япония» 大日本国, *Дай Нихон-коку*. Впервые, насколько известно, это сочетание четырех знаков встречается в «Рассуждении, проясняющем заповеди» (顕戒論, *Кэнкай-рон*, 819–820 гг., ТСД 74, № 2376) – сочинении монаха Сайтё: 最澄 (767–822), основателя школы Тэндай; см.: [Трубникова 2006]. Возможно, заглавие сборника Тингэна отсылает к этому трактату или к другим сочинениям Сайтё, где страна поименована так же. Контекст для *Дай Нихон-коку* у Сайтё в «Рассуждении…» таков: «…в великой стране Японии раньше появились храмы Великой колесницы, а позднее – храмы совместного освоения [обеих колесниц]» (ТСД 74, № 2376, 589b). Вопрос заключается в том, какому изводу буддизма изначально следовала японская община: соединявшему в себе хинаяну и махаяну («Великую» и «Малую» колесницы) или же чисто махаянскому. Сайтё: доказывал, что японцам больше подходят не заповеди монашеского устава, соотносимые с хинаяной, а махаянские заповеди бодхисаттвы, нацеленные на милосердную заботу обо всех живых существах и исполнимые как для монаха, так и для мирянина.

«Страна Япония» 日本国, *Нихон-коку*, в *Хоккэ гэнки* упомянута 10 раз на 129 рассказов[7]. Рассмотрим контексты.

1. «Царевич Японии – воистину великий святой мудрец!» – говорит корейский учитель царевича Сё:току, узнав о кончине ученика (1–1). Выше в этом же рассказе другой мудрец, прибывший с Корейского полуострова, узнаёт в царевиче бодхисаттву Внимающего Звукам

о запредельной премудрости» (金剛般若集驗記, кит. *Цзиньгуань баньжо цзияньцзи*, 718 г.); для *Гокураку-ки* – «Трактат о Чистой земле» (浄土論, кит. *Цзинту-лунь*, VII в. ТСД 47, № 1963) и «Заново выверенные предания о чудесном отклике на молитвы, о возрождении в Чистой земле в западной стороне» (往生西方淨土瑞應刪傳, кит. *Ваншэн сифан Цзинту жуйин шаньчжуань*, ТСД 51, № 2070). В обоих японских текстах эти китайские источники указаны в предисловиях.

[7] Для сравнения: в *Нихон рё:ики* название страны встречается 15 раз на 116 рассказов, в *Кондзяку* – 48 раз на 698 рассказов о Японии (кроме них в сборнике есть истории об Индии и Китае); в «Собрании рассказов о пробуждении сердца» 発心集, *Хоссинсю:*, начала XIII в., дважды заходит речь о «Японии» и восемь раз – о «нашей стране» わが国, *вага куни*, на 102 рассказа.

Мира 観世音, Кандзэон (о ком в «Лотосовой сутре» повествует глава XXV) и восклицает: «Ты передашь светильник [Закона] на восток, в страну, чьи острова подобны осыпавшимся зернам!». Сочетание 粟散, *дзокусан*, «осыпь зерен» (с колосьев проса, еще до жатвы), в японских текстах XII в. и позже будет звучать уничижительно, описывать Японию как маленькую дикую страну на краю света [Мещеряков 2012]. В сборнике Тингэна эти слова, скорее, подчеркивают величие задачи, предстоящей царевичу: просветить столь дальний край. *Дзокусан* часто выступает в паре с 辺土, *хэндо*, «окраинные земли», похожее выражение есть в *Хоккэ гэнки* в рассказе 2–43 – о монахе Дзицуине 実因 (945–1000): «Был он словно бы японским Катьяяной, Майтраянипутрой окраинных земель!» 日本の迦旃延、辺州の満慈子ならくのみ, *Нихон-но Касэннэн, хэнсю:-но Мандзиси нараку номи* (здесь Катьяяна и Майтраянипутра – ученики Будды).

2. «Ты близ материка Джамбудвипы в стране Японии хулил бодхисаттву Гё:ки, помышлял о нем с неприязнью. Поэтому сейчас я вызвал тебя, чтобы наказать и предостеречь!» – говорит судья мертвых, царь Яма 閻魔王, Эммао:, монаху Тико: 智光[8], который завидовал главному герою рассказа, знаменитому монаху-страннику Гё:ки 行基 (668–749). Завистник недолгое время терпит муки ада, но затем возвращается к жизни и рассказывает, как побывал на Темной дороге 冥道, Мэйдо:, то есть в промежутке между смертью и новым рождением (1–2). Здесь островная страна отнесена к той же части света, Джамбудвипе 閻浮提, Эмбудай, где проповедовал Будда; связь островов с большой землей подчеркивается тем, что в этом рассказе в Японию прибывает гость даже не из Китая, а из самой Индии – и узнает в Гё:ки бодхисаттву Манджушри 文殊, Мондзю.

3. В примечании к этому же рассказу обсуждается вопрос, какое отношение Гё:ки имеет к «Лотосовой сутре» (в отличие от царевича Сё:току, о нем нет преданий, что он вел проповеди именно по ней). Повествователь пересказывает вещий сон, где было указано: «Бодхисаттва Гё:ки – первый в Японии хранитель “Цветка Закона”!», ибо в «Лотосовой сутре» в главе I говорится, что Манджушри хранит ее вечное учение с древнейших времен.

Итак, в Японии жило по меньшей мере двое бодхисаттв. Далее у Тингэна их список еще пополнится: бодхисаттвой люди будут вели-

[8] Здесь и далее, если даты жизни не указаны, они неизвестны даже приблизительно.

чать монахиню Сяри (VIII в.) в рассказе 3–98, а еще четыре монаха (в рассказах 1–22, 1–38, 2–56, 2–71) в видениях предстанут в образе Всеобъемлющей Мудрости 普賢, Фугэн, заступника всех тех, кто почитает «Лотосовую сутру» (об этом бодхисаттве в ней говорится в главе XXVIII). Вообще же бодхисаттвы, а также боги, «небесные отроки» 天童, *тэндо:*, демоницы ракшаси 羅刹女, *расэцунё:*, и другие персонажи сутры появляются в рассказах постоянно.

4. «Закон Будды в нашей стране ты, о наставник, исчерпаешь до конца, освоишь и перенесешь в Японию, передашь туда!» – говорят китайцы монаху Эннину, прибывшему к ним в поисках учения (1–4). Похожие слова слышит от китайского наставника и Сайтё: в рассказе 1–3, но там речь идет просто о «восточной стране».

5. «Я сегодня призвал тебя, о святой отшельник, хочу побудить тебя проповедовать, дать услышать живым существам во всей стране Японии о благе и зле, что создаются их деяниями», – говорит опять-таки царь Яма монаху Мё:дацу 妙達, призвав его на Темную дорогу и убеждая не просто читать сутру, но и толковать ее (1–8).

Во всех этих случаях «Японию» упоминают те, кто смотрит на страну извне: из иных стран или из-за пределов земного мира. Внешняя оценка остается важной не только в старинные времена, но и в пору, когда учение сутры уже утвердилось в Японии. Так, в рассказе о Гэнсине 源信 (942–1017) говорится, что его труды высоко ценил китайский император и что «люди прибывали к нам из Китая», чтобы почтить Гэнсина (3–83). Что же касается существ из иных миров – и подземных, и небесных – то каждое их явление, помимо прочего, подтверждает, что японские подвижники действуют правильно, сообразно сутре.

6. «Это был первый в Японии подвижник, сжегший себя», – сообщает рассказчик о монахе О:сё: 応照, который совершил самосожжение по примеру бодхисаттвы Царя Врачевания 薬王, Якуо:, из главы XXIII «Лотосовой сутры» (1–9). Первый – но не единственный: так же поступят герои рассказов 1–15 и 2–47.

7. Монах Рэнтё: 蓮長 «ходил в паломничество к Митакэ, Кумано и другим знаменитым горам, в Сига, Хасэ и другие места, славные чудесами, у каждой горы и у каждого святого места поселялся на время и прочитывал “Сутру Чудесного Закона” тысячу раз. Он поклонился всем святым местам в стране Японии, и не было такого места, где он не прочел бы сутру тысячу раз» (2–60). Здесь вся

страна охватывается маршрутами паломничества, хотя, в отличие от более поздних сочинений, *Хоккэ гэнки* не проецирует на карту страны оглавление сутры, не соотносит конкретных местностей с фрагментами ее текста; ср.: [Grapard 1986].

8. «Когда ты читаешь сутру, дракон приходит и внимает Закону. Скажи дракону, чтобы пролил дождь! Если же ты на это не согласишься, немедленно отправлю тебя в изгнание, чтобы не смел жить в стране Японии», – говорит японский государь (неясно, какой) безымянному герою-монаху в рассказе 2–67. В других историях в *Хоккэ гэнки* тема изгнания не звучит.

9. «В стране Японии много хранителей “Цветка Закона”, но этот – первейший из них!» – говорит бог Сумиёси богу Мацуноо о монахе До:мё: 道命 (974–1020), знаменитом чтеце сутры (3–86). В каком-то смысле боги *ками* тоже вещают извне земного мира, но их связь со страной – особая, к ней я еще вернусь.

10. «Многие из жителей страны Японии, кто грешил, попадают в этот ад Татияма», – говорит повествователь, описывая «адскую долину» в горах провинции Эттю: (3–124). У японцев в их родной стране есть условия не только для совершенствования, но и для отбывания наказаний, более суровых, чем обычные кары в мире людей.

Никак нельзя сказать, что почитание «Лотосовой сутры» в *Хоккэ гэнки* ограничено школой, которую основал Сайтё:. Хотя бы по одному разу упомянуты шесть из семи главных храмов города Нара, процветавших уже в VIII веке[9], – в них учились подвижники сутры, так что ее традиция старше школы Тэндай. «Горная школа» Тэндай также не противопоставляется мирской столице: город Хэйан и его ближние окрестности полны храмов, где изучается сутра[10]. Провинциальных храмов упомянуто три десятка, для трети из них местоположение точно не известно; чаще других говорится о храме Хасэ-дэра 長谷寺 в краю Ямато (1–26, 1–31, 2–60, 2–80), где почитают Внимающего Звукам.

---

[9] Ганго:дзи 元興寺 (2–48, 2–58); Дайандзи 大安寺 (1–33); Ко:фукудзи 興福寺, он же Ямасина-дэра 山科寺 (2–41, 2–48); То:дайдзи 東大寺 (1–2, 1–16, 2–44); Хо:рю:дзи 法隆寺 (1–1, 2–59, 2–80); Якусидзи 薬師寺 (1–2); храма Сайдайдзи 西大寺 , также относимого к великим храмам Нара, здесь нет, но есть Татибана-дэра 橘寺 (1–1).

[10] Гё:гандзи 行願寺 (2–51); Гион 祇園 (2–61); Гокуракудзи 極楽寺 (3–120); Дайгодзи 醍醐寺 (1–31, 2–70); Дайнитидзи 大日寺 (3–120); Дзё:гандзи 貞観寺 (3–120); Дзё:хо:дзи 定法寺 (1–29); Киёмидзу-дэра 清水寺 (1–29, 3–92); Ко:рю:дзи 香隆寺 (2–76); Рокухарамицудзи 六波羅蜜寺 (1–29, 1–37, 3–102); То:дзи 東寺 (2–41, 2–75); Токудайдзи 徳大寺 (1–34); Хо:риндзи 法輪寺 (3–86); Хоссё:дзи 法性寺 (1–19, 2–76).

Описание страны в целом и ее больших регионов требуется для рассказов о знаменитых странниках. Гё:ки «всюду, где находил места опасные, наводил мосты, прокладывал дороги. Где нужно было вспахать и засеять поля, наполнить водой каналы, он копал пруды, возводил плотины. Кто видел его и слышал, все приходили и помогали, не проходило дня – а работа уже была сделана. Народ и до сих пор пользуется теми благами. В землях вокруг столицы бодхисаттва устроил сорок девять Мест Пути, а кроме того, странствовал и по другим краям» (1–2). «Земли вокруг столицы» 機内, Кинай, – провинции Ямато, Ямасиро, Идзуми, Сэтцу и Кавати; о каких именно «Местах Пути» 道場, *до:дзё:*, обустроенных для буддийской проповеди, здесь говорится, неясно. Еще один рассказ (2–68), о страннике с похожим именем, я приведу полностью:

> Шраману Гё:ку: в свете прозвали «гостем на одну ночь». Он был хранителем «Цветка Закона». За день прочитывал сутру шесть раз и за ночь шесть раз, итого за сутки – двенадцать раз, не пропуская ни дня. С тех пор как вышел из дому, вступил на Путь и пробудился сердцем, не имел постоянного пристанища, две ночи на одном месте не ночевал. Куда уж там – построить хижину и поселиться в ней! Даже тройного облачения и одной чаши у него не было – что уж и говорить про другое имущество! При себе он носил только весь «Цветок Закона». В пяти землях вокруг столицы и на семи дорогах не было такого места, где он не побывал, из шестидесяти с лишним краев – не было такого, которого он не повидал. Если в странствиях своих он сбивался с дороги, небесный отрок указывал ему путь. Если в безводных местах искал воду – небесная дева приносила воды. Когда болел, само собой являлось небесное лекарство, когда голодал – сладкий рис возникал перед ним. Силой Чудесного Закона ему постоянно являлись святые мудрецы, небожители и боги сопровождали его. А когда состарился, он отбыл в Западные края. Сравнялось ему девяносто лет, и он все читал «Сутру о Цветке Закона». За всю жизнь прочел ее больше трехсот тысяч раз. В последний час бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость оберегал его, Манджушри защищал, лотосы выросли под ногами, небесное одеяние окутало его, и он возродился в Чистой земле.

Монах Гё:ку: 行空 обозначен здесь как «шрамана» 沙門, *сямон*, что, собственно, и значит «монах», «странник». Он – «гость на одну ночь», 一宿, *иссюку*, у каждого гостеприимного хозяина «ночует

лишь единожды». Помимо *Кинай* в рассказе названы «семь дорог» 七道, *ситидо:* – семь больших регионов страны[11]. Из них по числу упоминаний в *Хоккэ гэнки* первенствует То:сандо:. Из провинций на первом месте Ооми 近江国 на То:сандо: (1–3, 1–23, 1–24, 1–35, 2–51, 2–55, 2–72, 3–124), на втором – Харима 播磨国 на дороге Санъё:до: (1–1, 1–31, 1–40, 2–45, 2–47, 3–93, 3–114), на третьем – Митиноку (Муцу) 陸奥国 опять-таки на То:сандо: (1–12, 2–48, 2–54, 3–112, 3–113). Из всех провинций хотя бы по одному разу упомянуты сорок две (см. Карту), в девятнадцати названы также уезды, а в десяти – еще и храмы. Сравнительно мало обсуждаемые провинции вдоль дороги То:кайдо: обобщенно именуются «Восточными землями» 坂東, Бандо: (2–49, 3–82, 3–112). О провинциях острова Кю:сю: говорится гораздо больше, но и они порой появляются под собирательным названием «Западные края» 鎮西, Тиндзэй (2–66, 2–68, 2–73). Страна выглядит освоенной достаточно полно, хотя и неравномерно.

Особое внимание к краю Ооми неудивительно: это ближние и дальние окрестности горы Хиэй, из Ооми родом и Сайтё:, и многие монахи школы Тэндай. Край Митиноку в сборниках поучительных рассказов вообще упоминается чаще прочих, вероятно – как самый отдаленный, откуда вести доходят с трудом, но уж если доходят, то примечательные. При этом едва ли можно сказать, что истории, отнесенные к Митиноку, – самые сказочные. Что до края Харима, то на его примере можно попробовать выяснить, намечается ли в *Хоккэ гэнки* такое же отнесение схожих мотивов к одной провинции, какое порой бывает в *Кондзяку* [Бабкова, Трубникова 2024].

В Харима получает угодья царевич Сё:току в награду за толкование сутр и отдает их в дар храму Хо:рю:дзи, одному из первых в стране (1–1). Монах из храма Дайгодзи выучил наизусть всю «Лотосовую сутру» кроме двух иероглифов из главы II. Он молится о том, чтобы узнать причину своей забывчивости, и бодхисаттва Внимающий Звукам сообщает ему: в прошлом рождении ты жил в краю Харима, читал сутру по ночам и нечаянно прожег в свитке дыру на месте этих двух знаков. Монах отправляется в Харима, встречает стариков, бывших его родителями в прежней жизни,

[11] Восточная приморская дорога 東海道, То:кайдо:, Восточная горная дорога 東山道, То:сандо:; Северная материковая дорога 北陸道, Хокурикудо:; Дорога по темной стороне гор 山陰道, Санъиндо:; Дорога по светлой стороне гор 山陽道, Санъё:до:; Южная приморская дорога 南海道, Нанкайдо:; Западная приморская дорога 西海道, Сайкайдо:.

восстанавливает поврежденный свиток и после этого запоминает сутру полностью. «В нынешней жизни у него стало целых четверо родителей, он воздавал им за милость, почтительно заботился» (1–31). Отшельник в горах края Харима едва не погиб, когда его хижина рухнула, но некий бог вызволил его из-под обломков. В благодарность за свое спасение отшельник устраивает на речном берегу большой обряд для окрестных жителей и молится, чтобы увидеть чудесный «знак» 瑞, *сируси*, – узнать, поможет ли ему это деяние возродиться в Чистой земле. «Обряд закончился, люди разошлись. А назавтра кто-то шел мимо и увидел: у берега, где устраивали обряд, выросли белые лотосы, и были их сотни, тысячи…» (1–40). В Харима на горе Сёся 書写山 долгие годы обитает знаменитый монах Сё:ку: 性空 (ум. 1002 или 1007) из знатного рода Татибана; чудесные помощники снабжают его всем надобным. «Он довел до совершенства собственное подвижничество, и чтобы обратить других, вышел с дальних гор, поселился среди людей», нашел множество новых учеников, монахов и мирян (2–45). В Харима на горе Юкихико

雪彦山 другой отшельник, из рода Тайра, живет, довольствуясь совсем малым и читая сутру. Перед смертью он посещает друзей, монахов и мирян, и говорит им: «В этой жизни вижусь с вами в последний раз. Завтра или послезавтра я отбуду в пределы Чистой земли. В следующий раз надеюсь встретиться с вами в мире истинной сути!» (2–74). Некий монах не способен выучить два из восьми свитков сутры; он предается суровому подвижничеству, чтобы узнать причину, и в вещем сне узнает, что был когда-то ядовитой змеей, жил в краю Харима в уезде Акахо 赤穂 на постоялом дворе, услышал однажды, как путник читал сутру, нападать на чтеца не стал, смог потом возродиться человеком, но всей сутры тогда не слышал – вот и теперь сумел ее выучить лишь частично. Проснувшись, монах выучивает сутру и становится могучим чудотворцем (3–93). В том же уезде Акахо жители ловят шайку разбойников и пытаются одного из них казнить, расстреляв из луков, но стрелы не попадают в него; выясняется, что разбойник чтил бодхисаттву Внимающего Звукам, и бодхисаттва вместо него принял стрелы в свое тело. Разбойника простили, «он стал стражником в том краю, имя ему дали Татадзумаро:, Неуязвимый» (3–114).

Все мотивы, звучащие здесь, в том числе неуспех при изучении сутры по причинам, коренящимся в прошлой жизни, и «подмена тела» 身代り, *мигавари* (когда бодхисаттва принимает на себя страдания человека), в *Хоккэ гэнки* встречаются и в других рассказах и связываются с другими местностями. На мой взгляд, выделить по этой подборке местную традицию почитания «Лотосовой сутры» – или какую-либо еще традицию края Харима – невозможно[12], но можно сказать, что в подборке, отнесенной к Харима, более явно, чем в книге в целом, просматривается тема длящейся благодарности, «воздаяния за милость» 報恩, *хо:он.* Чудеса заслужены почитанием сутры и другими праведными делами, но за чудесами следуют новые благие дела; порой, как в рассказе 2–74, чудеса и вовсе не нужны, но за свою спокойную жизнь в уединении герой воздает людям, ободряя их.

Иначе обстоит дело с другими местами горного подвижничества: они уже выглядят как места со сложившимися или становящимися традициями.

[12] Такая традиция позже будет связана в основном с горой Сёся https://www.shosha.or.jp/

Знаменитые горы

В «Лотосовой сутре» в главе X («Учитель Дхармы») Будда говорит: «Если человек, проповедующий Дхарму, пребывая в одиночестве, в пустынном или закрытом месте, где царит покой и не слышно человеческих голосов, будет читать про себя и читать нараспев эту сутру, я покажу ему мое чистейшее сияющее тело» (ТСД 9, № 262, 32b). Уильям Дил, один из первых исследователей *Хоккэ гэнки* за пределами Японии, указывает, что в книге Тингэна подвижники, которые стремятся следовать примеру бодхисаттв, чаще выбирают уединение, лишь немногие действуют среди людей [Deal 1993, p. 274–275]. Отшельничество не мешает приносить пользу живым существам: в горах чтеца сутры слышат звери и боги, да и само по себе чтение сутры дает заслуги, которые подвижник обращает на пользу всем.

Сайтё:, основатель школы Тэндай, «…глубоко постиг непостоянство, и досадуя, что Закон пребывает в упадке, обратил помыслы к Великой колеснице, а сам укрылся в горном лесу. Он поднялся на вершину Хиэй, из трав сплел себе хижину. Чтобы в мире дхарм отдать четыре долга[13], каждый день читал-вращал “Цветок Закона” и другие сутры Великой колесницы, упражнялся в сосредоточении-*самадхи* четырех видов[14]» (1–3). По самоназванию Тэндай и в дальнейшем остается «горной школой». И все же Хиэй в *Хоккэ гэнки* – весьма населенное место; отдельные строения на Хиэй упоминаются в большем числе контекстов, чем храмы и иные сооружения столицы или города Нара[15]. С каждой пагодой, молельней, кельей на Хиэй связано одно из подразделений Тэндай, и принадлежность к нему служит важной

---

[13] Перед отцом, матерью, Буддой и учителем (или: перед родителями, учителями, всеми живыми существами и Тремя Сокровищами: Буддой, законом и общиной).

[14] Сидя, на ходу, при чередовании хождения и сидения и без хождения и сидения (например, при уборке храма).

[15] Келья Бё:до:бо: 平等坊 (1–6); пагода Ёкава 横川 (2–53, 3–83); главных храмовый зал Компон-тю:до: 根本中堂 (1–3, 1–24, 1–36, 2–64); храм Миидэра у подножия Хиэй 三井寺 (2–54, 2–62), он же Ондзё:дзи 薗園寺 (2–62); башня Мондзюро: 文殊楼 (1–4); храм Мудо:дзи 無動寺 (1–5, 3–94); молельня [Сю:]рё:гон-ин 楞厳院 (1–4, 2–51, 2–53, 3–83, 3–100); Западная пагода Сайто: 西塔 (1–6, 1–20, 1–25, 1–39, 2–43, 2–44, 2–50, 2–52, 2–63, 2–71); молельня Сэндзюин 千手院 (1–22, 2–64); зал Сякадо: 釈迦堂 (1–20, 1–25); молельня Тикурин-ин 竹林院 (2–42); Восточная пагода То:то: 東塔 (1–11, 1–13, 1–22); молельня То:ин 唐院 (1–4); молельня Тю:до:ин 中道院 (1–3); зал Хоккэ-дзаммайдо: 法華三昧堂 (1–3). Пагоды, храмы и молельни в основном упоминаются в составе характеристики героя, как подразделения школы; залы – как места подвижничества.

характеристикой героя-монаха; сам Тингэн в предисловии представляется как монах из молельни Преодоления首楞厳院, Сю:рё:гон-ин, – значит, наследник Эннина и Гэнсина.

Иногда, чтобы сделаться настоящим отшельником, с горы Хиэй надо уйти (2–53); порой монахи по окончании учебы на Хиэй возвращаются в родные края или переселяются в столицу, но сохраняют верность сутре (1–23, 2–52, 2–62). Обряд «кругового обхода» горы Хиэй 回報行, *кайхо:гё:*, при котором подвижник в сосредоточении обходит все важнейшие места на горе в определенном порядке [Rhodes 1987], в *Хоккэ гэнки* не упомянут, хотя о монахе Со:о: 相応 (831–918), ученике Эннина и основателе этого обряда, рассказ есть (1–5). Однако в рассказе 2–51 монах Кё:мё: 境妙 совершает похожее странствие: «Когда понял, что жизнь его подходит к концу, Кё:мё: поднялся на гору Хиэй, обошел все ее залы и пагоды, все следы мудрецов, и поклонился им, встретился со старыми собратьями, товарищами по учебе, по-дружески побеседовал с ними, со всеми обменялся благоуханными словами».

Примечательна еще одна роль топографического описания горы Хиэй. В снах и видениях герои *Хоккэ гэнки* несколько раз видят итоги своих трудов как огромное число «драгоценных пагод» 宝塔, *хо:то:*, заполненных свитками сутры: «От вершины горы и до Мидзуноми сложены свитки сутры, которые ты прочел, пока жил при Западной пагоде. А от Мидзуноми до Какинокиномото сложены сутры, что ты прочел, живя в храме Хоссё:дзи» – сообщает во сне некий старец усердному чтецу сутры (1–19). Здесь Какинокиномото – начало подъема на гору Хиэй, Мидзуноми – его середина. В сутре в главе XI описано «видение драгоценной пагоды»: в ней восседает древний будда, который свидетельствует, что Шакьямуни был Буддой всегда; похожие картины в вещих снах дают заслугам людей особенно надежное подтверждение. Иногда монахи просто видят пагоды со свитками на Хиэй (1–23, как раз тот из героев, кто гору покинул), иногда – ряды пагод не на земле, а вдоль Темной дороги (1–32). Порой видение показывает, что обретенные заслуги можно утратить: когда монах поддается гневу, огонь сжигает пагоды (1–19, 1–32).

В рассказе 3–118 мирянка видит и потом описывает подобие большого земного храма, только еще прекраснее: «В том храме зал для чтений, золотой зал, книгохранилище, звонница, драгоценная пагода, драгоценные стяги, кельи, надвратная башня, очень много разных

построек и все роскошно украшены, воистину чудесны! И в них бодхисаттвы, толпа святых в небесных венцах, в небесных одеждах, в прекрасных ожерельях, облачены по всем правилам, почтенные пожилые добродетельные шраманы, мудрые отшельники…». В одном из залов женщина видит свитки – их столько, сколько раз она прочла сутру. Что это за место, из рассказа неясно, но подвижнице там является Будда Шакьямуни, так что можно предположить, что это – Святая Орлиная гора, Гридхракута 霊鷲山, Рё:дзюсэн, где была проповедана «Лотосовая сутра». Чистая земля будды Амитабхи (阿弥陀, Амида) в *Гокураку-ки* и других японских источниках больше похожа на сад с деревьями и лотосовыми прудами, небо Тушита 兜率天 (Тосоцутэн), где пребывает будущий будда Майтрейя (弥勒, Мироку) выглядит как город с внешними жилыми кварталами и внутренними дворцовыми. Святая же гора, Чистая земля Шакьямуни, предстает как гора-храм, по подобию которой устроена Хиэй.

Из мест японского горного подвижничества как такового в *Хоккэ гэнки* по числу упоминаний первенствуют горы Кумано 熊野 в краю Кии (1–9, 1–11, 1–13, 1–14, 2–44, 2–60, 2–80, 3–86, 3–92, 3–128, 3–129). В Кумано жил отшельник, решившийся на самосожжение (1–9), но в остальных случаях речь идет о странниках на пути в Кумано или оттуда. Они встречают: бессмертного (1–11); мертвеца, читающего сутру (1–13); ядовитого змея (1–14); небесного отрока (3–92); женщину, которая из-за любовной страсти превратится в змею (3–129); в Кумано отшельник, ставший бессмертным, видится с давними товарищами по учебе (2–44). В середине XI в. еще не устоялся обычай путешествий в Кумано отрекшихся государей с большими свитами [Moerman 1997], но похоже, что этот горный край непременно посещают монахи, когда пускаются в долгое и опасное паломничество, причем в Кумано – самая дальняя точка их маршрута.

На втором месте по частоте упоминания – горы Митакэ 金峰, они же Кимпусэн (1–11, 2–44, 2–49, 2–56, 2–60, 2–80, 3–92, 3–93). Они, как и горы Ёсино 吉野 (1–10, 1–11, 1–35, 2–44), лежат на том пути, что ведет на юг от столицы и города Нара к Кумано, их тоже проходят паломники (и порой сбиваются с дороги, как в рассказах 1–11 и 3–92), но в этих горах чаще поселяются надолго. Герой рассказа 2–49 в Митакэ «читал “Цветок Закона”, вершил трудные дела, мучительные дела. Вначале демоны и боги являли ему свои страшные образы, пытались ввести отшельника в смятение, но он не убоялся. Потом они

стали приносить плоды и овощи ему в дар. И так же – медведи, лисицы, ядовитые змеи». В Митакэ обретает бессмертие отшельник из рассказа 2–44, там же живет монах, бывший в прошлой жизни змеей в краю Харима, из рассказа 3–93. В Ёсино сутра являет чудо: рыбы, припасенные для больного монаха, на время превращаются в свитки (1–10); здесь обитает бессмертный, на все вопросы гостя отвечающий цитатами из сутры (1–11).

Горы Кумано, Митакэ и Ёсино для повествователя в *Хоккэ гэнки* уже знамениты и не нуждаются в подробных описаниях. Иначе обстоит дело с третьим по числу упоминаний местом отшельничества – Атаго 愛太子 или 愛宕護 к северо-западу от столицы (1–16, 1–21, 1–34, 1–39, 2–66, 2–55, 2–56). На Атаго подняться нетрудно, видимо, это место многие не считают «горным» в строгом смысле слова, но достоинства пещер Атаго как места уединения тоже велики. «На горах Атаго издавна пребывают бодхисаттвы Чрево Земли и Нагарджуна[16], приносят пользу всем живым точно так же, как в Тан бодхисаттва Манджушри откликается на молитвы государей в горах Утайшань!» – размышляет герой рассказа 1–16, а читатели книги уже знают из рассказа 1–4, что по горам Утайшань в Китае странствовал Эннин. В другом месте, правда, традиция Утайшань связывается с горами Митакэ, где страннику является индийский царь Удаяна – современник Будды, впервые создавший изображение Просветленного, а затем ставший спутником бодхисаттвы Манджушри (3–92). Герой рассказа 1–34 «поднялся на горы Атаго, научился читать “Сутру о Цветке Закона”. Собирал цветы, готовил благовония, подносил дары Трем Сокровищам[17], носил хворост, таскал воду, служил старым насельникам тех мест. День за днем следовал за учителями и старшими, принял и усвоил письмена сутры, ночь за ночью при факеле читал-повторял свитки сутры». Здесь описаны дела обыденные, едва ли «трудные, мучительные» 難行苦行, *нангё: кугё:*, о каких говорится в сутре, но и такой образ жизни – тоже отшельничество.

Есть в Японии и очень страшные горы. В рассказах 3–89 и 3–124 странники посещают местность Татияма 立山 в краю Эттю:. «В тех горах есть адская долина, в дальней широкой горной впадине – сотни,

[16] Кшитигарбха 地蔵, Дзидзо:, Нагарджуна 龍樹 и Рю:дзю, здесь, вероятно, выступают как покровители странников и отшельников; Нагарджуна в рассказах 2–53 и 3–83 является в видениях, чтобы ободрить подвижника или ответить на его вопрос.

[17] Будде, Закону и общине.

тысячи горячих источников. Они бьют из глубоких ям. Ямы скрыты под камнями, горячая вода с дикой силой вырывается из-под скал. Видно, как сила водного пара ворочает камни над ямами. Все полно горячего пара, приблизиться и рассмотреть невозможно. В дальнем углу той долины есть огромный огненный столп. Он всегда горит, пышет жаром. Там есть большая гора, зовется вершиной Индры. Там небесный бог Индра собирает служителей тьмы, разбирает и судит добрые и злые дела всех живых. В конце той адской долины есть большой водопад, высотой в несколько сот *дзё* [более 300 м], называют его Чудеснейшим. Вода льется, словно белая ткань» (3–124). Горы Татияма проходит на своем пути чтец сутры, не могущий выучить ее полностью (на сей раз – три главы), но ответ на вопрос, почему, он узнает не в Татияма, а позже (3–89); в Татияма возрождается девушка, за то, что отец зарабатывал ей на жизнь изготовлением статуй будд (то есть, видимо, наживался на чужих благочестивых делах), но ей помогает бодхисаттва Внимающий Звукам, а потом странник передает ее родителям ее просьбу, ради умершей переписывают сутру, и она обретает новое рождение на небе.

Помимо названных горных краев в *Хоккэ гэнки* упомянуты Ооминэ 大峰 недалеко от Ёсино (1–11, 3–92), Сираяма (Хакусан) 白山в краю Кага (3–89), Куватори 鍬取 (2–47) и Кугами 国上 (2–79, 3–81) в краю Этиго и другие. Подобно тому как названия провинций часто указывают не на место действия, а на происхождение героя, горы порой упоминаются не сами по себе, а в составе имени божества. Какие японские *ками* действуют в *Хоккэ гэнки* и как именно – этот вопрос, на мой взгляд, тоже относится к картине «страны Японии» в книге Тингэна.

Божества ками

Цудзимото Синъя применяет к *Хоккэ гэнки* различение трех подходов к вопросу о богах *ками* в японском буддизме: 1) боги «защищают Закон» 護法, *гохо:*, помогают подвижникам; 2) боги сами ищут освобождения из круговорота перерождений; 3) в каждом из богов воплощен кто-то из будд или бодхисаттв. Исследователь указывает, что третий подход в книге не просматривается вообще, а что касается первого и второго, то сборник Тингэна не подтверждает давней концепции Тамура Энтё: 田村圓澄 (1917–2013), согласно которой

«защитниками Закона» в основном выступают божества крупных святилищ, близко связанных со столичной знатью, а освобождения ищут местные, «простонародные» божества. В *Хоккэ гэнки*, как показывает Цудзимото, одно и то же божество может выступать и в том, и в другом качестве [Tsujimoto 2023]. Например, в рассказе 2–80 бог святилища Сумиёси в Нанива, одного из самых чтимых в Японии, – «защитник Закона» и хранитель знаний о нем (правда, на вопрос странника он не отвечает, отсылает к другому божеству), а в рассказе 3–86 тот же Сумиёси слушает чтение сутры и надеется, что оно принесет ему благо.

Традиция чтений сутры для японских богов в книге Тингэна начинается с Сайтё:. Вскоре по возвращении из Китая «он устроил чтения “Сутры о Цветке Закона” в святилище Явата, и из священной палаты явился багряный монашеский плащ, он был поднесен в дар Великому учителю. Раздался голос, он радостно благодарил. Затем чтения “Сутры о Цветке Закона” прошли в святилище Касуга, и там сгустились багряные облака» (1–3). Явата 八幡 здесь – святилище Уса 宇佐 на Кюсю, где почитается бог Хатиман 八幡 – предок японских государей, хранитель мира и покоя в стране; в Касуга 春日 близ города Нара почитают прародителей рода Фудзивара, самого влиятельного среди знатных родов. Для чего Сайтё: читал сутру именно в святилищах, рассказчик не уточняет; традиция такого чтения для него вполне устоялась, внимание привлекает, скорее, то, сколько раз тот или иной странник прочел сутру в том или ином святом месте.

В святилище Хатимана, но уже другом, Ивасимидзу близ столицы, читает сутру монах Ко:дзицу 光日 в рассказе 1–22:

> Человек, бывший рядом с ним, во сне увидел, как из священной палаты вышли восемь небесных отроков, поклонились с благодарной радостью, поднесли отшельнику чудесные благовония и цветы, вознесли ему хвалу и ввосьмером пустились в пляс. А из священной палаты раздался голос, произнес хвалу:
>
> 如是聖者　Так святой отшельник
> 必定作仏　Непременно станет буддой,
> 昼夜光明　Днем и ночью его сияние
> 冥途耀日　Будет озарять Темную дорогу!

«Небесные отроки» появляются и в рассказе 2–70 как посланцы из столичного святилища Камо 賀茂, чтобы вызволить монаха с Темной дороги. Здесь 天童, *тэндо:* (в переводе А. Н. Игнатовича – «дети богов») составляют «свиту/семью» 眷属, *кэндзоку*, божества *ками*, а не индийских богов, как обычно; о том, что такие отроки служат подвижникам сутры, сказано в ней в главе XIV, это место цитируется в рассказах 1–11 и 3–92. Стихотворные величания хранителей сутры в рассказах *Хоккэ гэнки* произносят не только бог Хатиман в Ивасимидзу, но и «небесный отрок» у водопада Тананами 棚波 в краю Танго (3–87), «великие алмазные отроки» 大金剛童, *дайконго:до:*, в горах Кадзураки 葛木山 (3–92), и бодхисаттва Внимающий Звукам в обличье женщины в храме Киёмидзу (3–92). В рассказе 3–103 мирянин является после смерти другу и читает стихи, где вспоминает прежнюю свою жизнь при японском дворе, называя (как принято в придворной поэзии) государев дворец «горой Пэнлай» (蓬莱, Хо:рай, как китайское обиталище бессмертных), а затем сообщает, что ныне возродился в Чистой земле.

Горные божества Японии в *Хоккэ гэнки* обозначаются как «воплощенные» 権現, *гонгэн*; таковы боги Кумано и Государь Хранилища 蔵王, Дзао:, хранитель гор Митакэ. К этой же группе можно, видимо, отнести бога по имени Горный Государь 山王, Санно:, хранителя горы Хиэй; о становлении учения о нем см.: [Карелова 1998]. В рассказе 2–42 монах Ёсё 陽生 (ум. 990 или 993), назначенный главой школы Тэндай (21-м по счету), обращается к Санно: с молитвой-упреком: «Много десятилетий я терпел голод и холод, живя на горе, молился, чтобы хватило мне сил радеть об одном лишь возрождении в краю Высшей Радости, создавал условия, чтобы обрести свидетельство о просветлении-*бодхи*. Помимо этого, мирских надежд я не имел, и потому никогда, ни единым словом, ни единым помыслом не молил о назначении на должность главы Тэндай. Горько мне, что ты, Горный Государь, не поддержал меня!». Санно: здесь (как и Дзао: и другие хранители гор в *Хоккэ гэнки*), выступает как покровитель отшельников, от него ожидается помощь не в получении высокой должности, а наоборот, в том, чтобы избежать назначения.

Боги крупных святилищ Сумиёси 住吉 в Нанива и Мацуноо 松尾 в окрестностях столицы величаются «Великими Светлыми божествами» 大明神, *даймё:дзин*. Рассмотрим рассказы, в которых они появляются.

В рассказе 2–80 монах, не могущий выучить последний, восьмой свиток сутры, решает: «Помолюсь богам и буддам, тогда и узнаю точно, в чем дело!»

> И тотчас затворился в святилище Инари, сто дней молился и памятовал, но ответа не было. В храме Хасэ, в горах Митакэ полностью провел по три месяца летнего затворничества, но отклика не получил. Отправился в горы Кумано, сто дней подвижничал там, и во сне ему было указано:
>
> – Моих сил не хватит помочь тебе. Лучше обратись к светлому богу Сумиёси!
>
> Шрамана последовал сказанному в сновидении, отправился в святилище Сумиёси, сто дней молился и совершал обряды – и светлый бог возвестил ему:
>
> – Я этого тоже не знаю. Лучше спроси на великой горе Хоки!
>
> Шрамана пустился в паломничество к великой горе Хоки, все лето усердствовал, и Великий мудрый бодхисаттва во сне возвестил ему:
>
> – Я истолкую твою исконную связь с сутрой. Не сомневайся, а лучше поверь!

Далее бог горы Хо:ки 伯耆, он же Великий мудрый бодхисаттва 大智明菩薩, Дайтимё:-босацу, рассказывает, как этот монах в прошлом рождении был волом, доставил груз риса для подношения в святилище, а в келье поблизости паломник читал сутру, и пока хозяин молился, вол слушал чтение и смог благодаря этому возродиться человеком. Как сам бог Хо:ки связан с сутрой, не говорится, но видимо – из-за того, что и в прошлом ее читали близ горы Хо:ки. Сюжет «цепочки наставников» (герой задает вопрос кому-то из богов, бодхисаттв и др., тот отсылает к другому божеству и т.д.) встречается в собраниях *сэцува*, и одна из его задач – обосновать почитание последнего бога в цепочке (как знающего что-то, что неведомо остальным); видимо, рассказчик *Хоккэ гэнки* гору Хо:ки еще не относит к числу знаменитых, почему и задействует подобное обоснование.

В похожей роли выступает Государь Хранилища в рассказе 3–93: сообщает монаху, почему тот не может выучить всю сутру. В этой роли боги *ками* и буддийские почитаемые существа взаимозаменяемы: тем и другим известны прежние рождения героев.

В рассказе 3–86 некий монах видит во сне, как чтеца До:мё: слушают божества:

Во дворе храма и вокруг со всех четырех сторон знатные, почтенные люди собрались во множестве, так что просвета нет. Все, почтительно соединив ладони, сидят, обратившись лицами к храму. А с южной стороны вдалеке раздается голос. Все слушают, а он говорит:

– Государь Хранилища с гор Митакэ, воплощенный бог Кумано, Великий Светлый бог Сумиеси, чтобы послушать «Цветок Закона», прибыли сюда!

До:мё: начинает читать сутру, и бог Сумиёси говорит богу Мацуноо те слова, что я приводила выше: До:мё: – первый среди хранителей сутры в Японии. Бог продолжает:

– Когда слушаешь сутру, отдаляешься от деяний и страданий множества прежних жизней, благие корни укрепляются и растут. Поэтому из дальних мест мы каждую ночь приходим сюда!

Светлый бог Мацуноо ответствовал:

– Все так, все так! Я обитаю поблизости, и, не разбирая дня и ночи, всегда слушаю здесь сутру.

Такую хвалу они возносили и благодарно радовались…

Из богов, не величаемых «воплощенными» и «светлыми», в *Хоккэ гэнки* упомянуты четыре разновидности, соотнесенные с горами, морским побережьем и дорогой. По велению «бога-хозяина земли» 地主の神, *дзинуси-но ками*, на горе Кугами 国上山 в краю Этиго отрок-громовник снова и снова разрушает пагоду; монах Дзинъю 神融 (682–767) силой призывает его к порядку, и отрок становится защитником горы (3–81). Боги святилища Касии 香椎 в Тикудзэн покровительствуют мореплаванию и рыбной ловле, в дар им приносят убоину, мирянин нехотя соглашается добыть птиц для празднества, во время охоты погибает, но возрождается в Чистой земле, ибо много лет читал сутру (3–116). На пути в Кумано монах останавливается у статуи придорожного бога 道祖神, *до:со:дзин*. Приношения обветшали, бог стоит одиноко («образ бога есть, а богини нет» 男の形ありいへども、女の形あることなし, *отоко-но катати ари-то иэдомо, онна-но катати ару кото наси*): как и позднее, в это время, видимо, *до:со:дзин* изображаются парой, в образах старика и старухи. Монах помогает богу избавиться от тягостной и грешной службы – помогать «странствующим моровым богам» 行疫神, *гё:экидзин*, провожать

их по дорогам к людскому жилью. В итоге придорожный бог отбывает по морю на остров Поталака 補陀落山, Фудараку, к бодхисаттве Внимающему Звукам. Важно, что, судя по заглавию, герой этого рассказа – «придорожный бог в уезде Минабэ в краю Кии», а не монах; бог не просто выступает объектом заботы, но деятельно ищет освобождения.

О богах *ками* вообще, их природе, их связи с Законом Будды в *Хоккэ гэнки* речи нет, в отличие от сборников поучительных рассказов XIII в. Но любопытно, что здесь цитируются хорошо известные слова из *Дао дэ цзин* 道徳経 (4) – 和光同塵, *вако: до:дзин*, «смягчить свет, сравняться с пылью»: в синтоистских трактатах и других текстах о богах ими нередко обозначается воплощение будд и бодхисаттв в японских *ками.* Но в сборнике Тингэна эти слова относятся не к божеству, а к человеку: монаху, который стал вором, чтобы читать «Лотосовую сутру» в тюрьме для узников (1–22). Вероятно, *Дао дэ цзин* в этом контексте цитируется не напрямую, а через посредство одного из основополагающих трактатов школы Тяньтай – «Махаянского прекращения неведения и постижения сути» 摩訶止觀, кит. *Мохэ чжигуань*, яп. *Мака сикан*, ТСД 46, № 1911, 80a). В трактате, как и в рассказе, цитата *вако: до:дзин* описывает поведение бодхисаттвы или божества, принявшего облик существа из дурных миров (например, человека, грешника) ради милосердной заботы о тех, кто страдает.

Заключение

В *Хоккэ гэнки* Сайтё перед смертью дает наказ ученикам: «Каждый день непременно читайте “Сутру о Цветке Закона”, изучайте-осваивайте все верные учения, будьте усердны в сосредоточении сидя, навсегда сохраните здесь Закон! Это затем, чтобы воздать за милость властям нашей державы (国家, *кокка*), чтобы переправить всех живых на тот берег» (1–3). Повествователь на протяжении книги сохраняет этот двойственный взгляд: дела его героев значимы для всего мира – и для страны, где им довелось родиться по закону воздаяния. Прямая оценка страны Японии с буддийской точки зрения звучит только в предисловии Тингэна: «По счастью, я родился в пределах, где процветает Чудесный Закон, довелось мне слушать тех, кто обрел пользу от его чудесных сил». Условия для подвижничества здесь хороши, но что это значит: что оно легко – или трудно, как предсказано в сутре?

На мой взгляд, условия в книге Тингэна показаны прежде всего как разные, подходящие для разных людей.

Хоккэ гэнки не прослеживает какого-либо маршрута паломничества по землям Японии, связанного с «Лотосовой сутрой». Скорее, здесь решается задача связать с сутрой знаменитые храмы, святилища, места горного подвижничества по всей стране, и если в этот ряд попадают места почитания богов *ками* – тем лучше.

В большинстве работ по истории хэйанской Японии, ее религий и литературы отмечается сокращение кругозора – постепенно в поле зрения повествователей попадает все меньшее число мест за пределами столичной округи. *Хоккэ гэнки* лишь отчасти подтверждает эту точку зрения: кругозор здесь и в самом деле не так широк, как в *Нихон рё:ики,* – но неширок он и по сравнению с *Кондзяку*, где карта страны гораздо плотнее заполнена историями чудес и прочих примечательных событий. В сборнике Тингэна линии на этой же условной карте, к которым тяготеют рассказы, – это прежде всего линии связей между общинами почитателей «Лотосовой сутры», большими и малыми, и линии паломнических путей. На мой взгляд, это позволяет говорить не столько об узости взгляда, сколько о его более точной направленности; в сочетании с другими текстами традиции *сэцува* он может дать достаточно широкую панораму Японии эпохи Хэйан.

Библиографический список

Бабкова М. В., Трубникова Н. Н. (2024). Место действия рассказов «Кондзяку»: провинции Японии, их уроженцы, наместники и гости. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 1, 5–17.

Карелова Л. Б. Синто-буддийский синкретизм XIII–XV вв. *Буддийская философия в средневековой Японии.* Москва: Ладомир, 1998. С. 241–260.

Мещеряков А. Н. (1984). *Японские легенды о чудесах*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (2012). Размер имеет значение: Эволюция понятия «островная страна» в японской культуре. *Вопросы философии*, 8, 72–84.

Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость (1998). Изд. подгот. А. Н. Игнатович. Москва: Ладомир.

Трубникова Н. Н. (2006). «Заповеди бодхисаттвы» и буддийская община в учении Сайтё: (к публикации трактата «Кэнкай-рон»). *Сайтё:*. Из «Рассуждения, проясняющего заповеди» («Кэнкай-рон», 820 г.). *Историко-философский ежегодник'2006*. Москва: Наука. С. 359–397.

References

Babkova, M. V. & Trubnikova, N. N. (2024). Mesto deistviya rasskazov "Kondzyaku": provintsii Yaponii, ikh urozhentsy, namestniki i gosti [Places of Action in *Konjaku-monogatari-shū*: The Provinces of Japan, Their Natives, Governors, and Guests]. *Humanities Research in the Russian Far East*, 1, 5–17. (In Russian).

Deal, W. Ed. (1993). The Lotus Sūtra and the Rhetoric of Legitimization in Eleventh-Century Japanese Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*, 20 (4), 261–295.

Grapard, A. G. (1986). Lotus in the Mountain, Mountain in the Lotus: Rokugo Kaizan Nimmon Daibosatsu Hongi. *Monumenta Nipponica*, 41/1, 21–50.

Karelova, L. B. (1998) Sinto-buddiiskii sinkretizm XIII–XV vv. [Shinto-Buddhist Syncretism of the 13th – 15th centuries]. In *Buddiiskaya filosofiya v srednevekovoi Yaponii* [Buddhist Philosophy in Medieval Japan] (pp. 241–260). Moscow: Ladomir. (In Russian).

Kikuchi, H. (2014). Ōjōden, the Hokke Genki, and Mountain Practices of Devotees of the Sūtra, *Japanese Journal of Religious Studies*, 41/1, 65–82.

Meshcheryakov, A. N. (1984). *Yaponskie legendy o chudesakh* [Japanese Miraculous Tales]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2012). Razmer imeet znachenie: evolyutsiya ponyatiya "ostrovnaya strana" v yaponskoi kul'ture [Size Does Matter. The Evolution of the Concept of Island Nation in Japanese Culture]. *Voprosy filosofii*, 8, 72–84. (In Russian).

Moerman, D. (1997). The Ideology of Landscape and the Theater of State: Insei Pilgrimage to Kumano (1090–1220). *Japanese Journal of Religious Studies*, 24/3–4, 347–374

Ōjōden. Hokke genki. (1995). Inoue, M., Oosone, S. (eds.). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Rhodes, R. F. (1987). The Kaihogyo Practice of Mt. Hiei. *Japanese Journal of Religious Studies,* 14/2–3, 185–202.

Sūtra o beschislennykh znacheniyakh. Sūtra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dkharmy. Sūtra o postizhenii deyanii i Dkharmy bodkhisattvy Vseob'emlyushchaya Mudrost' [Lotus Sūtra With Introductory and Concluding Sūtras]. (1998). Ignatovich, A. N., Trans. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Tanabe, G. J. & Tanabe, W. J. (1989). *The Lotus Sūtra in Japanese Culture*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Teiser, S. F. & Stone, J. I. (2009). *Readings of the Lotus Sūtra*. New York: Columbia University Press.

Trubnikova, N. N. (2006). "Zapovedi bodkhisattvy" i buddiiskaya obshchina v uchenii Saicho (k publikatsii traktata "Kenkai-ron". Saichō. Iz "Rassuzhdeniya, proyasnyayushchego zapovedi" ("Kenkay-ron", 820) [The Boddhisattva's Precepts and the Buddhist Monastic Order by Saicho. Saicho. Treatise for Revealing of Precepts (Kenkairon, 820)]. Fragments (transl. by N. N. Trubnikova)]. In *Istoriko-filosofskii yezhegodnik'2006* (pp. 359–397). Moscow: Nauka. (In Russian).

Tsujimoto, S. (2023). Syncretization of Shinto With Buddhism in "Hokekyo genki". *Journal of Indian and Buddhist Studies*, 71/3, 1140–1144.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 210–226
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 210–226
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-210-226

«Записи о путешествии к Фудзи» Сатомура Дзёха (1567 г.): автор, содержание и основные особенности

А. А. Дудко

Аннотация

В то время, когда *даймё:* воевали со своими соседями, а Ода Нобунага постепенно становился центральной фигурой на политической арене, поэт *рэнга* Сатомура Дзё:ха вместе с учениками отправился в провинцию Суруга и описал путешествие в дневнике «Записи о путешествии к Фудзи». В этом сочинении отчетливо видны особенности средневековых путевых дневников, такие как наличие поэтических фрагментов (строф *рэнга* и песен *вака*), сильное влияние *Исэ моногатари*, отсылки к *Гэндзи моногатари* и упоминание дневников предшественников Дзё:ха – других поэтов *рэнга*.

В тексте также присутствуют характерные черты дневников более позднего времени: отсутствие ощущения вынужденности и тяжести путешествия (Дзё:ха, наоборот, наслаждается им), перечисление имен встреченных по пути людей, реалистичное описание пройденных мест, упоминание военных действий. Примечателен и тот факт, что несмотря на заявленную в начале дневника цель путешествия Дзё:ха почти не описывает гору Фудзи. Дневник интересен не только с точки зрения изучения путевых дневников и поэзии *рэнга*, но и как исторический источник, по которому можно восстановить сеть взаимоотношений между известными деятелями XVI в.

Ключевые слова: Сатомура Дзё:ха, путевой дневник, рэнга, период Муромати.

Автор: *Дудко Анастасия Андреевна*, младший научный сотрудник Национального научно-исследовательского института культурного наследия в г. Нара, 2 Chome-9-1 Nijocho, Nara, 630-8002, Japan.

E-mail: stacypanther@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Journey to See Fuji (1567) by Satomura Jōha: About the Author, Circumstances of Creation, and Main Features of the Diary

A. A. Dudko

Abstract

At a time when many provincial *daimyō* were at war with their neighbors, and Oda Nobunaga was gradually becoming a central figure in the political arena, the *renga* poet Satomura Jōha and his disciples made a journey to Suruga province to see Mt. Fuji. Jōha described this journey in his travel diary, *Journey to See Fuji*. The diary clearly shows both the features of medieval travel diaries, such as the inclusion of *renga* and some *waka,* the strong influence of *Ise Monogatari,* references to *Genji Monogatari* and the diaries of Jōha's predecessors, other *renga* poets. *Journey to See Fuji* also bears the characteristics of early modern travel diaries: the absence of a sense of forcedness and hardness of the journey (instead, Jōha is enjoying his travel), a detailed listing of the names of people met on the way, realistic depiction of places he visited, and descriptions of military hostilities.

It is curious that, despite stating seeing Mt. Fuji as the main reason for his journey, Jōha writes about it very little. This diary is interesting not only for its literary and poetic part but also as a historical source from which it is possible to reconstruct the network of relationships between famous figures of the sixteenth century.

Keywords: Satomura Jōha, travel diary, renga, Muromachi period.

Author: *Dudko Anastasia Andreevna*, Associate Fellow, Nara National Research Institute for Cultural Properties, 2 Chome-9-1 Nijocho, Nara, 630-8002, Japan.

E-mail: stacypanther@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Сатомура Дзё:ха 里村紹巴 родился в Нара в 1525 г.[1] Единой версии о его происхождении нет: по одной из них, Дзё:ха родился в семье Мацуи Сё:ю 松井昌祐 (даты жизни неизвестны), прислужника в молельне Итидзё:ин при храме Ко:фукудзи 興福寺一乗院; по другой, его отец работал в банях. Судя по различным сохранившимся источникам, Дзё:ха родился в бедной семье[2]. В детстве Дзё:ха и сам был слугой при молельне Мё:о:ин 明応院[3] храма Ко:фукудзи. К тому времени, как он повстречал Сю:кэй 周桂 (1470–1544)[4], пришедшего в Нара провести поэтические турниры и лекции по классической литературе, Дзё:ха уже учился у местного мастера *рэнга* Дайто: Сё:ун 大東正云 (годы жизни неизвестны)[5] . Сблизившись с Сю:кэй, Дзё:ха постригся в монахи (приняв имя Дзё:ха, по которому он ныне известен) и отправился вместе с Сю:кэй в Киото, чтобы продолжить обучение *рэнга*. Дзё:ха было около девятнадцати лет.

Сю:кэй же было больше семидесяти, и едва ли прошел год, как он умер, оставив Дзё:ха на попечение Сатомура Сё:кю: 里村昌休 (1510–1552)[6]. Сё:кю: нельзя было назвать самым известным поэтом

[1] Поскольку точных записей о годе рождения Дзё:ха не осталось, его вычисляют по возрасту, упоминаемому в датированных источниках. Есть две версии: что он родился в 1524 или в 1525 г. 1525 г. принят большинством специалистов. Подробнее см.: [Okuda 1976, p. 197].

[2] Об этом пишет Мацунага Тэйтоку в *Тайонки*: «Многие говорят о Дзё:ха *хоккё*:, и среди них есть люди злословящие. Но он был человеком старой закалки и обладал воистину необыкновенным сердцем. Однажды он сказал мне: «Я дожил до своих лет, а ни разу не приказал убрать за мной постель». А все потому, что он не забывал времена своей бедности» [Zoku gunsho… 1988, p. 618].

[3] Мё:о:ин до наших дней не сохранился. Окуда Исао пишет, что Дзё:ха был *тиго,* выполняющим самую разную работу по храму, и что положение его было незавидным [Okuda 1976, p. 198]. Одака Тосио считает, что работа в храме позволила Дзё:ха заодно получать образование, и что его жизнь и до того, как он переехал в Киото, была культурно насыщенна [Odaka 1967, p. 20–21].

[4] Сю:кэй родился в провинции Хидзэн, был учеником Со:сэки, переехал в Киото скорее всего в начале XVI в. Именно он помогал устроиться в столице выходцам из Хидзэн. Пережил Сё:хаку, Со:тё: и Со:сэки, и в то время, когда Дзё:ха стал его учеником, был одним из самых влиятельных поэтов *рэнга*. Был вхож в дом Сандзё:ниси и близок с Сандзё:ниси Санэтака, и, также скорее всего с Кинъэда [Okuda 1976, p. 201–202].

[5] Дайто: Сё:ун был богатым торговцем, занимался продажей сукна. Возможно, принадлежал к роду Дайто:, который много поколений служил при святилище Касуга тайся. Был первым учителем Дзё:ха на поэтическом пути *рэнга.* Дзё:ха поддерживал отношения с ним и после того, как уехал в Киото, что видно по записям их встреч и сложенным вместе стихотворным цепочкам [Okuda 1976, p. 200].

[6] Сатомура Сё:кю: также известен под именами Мидзиро: 弥次郎 и Такакагэ 尭景. Родился в провинции Ооми в семье воина, но отец наказал ему постричься в монахи

того времени, но после того, как не стало Со:боку 宗牧 (ум. 1545)[7] и Сю:кэй, он стал одним из влиятельных учителей *рэнга*. Согласно записям Мацунага Тэйтоку 松永貞徳 (1571–1654) в *Тайонки* (戴恩記, «Записи полученных милостей», ок. 1644 г.), в Киото обучение Дзё:ха проходило по-разному: стремившийся к высотам Дзё:ха страдал из-за неудач и временами порывался бросить путь *рэнга* ради карьеры монаха-толкователя *дангисо:*[8]:

> Дзё:ха *хоккё:* был из Нара. Он считал, что если человек не стал известным до тридцати лет, то он в своем деле уже не преуспеет. Наблюдая за тем, как все происходит в этом мире, он решил, что путь поэта *рэнга* наиболее легок, поскольку даже простые горожане и ремесленники могли сесть рядом с аристократами. А если бы не получилось, он решил получить рекомендацию от старца-настоятеля в храме Хякуманбэн[9] и отправиться на восток, чтобы в храме Дайгандзи научиться интересно рассказывать о буддийском учении и так зарабатывать на жизнь. Думая о двух возможных путях, он прибыл в Киото и попросился в ученики к отцу Сё:сицу – Сатомура Сё:кю:, начав изучать *рэнга.* Временами, когда на него нападала тоска, он собирал мешок и говорил, что уходит на восток, и все поэты *рэнга* с Огава[10] его останавливали. И вот, так да эдак, он постепенно становился все более известным [Zoku gunsho… 1988, p. 607].

В 1552 г. Сё:кю: умер, и Дзё:ха как старший ученик не только стал учителем, но и взял на свое попечение сына Сё:кю: – Сё:сицу 里村昌叱 (1539–1603); по одной из версий, позже он женил на Сё:сицу свою дочь [Odaka 1967, p. 37]. Дзё:ха взял фамилию Сатомура и постепенно все чаще принимал участие в поэтических турнирах. Одновремен-

---

и стать поэтом *рэнга*. Учился у Со:сэки, Со:боку и Сю:кэй, был близок с Сандзё:ниси Санэтака. Род Сатомура как поэтов *рэнга* начался с него и его сына Сё:сицу.

[7] Со:боку – поэт *рэнга*, учился у Со:сэки и Со:тё:, начал активно участвовать в поэтических собраниях кланов Сандзё:ниси, Коноэ, Хосокава и других после 1492 г. После смерти Со:сэки и Со:тё: стал самым влиятельным поэтом своего времени. Много путешествовал и написал путевой дневник *То:гоку кико:* (東国紀行, «Путешествие по восточным провинциям», 1545 г.) [Renga jiten 2010, p. 184].

[8] *Дангисо:* (談義僧 или 談義法師) – монахи, которые рассказывали о буддийском учении и трактовали сутры в легкой и увлекательной форме.

[9] Речь идет о Тиондзи 百万遍知恩寺, ныне рядом с перекрестком Хякуманбэн в Киото.

[10] Огава 小川 – ныне район Киото на северо-западе от перекрестка улиц Имадэгава и Карасума. Там жили поэты *рэнга* и Дзё:ха в том числе.

но с ним на поприще *рэнга* блистал молодой Со:ё: 宗養 (1526–1563)[11], также рано лишившийся учителя, своего отца. Но Со:ё: родился в клане поэтов, поэтому поэтическое окружение и аристократия оказывали ему большую поддержку. На поэтическом собрании *рэнга* в 16-й день шестой луны 1550 г., давшем *Яманани хякуин* (山何百韻, «Сто строф, сложенных в Яманани»), Со:ё: и Сё:кю: сложили по одиннадцать строф, а Дзё:ха – шесть. Одака Тосио считает, что по количеству записанных строф можно судить о том, какое положение занимал тот или иной поэт в мире *рэнга,* и что Со:ё: был более влиятелен, чем Дзё:ха [Odaka 1967, p. 35]. И тем не менее шесть строф из ста на таком собрании можно считать первым большим шагом Дзё:ха в мире *рэнга.*

Хотя и считалось, что талантом Дзё:ха уступает Со:ё:, но харизмы и умения поддерживать отношения с разными людьми Дзё:ха было не занимать. Это видно по тому, как много его стихов дошло до наших дней: больше 20 рукописей *сэнку* (*рэнга* на тысячу строф) и около 570 рукописей с *хякуин* [Chūsei nikki… 2004, p. 237]. Также известно, что Дзё:ха был хорошо знаком с Ода Нобунага 織田信長 (1534–1582), и когда тот вошел в Киото в 1568 г. (спустя год после завершения «Записей о путешествии к Фудзи»), Дзё:ха был в числе первых нанесших ему визит[12]. Но Дзё:ха также был близок с Акэти Мицухидэ 明智光秀, (ок. 1528–1582), причем участие Дзё:ха в поэтическом собрании у Мицухидэ перед инцидентом в Хонно:дзи (*Атаго хякуин* 愛宕百韻, «Сто строф, сложенных у горы Атаго», 24-й день пятой луны 1582 г.) навело Тоётоми Хидэёси 豊臣秀吉 (1536–1598) на мысль, что Дзё:ха участвовал в заговоре против Нобунага [Zoku gunsho… 1988, p. 621]. Отношения Дзё:ха и Тоётоми Хидэёси тоже были довольно сложными: сначала он благоволил Дзё:ха, но после того как стал подозревать его в дружественных отношениях со своим племянником, Тоётоми

[11] Со:ё: – сын Со:боку. После того, как он в шестнадцать лет сложил первую одиночную *рэнга* в третью луну 1541 г., стал активно участвовать в поэтических собраниях. Сопровождал отца в путешествии в восточные провинции, а после его смерти получил поддержку Коноэ Танэиэ и стал самым влиятельным поэтом *рэнга*. Был в близких отношениях с Сандзё:ниси Кинъэда, воинами Амако Харухиса 尼子晴久 (1514–1562), Миёси Нагаёси 三好長慶 (1523–1564) [Renga jiten 2010, p. 185–186].

[12] В *Со:кэнки* (総見記, 1685 г.) и *Синтё:ки* (信長記, 1604 г.) сказано, что Дзё:ха преподнес Нобунага два веера и они обменялись короткими строфами *танрэнга.* Судя по излишним самовосхвалениям в *рэнга* Нобунага, Рё:каку предполагает, что подробности встречи, описанные в этих источниках, – выдуманные, но вероятность того, что Дзё:ха посетил Ода Нобунага, велика [Morozumi 2002, p. 26].

Хидэцугу 豊臣秀次 (1568–1595), к которому Хидэёси охладел после рождения сына, отправил Дзё:ха в ссылку почти на три года, с 1595 по 1597, в храм Миидэра в О:ми (ныне префектура Сига). Об отношениях Дзё:ха и Хидэёси, включая истории юмористического характера, написано, например, в *Дзоку кинсэй кидзиндэн* (続近世畸人伝, «Продолжение биографий незаурядных людей нового времени», 1798 г.) [Isoo 1972, p. 291–294].

Позже, вернувшись в Киото, Дзё:ха продолжил читать лекции о классической литературе, передал свои знания о *Кокинсю:* сыну и умер в 1602 г. от болезни в возрасте семидесяти восьми лет.

Перед тем как перейти к обстоятельствам написания дневника, стоит коротко сказать об учителях Дзё:ха по классической литературе. Дзё:ха учился у сына Сандзё:ниси Санэтака 三条西実隆 (1455–1537) – Кинъэда 三條西公条 (1487–1563) и у Коноэ Танэиэ 近衛植家 (1502–1566). Оба были чрезвычайно влиятельными аристократами и поэтами того времени. Дзё:ха был проводником Кинъэда в его путешествиях и участвовал вместе с ним во многих поэтических собраниях. Так, Дзё:ха сопровождал Кинъэда в путешествии в Ёсино, о котором тот написал дневник *Ёсино мо:дэки* (吉野詣記, «Записи о паломничестве в Ёсино», 1553 г.). Что касается Танэиэ, то хотя он и сыграл важную роль в передачи Дзё:ха знаний о *Кокинсю:* и других классических произведениях, Дзё:ха был более близок с его сыновьями: Коноэ Сакихиса 近衛前久 (1536–1612) и монахом До:тё: 道澄 (1544–1608). О дружеских отношениях с ними Дзё:ха пишет в начале «Записей о путешествии к Фудзи»: прослышав о том, что Дзё:ха собирается надолго оставить столицу ради путешествия в провинцию Суруга (ныне префектура Сидзуока), Сакихиса и До:тё: очень расстраиваются и просят его остаться[13].

За свою долгую карьеру поэта *рэнга* Дзё:ха сложил множество строф, написал несколько поэтических трактатов, таких как *Рэнга кё:кун* (連歌教訓) и *Рэнга сихо:сё:* (連歌至宝抄), а также комментарии к классической литературе: *Гэндзи моногатари дзё:хасё:* (源氏物語紹巴抄, 1565 г.), *Исэ моногатари сисё:* (伊勢物語私抄, 1565 г.), *Сагоромо ситахимо* (狭衣下紐, 1590 г.), *Хякунин иссю: дзё:хасё:* (百人一首紹巴抄, 1582 г.).

[13] Здесь и далее ссылки на текст будут приводиться по изданию [Chūsei nikki… 2004]. Здесь – [Ibid., p.181–182].

Обстоятельства и возможные причины написания дневника

Чтобы составить представление о возможных причинах путешествия Дзё:ха в Суруга, ниже приведена краткая историческая справка о тех людях и событиях, с которыми Дзё:ха был так или иначе связан или упомянул их в дневнике.

В 1563 г. умерли Кинъэда и Со:ё:, в 1566 г. – Коноэ Танэиэ, и так получилось, что в течение пяти лет Дзё:ха потерял коллегу-соперника и двух своих учителей. Таким образом Дзё:ха стал самым влиятельным поэтом *рэнга.* Эти два факта могли повлиять на его решение отправиться в путешествие.

Во-первых, поэт, потеряв наставников, которые могли бы помочь в изучении классической литературы, мог начать поиск новых. Канэко Киндзиро: пишет, что Дзё:ха во время путешествия навестил сына Сандзё:ниси Кинъэда – Санэки 三条西実枝 (1511–1579) – не только чтобы повидать давнего знакомого, а чтобы попросить его вернуться в Киото и устроить лекции по *Кокинсю:* [Kaneko 1990, p. 206]. Канэко предполагает, что у Дзё:ха были и другие варианты, например, он мог попросить Коноэ Сакихиса и До:тё:. Но Канэко считает, что Дзё:ха были понятнее лекции и комментарии к произведениям, которые давал Кинъэда, а потому он хотел вернуть в столицу именно его сына как носителя той же традиции комментирования. В пользу этой версии говорит тот факт, что Санэки вернулся в Киото в следующем после путешествия 1568 г.

Во-вторых, как самый влиятельный и известный поэт *рэнга* Дзё:ха был востребованным учителем. Источников, подтверждающих наличие приглашений к разным воинам и влиятельным поэтам-любителям, не осталось, но по содержанию путевого дневника ясно, что многие известные воины и ученые люди в провинциях были рады принять у себя Дзё:ха.

В-третьих, путешествие могло быть способом осознать и пережить смерть учителей и Со:ё:, которого Дзё:ха считал лучшим поэтом их времени, и включить их и себя заодно в цепочку поэтов *рэнга* и путешественников посредством посещения связанных с поэзией мест.

Также 1560-е гг. – это время возвышения Ода Нобунага. В это время он сделал своим основным замком не Киёсу, а Комаки, и отправился в поход в провинцию Мино (ныне префектура Гифу). Узнать,

что будет происходить дальше в эти сложные, опасные времена, можно было, поехав и поговорив с людьми, приближенными к Нобунага, и посмотрев, как живут другие известные воины, поучаствовав в организованных ими поэтических собраниях[14].

В пользу той версии, что Дзё:ха отправился в путешествие в том числе за информацией, говорит его внимательность к деталям и заинтересованность в недавней истории разных мест. Это видно по записи об Окэхадзама. В провинции Суруга, куда лежал путь Дзё:ха, произошла одна из самых известных битв периода Сэнгоку – битва при Окэхадзама. Столкнулась небольшая армия Ода Нобунага и превышающая ее почти в пять раз армия Имагава Ёсимото 今川義元 (1519–1560). В битве выиграл Нобунага, Ёсимото погиб. Во время путешествия Дзё:ха участвует в чтении *рэнга* у Имагава Удзидзанэ 今川氏真 (1538–1614), сына Ёсимото, который после смерти отца постепенно теряет власть, о чем поэт упоминает в дневнике. В 1569 г., спустя два года после путешествия Дзё:ха, земли клана Имагава отвоевывают Такэда, Токугава и Хо:дзё:.

Поскольку Дзё:ха не указывает конкретную причину путешествия и написания дневника, остается только предполагать. Возможно, в дальнейшем при переводе и комментировании дневника станут ясными и другие причины и мотивы.

Библиографическая справка

К сожалению, оригинала дневника не сохранилось. Всего существует тринадцать списков, из которых можно выделить шесть основных: рукопись Ко:сианбон 甲子庵本, которая считается наиболее близкой к оригиналу; рукопись Кё:дзёбон 京女本, то есть список, хранящийся в Женском университете Киото 京都女子大学蔵本; рукопись Курокавабон 黒川本, хранящаяся в отделе управления рукописями 書陵部 при Управлении императорского двора; рукопись Тавабон 多和本, хранящаяся в архиве Тава бунко 多和文庫; рукопись Сигэокабон 滋岡本[15], хранящаяся в Осака Тэммангу: 大阪天満宮蔵滋岡長松筆本; и Руйдзю:бон 類従本 из собрания Гунсё руйдзю:.

[14] Подобный сбор информации возможной причиной путешествия Дзё:ха считает Канэко [Kaneko 1990, p. 203].

[15] По имени переписавшего этот список Сигэока Нагамацу 滋岡長松 (годы жизни неизвестны) из семьи настоятелей святилища Осака Тэммангу:, чья библиотека сохранилась при святилище.

Список Ко:сианбон был обнаружен и изучен позже остальных, и из-за сходства почерка дневника с почерком Дзё:ха какое-то время считалось, что это – оригинал. После повторного анализа стало ясно, что Ко:сианбон – чрезвычайно точная копия. Поскольку этот список стал доступен исследователям поздно, в основном в комментированных изданиях используются Руйдзю:бон и Курокавабон, в которых, по мнению Симадзу Тадао и Оомура Ацуко, много ошибок [Shimazu, Ōmura 2016, p. 2].

По количеству дошедших до нашего времени списков и местам их хранения можно понять, что дневник Дзё:ха читали в основном ценители *рэнга* (показатель – наличие списка в архиве Осака Тэммангу:; Сигэока Нагамацу увлекался *рэнга* и собрал множество связанных с *рэнга* источников).

По популярности «Записи о путешествии к Фудзи» уступают дневнику Со:тё: 宗長 (1448–1532)[16] *Со:тё: сюки* (宗長手記, 21 список), в котором также описывается путешествие в провинцию Суруга и приводятся размышления Со:тё: о *рэнга,* дневнику Со:ги 宗祇 (1421–1502)[17] о путешествии на Кюсю – *Тикусимити-но ки* (筑紫道記, 1480 г., 40 списков), а также дневнику Со:сэки *Сано-но ватари* (佐野のわたり, 1522 г., 35 списков).

Необходимо упомянуть, что название дневника разное в разных списках: «Путешествие Дзё:ха к Фудзи» (紹巴富士紀行), «Записи о том, как Дзё:ха смотрел на Фудзи» (紹巴不尽見記), «Путевые записи Дзё:ха» (紹巴道の記), «Записи о Фудзи» (富士記), «Путешествие к Фудзи» (富士紀行), «Путевые записи [о путешествии, совершенном для того,] чтобы посмотреть на Фудзи» (富士見道記). Кисида

[16] Со:тё: – поэт *рэнга*. Родился в Симада в провинции Суруга в семье кузнеца. С малых лет служил роду Имагава. В 1466 г. встретил Со:ги и несколько раз путешествовал вместе с ним, помог Со:ги в редакции *Синсэн Цукубасю:* (新鮮菟玖波集, «Новое собрание горы Цукуба», 1495 г.). Начиная с 1480 г. имя Со:тё: часто встречается среди дошедших до нашего времени *рэнга.* Со:тё: часто путешествовал в Киото и обратно, а также в другие провинции. Осталось личное собрание *Кабэгуса* (壁草, 1501–1512 гг.), поэтический трактат, посвященный *рэнга*, – *Рэнга хикё:сю:* (連歌比況集, после 1502 г.), дневник *Со:тё: никки* (宗長日記, 1532 г.) и путевой дневник *Со:тё: сюки* [Renga jiten 2010, p. 180].

[17] Со:ги – поэт *рэнга.* Классической литературе учился у Итидзё: Канэра 一条兼良 (1402–1481), *вака* – у Асукаи Масатика 飛鳥井雅親 (1417–1491), *рэнга* – у Со:дзэй 宗砌 (1386–1455), Сэндзюн 専順 (1411–1476) и Синкэй 心敬 (1406–1475). Составил антологию *рэнга Синсэн Цукубасю:*. Всю жизнь путешествовал, написал *Тикуси мити-но ки* (筑紫道記, 1408) о путешествии на Кюсю, также создал поэтический трактат о *рэнга Адзума мондо:* (吾妻問答).

Ёрико предполагает, что название давали сами читатели, зачастую жившие позже автора, и имя Дзё:ха добавляли для того, чтобы не спутать его путевой дневник с другими дневниками о путешествиях к Фудзи [Chūsei nikki… 2004, p. 234]. На русском языке дневник уже упоминался как «Путешествие, предпринятое с целью полюбоваться Фудзи»[18], но нами в данной статье принято решение использовать более емкое название «Записи о путешествии к Фудзи».

Если сравнить длину произведения с другими путевыми дневниками поэтов *рэнга,* можно сказать, что «Записи о путешествии Фудзи» средней длины: чуть больше, чем *Тикуси мити-но ки*, но почти в два раза меньше, чем *Со:тё: сюки*. Расшифровка Ко:сианбон в печатном издании занимает 23 страницы (сам список занимает 11 длинных листов).

Судя по колофону, Дзё:ха закончил работу над дневником спустя день после возвращения из путешествия, то есть в 28-й день восьмой луны 1567 г. Скорее всего он делал записи в течение всего путешествия, поскольку оно заняло около полугода, а в дневнике подробно перечислены имена тех, кто его приютил, и строфы, им сложенные. Также, Кисида Ёрико [Chūsei nikki… 2004, p. 234] указывает на одно место в дневнике, которое, возможно, является свидетельством более позднего составления или редактуры дневника: Дзё:ха с грустью пишет об одном из монахов, встреченном им по пути обратно в Киото. Возможно, это вызвано тем, что монах умер через полгода после этой встречи и Дзё:ха больше не удалось с ним повидаться. Если версия Кисида верна, то дневник был написан в 1568 г. или позже.

Краткое содержание

«Записи о путешествии к Фудзи» – дневник, написанный о путешествии Сатомура Дзё:ха в провинцию Суруга и обратно. Он начал свое путешествие в первой половине второй луны, прошел провинции О:ми, Исэ, Овари, Микава и То:томи, в пятую луну дошел до провинции Суруга, а в шестую луну отправился в обратный путь почти по тому же маршруту и вернулся в Киото в конце восьмой луны. Получается, что путешествие заняло у него полгода.

[18] Например: [Японское общество… 2014, с. 103].

Дзё:ха начинает дневник с того момента, как задумал отправиться в путешествие, о котором давно мечтал:

> Я начал писать этот дневник в начале десятой весны годов Эйроку[19], в день, когда решился отправиться в путешествие, о котором давно мечтал, – посмотреть на гору Фудзи. Желание отправиться в путь появилось вовсе не потому, что мне наскучила жизнь в столице[20], и не потому, что надо было нанести кому-то визит. С тех давних пор, как я покинул столицу Нара, я мечтал посмотреть и на Аманохасидатэ[21], и на Тамацусима[22]. И вот я решил: начну с самого дальнего места, – и сложил…

Если первая фраза здесь – цитата из *Исэ моногатари*, то вторая может быть отсылкой к Со:ги и другим *рэнгаси,* которые отправились в путешествия по приглашению влиятельных людей того времени.

До того как отправиться в путь, Дзё:ха объявляет знакомым о своем решении и пишет в дневнике обо всех поэтических встречах и званых ужинах, организованных в его честь. Вместе с указанием, у кого был проведен очередной вечер, он записывает сложенные им и особенно близкими к нему людьми строфы.

Дзё:ха отправился в путешествие вместе с двумя учениками, Синдзэн 心前 (ум. ок. 1589)[23] и Сё:сицу, а также двумя монахами[24], в 10-й день второй луны. Этот день показался особенно благополучным для начала путешествия к Фудзи, поскольку это был день

---

[19] Годы Эйроку – с 1558 по 1570 гг., десятый год – 1567.

[20] Дзё:ха цитирует начало седьмого эпизода *Исэ моногатари*: «В давние времена жил кавалер. Невмоготу стало ему жить в столице, и ушел он на Восток» (перевод Н. И. Конрада).

[21] Аманохасидатэ 天橋立 – песчаная коса, соединяющая два мыса бухты Миядзу на севере современной префектуры Киото. С древности входило в списки самых живописных мест Японии. Дзё:ха совершил путешествие туда тоже, написав о нем дневник *Аманохасидатэ кико:* (天橋立紀行, «Путешествие в Аманохасидатэ», 1569 г.).

[22] Тамацусима 玉津島 – место в бухте Ваканоура в нынешней префектуре Вакаяма, раньше – остров. Дзё:ха совершил путешествие туда в 1568 г., однако путевого дневника о нем не осталось.

[23] Синдзэн родился в Нара. Современники хвалили его как лучшего из учеников Дзё:ха наряду с Сё:сицу. Сопровождал Дзё:ха также и в путешествии к Аманохасидатэ.

[24] То, что Дзё:ха сопровождал еще кто-то кроме учеников, становится ясно лишь в самом конце дневника, где сказано: «Синдзэн и двое монахов вернулись в полном порядке, не было даже небольших неприятностей» [Chūsei nikki… 2004, p. 232]

Обезьяны[25]. На то, чтобы покинуть Киото, у Дзё:ха ушли сутки: он часто останавливался у знакомых и у известных мест, связанных с другими поэтами *рэнга* (например, места, где когда-то жил Синкэй или места, где Со:ги останавливался, когда был в Киото). К тому моменту, как Дзё:ха достиг заставы О:сака на границе провинций Ямасиро и О:ми, он был уже очень пьян, а потому не сложил стихотворение о заставе, традиционное для всех путешествующих поэтов, покидающих Киото.

В 11-й день второй луны он остановился в Миидэра, затем в Исиямадэра, где вспомнил, как слагал *рэнга* вместе с Дайкакудзи Гисюн 大覚寺義俊 (1513–1567), дядей Коноэ Сакихиса и До:тё:, Сандзё:ниси Кинъэда и Со:ё:.

Затем Дзё:ха отправился в Сакамото, оттуда на лодке в замок Кихама, которым владел род Синдо:. Пройдя Тойра[26] (здесь Сё:сицу принял решение вернуться в Киото), поэт остановился в Хино. Преодолев перевал Судзука, он остановился в Камэяма, затем прошел Кувана.

В Кувана путники следовали обходными путями, поскольку услышали, что рядом ведутся боевые действия, – их Дзё:ха опишет на обратном пути. Пройдя Кувана, он остановился в Цусима, а затем, пройдя Киёсу, был встречен посыльными и паланкином: их заранее отправил к границе Мё:ин Ёсимаса 明院良政 (годы жизни неизвестны), писец при Ода Нобунага. Дзё:ха остановился в Комаки и пробыл там почти полтора месяца с 12-го дня третьей луны, организовывая поэтические турниры и проводя лекции по классической литературе. Он описывает Комаки как замечательное место, где он чувствовал себя как дома, и сразу после этого комментария выписывает в ряд 17 строф, перемежая из записями о том, на каком именно собрании их сложил. Так описание пребывания в замке, принадлежащем Ода Нобунага, укладывается всего в одну страницу дневника.

Под конец своего пребывания в Комаки Дзё:ха пишет, что уже надо спешить дальше к Фудзи, и в 22-й день четвертой луны отправляется в путь, в 24-й день проходит Куцукакэ, а затем направляется к Яцухаси – знаменитым «восьми мостам», упоминаемым в *Исэ моногатари*.

[25] Считалось, что гора Фудзи появилась в 301 г. до н.э., а это был год Металла и Обезьяны [Chūsei nikki… 2004, p. 186].

[26] Ныне квартал в районе Адзути в городе О:ми Хатиман в префектуре Сига.

Описание впечатлений Дзё:ха о Яцухаси упоминают многие исследователи, например: [Кужель 2012, с. 54–55]. Ниже приведен перевод этого отрывка.

> 29-го дня [четвертой луны] решили отправиться в Окадзаки, но я так сокрушался о том, что не получилось посмотреть на ирисы в Яцухаси, что об этом рассказали заместителю Сайто: Дзёдзю:ро:[27], и тот отправил слуг в местечко на западе от Яцухаси под названием Комабаба, а вместе с ними бочку с сакэ. Приказ старейшине той деревни был таков: высадить ирисы. Говорят, что путешественники из разных земель повырывали все луковицы, а потому от ирисов совсем ничего не осталось. И правда, мы увидели, что даже от столбов моста отколупывают кусочки.

Далее Дзё:ха описывает, как Дзёдзю:ро: заставил местных жителей выдернуть рисовые ростки, уже показавшиеся вместо ирисов вокруг «восьми мостов», и высадить на их месте ирисы. В это время Дзё:ха и Синдзэн сели передохнуть в тени одинокой сосны. Синдзэн достал сушеный рис, и путники перекусили, полностью повторяя действия героев восьмого эпизода *Исэ моногатари*.

После того как Дзё:ха прошёл Яцухаси, он остановился в Окадзаки и Ёсида, а оттуда отправился к озеру Хаманако. Там он впервые увидел Фудзи:

> Немного спустившись со склона Сиомидзака, мы прошли Сирасуга и то место, где раньше был мост Хаманабаси[28], переправились по Имагирэ[29], и тут впервые увидели Фудзи – я больше не смотрел на дорогу, отпустив коня. Так, с повисшими поводьями, я и приехал к Хикума[30].

После Хаманако прошел Хикума, Мицукэ, Какэгава, Ниссака, Каная, Симада. В Симада Дзё:ха впервые упоминает Со:тё: – тот был родом из Симада и много писал про эту местность. После Симада

[27] Сайто: Дзёдзю:ро: 斎藤助十郎, 信 家 (годы жизни неизвестны) – вассал главы замка Кария в провинции Микава, Мидзуно Нобумото 水野信元 (ум. 1576).

[28] Сирасуга 白菅 и мост Хаманабаси 浜名橋 – *утамакура*, воспетые поэтами места на западном побережье озера Хаманако.

[29] Переправа Имагирэ 今切渡り – между станциями Маисака и Араи на тракте То:кайдо:.

[30] Хикума 引馬 – важный пункт на тракте То:кайдо: на западном берегу реки Тэнрю:гава.

Дзё:ха проходит Уцунояма, Марико, Сумпу и завершает путь к Фудзи в Окицу.

На обратном пути Дзё:ха проходит все те же места до Хикума, после чего обходит озеро Хаманако с севера и проходит Кига и Инасахосоэ. Оттуда он снова проходит Ёсида и Окадзаки, но провинции Микава и Овари в этот раз огибает с юга, останавливаясь в Кария (оттуда сходил к Оохама) и Огава (оттуда сходил в Камэдзаки). Затем прошел Ооно, откуда снова сходил в Цусима. После этого он пересек залив и остановился в Татибана. Далее через Камэяма попал в Мидзукути в провинции Ко:га, дошел до Накахара и через Ооцу и заставу О:сака вернулся в Киото.

Особенности произведения

В первую очередь нужно отметить, что Дзё:ха записывает имена встреченных людей и названия мест, где его приютили или устроили в его честь пир и поэтическое собрание. Даже те строфы, что Дзё:ха записал в дневнике, не так интересны для читателя в поэтическом смысле вне контекста, они скорее являются способом оказать честь пригласившим Дзё:ха на собрание людям. Учитывая, что поэт отправился в путешествие вскоре после того, как стал центральной фигурой в искусстве сложения *рэнга,* возможно, столь подробное перечисление людей связано с причиной путешествия, а именно – потребностью установить и поддержать свой авторитет в поэтическом мире.

Перечисление имен и названий мест сочетается с редкими подробными описаниями природы с отсылками к *Исэ моногатари, Гэндзи многатари* и временами к китайским источникам. Несмотря на несомненное сильное влияние *Исэ моногатари,* которое видно в многочисленных цитатах и отсылках к известным сценам из повести, сложно сказать, что содержание и структура дневника намеренно подстроены под *Исэ моногатари.* Так это бывало в других средневековых дневниках, но «Записи о путешествии к Фудзи» написаны не как единое произведение с определенным сюжетом, а больше напоминают собрание записей, в которых спорадически появляются отсылки к *Исэ моногатари.*

Кроме *рэнга,* Дзё:ха сложил около десятка *вака. Вака* в основном посвящены *утамакура* и отсылают к стихотворениям из поэтических антологий, таких как *Кокинсю:*, *Хорикава хякусю:*, *Ваканроэйсю:*.

В некоторых стихотворениях прием *хонкадори* очевиден: Дзё:ха почти полностью повторяет около пяти слогов. Если сравнить их с поэзией путевых дневников Нидзё: Ёсимото 二条良基 (1320–1388) и Итидзё: Канэра, *вака* Дзё:ха кажутся немного неуклюжими[31].

Кисида Ёрико [Chūsei nikki… 2004, p. 202–203] называет одной из важных особенностей дневника то, как поэт относится к путешествию: ему важно пройти по известным в классической литературе местам и повторить то, что делали там герои произведений старины (яркий пример – то, как Дзё:ха и Синдзэн ели сушеный рис в Яцухаси). Дзё:ха не приукрашивает действительность, когда говорит об отсутствии ирисов и о путешественниках, отколупывающих щепки от столбов у «восьми мостов».

Реалистичность описания заметна не только в записи о Яцухаси и перечислении имен встреченных им людей, но и в том, что Дзё:ха упоминает средства передвижения во время пути. По большей части он и его спутники путешествуют верхом, иногда им навстречу высылают то ли повозку, то ли паланкин, а по озеру путники плывут в лодке, о чем Дзё:ха пишет перед тем, как указать, куда они прибыли.

Еще одна особенность «Записей о путешествии к Фудзи» заключается в частом упоминании *рэнгаси* прошлого (Со:ги, Со:тё:, Со:боку), а также учителей Дзё:ха, включая Сю:кэй, Сё:кю:, Сандзё:ниси Кинъэда, Коноэ Танэиэ. Посредством написания дневника Дзё:ха не только включает себя в цепочку выдающихся поэтов *рэнга* и знатоков классической литературы, но и отдает им дань, показывает важность памяти о них. Это является одной из отличительных черт средневековых путевых дневников[32].

Важно отметить и то, что в отличие от многих средневековых дневников, авторы которых относились к путешествию как к предприятию тяжелому и опасному, Дзё:ха ни разу не жалуется и не говорит о том, что путешествие вынужденное (наоборот, в самом начале дневника он пишет, как о нем мечтал). Средневековые поэты, пускаясь в путь, непременно говорили прямо или намекали на то, что им тяжело покидать столицу, упоминая свой возраст[33]. Дзё:ха же на

[31] О том, что Дзё:ха замечательно слагал *рэнга,* но так и не постиг глубины *вака,* пишет Мацунага Тэйтоку в *Тайонки* [Zoku gunsho ruiju 1988, p. 607].

[32] Об этой особенности средневековых дневников пишет Г. Плющов [Plutschow 1982, p. 59].

[33] Об этом см.: [Plutschow 1982, p. 41].

время путешествия должно было быть около сорока двух лет, и он ни разу не жалуется на то, что ему тяжело в пути. Более того, как видно по записи о Яцухаси, он с удовольствием посещает известные в литературе места и даже воссоздает написанное в произведении. Чтобы понять, является ли эта особенность чертой характера Дзё:ха или присуща другим дневникам, написанным поэтами *рэнга,* нужно провести тщательный сравнительный анализ. Это является одной из наших целей для будущей научной работы.

Несмотря на большую работу, уже проделанную японскими исследователями и начатую другими зарубежными коллегами, все еще остается множество вопросов, которые только предстоит решить. Это касается и выделения особенностей дневников, написанных людьми разных сословий в разное время. Например, *утамакура* и их роль как в поэзии, так и в литературе о путешествиях, давно и подробно исследуются, и тем не менее не так много научных работ, которые посвящены истории восприятия определенных мест и используют как источники не только поэзию, но и путевые дневники. «Записи о путешествии к Фудзи» было бы интересно сравнить с другими дневниками, написанными о путешествии к Фудзи, такими как *Фудзи кико:* (富士紀行, 1432 г.) Асукаи Масаё 飛鳥井雅世 (1390–1452), *Ранфудзики* (覧富士記, 1432 г.) Гё:ко: 尭孝 (1391–1455), *Фудзи горан никки* 富士御覧日記 (1432 г., автор неизвестен), *Фудзи рэкиранки* 富士歴覧記 (1499 г.) Асукаи Масаясу 飛鳥井雅康 (1436–1509).

Библиографический список

Кужель Ю. Л. (2012). *Мир японского паломничества.* Москва: Книгодел.

Японское общество: изменяющееся и неизменное. (2014). Под ред. Э. В. Молодяковой. Москва: АИРО-XXI.

References

Chūsei nikki kikō bungaku zen hyōshaku shūsei [Collection of Medieval Travel Diary Literature With Commentaries]. (2004). *Vol. 7. Jōha Fujimi dōki* [Journey to see Fuji]. Ed. by Kishida, Y. Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Isoo, M. (1972). *Kinsei kijinden, zoku kinsei kijinden* [Biographies of Extraordinary People of Modern Times and Continuation of Biographies

of Extraordinary People of Modern Times]. Tōyōbunko, Vol. 102. Tokyo: Heibonsha. (In Japanese).

Kaneko, K. (1990). *Rengashi to kikō* [Renga Poets and Travel]. Tokyo: Ōfūsha. (In Japanese). (In Japanese).

Kuzhel', Yu. L. (2012). *Mir yaponskogo palomnichestva* [The World of Japanese Pilgrimage]. Moscow: Knigodel. (In Russian).

Morozumi, S. (2002) *Rengashi Jōha* [Joha, the Renga Poet]. Tokyo: Shinchosha. (In Japanese).

Odaka, H. (1967). *Aru Rengashi no shōgai* [The Life of a Renga Poet]. Tokyo: Shibundo. (In Japanese).

Okuda, I. (1976). *Nihonjin no kōdō to shisō 41. Rengashi* [Deeds and Thoughts of the Japanese. 41. Renga poets]. Tokyo: Hyōronsha. (In Japanese).

Plutschow, H. E. (1982) Japanese Travel Diaries of the Middle Ages. *Oriens Extremus*, 29 (1/2), 1–136.

Renga Jiten [Renga Encyclopedia]. (2010). Ed. by Hiroki Kazuhito. Tokyo: Tōkyōdō shuppan. (In Japanese).

Shimazu, T., Ōmura, A. (2016). *Kōshian bunkozō Jōha Fujimi dōki eiin, honkoku, kenkyū* [Jōha Fujimi Dōki Kōshian Manuscript: Facsimile, Text, Study]. Osaka: Izumi shoin. (In Japanese).

Yaponskoye obshchestvo: izmenyayushcheesya i neizmennoe [Japanese Society: The Changing and the Unchanging]. (2014). Ed. E. V. Molodyakova. Moskow: AIRO-XXI. (In Russian).

Zoku gunsho ruijū [Continuation of the Collection of Written Sources]. (1988). Vol. 32, Part 2. Ed. by Hanawa, H., Matsunaga, T. *Taionki*. Tokyo: Heibonsha. P. 597–634. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 227–242
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 227–242
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-227-242

Символика рыб и рыбной ловли в японской культуре. Киты, дельфины и фантастические существа моря в легендах и представлениях

Е .М. Дьяконова

Аннотация

В Японии существует множество региональных легенд и преданий, связанных с водной гладью, рыбами и фантастическими существами, населяющими морские пространства. Легенды эти насчитывают много веков, упоминания о больших рыбинах встречаются уже в первой поэтической антологии японцев «Собрание мириад листьев» (*Манъё:сю:*, VIII в.) и в мифолого-летописном памятнике «Анналы Японии» (*Нихон сёки*, 720 г.). В разных провинциях легенды и предания варьируются, некоторые мотивы фольклористы интерпретируют по-разному, однако, видимо, мы можем говорить о едином корпусе родственных текстов, объединенных не только сюжетами, где главные действующие лица – киты, дельфины, китовые акулы, но и сопутствующими действами: праздниками *мацури* в честь рыб и рыбной ловли, ритуальным исполнением магических текстов, танцами, песнями, приготовлением еды, изготовлением амулетов и т.д. Очевиден и символизм, объединяющий тему рыб и рыбной ловли в китайской и японской культуре: рыба – это богатство и процветание, что отразилось не только в письменных памятниках, но и в произведениях искусства. С китами, например, связаны многочисленные легенды, предания и мифологические мотивы местного значения, представления об этих млекопитающих как о божествах моря, которым посвящены синтоистские святилища. Изображения рыбы входили в состав подношений семье невесты в связи с благопожелательным значением этого предмета.

Примечательно, что в легенды о море включались известные литературные и легендарные персонажи и эпизоды из знаменитых произведений японской истории и словесности, таких как «Записи о делах древности» (*Кодзики*, 712 г.), «Анналы Японии», «Собрание мириад листьев», «Повесть о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*, XIV в.).

Ключевые слова: японские легенды и предания, *Манъё:сю:*, *Хэйкэ моногатари,* символика моря, Ямато Такэру, Миямото Мусаси, Эбису, киты.

Автор: *Дьяконова Елена Михайловна,* кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького: 121069, Москва, Поварская ул., дом 25а, строение 1.
E-mail: elenadiakonova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2714-9134

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Symbolism of Fish and Fishing in Japanese Culture. Whales, Dolphins, and Fantastic Sea Creatures in Legends and Ideas

E. M. Dyakonova

Abstract

In Japan, there are many regional legends and traditions associated with water, fish, and fantastic creatures inhabiting the sea. These legends go back many centuries; the first mentions of large fish are found already in the first Japanese poetic anthology *Manyōshū* (8th century) and in the mythological and chronicle text *Nihon Shoki* (720). In different provinces, legends and traditions vary, some motifs are interpreted differently by folklorists, however, apparently, we can talk about a single body of related texts, united not only by plots where the main characters are whales, dolphins, etc., but also by accompanying actions: *matsuri* festivals in honor of fish and fishing, ritual performance of magical texts, dancing, songs, cooking, making amulets, etc. The symbolism that unites the theme of fish and fishing in Chinese and Japanese culture is also obvious: wealth and prosperity, which is reflected not only in written monuments, but also in works of art. Whales, for example, are associated with numerous legends, traditions and mythological motifs of local significance, ideas about these mammals as deities of the sea, to whom Shinto shrines are dedicated. Images of fish were part of offerings to the bride's family due to the auspicious meaning of the item and their ability to bear

children. It is noteworthy that the legends about the sea included famous literary and legendary characters and episodes from famous works of Japanese history and literature, such as *Kojiki*, *Nihon Shoki*, *Manyōshū*, *Heike Monogatari*.

Keywords: Japanese legends and traditions, *Manyōshū*, *Heike Monogatari*, symbolism of the fish and fishing, Yamato Takeru, Miyamoto Musashi, Ebisu.

Author: *Dyakonova Elena Mikhailovna,* PhD in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science: 121069 Russia, Moscow, Povarskaya ul., 25a, str.1.

E-mail: elenadiakonova@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2714-9134

Conflict of interests

The author declares the absence of conflict of interests.

Рыбы и рыбная ловля в Китае и Японии – это символическая сфера, полная разнообразных значений, которые складывались на протяжении многих столетий. В Японии рыба в ее эмблематическом смысле – это богатство, процветание; поймать большую рыбину, значит обрести счастье. По-китайски иероглифы 魚, *юй*, «рыба», и 余, *юй*, «изобилие», читаются одинаково, так произошел перенос значений, когда слово «рыба» было нагружено понятием «изобилие», «множество», «чрезмерность».

В Китае и в Японии рыбные богатства значительны, главной пищей были рис и рыба. Рыба обильно нерестится, поэтому она стала символом гармонии, супружеского счастья и деторождения. *Нэцкэ* 根付, фигурки из слоновой кости, изображающие рыб, которые японцы подвязывали к поясу, имели благопожелательное значение и преподносились в дар с пожеланием счастья, богатства и деторождения (Илл. 1). Рыбы часто плавают парами, поэтому они рассматриваются и как символы единения, особенно сексуального. «Двойная рыба» – это еще и оберег от злых чар.

Буддисты считали, что те люди обретают добродетель, которые отпускают во время храмовых праздников на волю живые существа: птиц, рыб, черепах и т.д. Часто в буддийских храмах есть пруды с карпами и золотыми рыбками необыкновенной красоты – результат многолетней и очень искусной селекции. Их часто изображали

на китайском и японском фарфоре, который стали завозить в Европу, и там возникли собственные мануфактуры *шинуазри* (франц. *chinoiserie* – «подражание китайскому»), на которых часто встречаются изображения рыб. В Европу эти рыбы попали в XVII в. и обрели широкую известность.

Поскольку и птицы, и рыбы – яйцекладущие, в старину считалось, что это родственные существа, они могут совершать превращения из одного вида в другой и легко приспосабливаются к разным стихиям. Многие виды рыб описывались в старых дальневосточных текстах как ипостаси птиц.

Карп, благодаря свой яркой чешуе и необыкновенной силе, с которой он идет вверх по течению ручьев во время нереста, считался эмблемой боевых искусств. По сведениям американского ученого С. А. С. Вильямса, в Китае существует легенда о том, что когда карпы в третью луну каждого года идут навстречу течению Желтой реки (Хуанхэ), у порогов Драконьих ворот (*Лун-мэн*), они превращаются в драконов [Williams 1976, p. 183]. Поэтому изображения карпов дарят японским мальчикам в тот день года, когда особенно сильно начало Ян, – 5-й день пятой луны. В Китае карп – символ литературных знаний и успешной сдачи экзаменов на звание чиновника; они умеют идти наперекор течению воды, значит, и сдавать трудные экзамены. Рыбы – эмблемы эпистолярного искусства, что также связано с их обильным нерестом. Рыбы сравниваются в старых книгах с подданными государя, а искусство ужения рыбы – с управлением: незадачливый рыбак ничего не поймает, а беспомощный правитель не сладит со своими людьми [Williams 1976, p. 184]. Легендарный китайский император Фу Си 伏羲 (традиционные даты 2953–2838 до н.э.) получил свое имя «Прячущаяся жертва», поскольку плел разные виды сетей и учил своих подданных ловить рыбу и морских гадов для пропитания [Ibid.].

Киты (鯨, *кудзира*, лат. cetacea), млекопитающие, обитающие в японских водах, всегда привлекали японцев своими размерами, охота на них в Японии ведется с древнейшего периода Дзёмон (13000 г. до н.э – 300 г. до н.э.). В Японии китов называют рыбами. С китами (Илл. 3, 4, 5, 6) связаны многочисленные легенды, предания и мифологические мотивы. Для синто, автохтонной политеистической религии японцев, существовавшей задолго до прихода буддизма в Японию в VII–VIII вв., объекты поклонения – это бесчисленные

божества-*ками* и души предков. Многие предметы живой и мертвой природы (деревья, ручьи, озера, камни и другие) могут быть *ками.* В Японии существует несколько тысяч святилищ синто, целая система, объединенная единством ритуалов.

Киты упоминаются десять раз в самой первой поэтической антологии японцев «Собрание мириад листьев» (万葉集, *Манъё:сю:*, VIII в.), озаглавившей всю лирическую традицию Японии [Masaharu 1990, p. 3–4]. Многие стихи в ней связаны с древнейшими ритуалами и представлениями. Приведем в пример стихотворение древней поэтической формы *сэдока* – это шестистишие без рифмы с чередованием строк по 5-7-7-5-7-7 мор. Некоторые японские исследователи считают, что эта форма диалогическая, ее, возможно, сочиняли два человека (вопрос – 5-7-7, ответ – 5-7-7), поскольку их высказывания часто бывают противоположны по смыслу.

Анонимное стихотворение № 3852.

Изведут ли чудищ-китов?
Обмелеет-иссохнет ли море?
Искрошатся ль горные кряжи?
Нет, не погибнут киты,
Хоть приливами воды скудеют…
Но горы искрошатся в прах.

(Перевод Е. М. Дьяконовой)

Киты упоминаются в разных жанрах японской классической литературы: описаниях обычаев и земель 風土記, *фудоки*, дневниках 日記, *никки*, путевых записях 紀行, *кико:*.

В Японии бытует множество региональных легенд, преданий, анекдотов связанных с китами: истории, связанные с топонимами, с историческими персонажами, например, прославленным воином Минамото-но Ёсицунэ 源義経 и с литературным памятником «Повесть о доме Тайра» (平家物語, *Хэйкэ моногатари*, XIV в.), в котором описана война между двумя кланами Тайра и Минамото (XII в.), с победой над огромным китом богатыря древности Ямато Такэру 倭武, описанного в мифо-историческом своде «Записи о делах древности» (古事記, *Кодзики*, VIII в.). Киты связаны с богом рыболовства Эбису, приносящим богатство и удачу, который сам превращается в большую рыбу *исана* (кита, дельфина, акулу). Есть истории

о китах, совершавших паломничества в святилища, о китовой школе, китовом празднике и Китовых Скалах, где животные превратились в огромные камни, о китах – посланниках богов и о китах-жрецах.

Популярны легенды оките-оборотне 化物 *бакэмоно*, или костяном ките 骨者 *хонэмоно* (Илл. 6). В старину часть Японского моря, выходящая к провинции Идзумо (ныне северо-восток префектуры Симанэ) называлась Китовым морем, поскольку там обитало множество китов. Однажды там появился кит, состоящий из одних белых костей, ни кожи, ни плоти у него не было. Его сопровождали косяки странных рыб и птиц. Рыбаки пошли на лодках к киту, но сколько раз ни забрасывали гарпуны, они не приносили животному никакого ущерба. Приблизившись, люди нашли только огромный белый скелет и в страхе бежали. Рыбаки рассказывали потом жителям прибрежных деревень, что это был мертвый кит, появившийся в образе мстительного духа.

В районе Симанэ существует множество легенд, связанных с китами и их волшебными свойствами. Однажды в 1897 г. несколько больших китов выбросились на берег залива Тибу Оки в Симанэ, после чего там произошли пожары и землетрясения. Местные жители считали, что это проклятие погибших китов, и проводили ритуалы по умилостивлению их духов.

В прибрежных деревнях острова Сикоку рассказывали такую историю. Давным-давно во Внутреннем море Сэтонайкай у острова Сикоку жила огромная злая рыбина (Илл. 6) размером с остров. Она топила корабли и поедала людей. Рыбаки не могли плавать на лодках, ловить рыбу и перевозить людей, грузы. Государь послал воинов, чтобы истребить рыбину, но корабль был потоплен, все воины погибли. Тогда государь обеспокоился и приказал богатырю Ямато Такэру отправиться в море и победить злую рыбину. Ямато Такэру преследовал ее в разных местах, где она появлялась, у берегов провинций Тоса и Ава. Однажды он увидел страшную рыбину в глубине вод, но на море разыгралась буря и высокие волны не позволили кораблю приблизиться к злой рыбине. На следующий год рыбина появилась близ Цутиното в провинции Сануки. Долго гонялся Ямато Такэру по бурному морю за рыбиной, но наконец смог победить ее. Он собрал людей, напал на рыбу и, проткнув ее мечом, пробрался внутрь. Чрево злой рыбины было горячо, как огонь, и воины, последовавшие за героем, гибли один за другим. Ямато Такэру сумел

изнутри поразить рыбину, а затем вырезал себя из ее чрева и спасся. Есть вариант легенды, где убивает рыбину сын Ямато Такэру, пятнадцатилетний Рэйко.

Божество Эбису-но микото – один из семи японских богов счастья, покровитель рыболовства, успеха, коммерции; изображается в охотничьем платье, с удочкой в правой руке и с морским лещом или золотым карпом подмышкой (Илл. 7). Это единственный из семерки богов счастья японского происхождения, остальные – китайского или индийского. Его называют «Богом, пришедшим из-за моря» и изображают на больших флагах улова рыбы в рыбацких деревнях: на них рисуют, кроме Эбису, китов, дельфинов и китовых акул, то есть *исана*. Все эти рыбины почитаются в приморских поселениях по всей Японии, поскольку есть поверье, что появление этих морских существ приносит богатый улов; китов и дельфинов обычно сопровождают большие косяки сардин, сельди и скумбрии. Поплавки для сетей, *абато*, называют там *Эбису аба,* «поплавки бога рыбалки». Эбису называют еще *Ёри гами* – Движущийся бог, или *Ёри кудзира* – Движущийся кит, есть вариант *Нагарэ кудзира* – Дрейфующий кит, имеются в виду в основном киты, выброшенные живыми на берег или на мелководье.

Бога Эбису, связанного с китами, нет в главных древних мифологических и исторических памятниках: «Записи о делах древности» и «Анналы Японии» (日本書紀, *Нихон сёки*, VIII в.), поэтому с древности предпринимались попытки найти родственное божество в этих влиятельных произведениях.

В префектуре Хёго есть святилище Нисиномия (Илл. 8), это святыня бога Эбису – головной храм всех святилищ Эбису в Японии. Существуют легенды о том, что Эбису-но микото был выброшен на берег моря, и поскольку он был похож на бога моря, то ему стали поклоняться как божеству водной глади. Эбису был синкретизирован с божеством Котосиро-но микото (вариант Котосиро-нуси-гами), который считался божеством оракулов, но любил рыбалку. Его отец Окунинуси-но микото был внуком одного из главных небесных богов, неистового Сусаноо-но микото, управлял страной, обучал медицине, позже, уступив управление Великой богине Солнца Аматэрасу оми-ками, стал повелителем подземного мира – Страны корней (*Нэ-но куни*). Таким образом, Эбису и Котосиро были связаны с богом моря, и достаточно поздно, в эпоху Токугава (1603–1868), возникла

идея о родстве этих божеств. Изображение Эбису с удочкой и морским лещом подмышкой основано, по некоторым предположениям, на образе сына Окунинуси-но микото. До зарождения веры в Эбису строились святилища Котосиро-но микото, позже в них помещались и изображения Эбису. Наиболее типичным «двойным» святилищем стало Михо, важное культурное достояние, в префектуре Симанэ, которое является главной святыней Котосиро-но микото. Начиная с эпохи Токугава и до эпохи Мэйдзи (1868–1912) имя почитаемого божества во многих святилищах менялось с Эбису на Котосиро-но микото и наоборот. Обоим этим синтоистским божествам поклоняются как богам рыболовства и судоходства, а также как божествам, отгоняющим насекомых на рисовых полях.

В *Кодзики* изложены миросозидательные и мироустроительные мифы. Главные демиурги – боги Идзанами и Идзанаги – создали Японские острова, поднявшись на высокий мост над бездной, помешали драгоценным копьем в море, и из капель, стекавших с копья, возникли острова. Они провели свадебные ритуалы и зачали дитя, однако ритуалы были проведены неправильно, поэтому у них родилось «неправильное дитя», не имевшее рук и ног. «И дитя, что они родили, [было] дитя-пиявка. Это дитя посадили в тростниковую лодку и пустили плыть» [Кодзики 1994, с. 40]. Ребенок был смыт в море и позже в народных поверьях превратился в божество Эбису-но микото, который даже в три года не мог ходить. О превращении в тексте «Записей о делах древности» или «Анналах Японии» ничего не говорится, несомненно, это позднейшие интерпретации. Комментаторы считают, что Дитя-пиявка (*хируго*) получило такое название, поскольку было похоже на пиявку, имело мягкое тело и лишено было рук и ног. В «Анналах Японии» написано, что тело ребенка было слабое, вялое, но руки и ноги были. В поздних интерпретациях эпохи Токугава говорится, что Дитя-пиявка напоминало новорожденного кита, который ассоциировался с Эбису-но микото.

Многие приморские деревни и города по всей Японии спорят о том, где был выброшен на берег Эбису-но микото. В префектуре Вакаяма есть святилище Кудзира Эбису, посвященное богу-киту, *кудзира гами*, где высокие ворота *тории* и перила лестницы сделаны из китовых костей (Илл. 10).

Киты – не только герои народных легенд, спасители рыбаков, указующие на косяки рыб в море, но и важный, хотя и не постоянный

источник пищи для жителей прибрежных деревень, за что люди им благодарны. Жители деревень и городов на берегу моря устраивают ежегодные китовые праздники *кудзира мацури*, где приносят благодарность китам. В святилище Кудзира Эбису также проводится такой праздник. Праздник (祭, *мацури*) нужно в данном случае понимать расширительно, это способ общения с синтоистскими *ками.* Сначала их зазывают на землю, поскольку они находятся в иных сферах (на небесах, в море, в горах, в камнях, рощах и даже в гравии на дворе синтоистских святилищ и т.д.), затем им поклоняются, совершают ритуальные действия, играют театральные представления *кагура* (神楽, «радость богов»), сопровождая пляски игрой на свирелях, лютнях, барабанах. Позже богов провожают к месту обитания, поскольку долго оставаться в близи с *ками* опасно для человека.

Храмовый праздник божества Эбису мацури, «заведующего» богатым урожаем, хорошим уловом, процветанием бизнеса и семьи, проводится регулярно, например, в городе Хиросима в святилище Коси. В Японии немало святилищ, посвященных Эбису, одно из них – влиятельное Имамия Эбису (Илл. 11) в Осаке, собирающее толпы посетителей на китовые праздники, которые проводятся ежегодно 9–11 января. Праздник Эбису ко (или Тока Эбису) в святилище Имамия внесен в список Важных объектов нематериальной народной культуры (Илл. 12). В простонародье привилось уменьшительно-ласкательное название праздника – Эбиссан. Морской лещ – символ Эбису – является символом святилища и его талисманом. В домах рыбаков в эти дни также проводятся ритуалы благодарения Эбису, во время которых на стол подаются искусно приготовленные рыбные блюда (Илл. 13), а в святилище раздают амулеты в форме китовых хвостов на удачу в рыбной ловле и в коммерции, а также бамбуковые листья на счастье. По всей Японии китов, дельфинов и китовых акул часто называют Эбису.

Знания о рыбной ловле, мудрость рыбацких деревень запечатлелись в пословицах, детских стишках, метафорах, сказках, легендах, преданиях.

Ниже будут изложены некоторые народные легенды и предания разных приморских поселений, рыбацких деревень по многим префектурам Японии. Эти легенды были записаны собирателями и опубликованы в местных изданиях: бюллетенях народной культуры, исследованиях региональной культуры, путеводителях по

прибрежным районам и т.д.[1]. В главные памятники японских синтоистских мифов «Записи о делах древности» и в «Анналы Японии» эти предания не входят, хотя в «Анналах Японии» киты упоминаются пять раз.

На Хоккайдо, самом северном острове Японии, где зимы бывают суровыми, где вырастают огромные сугробы, популярна местная легенда, связанная с топонимом Баккай – Китовая скала. Когда однажды на берег обрушилась волна разрушительного цунами, гласит предание, кит-родитель Порофунбэ и его детеныш Понфунбэ старались своими телами защитить мыс и всю территорию вокруг него от набега волны. Киты превратились в скалу, люди говорили, что скала имеет форму огромного кита, несущего на спине китенка. Люди поклонялись скале как китовому богу Фунбэкамуи. Айны называли это место Пакаипе-по-кай-пе («Вещь, которая носит на себе ребенка»). Название мыса Баккай пишется иероглифами 抜海, которые означают «Упущенное морем».

Во многих японских деревнях есть старинный обычай: не оставлять неполноценных детей на волю судьбы; если нет людей, которые хотят усыновить их, то вся деревня заботится о них, кормит, одевает и растит по возможности. Если ребенок остается недееспособным, жители деревни опекают его до самой смерти, дают ему кров и еду. Такую легенду рассказывают в префектуре Исикава, где до сих пор существует обычай опекать таких «солнечных детей» всей деревней. Когда они умирают, то превращаются в китов и уходят далеко в море, но затем возвращаются и выбрасываются на берег, чтобы отблагодарить жителей за заботу на протяжении всей жизни. Рыбаки принимают благодарность и разделывают кита, забирают себе мясо, а ус продают.

В той же местности бытует легенда о том, что в эпоху Токугава супружеская пара спасла выброшенного на берег кита с китенком, их сумели столкнуть обратно в море. Прошло немного времени, и у супругов родился долгожданный ребенок, которого назвали Кудзиранами (Китовый Вал).

В «Собрании легенд Итосима» есть красочное предание о китовой норе в префектуре Фукуока, на самом южном японском острове

[1] См.: Нихон-но кудзира ни какавару дэнсэцу [Предания о японских китах]: https://www.catv296.ne.jp/~whale/kujira-densetu.html

Кюсю, под Зеркальной скалой (Кагами-ива). Однажды в прекрасный весенний день небесные девы, одетые в платья из птичьих перьев, спустились с Равнины Высокого Неба и стали петь сладкозвучными голосами, схожими со звоном колоколов, и танцевать. Ароматы плыли в воздухе, а девы, забывшись, все пели и пели. И тут одна из девушек принялась распевать запретную песню из нижнего мира, а все другие девушки в страхе разбежались. Небесная дева, пропев свою песню, мгновенно утратила всю свою божественную силу, а ее платье из перьев превратилось в камень. Небесная дева молила небесных богов-*ками* о прощении, но не получила ответа. С горя она бросилась в бушующее море и утонула. Она провалилась в китовую нору, где погибла вместе с китом, обитавшим в глубине пещеры. Спустя тысячи лет следы небесной девы и ее окаменевшее платье из перьев находят на вершине Зеркальной скалы.

На северном острове Хоккайдо бытуют легенды, основанные на эпизодах из «Повести о доме Тайра». Это один из ярких примеров «литературных легенд». Минамото-но Ёсицунэ, воин, герой, идеальный самурай, которого затем коварно убил его собственный брат, во время странствий по Японии в поисках убежища однажды стал соревноваться со своим верным слугой Бэнкэем в стрельбе из лука на мысе Тимохито. Бэнкэй послал стрелу далеко, но Ёсицунэ еще дальше, до побережья Сирануки. Кит, плававший неподалеку, засмеялся и сказал: «Не пугай меня, не запугаешь». Ёсицунэ рассердился и выстрелил в него другой стрелой. Затем, обнаружив на берегу моря раненого кита, выброшенного волной на берег, он стал отрезать от него куски и жарить на вертеле.

Поскольку главная и решающая битва при Данноура (1185 г.) между кланами Тайра и Минамото происходила на море с участием множества кораблей и лодок с двух сторон, то возникли местные легенды, связанные с морем, рыбами, дельфинами и китами. В «Повести о доме Тайра» говорится о большой стае из 200 дельфинов, которая появилась в заливе Дан во Внутреннем море во время битвы. Гадалка из рода Тайра предсказала, что если дельфины пройдут под кораблями Тайра и вернутся, то победит этот клан, если под кораблями Минамото, то победят они. Дельфины выбрали корабли Минамото, и они победили в этой битве, род Тайра был истреблен полностью. Один из воинов Тайра опускаясь на дно, увидел останки кита на дне, и произнес: «Волны и ветер разыгрались на море. Мое тело легко

погружается в воду. Жабры кита висят в воде близко ко дну». Так говорится в «Повести о доме Тайра».

Время от времени китобойный промысел запрещался в Японии. В 1680 г. сёгун Токугава Цунаёси 徳川綱吉 (1646–1709), прозванный «собачьим сёгуном», поскольку он заботился о бродячих псах и прочих домашних животных, обнародовал серию законов, известных под общим названием «Эдикт о сострадании к живым существам»; законы защищали не только коров и лошадей, но и собак, и рыб. Рыбная ловля была запрещена, исключение составляли рыбаки, которые зарабатывали себе на жизнь, забрасывая сети в море.

Охота на китов также не раз запрещалась в Японии, долгое время ловля китов была табу, допускались только небольшие объемы улова. В настоящее время разрешен только сезонный и ограниченный по количеству китобойный промысел.

Японцы считают китовое мясо и жир деликатесами и готовят из них много оригинальных блюд. Из китового уса делали струны и орнаменты для музыкальных инструментов, а из сухожилий – тетиву для луков. Китовые кости шли на украшение святилищ.

В приморских деревнях, где запрещен китобойный промысел, рассказывают, что люди, которые причинили ущерб деревне, превращаются в китов и уплывают далеко в море, чтобы избыть свою обиду и отомстить обидчикам. Те же жители, что хотят отблагодарить деревню за благие дела или спасение, тоже превращаются в китов и совершают благой поступок, выбросившись на берег, чтобы жители могли разделить между собой мясо кита. В префектуре Исикава известно такое предание: у старушки по ее вине сгорел дом, и она, чувствуя свою вину перед соседями, которые пострадали от огня, выразила желание после смерти превратиться в кита и принести извинения из моря, сопроводив добрым поступком. После ее смерти пострадавшие соседи подали в суд и получили право на большой выкуп. В следующем году этой семье удалось заманить на берег большого кита, убить его и продать. Вся деревня и другие жители округи говорили, что это старушка в облике кита приходила с извинениями отдать долг соседям.

На побережье западной Японии бытует легенда о двух деревнях, которые годами спорили о границе между поселениями. Однажды на море разыгралась буря, и на берег выбросило огромного кита. Из-за добычи разгорелась жестокая ссора между поселянами двух

деревень, которая затянулась до глубокой ночи. Вдруг раздался ужасный рев, земля под ногами и чудовищный кит разломились надвое, пошел ливень из пены и крови. Сельчане поняли, что это была воля богов, с тех пор трещина в земле стала границей между деревнями, а люди перестали враждовать. Мыс с тех пор носит название Камиварисаки, «Расколотый богом» (Илл. 14).

Легенда острова Хатэрума рассказывает о происхождении китов. Однажды на острове жил безнадежно ленивый человек, он не желал работать на рисовых полях. У него были коровы, они пахали и сажали рис за него. Ленивый человек радовался и гонял коров на поля. На море неподалеку поднялась огромная волна цунами, ленивец не сразу заметил ее, поэтому море поглотило его, и он опустился на дно. Коровы же не были ленивыми, они плыли и плыли, не останавливаясь, хотя остров Хатэрума исчез из виду. Со временем их передние ноги превратились в грудные плавники, задние – в хвостовые, они постепенно превратились в китов и стали морскими жителями. Осенью киты приходят к родному побережью, рассекают волны и мычат, как коровы, в тоске по острову. И все потому, что киты изначально были коровами! Похожие истории рассказывают и на острове Окинава.

В префектуре Миэ бытует легенда о том, что в море около Кумано жили набожные киты: отец, мать и китенок. Однажды они собрались посетить самое знаменитое святилище богини Солнца Аматэрасу в Исэ. В заливе им встретился рыбак, не поймавший с утра ни одной рыбы. Увидев семью китов, он достал гарпун и собрался запустить его в кита. Мать-китиха взмолилась: «Мы направлялись в Великое святилище Исэ, вознести моления богине Солнца. Пропусти нас, прошу». Но рыбак не стал ее слушать и убил отца и сына. С тех пор рыбаки из деревни Томита никогда не могли поймать ни одной рыбы, селенье на берегу моря опустело. Тогда жители деревни устроили поминальную службу по семейству китов и навсегда перестали ловить китов. С тех пор в сезон, когда киты с детенышами направляются на поклонение в святилище Исэ, убивать китов запрещено.

В Токио рассказывали такую легенду. Однажды кит встретил в море корабль, который направлялся к горе Фудзисан. Кит тоже собирался в паломничество на эту гору, поэтому попросил рыбаков взять его с собой. Но рыбаки не исполнили его просьбу, а стали бросать в него гарпуны. Тогда кит разозлился и проглотил всех рыбаков.

Много существует и преданий о китах, превратившихся в огромные черные камни. Такой камень находится, например, в святилище Нисиномия. В него превратился раненый кит, который искал дорогу к родному берегу. К этому камню люди приходят вспоминать погибших китов и просить их о милости.

Легенда города Марусима в префектуре Кумамото гласит: в 1880-е гг. сильный ветер и высокие волны принесли из моря большого кита, и наутро люди нашли на песчаном берегу огромный черный камень. Деньги, вырученные от продажи кита, были потрачены на постройку начальной школы в Марусима. В Японии есть семь начальных школ *кудзира гакко:* в префектурах Ниигата, Акита, Миэ, Фукуока, Кумамото, Иватэ, Тиба, которые были построены местными жителями, благодаря китам, с которыми поддерживаются глубокие связи посредством подношений, праздников-*мацури*, молений, амулетов. В префектуре Акита, в порту Фунагава 10 марта 1887 г. на берег выбросило десяток китов. Половина из них была продана местными жителями, а на полученные средства была восстановлена школа, которая получила название Китовой. Это подлинная история.

Существуют и многочисленные легенды о китовых камнях, известные под общим названием «Путешествие к Китовому камню», также они собраны в коллекции преданий «Китовый камень и легенды о Хатинохэ Таро» [Masaharu 1990, p. 3]. В лесу Нисиномия в Хатинохэ (в префектуре Аомори) известна легенда о Самэуре Таро, который выбросился из моря на берег и превратился в камень в святилище Нисиномия. Когда-то давным-давно в одной прибрежной деревне из-за постоянной засухи невозможно стало ловить рыбу, жители деревни очень страдали. Тогда Самэура Таро решил заплыть далеко в море и поискать рыбу на глубине. Но волны разбушевались, он едва не утонул, тогда его спас кит, поддержал его в воде и вынес на сушу. Жители были благодарны киту, дали ему имя юноши – Самэура Таро – и сделали его божеством-хранителем деревни. Кит Самэура Таро был верен своему святилищу и деревне и каждый год приводил к берегу косяки сардин, рыбаки процветали. Так продолжалось тридцать три года, затем кит исчез. На него напали китобои с островов Кисю, он был ранен, выбросился на берег Самура и превратился в камень. Ему стали поклоняться обитатели деревни. Жители префектуры Симанэ в городе Мисато считают, что в Китовом камне обитают духи и каждый год он понемногу перемещается по песку. Еще говорят, что если

разрезать камень, то из него хлынет живая кровь. Однажды давным-давно один человек пытался вспороть камень, но кровь хлынула через край, и шрамы не зажили до сих пор. Большие камни и скалы в форме китов или голов и хвостов китов важны для прибрежных жителей и служат им ориентирами, когда они выходят в море.

Исследователь народной культуры Масахару Ёси в статье «О китовых могилах в городе Сираги» описывает погребальные обычаи в префектуре Аити, связанные с погибшими китами. Их хоронят в земле с молениями, поскольку считают их божествами-хранителями деревень и местных святилищ, посланниками богов и подарками моря. В могилы кладут кости других китов и монеты.

В области Абурацу, в соседней с ней деревне Нанаура большой шторм продолжался несколько дней, прибрежные жители не могли ловить рыбу из-за огромных волн, которые поднялись на разбушевавшемся море, говорится в легенде «Море, свет и ветер в Абурацу»[2]. Деревне грозил голод, и тут на берег выбросило огромного, как гора, кита. Жители не дождались разрешения старосты на разделку погибшего кита, принесли лестницы, обступили животное и, не испросив прощения у кита, разделили мясо между всеми рыбаками и их семьями. Из соседних деревень тоже прибежали голодающие люди, им тоже досталось мясо кита. С тех пор погибшее животное стали называть в той округе китом-спасителем и великим китом. Благодарные жители прибрежных деревень с большими почестями похоронили останки огромного кита – кости, глазное яблоко – и провели поминальную службу. Кит оказался самкой с детенышем во чреве. Говорят, что с тех пор рыбаки деревни Нанаура всегда получали хороший улов и никогда не голодали, поскольку отдали последние почести спасшему их киту. Жители деревень Абурацу и сейчас приходят поклониться духам больших рыбин и каждый год, в мае готовят блюдо *кудзира моти* («китовые рисовые колобки») из риса, который жертвуют жители прибрежных деревень, перемалывают его, приговаривая *кудзира-кудзира* («кит-кит»), *ками-ками* («дух-дух»), чтобы улов всегда был обильным. Этот обычай передается из поколения в поколение в области Абурацу. Китовый моти готовится путем скатывания перемолотой рисовой муки в рулет длиной около 15 см и шириной в 3 см, затем его

[2] См.: Нихон-но кудзира ни какавару дэнсэцу [Предания о японских китах]. https://www.catv296.ne.jp/~whale/kujira-densetu.html

наполняют пастой из красной фасоли и наносят желтые линии соком жуков, на срезе получается изображение кита. Такие рисовые колобки изготавливают в префектурах Аомори, Ямагата, в Тохоку.

В заключение – отдельная тема. Это изображения китов мастерами эпохи Токугава школы *укиёэ* («картины плывущего мира»). Плывущий мир – это мир бесконечных иллюзий, исчезающий у нас на глазах, воплощенный в живописных гравюрах. Художники плывущего мира прославились удивительным мастерством. Здесь приводятся несколько гравюр, героями которых стали киты (Илл. 22, 23).

Библиографический список

Кодзики. Записи о делах древности. Свиток 1. Мифы. (1994). Перевод со старояпонского и комментарий Е. М. Пинус. Санкт-Петербург: Шар.

Манъёсю (1972) Перевод с японского, комментарии и приложения А. Е. Глускиной. В 3 т. Москва: Главная редакция восточной литературы.

References

Kojiki. (1994). Translation and comments by E. M. Pinus. Saint Petersburg: Shar. (In Russian).

Manyōshū. (1972). Translation, comments, annexes by A. Ye. Gluskina. In 3 vols. Moscow: GRVL Publishing House. (In Russian).

Williams, C. A. S. (1976) Outlines of Chinese Symbolism and Art Motives. Rutland, Vermont & Tokyo: Charles E. Tuttle Company.

Masaharu, Y. (1990). *Nihon no koten bungaku ni miru hogei* [Whale-fishing in Classical Japanese Literature]. Retrieved from https://www.icrwhale.org/pdf/geiken380.pdf (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 243–264
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 243–264
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-243-264

«Религия пустынь»: ислам в Японии с XIX в. до наших дней

Л. Ш. Кулиева

Аннотация

Авраамические религии уже давно являются основными для множества стран по всему миру. Дошли эти религии и до Японии, и если в случае с христианством ситуация весьма позитивная, то ислам по сей день сталкивается с трудностями. Эта «религия пустыни» оказалась в стране восходящего солнца гораздо позже своей «сестры», и несмотря на весьма богатую историю, находится в современной Японии в состоянии постоянной турбулентности. Однако представители религии, японцы, такие как Нода Сё:таро:, Ямада Торадзиро:, Бумпатиро Арига, Танака Иппэй, Мита Умар, а также иностранцы, такие как Аббас Махмуд Аль-Аккад, Кари Сарфараз Хусейн, Абдурашид Ибрагим, продвигают ее в стране, которой ислам, как кажется, совершенно не подходит.

В наши дни большое количество мусульман живут и работают в Японии, среди них есть как мусульмане-японцы, так и иммигранты из Индонезии, Пакистана, Турции и России. Мечети как крупнейшие мусульманские религиозные центры ведут образовательную и социальную деятельность, а также налаживают связи с японской общественностью.

На территории Японии действуют исламские НКО: Japan Islamic Trust (JIT), Japan Muslim Education Trust (JMET), Japan Muslim Association (AJMA), Japan Halal Association (JHA) и другие организации, чья основная цель – облегчать и улучшать жизнь мусульман. Задачи статьи – изучить этапы процесса проникновения ислама в Японию и выделить вклад видных мусульман, как японцев, так и иностранцев, в продвижение этой религии; выяснить, как обстоит дело с современной жизнью мусульман в Японии, какие есть положительные, отрицательные моменты и как мусульманские организации и община участвуют в жизни японского общества.

Ключевые слова: ислам, Япония, мечеть, халяльная еда, исламофобия, мусульманские ритуалы.

Автор: *Кулиева Лейла Шахин кызы,* лаборант-исследователь, сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: krono1903@mail.ru

ORCID: 0009-0009-5523-1280

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

«Desert Religion». Islam in Japan From the 19th Century to the Present Day

L. S. Kulieva

Abstrtact

Abrahamic religions have long been the mainstay of many countries around the world. These religions have also reached Japan, and while the situation with Christianity is very positive, Islam still faces difficulties. This “desert religion” came to the Land of the Rising Sun much later than its “sister,” and, despite its rich history, it is in a state of constant turbulence in modern Japan. However, representatives of the religion, both Japanese, such as Noda Shōtarō, Torajirō Yamada, Bumpachirō Ariga, Tanaka Ippei, Umar Mita, and foreigners, such as Abbas Mahmoud Al-Akkad, Qari Sarfaraz Hussein, and Abdurashid Ibrahim, are promoting it in a country to which Islam seems totally unsuited. In modern world, large numbers of Muslims live and work in Japan, among them both Japanese Muslims and immigrants from Indonesia, Pakistan, Turkey, and Russia.

Mosques, as the largest Muslim religious centers, engage in educational and social activities, as well as building ties with the locals. Finally, there are Islamic NGOs operating in Japan: Japan Islamic Trust (JIT), Japan Muslim Education Trust (JMET), Japan Muslim Association (AJMA), Japan Halal Association (JHA), and other organizations the main task of which is to facilitate and improve the lives of Muslims.

The objectives of this article are to study the stages of the process of Islam’s penetration into Japan and to highlight the contribution of prominent Muslims, both Japanese and foreigners, to the promotion of this religion; to find out what

the situation with the contemporary life of Muslims in Japan is, what are the positive and negative aspects, and how Muslim organizations and community participate in the life of Japanese society.

Keywords: Islam, Japan, mosque, halal food, Islamophobia, Muslim rituals.

Author: *Kulieva Leyla Shahin kyzy,* Research Assistant, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS: 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 107031.
E-mail: krono1903@mail.ru
ORCID: 0009-0009-5523-1280

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Ислам – одна из трех монотеистических «религий пустыни» наравне с иудаизмом и христианством и самая молодая из них, зародившаяся в 622 г. Однако несмотря на молодость эта религия – одна из ведущих в мире. Это крупнейшая религия по численности ее приверженцев в нескольких странах. Количество христиан и мусульман по статистике на 2022 г. совместно составляет 57.4% от мировой популяции[1]. Индонезия – страна с самым высоким уровнем мусульманского населения, насчитывающая более 209 млн. За ней следует Пакистан, где проживает более 167 млн мусульман, а третье место занимает Бангладеш с более чем 134 млн мусульман. Среди других стран со значительным мусульманским населением – Египет, Иран, Турция, Алжир, Марокко, Ирак, Афганистан и Судан. Эти страны имеют богатое исламское наследие, на их территории находятся наиболее значимые объекты и учреждения, включая Великую мечеть в Мекке, университет Аль-Азхар в Каире и храм Имама Резы в Иране. Невозможно переоценить влияние, которое ислам оказал на культуру, искусство и архитектуру этих стран; он продолжает играть важную роль в формировании их социума.

[1] Share of global population affiliated with major religious groups in 2022, by religion. Statista. Retrieved March 22, 2024 from https://www.statista.com/statistics/374704/share-of-global-population-by-religion/

Но как представлен ислам в Японии? Мусульмане ступили на японскую землю в конце XIX в., это были османские мореплаватели, чей корабль прибило штормом к берегам страны. Возвращаясь домой, турки взяли с собой журналиста Нода Сё:таро: 野田　正太郎 (1868–1904), который в дальнейшем становится первым японцем-мусульманином. После него в Японии стали появляться другие значимые фигуры японского ислама: Ямаока Мицутаро: 山岡光太郎 (Умар, 1880–1959), Мита Рё:ити 三田了一 (Умар, 1892–1983), Ямада Торадзиро: 山田寅次郎 (Абдухалил, 1866–1957). В Японию также прибывают иммигранты из Индонезии, Пакистана, Турции и России (татары), они и их потомки становятся основными представителями ислама на территории страны. Несмотря на то что ислам – вторая по численности приверженцев религия в мире, в Японии в 2021 г. при населении в 122 млн человек мусульмане составляли 0,15%, или 185 тыс.

Такие данные показывает сайт организации *World Population Review*[2]. При этом число христиан в Японии намного больше, оно составило 1,97 млн в 2021 г.[3] В целом христианство чувствует себя в Японии комфортнее, чем ислам. Кроме того, ислам, как и во многих других немусульманских странах, долгое время «страдал» от негативного имиджа. Комура Акико пишет: «Они [японцы] узнают о мусульманах и исламе из средств массовой информации, особенно из телевидения. После инцидента 9/11 в 2001 г. новости об исламе и мусульманах были в основном негативными, на них сильно повлияло видение западных СМИ. Как правило, японцы относятся к исламу с некоторой долей страха» [Komura 2015, pp. 224–227].

Исламофобия присутствует и по сей день, к сожалению, это одна из серьезных проблем в мире. Она проявляется всякий раз, когда происходит крупный теракт, так или иначе связанный с радикальными исламистскими группировками. Однако нельзя сказать, что мусульмане подвержены постоянным ксенофобским гонениям. Определенная доля исламофобии так или иначе присутствует, но в целом

[2] Top 10 Countries with the Largest Number of Muslims (2021). *World Population Review.* Retrieved March 22, 2024 from: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country

[3] Number of religious adherents affiliated to Christianity in Japan from 2012 to 2021 (in millions). *Statista.* Retrieved March 22, 2024 from: https://www.statista.com/statistics/651172/japan-number-christian-adherents/#:~:text=In%202021%2C%20the%20number%20of,stayed%20more%20or%20less%20stable

жизнь мусульманина в стране Восходящего солнца пусть и не так комфортна, как у христианина, все же вполне спокойна и у мусульман-иммигрантов, и у обращенных японцев. В Японии больше ста мечетей, крупнейшей из которых является Токийская джамия, расположенная в оживленном районе Сибуя, основанная в 1938 г. Эта мечеть – основная для мусульман Японии. Она издала «Понимание Корана на японском языке» (クルアーン日本語読解, *Куруан нихонго доккай*)[4]. Для мусульман организованы магазинчики с халяльной пищей, есть возможность отправится в хадж, действуют такие НКО, как Japan Islamic Trust (JIT), Japan Muslim Education Trust (JMET), Japan Muslim Association (AJMA), Japan Halal Association (JHA) и др. Учитывая неоднозначное отношение к исламу и мусульманам в том числе и в Японии стоит внимательно рассмотреть молодую, но достаточно богатую историю ислама на территории страны, а также нынешнее положении дел у мусульман.

История проникновения и видные мусульмане-японцы

В эпоху Токугава в силу изоляционизма не было массовых контактов между японцами и представителями ислама. Процесс знакомства начинается в XIX в. В 1877 г. на японский язык переводится «Жизнеописание пророка Мухаммада» (*сира*), третий по важности источник для постигающих ислам после хадисов и Корана [Badawi 2001, p. 1]. Спустя год в Стамбул прибывает японская эскадра «Сэйки», которая направлялась на учения в Европу. В столице Османской империи японской миссии был оказан теплый прием султаном Абдулхамидом II (1842–1918) [Ibid., p. 11]. В этой поездке японцы смогли узнать об исламе, однако они не видели в нем привлекательных черт, во-первых, из-за общих планов периода Мэйдзи по «вестернизации» Японии, во-вторых, из-за «географического аспекта» [Edstrom 2016, p. 100]. Как мы знаем, подавляющее большинство японцев того времени никогда не выезжало за пределы своей страны. И потому им не оставалось ничего другого, как принять на веру утверждение о том, что климат и почвы Японии – лучшие в мире, и о том, что в Японии, в отличие от других стран, превосходно выявлены четыре времени

[4] クルアーン日本語読解 [Quran Japanese Comprehension].Tokyo Camii Retrieved March 23, 2024 from: https://tokyocamii.org/notice/8323/

года. В структуре японского национализма «экологическая» составляющая занимала важнейшее место. Первопричиной этого было то, что природа находилась «в ведении» синтоистских божеств [Мещеряков 2006, с. 512–513].

Ислам же являлся религией пустынь и ассоциировался с сухим климатом, который не подходит «чувствительным японцам» [Edstrom 2016, p.100]. Однако несмотря на несколько холодное отношение к исламу в этот же год Стамбул посетил монах традиции *дзё:до синсю:* 浄土真宗 и бывший член миссии Ивакура Симадзи Мокурай 島地黙雷 (1838–1911), чей отчет об исламе заинтересовал японских буддийских монахов и подвиг некоторых из них также посетить Стамбул [Misawa 2011, p. 121]. В 1890 г. по поручению Абдулхамида в Японию была направленна ответная экспедиция во главе с адмиралом Али Осман-пашой на фрегате «Элтогрул». 13 июня в Иокогаме Али Осман-паша и его офицеры были приняты императором Мэйдзи. Паша, его старпом Али-бей и другие офицеры флота были награждены медалями и приняты членами императорской семьи. В честь турецкой экспедиции были проведены торжественные приемы и церемонии. Однако во время возвращения на родину фрегат попал в ужасный шторм, в котором погиб почти весь экипаж, включая самого Али Осман-пашу, выжили только несколько десятков матросов, которых в январе 1891 г. доставили в Стамбул на борту японских корветов «Конго» и «Хиэй» под командованием Ояма Таканосукэ 大山鷹之介 (1869–1938).

Впоследствии Япония не раз отправляла в Стамбул дипломатические миссии с соболезнованиями, и чем больше японцы посещали османов, тем глубже знакомились с исламом [Badawi 2001, p. 2; Morimoto 1980, p. 22]. Первым японцем, принявшим ислам, стал молодой журналист Нода Сё:таро: (1868–1904). Юноша собрал пожертвования и отправился в Стамбул, чтобы передать их семьям погибших. Там он встретил мусульманина британского происхождения Абдуллу Киллиама (1856–1932) и под его влиянием и покровительством стал первым японским мусульманином. Вслед за Нода в Стамбул в 1893 г. прибыл Ямада Торадзиро: (1866–1957) также чтобы выразить соболезнования семьям погибших в результате крушения. Султан Абдулхамид попросил его и Нода преподавать японский язык османским офицерам, среди этих офицеров был Мустафа Кемаль-паша, будущий первый президент Турции.

Ямада прожил в империи два года и сыграл важную роль в укреплении взаимоотношений между Японией и Турцией. Во время своей работы он и решил принять ислам, став вторым японцем-мусульманином [Ibid., p. 3]. Очень важен и опыт Ямаока Мицутаро: (1880–1959), японского военного деятеля, принявшего ислам: он известен как первый японский хаджи, в 1909 г. совершивший паломничество в Мекку. В 1912 г. он опубликовал книгу «Записки путешествия по Аравии» (アラビヤ縦断記, *Арабия дзю:данки*), которая даже была представлена императору и императрице. В дополнение к книге он писал статьи об исламе и частично перевел Коран [Mahdi al-Samarrai 1999, p. 12].

После Русско-японской войны ислам проникал в Японию не только усилиями новообращенных японцев. Аббас Махмуд Аль-Аккад (1889–1964), выдающийся египетский ученый и литератор, упоминал, что некоторые египетские офицеры были настолько впечатлены победой японцев над русскими войсками, что вызвались служить в японской армии, а затем женились на японских женщинах. Одни позже вернулись домой, а другие остались в Японии. Кари Сарфараз Хусейн (1876–1945), индийский ученый, посетил Японию в конце 1905 г. и в начале 1906 г. и читал лекции по исламу в Нагасаки и Токио. Первая мечеть была построена в Осаке для мусульман – военнопленных Русско-японской войны в 1905 г. Вскоре стало известно, что 1906 г. в Токио пройдет конференция, на которой японцы проведут сравнение между различными конфессиями, чтобы выбрать правильную. Эта новость также побудила мусульман отправиться в Японию. Через два года в Японию приехал Абдурашид Ибрагим (1857–1944) и оставался там шесть месяцев, в течение которых встречался с множеством японцев, от министров до крестьян. В результате его деятельности многие молодые ученые, офицеры и журналисты приняли ислам. Он также посетил Китай, Корею, Индию и Хиджаз, Саудовскую Аравию и написал книгу в тысячу страниц на турецком языке [Mahdi al-Samarrai 2003, pp. 6–7].

Другим человеком, сыгравшим важную роль в японо-исламских отношениях, был Мухаммад Баракатулла (1854–1927), он вел свою деятельность в 1910–1914 гг. Индиец прибыл в Японию в 1909 г., где занимался изданием журнала «Исламское братство» (イスラーム同胞, *Исураму до:хо:*). Журнал резко критиковал политику англичан в Индии и исламском мире, из-за чего британское правительство оказало давление на правительство Японии, и в 1912 г. журнал был закрыт.

В начале 1920-х гг. в Японию из России переселяется большое количество тюрко-татар, бежавших от Октябрьской революции, которые также способствовали распространению ислама. Именно их общество стоит за строительством Токийской Джамии в 1938 г. [Mahdi al-Samarrai 2003, p. 13]. Она в том же году опубликовала японскую версию Корана. В качестве переводчиков выступили Такахаси Горо: 高橋五郎 (1856–1935) и Арига Бумпатиро: 有賀文八郎 (1868–1946); Такахаси отвечал за перевод, а Арига за печать и публикацию [Morimoto 1980, p. 59]. Арига, как и Танака Иппэй 田中逸平 (1882–1934) заслуживают отдельного внимания как японские мусульмане межвоенного периода. Интерес они вызывают тем, что предполагали возможность синтеза ислама с синтоизмом. Танака родился в семье, следующей учению буддийской традиции Риндзай 臨済宗, также в детстве он близко познакомился с синтоистской сектой Мисоги-кё: 禊教. В начале XX в. он поехал в Китай в качестве военного переводчика, где познакомился с трудами ученого-мусульманина Лу Чжи 刘智 (1660–1739), под влиянием которых стал постигать ислам, но не в «чистой» его форме, а в соединении с конфуцианством (回儒, кит. *хуэй-жу*). Из-за привычности синто-буддийского синкретизма в Японии (神仏習合, яп. *симбуцу сюго:*) Танака Иппэй легко принял идею «исламского конфуцианства».

Подобный синтез он объяснял следующим образом: «Когда ислам стал распространяться в Китае, он соединился с конфуцианством. Китайцы признали, что нет никакой разницы между путем Мухаммада и путем Конфуция. Старая китайская вера приравнивается к старой арабской вере. Поэтому некоторые китайские интеллектуалы стали переходить в ислам». Танака принял ислам под именем Нур Мухаммад в 1923 г. в мечети города Цзинань после многих лет изучения ислама и общения с китайскими мусульманами. Как и Ямаока Мицутаро:, Танака совершил хадж, после чего в Японии был опубликован его путевой дневник, еще ближе познакомивший японцев с исламом [Hammond 2020, p. 86–87]. Нур Мухаммад стремился проповедовать в Японии и предполагал, что сможет убедить большое количество японцев принять ислам. Японская традиция *симбуцу-сюго:* и китайская *хуэй-жу* делали очевидным для новообращенного, что синтоизм/буддизм и ислам могут сосуществовать. В попытке это доказать Танака в 1933 г. основал «Общество пяти и одного» (五一会, *Го-итикай*). Пять в данном случае – это конфуцианство, буддизм, даосизм,

христианство и ислам; один – синтоизм. Целью общества была синкретизация пяти религий с синтоизмом. Танака считал, что основные идеи ислама совместимы с идеями японского народа, и планировал не просто синтез двух религий, а поглощение ислама синтоизмом. Само собой, подобные взгляды для ортодоксального ислама – ересь, и Танака это признавал, но также он признавал и то, что не может отказаться от религии своей страны. Его попытки не продлились долго: уже в 1934 г. во время очередного паломничества в Мекку он умер. Потеряв лидера, общество распалось, так и не успев ничего сделать. А идея Нур Мухаммада привнести ислам в японское общество так и осталась идеей [Misawa 2011, p. 129].

Арига Бумпатиро: стремился к той же цели, что и Танака, но шел к ней несколько иным путем. Изначально Арига был христианином, однако в 1892 г., находясь в Индии, встретил торговца-мусульманина Гейдар Али, от которого и узнал об исламе. Нельзя сказать, что эта встреча стала причиной принятия им ислама, так как Арига твердо заявил о своем обращении только в 1932 г. и о причинах не сообщал. Но в марте 1932 г. он посетил представителя татарской общины в Японии Мухаммада Курбангалиева, который познакомил его с главой мусульман Кобэ; у него Арига и принял ислам под именем Ахмад. В отличие от Нур Мухаммада, Ахмад критиковал «старые» религии: буддизм, синтоизм и христианство [Ibid., pp. 131–132]. Но, как и его коллега, он вел миссионерскую деятельность, а также участвовал в переводе Корана [Morimoto 1980, p. 23]. Арига не пытался объединить пять религий, его основной задачей было установить равенство между Аллахом и Амэ-но Минаканусu, таким образом, провозгласить японский ислам. Он видел схожесть в «силе боевого духа» мусульман и японцев и считал, что на основе этого японцы должны принять ислам. Однако его миссионерская деятельность закончилась в 1945 г. с поражением Японии. А его идеология японского ислама также не нашла себе места в умах и сердцах японцев [Misawa 2011, pp. 132, 135].

Во время Второй мировой войны в Японии происходит «исламский бум». В этот период японские солдаты получили возможность тесно познакомится с мусульманским населением, проживающим на обширных территориях Китая и Юго-Восточной Азии. Этот контакт привел к быстрому созданию в самой Японии исследовательских центров и организаций для изучения ислама и мусульманского мира.

[Morimoto 1980, p. 24] Японские войска получили четкое представление об этой религии и ее убеждениях, в результате чего многие японцы приняли ислам после окончания войны [Badawi 2001, p. 5].

К 1945 г. в Японии было издано более 100 книг и журналов об исламе. Существовала и Исламская ассоциация Великой Японии (大日本回教協会, *Дай ниппон кайкё: кё:кай*), во главе которой стоял генерал Хаяси Сэндзю:ро: 林銑十郎 (1876–1943), бывший в 1937 г. премьер-министром Японии. Стоит отметить, что ее целью не была популяризация ислама. У организации к исламу был исключительно практический и военный интерес. Как итог, после поражения Японии в 1945 г. лига перестала существовать. В 1953 г. была основана первая исламская организация, все члены которой были мусульманами: Ассоциация японских мусульман (日本ムスリム協会, *Нихон мусуриму кё:кай*). В число ее основателей вошли Умар Мита, Умар Ямаока и Мухаммад Мустафа Комура (1912–1998), основатель мечети в Осаке и *муфассир* (толкователь Корана).

Ассоциация сыграла большую роль в усилении исламского присутствия в Японии, распространении ислама и укреплении японо-исламских отношений. В 1961 г. Умар Мита и Мустафа Комура сформировали новую команду для перевода Священного Корана на японский язык, к ним также присоединился Абдурашид Аршад (1934–1964), пакистанский инженер, в 1959 г. приехавший в Японию по учебной программе и знавший Коран наизусть. Аршад погиб в автомобильной аварии между Меккой и Мединой, однако Умар Мита и Мустафа Комура пережили аварию и опубликовали новый перевод Священного Корана. В это же время в Японию приезжают студенты из мусульманских стран, преимущественно из Турции, Пакистана и Индонезии, и основывают Ассоциацию студентов-мусульман Японии [Mahdi al-Samarrai 2003, pp. 14–16]. В 1980-х гг. приезжает еще больше молодых людей, они устраивались на небольшие предприятия, которые испытывали нехватку рабочей силы. А в 1990 г. ряд мусульман смогли получить вид на жительство, а некоторые получили право законного проживания в Японии, женившись на японках [Kawakami 2007, p. 1]. В XXI в. мусульманская община в Японии в основном представлена потомками татар, турками, выходцами из Пакистана, Бангладеш, Ирана, а также потомками смешанных браков и, в меньшей мере, коренными японцами.

Ислам в Японии на современном этапе

Нельзя отрицать, что присутствие ислама в Японии весьма слабое даже в сравнении с сестрой-религией – христианством и абсолютно не сравнимо с давно укоренившимся буддизмом или национальным синтоизмом. Кроме того, не стоит забывать об общем уровне недоверия японского общества к этой религии. Чаще всего японцы не имеют среди своих друзей и знакомых мусульман и, соответственно, не имеют опыта общения с ними. Поэтому представления абсолютного большинства японцев о мусульманах преимущественно формируются под влиянием СМИ, где в качестве представителей ислама часто выступают члены террористических организаций. В 2006 г. профессор Миура Тору из университета Отяномидзу провел исследование среди японских школьников старших классов и студентов на тему восприятия ислама. У большинства сложилось негативное представление об исламе, как раз из-за определенного освещения религии в СМИ. Ему приписывают отсталость (53%), наличие излишне строгой доктрины (54%), нетерпимость (59%), странные обычаи (72%), отсутствие свобод (70%) и агрессивность (75%). При этом христианство и буддизм имеют куда более позитивный образ среди молодежи [Miura 2006, pp. 179–180]. С другой стороны, несмотря на настороженность по отношению к исламу, японцы напрямую не говорят о возможной неприязни, оставляя подобные негативные взгляды при себе (что, к слову, отличает Японию от некоторых европейских стран). В Стране восходящего солнца практически отсутствует угроза физического насилия по отношению к мусульманам. Если говорить о проблемах, с которыми сталкиваются представители ислама в Японии, то они связаны не с агрессией и возможностью насилия [Penn 2008, p. 96]. Как и в целом многие иностранцы, мусульмане в Японии, и приезжие, и местные сталкиваются с определенными трудностями.

Наиболее проблемной сферой для мусульман в японском обществе является трудовая деятельность. Некоторые работодатели, конечно, могут пойти навстречу своим сотрудникам-мусульманам и позволить им проводить пятиразовую молитву и пост, но большинство относятся к этим практикам негативно. Объясняют это тем, что время, которое сотрудник тратит на молитву, – это потеря рабочего времени. В отличие от западных стран, в Японии правовая система не позволяет отстаивать права в таких вопросах, как свобода веро-

исповедания, поэтому единственный способ для мусульман работать в японских компаниях – это отказаться от пятиразовой молитвы. Возможность ношения хиджаба является аналогичной проблемой для мусульманок. Стоит отметить, что не все мусульманки носят хиджаб и, вероятно, те, кто от этой практики отказывается, сталкиваются с меньшим количеством социальных преград. Однако женщины, которые следуют традиционным обычаям, скорее всего, столкнутся с косыми взглядами в общественных местах. Мусульманки-японки, в частности, могут столкнуться с критикой со стороны семьи и друзей. Для большинства японцев хиджаб символизирует притеснение женщин, и лишь немногие могут рассматривать его с иной точки зрения [Morimoto 1980, p. 105].

Распространенная исламская практика воздержания от алкоголя также может приводить к трудностям. В Японии алкоголь нередко является частью социального взаимодействия (и даже куда чаще, чем на Западе). Алкоголь позволяет коллегам расслабиться после тяжелого рабочего дня, а также высказаться о своих проблемах, что не удается сделать в рабочей обстановке. Во многих японских компаниях ожидается, что сотрудники будут посещать такие небольшие «корпоративы» для выстраивания межличностных связей. Мусульманин или просто непьющий человек, не принимающий участия в подобных мероприятиях, может столкнуться с проблемами в коллективе и отсутствием близости с товарищами, что может стать серьезным недостатком при работе [Penn 2008, p. 98; Song 2008].

Помимо рабочих моментов мусульмане могут встречаться с ограничениями, связанными с процессом захоронения умерших. 11 мая 2022 г. в газете «Асахи симбун» 朝日新聞 вышла статья, освещающая эту проблему. В Японии только семь кладбищ, где можно похоронить мусульманина согласно традиции: мусульманские кладбища Явара (префектура Ибараки), Яманаси (префектура Яманаси), Симидзу (префектура Сидзуока), Ёити (Хоккайдо), Тама (Токио), Хасимото (префектура Вакаяма) и кладбище для иностранцев Кобэ (префектура Хёго)[5]. Ассоциация мусульман города Бэппу префектуры Оита планировала открыть в нем кладбище, но встретила протест со стороны местных жителей. Проблема заключается в том, что в исламе не при-

[5] Muslim Cemetery in Japan; What Should We Do To Be Laid To Rest in Islamic Way in Japan? (2020). *Food Diversity*. Retrieved April 15, 2024 from: https://fooddiversity.today/en/article_73434.html

нимается кремация, в отличие от Японии, где она является частью похоронного ритуала, поэтому кладбищ, предоставляющих подобные услуги захоронения, абсолютное большинство. С другой стороны, в 2019 г. хозяин кладбища Хондзё по имени Хаякава Сосукэ предоставил землю своего кладбища для захоронения мусульман. В то время Хаякава испытывал финансовые трудности, и когда он получил предложение из Токийской джамии за финансовую поддержку хоронить мусульман, то согласился. По сей день Хаякава принимает просьбы о захоронении со всей Японии[6]. Для дальнейшего улучшения условий погребения мусульман на сайте для петиций и благотворительных компаний "Launch Good" хаджи Сугимото Кётиро: запустил компанию "Muslims in Japan need a Graveyard!" (Мусульмане Японии нуждаются в кладбище!). Эта компания будет идти год – с 2024 по 2025. Ее цель – сбор денег на приобретение земли для захоронения мусульман в городе Сакурагава в регионе Канто. Уже собрано больше 13 тыс. долларов, и сбор средств продолжается. Конечная сумма – 375 тыс. долларов[7]. Можно сказать, что хотя ситуация с похоронными услугами остается сложной, мусульмане Японии продолжают искать способы ее решения и привлекать к ней внимание СМИ[8].

Нельзя обойти стороной халяльную пищу. И сложнее всего закрыть потребность в ней детям мусульман. Посещение начальной и средней школы обязательно, и основной проблемой для родителей являются школьные обеды. В настоящее время школы, дошкольные учреждения и университеты прибегают к частичным изменениям меню и предлагают альтернативу для тех, кто страдает от аллергий или иных проблем со здоровьем, но куда реже – для удовлетворения религиозных потребностей [Sugibayashi, Sa-u 2017, pp. 96–97]. Число мусульман в Японии хоть и не большое, но все же ощутимое, поэтому правительство и местные организации стараются сделать халяльную пищу более доступной для тех, кто в ней нуждается. Согласно исследованию Бюро административной оценки Министерства внутренних дел

[6] Kuroda S. (2022) Muslims living in Japan face difficulties burying the dead. *The Asahi Shimbun*. Retrieved April 15, 2024 from: https://www.asahi.com/ajw/articles/14608984

[7] Muslims in Japan need a Graveyard! *Launch Good*. Retrieved April 15, 2024 from: https://www.launchgood.com/v4/campaign/build_muslim_graveyard_in_japan

[8] Hisanaga, J. (2020) Muslims struggle to bury their dead in Japan, a nation of cremation. *Nikkei Asia*. Retrieved May 1, 2024 from: https://asia.nikkei.com/Spotlight/Japan-immigration/Muslims-struggle-to-bury-their-dead-in-Japan-a-nation-of-cremation ; Kuroda, S. (2022) Muslims living in Japan…

и коммуникаций, проведенному в 2017 г., из 20 городов региона Тюбу со значительным индонезийским и пакистанским населением советы по образованию в 14 городах разрешили ученикам начальной и средней школы приносить собственные обеды по религиозным соображениям. А в детском саду города Минато-Ниси, 16% населения которого составляют мусульмане, для таких детей вместо мяса используется рыба. Обеды также готовятся в отдельных кастрюлях[9]. Существуют и отдельные школы для иностранцев и мусульман, в которых можно получить халяльную пищу[10]. На сегодняшний день некоторые японские университеты также предлагают халяльное меню. Один из них – это университет Нагоя. В его столовых можно обнаружить меню для студентов-мусульман. Более того, около кампуса располагается специализированный магазин, где можно приобрести необходимые продукты[11]. На сайте университета Тохоку есть информация о кампусах, где также можно поесть халяльную пищу, университет предоставляет информацию о местах в Сэндай, где подают халяль[12].

Еще два примера – это университеты Хиросима и Токио. На сайте университета Хиросима сообщается, что у них имеется в общей сложности десять кафетериев и кафе. И в двух из них готовят халяльную пищу. Администрация отмечает, что используется сертифицированная халяльная курица, а все кухонные принадлежности и оборудование отделены от общих[13]. Наконец, в международном университете Токио за 400 йен можно получить полноценный халяльный обед с курицей или рыбой[14]. Для местных и приезжих мусульман также создаются комфортные условия. К примеру сайт “Food Diversity” предлагает руководство, в котором объясняется как отличить халяльную продукцию от харама, кроме того, в статье дается информация о магазинах,

[9] Japan Schools Urged to Offer Halal Dietary Options (2019). About Islam. Retrieved May 1, 2024 from: https://aboutislam.net/muslim-issues/world/japan-schools-urged-offer-halal-dietary-options/

[10] Muslim-Friendly & Foreigner-Friendly Schools in Japan (2021). Food Diversity Retrieved May 1, 2024 from: https://fooddiversity.today/en/article_80084.html

[11] Zahira F. Food Diaries: Finding Halal Food at Nagoya University. *Nagoya University G30*. Retrieved May 4, 2024 from: https://admissions.g30.nagoya-u.ac.jp/admission_tips/food-diaries-finding-halal-food-at-nagoya-university/

[12] https://sup.bureau.tohoku.ac.jp/en/life-e/halal-e/

[13] Halal Food. Hiroshima University. Retrieved May 7, 2024 from: https://www.hiroshima-u.ac.jp/en/explore_hu/life/cafeterias/harar

[14] Halal Cafeteria at Tokyo International University (2022). *Halal Food in Japan*. Retrieved May 7, 2024 from: https://www.halalfoodinjapan.com/post/168/

продающих разрешенную продукцию[15]. Другой сайт, "Japan Muslim Guide", дает целый список «зеленых» ресторанов. Сайт предоставляет информацию о том, есть ли в меню алкоголь и свинина, используются ли халяльные приборы, имеет ли ресторан молитвенную комнату и прочие полезные сведения, вроде наличия сертификата на пищу[16]. Сертификацией халяльной пищи в Японии занимается НКО Japan Halal Association. Эта организация совместно с Halal Food in Japan предоставляет информацию о ресторанах и магазинах, где можно купить халяль. Организация определяет, есть ли в продукции харам, а также проверяет процесс и способ приготовления и упаковку[17]. С 2022 г. сертификат Japan Halal Association признается в качестве действительного в таких странах, как Малайзия, Индонезия, Сингапур, страны Персидского залива, Таиланд и Тайвань.

На территории Японии действуют и другие некоммерческие организации, нацеленные на помощь мусульманам и поддержку их социальной жизни. Japan Islamic Trust (JIT) – крупнейшая НКО в Японии, имеющая отношение к исламу[18], – предоставляет социальные и образовательные услуги, например, организацию церемонии свидетельства веры (*шахада*). Будущий мусульманин произносит шахаду перед лицом двух мусульман, по итогу выдается сертификат. Также НКО организовывает церемонию бракосочетания (*никах*) и похоронную церемонию (*джаназа*). Место для захоронения выделяется на мусульманском кладбище Явара. Образовательная деятельность состоит в обучении арабскому языку, занятиях по чтению Корана для детей и взрослых. Также организация держит под своим крылом международную исламскую школу, чья основная задача – предоставление образования для детей мусульман в Японии. Japan Dahwa Foundation (JDF), расположенный в Сидзуоке, также предоставляет духовно-образовательные услуги[19]. Как и у JIT, у организации есть программы для обучения маленьких мусульман

[15] Complete Guide to Identify Halal Products in Japan (With Free Download Guidance Sheet and Mobile App) (2022). *Food Diversity.* Retrieved May 10, 2024 URL: https://fooddiversity.today/en/article_45262.html

[16] Restaurants. Muslim-friendly restaurants in Japan. *Japan Muslim Guide*. Retrieved May 10, 2024: https://muslim-guide.jp/restaurant/

[17] About Halal Certification. *NPO Japan Halal Association* Retrieved May 12, 2024: https://jhalal.com/en/halal-cert-en/about-halal-cert-en

[18] Japan Islamic Trust Retrieved May 10, 2024: https://www.islam.or.jp/en/

[19] Japan Dahwa Foundation. Retrieved May 12, 2024: https://muslimjapan.com/home/

с целью познакомить их с традициями и обычаями ислама, а также научить жизни в другой культуре.

На сайте JDF можно найти хадисы, перевод Корана на японский и руководство по разным исламским ритуалам, вроде очищения (*махарат*) или поста, а также по разным аспектам жизни правоверного мусульманина. Последние две организации – это Japan Muslim Education Trust и Japan Muslim Association. Они выделяются тем, что являются одними из старейших мусульманских организаций на территории Японии. Japan Muslim Education Trust была основана в 1993 г. «с целью расширить понимание ислама в обществе, развеять популярные мифы и стереотипы, а также удовлетворить образовательные, социальные и духовные потребности мусульманского сообщества»[20]. Japan Muslim Education Trust проводят лекции об исламе как для верующих, так и для не-мусульман, работает с новостными организациями с целью остановить распространение исламофобии, а также налаживает взаимоотношения с представителями христианства и иудаизма. Организация предоставляет желающим места для занятий спортом, научными исследованиями и искусством. На территории центра есть музей, комнаты для молитв, магазин и кухня, готовящая халяльную еду.

В 1963 г. Japan Muslim Association приобрела землю буддийского храма Мондзюин, а в 1969 г. с разрешения префектуры Яманаси основала первое в Японии мусульманское кладбище. В 2000 г. в связи с увеличением числа мусульман в стране участки для захоронений были расширены. Организация и по сей день помогает мусульманам совершать захоронения. Из образовательных мероприятий есть уроки арабской каллиграфии, арабского и японского языков, а также курс кулинарии. На сайтах всех НКО можно внести *закят* (денежное пожертвование, один из «столпов ислама»).

Паломничество в Мекку, хадж, входит в число пяти «столпов» наравне с закятом, шахадой, намазом и постом. Как было сказано выше, первым хаджи из Японии был Умар Ямаока Мицутаро:, а Танака Иппэй совершил хадж целых два раза. Само собой, путешествие было крайне тяжелым. Паломники страдали от долгого морского путешествия, плохих санитарных условий, жары и незнакомого климата. Большинство из них заболевали или становились жертвами

[20] Muslim Educational Trust. Retrieved May 12, 2024: https://www.metpdx.org/

несчастных случаев в пути или уже в Мекке [Nakamura 1986, pp. 48–50]. Современные японские мусульмане совершают хадж, однако стоит отметить, что процесс стал куда проще и для них есть определенные послабления. В отличие от мусульманских стран, где каждый год выделяется ограниченное количество мест для участия в хадже, а период ожидания может составлять от нескольких лет до десятилетий, японские мусульмане могут совершить хадж без длительного периода ожидания из-за малочисленности.

В Японии есть туристические агентства, которые предлагают турпакеты на хадж для жителей-мусульман. Яркий пример – компания HIS и ее турпакет на 2023 г. Перелет осуществляла компания Qatar Airways. Пакет включает билет, место проживания в Мекке и Медине, транспорт для передвижения по Саудовской Аравии, питание, осмотр достопримечательностей, *ихрам* (одеяние паломника) и, наконец, обучение *манасик* (ритуалы необходимые для соблюдения в период паломничества). Также есть расписание, информация об отелях, питание и список необходимых документов для визы. Помимо поездки с помощью турпакета у мусульман Японии есть вариант «спонсируемого хаджа». Такой хадж организуется правительством Саудовской Аравии, мусульманскими организациями и посольствами[21]. Помимо хаджа мусульмане совершаю *умру*, «малое паломничество» в Мекку, но с определенными отличиями (например, хадж можно совершить в только конкретное время года, умру же в любое; умра не является обязанностью, в отличие от хаджа). В марте 2024 г. компания HIS предлагала турпакеты для совершения *умры* с 10 по 21 число, то есть в месяц Рамадан. Цена включала в себя авиабилет, топливный сбор, проживание три ночи в Медине и шесть ночей в Мекке, транспорт внутри Саудовской Аравии, *сухур* (утренний прием пищи в период Рамадана) и сопровождение опытным *мутавифом* (оказывающим поддержку и заботящимся о паломниках)[22].

Напоследок стоит обратить внимание на еще один важный аспект: мечети. В газете «Асахи симбун» были опубликованы результаты исследования профессора социологии Танада Хирофуми из университета Васэда. Исследование показало, что к марту 2021 г.

[21] A Journey of Faith: Participating in Hajj from Japan and What You Need to Know. (2023) Food Diversity. Retrieved May 4, 2024 from: https://fooddiversity.today/en/article_142031.html

[22] Ramadan Umrah 2024. no-1 travel Retrieved May 7, 2024 from: https://www.no1-travel.com/pdf_tour/March-Ramadan_2024.pdf

в Японии насчитывалось 113 мечетей, в то время как в 1999 г. их было всего 15[23]. Назову некоторые из известных. Мечеть Кобэ, считающаяся старейшей из существующих по сей день мечетей Японии, была построена в 1935 г., пережила и Великое землетрясение, и Вторую мировую войну. Ранее упомянутая Токийская джамия – самая известная и самая большая мечеть, она же турецкий культурный центр. Мечеть Оцука была открыта в 1999 г. и принадлежит НКО Japan Islamic Trust. Мечеть Осака примечательна тем, что располагается подле Осакского университета и является центром религиозной жизни его учащихся-мусульман. Большая мечеть Ёкогама является центром местного мусульманского сообщества. Остальные мечети располагаются практически по всей территории Японии[24]. Информацию о мечетях можно получить на двух сайтах: "Japan Masjid Finder"[25] и "Islamic website in Japan"[26]. Несмотря на то что количество мечетей на территории Японии сильно возросло, нельзя не обратить внимание на определенные проблемы, которые сопровождали процесс их постройки. В исследовании «Islam and Muslims in "non-religious" Japan…» автор приводит примеры нескольких подобных случаев. В 2006 г. в г. Фукуока, в 2011 г. в г. Канадзава и в 2013 г. в г. Сидзуока были случаи протестов местных жителей. Причины в этих трех случаях были одни и те же.

Первая причина – религиозная, выражалась в предубеждении против мусульман. У людей были четкие ассоциации с терроризмом, и в последователях ислама видели потенциальный источник общественных проблем. Вторая причина – социальная. Люди беспокоились о таких вещах, как шум и несоблюдение общественных правил. Мусульманские сообщества в целях улучшения отношений с жителями вели переговоры с японскими мусульманами в качестве посредников, а также проводили просветительские лекции, освещая культурные аспекты ислама. Подобные лекции проводятся до сих пор, и мечети часто выполняют роль площадок для культурного обмена

[23] Japan home to a growing Muslim presence as it embraces change (2023). *The Asahi Shimbun*. Retrieved May 7, 2024 from: https://www.asahi.com/ajw/articles/14903765

[24] Map of the mosques in Japan, 2019. *Research Gate*. Retrieved May 12, 2024 https://www.researchgate.net/figure/Map-of-the-mosques-in-Japan-2019_fig6_344161635

[25] Japan Masjid Finder. Retrieved May 12, 2024 https://www.masjid-finder.jp/

[26] Masjids in Japan. Islamic website in Japan Retrieved May 12, 2024 http://islamjp.com/benri/indexen.htm

[Yamashita 2022, pp. 11–12]. Кроме того, мечети оказывают гуманитарную помощь. Например, в период пандемии COVID-19 мечеть Кобэ консультировала верующих, которые потеряли работу или не смогли вернуться на родину из-за распространения коронавируса. Мечеть Нагоя переводила информацию от местных властей для верующих с ограниченным знанием японского языка и консультировала по вопросам повседневной жизни. Во время Рамадана мечеть Кумамото снабжала верующих едой. Некоторые иностранные студенты-мусульмане беспокоились о своем финансовом положении, поскольку из-за пандемии COVID-19 им пришлось сократить рабочий день. Мечеть предоставила им бесплатные ланч-боксы. Аналогичным образом мечеть Сидзуока установила перед зданием ящик с едой, чтобы обеспечить тех, кто испытывает трудности. Помощь оказывалась также японцам и иностранцам не-мусульманам: предоставлялись маски, перчатки, дезинфицирующие средства и консультации, как и в случае с верующими [Kotani, Tamura, Nejima 2022, pp. 5–6]. Помогали мечети и в периоды природных катаклизмов. В 2023 г. было проведено исследование помощи мечетей Сэндай, Иваки и Кумамото пострадавшим при Великом землетрясении в восточной Японии 2011 г. и землетрясении в Кумамото 2016 г. В роли убежищ выступили все три мечети, также они занимались поставками гуманитарной помощи, которую предоставляли в том числе и мусульманские НКО. Также имелся опыт обмена волонтерами, мусульмане помогали в эвакуационных пунктах, а волонтеры-японцы в мечетях. Однако ни одна из вышеназванных мечетей не участвовала в поисковых операциях, и только мечеть Кумамото предоставляла психологическую помощь и информацию по действиям в случае возможных стихийных бедствий [Kotani, Okai, Tamura 2023, pp. 4–6]. Отсутствие аналогичных действий со стороны других мечетей можно объяснить тем, что администрация слишком занята повседневной деятельностью и насущными проблемами мусульманской общины. Другая возможная причина заключается в том, что у мечетей нет постоянных работников, которые могли бы проводить подготовку к бедствиям. Однако несмотря на отсутствие долгосрочной помощи после землетрясений мечети оказывали серьезную поддержку не только верующим, но и местным жителям.

Заключение

Начиная с XIX в. ислам постепенно проникает в японское общество. Первые мусульмане-японцы занимаются переводом Корана, предпринимают попытки хаджа, а также играют важную роль во взаимоотношениях между двумя империями – Японской и Османской. В то же время они стараются познакомить как можно больше людей с этой «религией пустыни», в том числе и через призму знакомого японцам синкретизма. Однако тогда для жителей Японии ислам был максимально далекой и неизвестной концепцией, что не позволило первым проповедникам в должной мере донести до своего народа идеи чужестранной религии. В период Второй мировой многие японцы попадают за рубеж, где самостоятельно знакомятся с мусульманами и по возвращении домой несут ислам в общество, выпускается огромное количество публикаций про ислам, а также появляются первые некоммерческие организации, в дальнейшем сыгравшие большую роль в распространении этой религии и в разрушении мифов о ней.

В современной Японии мусульмане из-за негативной репрезентации в медиа или бытового непонимания могут быть подвержены дискриминации, порой даже непредумышленной. Дискриминация в основном связана с религиозными аспектами жизни правоверного мусульманина, вроде пятиразовой молитвы, ношения хиджаба и употребления алкоголя. Есть и проблемы с захоронениями, а также частично с постройкой мечетей. Однако мусульмане продолжают находить способы преодолевать имеющиеся трудности. Правоверными собираются деньги на открытие новых кладбищ, находятся хозяева кладбищ, которые готовы предоставить места для мусульман. Вопросы с мечетями решаются через диалог, в дальнейшем построенные мечети становятся культурными и образовательными центрами и даже функционируют как убежища в периоды катаклизмов.

На территории Японии продолжают функционировать НКО, оказывающие сильное влияния на мусульманские общины внутри страны и предоставляющие различные услуги – от изучения арабского до кулинарных классов и культурно-оздоровительных мероприятий. Открываются халяльные магазины, с помощью специальных сайтов можно понять, какой ресторан готовит такую еду, а некоторые японские школы и университеты предоставляют ее своим ученикам

и студентам. Японцы-мусульмане имеют возможность совершить хадж с упрощенными условиями, а туристическая компания HIS предоставляет пакет услуг для желающих совершить хадж или умру. Несмотря на то что жизнь мусульманина в Японии по-прежнему сопровождается бытовыми трудностями, нельзя отрицать, что местные организации, а также правительство стараются по мере возможности улучшать ее. В свою очередь, мусульмане не остаются в долгу и продолжают участвовать в жизни японского общества и продвигать идеи ислама в рамках культурного обмена.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2006). Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис.

References

Badawi, H. (2001). The Early Islamic-Japanese Relations. *Foreign Policy and Security Research Center (FPRC Journal)*, 4, 1–11.

Edstrom, B. (2016). *The Japanese and Europe Images and Perceptions*. Tokyo: Routledge.

Hammond, K. A. (2020). *China's Muslims and Japan's Empire: Centering Islam in World War II.* Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Kawakami, Y. (2007). Local Mosques and the Lives of Muslims in Japan. *The Asia-Pacific Journal*, 5(5), 1–7.

Komura, A. (2015). *Nihon to Isurāmu ga deau toki: sono rekishi to kanōsei* [When Japan and Islam Meet – History and Potential]. Tokyo: Gendai Shokan. (In Japanese).

Kotani, H., Okai, H., Tamura, M. (2023). Activities and Roles of Mosques in Japan After the Recent Major Earthquakes: A Comprehensive Study. *Progress in Disaster Science*, 20, 1–9.

Kotani, H., Tamura, M., Nejima, S. (2022). Mosques in Japan Responding to COVID-19 Pandemic: Infection Prevention and Support Provision. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 63, 1–13.

Meshcheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Misawa, N. (2011). Shintoism and Islam in Interwar Japan: How Did the Japanese Come to Believe in Islam. *Orient*, 46 (7), 119–139.

Miura, T. (2006). Perceptions of Islam and Muslims in Japanese High Schools. *Annals of Japan Association for Middle East Studies*, 21(2), 173–191.

Morimoto, A. (1980). *Islam in Japan: Its Past, Present and Future.* Tokyo: Islamic Center Japan.

Nakamura, K. (1986). Early Japanese Pilgrims to Mecca. *Orient*, 22, 47–57.

Penn, M. (2008). Public Faces and Private Spaces: Islam in the Japanese Context. *Asia Policy*, 5, 89–104.

Salih Mahdi al-Samarrai. (1999). *The Message of Islam in Japan – Its History & development.* Tokyo: Islamic Center Japan.

Salih Mahdi al-Samarrai. (2003). *Islam in Japan History, Spread and Institutions in the Country.* Tokyo: Islamic Center Japan.

Sugibayashi, T., Sa-u, Samsoo. (2017). Living in Japan as a Muslim: Current Situations and Problems. *Journal of Islamic Studies, Prince of Songkla University*, 8 (2), 93–102.

Yamashita, Y. (2022). Islam and Muslims in "Non-Religious" Japan: Caught in Between Prejudice Against Islam and Performative Tolerance. *International Journal of Asian Studies*, 19, 1–17.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 265–281
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 265–281
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-265-281

Образ США в произведениях Фукудзава Юкити

А. Б. Шарова

Аннотация

В эпоху Эдо японцам доводилось видеть изображения «других» народов в голландских книгах и картах, что невольно рождало мысль не только о множественности и разнообразии людей в мире, об уровне их цивилизации и просвещения, но главное – о том месте, которое японцы сами занимали в этой системе. На ширмах и картах японцы видели порой и изображения коренных американцев.

Не желая становиться колонией по примеру ряда азиатских стран, с конца эпохи Токугава (1603–1868) Япония стала организовывать заграничные миссии и отправлять на обучение в другие страны подающих надежды молодых японцев. Главной целью виделось перенимание опыта и достижений «просвещенного Запада» и превращение Японии в передовую страну, которая способна была бы занять свое место среди ведущих держав того времени.

Первая официальная миссия в Америку была отправлена японцами в 1860 г. В состав этой миссии вошел в будущем величайший японский просветитель эпохи Мэйдзи (1868–1912) Фукудзава Юкити (1835–1901). Позднее он побывал в Америке еще раз в 1867 г. Свои воспоминая об этих поездках он описал в автобиографии, которую надиктовал на склоне лет. Поездки послужили большим подспорьем для написания им глав, посвященных США, в географических сочинениях «Описание стран мира» (*Сэкай куни дзукуси*, 1869 г.) и «Положении дел на Западе» (*Сэйё: дзидзё:*, 1866–1869 гг.). В описании Фукудзава США предстает прогрессивной и динамично развивающейся страной, на которую Японии стоило бы равняться.

Ключевые слова: Фукудзава Юкити, США, автобиография, «Описание стран мира», «Положение дел на Западе», эпоха Мэйдзи.

Автор:

Шарова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Image of the USA in the Works by Fukuzawa Yukichi

A. B. Sharova

Abstract

During the Edo period, the Japanese saw images of "other" peoples in Dutch books and maps. The opportunity to see images of "Others" involuntarily gave rise to the idea not only of the plurality and diversity of people in the world, of the level of their civilization and enlightenment, but, most importantly, of the place that the Japanese themselves occupied in this system. The Japanese also saw images of Native Americans on screens and maps.

Not wanting to become a colony like other Asian countries, from the end of the Tokugawa era (1603–1868), Japan began organizing overseas missions and sending promising young Japanese to study in other countries. The main goal was to adopt the experience and achievements of the "enlightened West" and transform Japan into an advanced country that would be able to take its place among the leading powers of the time.

The first official mission to America was sent by the Japanese in 1860. This mission included the future greatest Japanese educator of the Meiji era (1868–1912), Fukuzawa Yukichi (1835–1901). Later, he visited America again, in 1867. He described his memories of these trips in his autobiography, which he dictated in his declining years. These trips served as great assistance for him to write chapters on the United States in the geographical works *Description of the Countries of the World* (*Sekai kuni zukushi*, 1869) and *The State of Affairs in the West* (*Seiyō jijō*, 1866–1869). In Fukuzawa's description, the United States appears as a progressive and dynamically developing country that Japan should emulate.

Keywords: Fukuzawa Yukichi, USA, autobiography, *Description of the Countries of the World*, *State of Affairs in the West*, Meiji era.

Author: *Sharova Anna Borisovna*, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 103031, Moscow, Rozhdestvenka St., 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interest.

Первое наиболее ощутимое знакомство японцев с американцами произошло в связи с прибытием эскадры коммодора Перри (1794–1858) в 1853 г. Однако еще раньше самые общие представления об этом народе японцы получили из голландских книг и карт. Голландские купцы привозили карты, на которых изображались «люди других национальностей», и в том числе североамериканские индейцы. Эти изображения в XVII в. копировались японскими художниками и помещались, в частности, на ширмы, которые создавались для богатых воинских домов [Fabricand-Person 2011, p. 83–84].

Одна из таких дошедших до наших дней ширм хранится в коллекции японского императорского дома. На ширме помещена карта мира, а по обеим ее сторонам даны изображения двадцать одной пары людей разных рас и национальностей. В данном случае имеет место противопоставление цивилизованного и нецивилизованного мира: с одной стороны представлены пары с белым цветом кожи в богатых одеждах, а с другой пары с темным цветом кожи, в основном – одетые лишь частично, многие с почти первобытными орудиями в руках. Можно предположить, что тема «цивилизованного и просвещенного общества» в западном понимании этих слов, которая получила свое развитие в конце эпохи Токугава и в период Мэйдзи, зарождалась задолго до этого.

Непосредственно столкнувшись с западной цивилизацией в лице США и европейских стран, японцы стали чувствовать различия между собой и «Другими» еще острее. Ощущение явной отдален-

ности от «просвещенного Запада» и нежелание быть причисленными к отсталой Азии рождали в японцах стремление найти свое место в ряду «передовых и цивилизованных» стран.

Описание США в автобиографии Фукудзава Юкити

Одним из способов перенять достижения Запада стала отправка японских миссий в США и Европу в середине XIX в. В состав первой официальной миссии в Америку (1860 г.) вошел совсем еще юный Фукудзава Юкити 福澤諭吉 (1835–1901). На склоне лет он красочно опишет, а точнее, надиктует своим ученикам, воспоминания об этой поездке, которые станут несколькими главами его автобиографии.

На протяжении долгого времени жанр автобиографии в Японии не существовал. Это можно объяснить тем, что в традиционной системе ценностей японского общества индивид осознанно приносил себя в жертву коллективу, ставя интересы и желания группы или более могущественного человека выше своих. В этой связи в Японии процветал жанр биографии, рассказа сторонних наблюдателей о человеке, но никак не автобиографии – повествования человека о самом себе [Мещеряков 2014].

Однако в конце эпохи Токугава – начале периода Мэйдзи под влиянием Запада с его теориями прогресса и естественного отбора, идеей гуманизации, ставящей человека в центр мироздания, началось переосмысление концепта личности. По мнению ряда японских интеллектуалов того времени, Японии требовалось модернизироваться по западному образцу. В свою очередь, модернизация требовала активности, энтузиазма со стороны людей, ее творящих, ставила на первое место индивидуализм, а не коллективизм. Другими словами, фокус теперь делался не на обществе в целом, а на конкретном человеке, на его внимании к самому себе [Мещеряков 2014]. Недаром одной из «Трех главных книг эпохи Мэйдзи» (明治の三書, *Мэйдзи но сансё*) наряду с энциклопедией Утида Масао 内田正雄 (1839–1876) «Краткое описание мира» (輿地誌略, *Ёти сиряку*, 1870-е гг.) и трактатом Фукудзава Юкити «Призыв к ученью» (学問のすゝめ, *Гакумон но сусумэ*, 1872 г.) принято было считать сочинение Накамура Масанао 中村正直 (1832–1891)

«Европейское руководство, как самому достичь успеха» (西国立志編, *Сайкоку риссихэн*, 1871) [Masuno 2006, p. 50].

Именно в период Мэйдзи в Японии начинает развиваться и жанр автобиографии. Одной из первых японских автобиографий принято считать сочинение Фукудзава Юкити, которое до сих пор, несмотря на обилие оставленного им литературного наследия, является самым популярным произведением автора [Мещеряков 2014]. Между путешествием Фукудзава в США и выходом в свет его автобиографии прошло почти сорок лет. За это время что-то самим автором было, возможно, переосмыслено, но безусловно чувствуется, что он очень тщательно отбирал факты, которые хотел сообщить читателям. Он стремится показать себя человеком совершенно нового типа: деловым, активным, хватким, смекалистым, а иногда даже хитрым. И если хитрость, по его мнению, была самым верным способом достичь успеха, то он не пренебрегал ей, о чем он не без гордости говорит на страницах автобиографии.

В описании поездки в США чувствуется, что Фукудзава испытывал сильное воодушевление, предвкушая встречу с этой страной, желая своими глазами увидеть державу, под влиянием которой Японии пришлось выйти из самоизоляции. Он называет это путешествие в Америку «эпохальным приключением для всей нации», настоящим поводом для гордости. Во-первых, это была первая для японцев официальная заграничная миссия спустя двести с лишним лет закрытости страны в эпоху Токугава. Кроме того, это было первое тихоокеанское плавание, осуществленное полностью японской командой: «…мы увидели первый пароход только лишь в шестом году Канъэй (1853 г.); лишь на втором году Ансэй (1855 г.) мы начали изучать навигацию под руководством голландцев в Нагасаки; а к 1860 г. технология была в достаточной мере нами понята, что позволило нам совершить плавание через Тихий океан» [Fukuzawa 1934, p. 118].

Фукудзава отмечает, что всей команде оказали очень радушный прием: «…как будто учитель принимает своих старых учеников спустя несколько лет после их выпуска; коммодор Перри повлиял на открытие нашей страны, а спустя восемь лет мы посетили Америку» [Ibid., p. 120]. Описывая гостеприимство «учителя», Фукудзава вспоминает, что для гостей каждый день привозили свежую рыбу, а также организовывали ванну [Ibid., p. 120–121]. Несмотря на это Фукудзава признается, что ощущал себя словно молодая жена, только

что переехавшая в дом мужа: все рады ее появлению, все с ней приветливы, а она должна сидеть и выглядеть милой, но «ее старания приводят к тому, что она совершает одну ошибку за другой и каждый раз краснеет» [Ibid., p. 122]. Фукудзава отмечает, что сперва был «беззаботным студентом, который мог взглянуть в лицо миру», «независимой душой, которая не боялась ничего», однако, приехав в Америку, он «неожиданно превратился в стеснительную, застенчивую, краснеющую “новобрачную”» [Ibid.].

За время пребывания в США делегацию сводили на сахарный завод и в обсерваторию, показали, как работает телеграф, познакомили с процессом электрогальванизации. Во второй приезд в Америку (1867 г.) им показали сталелитейный завод. Однако Фукудзава признается, что в области технических достижений не увидел ничего нового для себя. По-видимому, не все члены миссии могли похвастаться подобным заявлением. Так, многих удивил поезд и его скорость, и при этом удивительное чувство комфорта в салоне и возможность писать. Как замечает А. Н. Мещеряков, «это для японца – главный признак спокойствия и комфорта» [Мещеряков 2006, с. 92]. Членов миссии поражали разные аспекты повседневной жизни американцев. Поначалу их удивляли даже кареты и цоканье лошадиных подков – в Японии было принято обвязать копыта лошадей соломой [Там же, с. 90]. Интерьеры, в том числе обилие ковров, по которым даже прислуга ходила в обуви, также приводили японцев в недоумение. Поражало и множество огромных зеркал – японцы привыкли к зеркалам гораздо меньшего размера.

Однако самое большое впечатление на членов миссии произвели нравы и обычаи американцев. Например, они очень неоднозначно отнеслись к балу. Фукудзава в автобиографии признается, что еле сдержал смех при виде танцующих пар. Ему казалось, что «леди и джентльмены прыгали вместе по комнате» [Fukuzawa 1934, p. 122–123]. Другой член миссии сравнивал танцующих с «бабочками, которые обезумели при виде цветов» [Мещеряков 2006, с. 88]. В свою очередь, заместитель посла Мурагаки Норимаса 村垣範正 (1813–1880) высказался на этот счет куда более резко: «Мужчины и женщины двигались парами по комнате кругом, ступая на цыпочках и сообразуясь с музыкой. Они были похожи на мышек, которые не в состоянии остановиться. В этом не было ни вкуса, ни очарования. Было смешно видеть, как огромные юбки женщин надувались при поворотах, как

если бы это были воздушные шары… Не подлежит сомнению, что эта нация не знает, что такое порядок и ритуал…» [Там же].

Удивило японцев и то, как построены в обществе отношения между мужчинами и женщинами. Женщины вели себя намного более раскованно, чем в Японии: дамам целовали руки и уступали место, они появлялись на приемах, танцевали и свободно беседовали с гостями [Там же, с. 90]. В один из дней члены миссии были приглашены в гости. Фукудзава тогда очень удивился, что гостей развлекала разговорами хозяйка дома. Хозяин же, напротив, перемещался между комнатами и раздавал указания – все это японцам казалось очень необычным [Fukuzawa 1934, p. 123]. Сам Фукудзава не высказывает какой-то радикальной оценки, просто подчеркивает различия японского и американского обществ. И что еще важнее – он признает недостаточность знаний друг о друге. Однако, вероятно, многие из членов миссии считали, что подобные нравы могут быть распространены «только в стране варваров, где социальные роли распределены совершенно неподобающим образом» [Мещеряков 2006, с. 90].

Что же, по признанию Фукудзава, больше всего поразило в Америке его самого? Во-первых, его удивило отсутствие рачительности американцев. Он вспоминал, что повсюду ему попадалось огромное количество выброшенного железа – свалки, в том числе на побережье, какие-то банки, поломанные детали – в то время как в Эдо после пожаров люди искали среди обугленной древесины гвозди, таким ценным металл был для японцев [Fukuzawa 1934, p. 124]. Во-вторых, Фукудзава удивило отношение американцев к великим историческим фигурам. Фукудзава был воспитан в японской традиции почитания старших, учителя, правителей. Он предполагал, что и в США принято относиться с большим пиететом к отцам-основателям американской государственности. Фукудзава попытался найти потомков Джорджа Вашингтона (1732–1799), чтобы лично выразить им свое почтение. Каково же было его изумление, когда один американец буднично ответил ему, что прямым потомком Вашингтона, кажется, является женщина, что ее место жительства ему неизвестно, кажется, она вышла замуж [Ibid., p. 125].

Японскую делегацию также удивил прием у президента страны. Японцы явились на встречу в парадных шелковых одеждах – а президент США встретил их в повседневном костюме, точно таком же, как и у его подчиненных. Поразил японцев и сам Белый дом, украшенный

бюстами предыдущих президентов, которые, несомненно, ассоциировались у японцев с «выставляемыми на всеобщее обозрение головами казненных преступников» [Мещеряков 2006, с. 91].

Однако в целом, несмотря на различия в менталитете между японцами и американцами, Фукудзава был явно довольно высокого мнения о последних. Во время второй своей поездки в США он так описывает процесс переговоров с американским министром: «Слово из уст министра – представителя цивилизованной нации – должно быть так же надежно, как и официальное соглашение. Бумаги были просто меморандумом, которому мы не должны предавать особого значения» [Fukuzawa 1934, p. 178].

Тем не менее, по мнению Фукудзава, обычные американцы не лишены простоты и даже некоторой наивности. Он описывает случай, приключившийся в его первую поездку в США. Американский капитан Мак Дугал, коллекционировавший монеты, попросил капитана Кимура показать ему японские деньги. В ответ тот отправил золотые и серебряные монеты, однако никакой дальнейшей реакции от американцев не последовало. На следующий день супруга американского капитана в знак благодарности за подарок любезно преподнесла Кимура букет цветов, однако деньги назад не вернула. Как иронично заключает Фукудзава: «Я бы хотел, чтобы все были как эта американская леди, которая благодарит за подарок из золота и серебра просто букетом цветов» [Ibid, p. 126].

Сам Фукудзава очень щепетильно относился к деньгам. Несмотря на то что он был сыном самурая, а значит, должен был чураться денег и всевозможных расчетов, он еще в детстве заявил старшему брату, что мечтал бы стать самым богатым человеком Японии [Мещеряков 2014]. Описывая путешествие в США, он рассказывает о члене делегации, самурае, проявившем невежество в финансовых вопросах при обмене командировочных денег на доллары [Там же]. Более того, считается, что именно Фукудзава ввел в японский оборот выражение Бенджамина Франклина (1706–1790) «Время – деньги» [Там же].

После второй поездки в Штаты Фукудзава больше никогда не выезжал за пределы Японии. Другими словами, его представление о США на всю оставшуюся жизнь сформировалось на основе книг и увиденного им самим в этих поездках.

Отражение расовой теории в сочинениях Фукудзава Юкити

Фукудзава был сторонником идеи стадиального развития стран мира. Он считал, что все страны можно разделить на четыре категории: развитые, частично развитые, частично дикие и дикие. США, Англию, Францию, Германию, Голландию и другие западные страны Фукудзава определял как «развитые». Китай и, вероятно, Японию он помещает в группу «частично развитых» стран, считая, что их цель – достичь уровня цивилизации, сравнимого со странами Запада. В автобиографии он говорит, что за годы преобразований Японии практически удалось достичь этой цели, а в некоторых случаях – даже обогнать страны, которые ранее были ее партнерами [Baibikov 2020, p. 6]. Можно предположить, что в данном случае Фукудзава намекает на Китай. К «диким» Фукудзава относит, например, страны Африки.

Вообще понятие «раса» появилось в Европе в XVII в. у авторов, старавшихся систематизировать знания о человеческом теле. Одним из первых ученых, предложивших деление людей на четыре типа, был французский врач и путешественник Франсуа Бернье (1625–1688). Карл Линней (1707–1778) и Жорж Луи Леклерс де Бюффон (1707–1778) также классифицировали людей по четырем категориям. Особое влияние на развитие расовой теории и антропологии оказала «теория пяти рас» Иоганна Фридриха Блюменбаха (1752–1840). Он предполагал наличие европеоидной (белой), монголоидной (желтой), малайской (коричневой), эфиопской (черной) и американской (красной) рас [Sun 2012, p. 109–110]. Теория Блюменбаха впоследствии вышла далеко за пределы Европы и нашла отражение в трудах китайских и японских мыслителей. Ватанабэ Кадзан 渡辺崋山 (1793–1841) стал одним из первых японцев, кто уделил внимание расовой теории (в «Записях о положении дел на Западе» 西洋事情書, *Сэйё: дзидзё: сё*, 1838 г.). Он указывал на существование тартарской, эфиопской, монголоидной и европеоидной рас. Блюменбаха Ватанабэ на упоминает; он мог быть знаком с теорией пяти рас немецкого антрополога, однако уже в переложении голландских и китайских авторов. В 1869 г. на японском языке была опубликована работа В. Р. Чамберса *Introduction to the Sciences* в переводе Обата Такудзиро: 小幡篤次郎 (1842–1905). В сочинении перечисляются четыре

расы, указываются места их расселения, цвет кожи, а также даются краткие характеристики. Люди «европеоидной расы», сказано здесь, «особенно умные и выглядят изящно»; люди «монголоидной расы» – «немного уступают первым («европеоидной расе». – *А. Ш.*) по уму и внешности» [Ibid., p. 122–123].

На пять рас делит человечество и создатель многотомного труда по мировой географии Утида Масао, разрешенного в качестве учебника по географии Министерством образования Японии. В «Кратком описании мира» Утида распределяет людей по цвету кожи (желтая, белая, черная, коричневая и красная расы), по физиологическим признакам и местам расселения. Однако Утида не проводит различия между цивилизованными людьми и дикарями, а скорее, просто констатирует факт наличия разных рас [Ibid., p. 127]. Идея «пяти рас» встречается и у Фукудзава Юкити в «Положении дел на Западе» (西洋事情, *Сэйё: дзидзё:*, 1866–1869). Однако им она воспринимается скорее с конфуцианской позиции, согласно которой весь мир – одна семья, а люди всех пяти рас – братья [Ibid., p. 124]. Идея пяти рас встречается у Фукудзава и в «Описании стран мира» (世界國盡, *Сэкай куни дзукуси*, 1869). По мнению автора, от того, к какой расе принадлежит человек, зависят как его внешность, так и уровень интеллекта. Однако в самом тексте автор упоминает только четыре расы: дикие люди, частично дикие, частично цивилизованные, цивилизованные.

«Дикие», по мнению Фукудзава, не отличаются от животных и птиц. К этой категории мыслитель относит, например, африканцев. По его мнению, они не очень умны, не умеют читать и писать, не имеют представления о законах и этикете.

К частично диким Фукудзава относит, в частности, жителей Тартарии на севере Китая и народы Северной Африки. По мнению Фукудзава, представители этой расы сильно продвинулись от уровня примитивности и невежества. И хотя они в основном ведут кочевой образ жизни, но иногда выращивают пять злаков, то есть достигли достаточно высокого уровня развития сельского хозяйства, что является показателем прогресса. Тем не менее очень немногие представители этих народов грамотны, хотя у них и есть письменные языки. Грамотность же всегда являлась для японцев показателем высокой культуры.

К частично цивилизованным странам Фукудзава относит, например, Турцию и Персию. Хотя еда в этих странах имеется в достатке,

а искусства процветают, но люди, по заверению автора, недостаточно хороши с моральной точки зрения. Они завидуют другим народам и презирают их, ни во что не ставят женщин и оскорбляют слабых.

К частично цивилизованным странам Фукудзава относил и Китай. Когда в 1894 г. Япония напала на Китай, Фукудзава рассматривал это как «войну между цивилизацией и варварством» и открыто поддержал свою страну в этой войне. Он полагал, что к тому моменту Япония достигла уровня цивилизованных стран Запада, в то время как Китай продолжал являться отсталым государством [Мещеряков 2014].

Наконец, к цивилизованным странам, по мнению Фукудзава, можно отнести Великобританию, Францию, Голландию, Бельгию и другие западные страны. В этих странах люди следуют правилам этикета, мягкие по характеру и в целом честные, много работают, с любовью относятся к своему труду, и работа у них спорится. Их знания и технический прогресс все время растут. «Они благословлены небесами» – заключает Фукудзава [Sun 2012 p. 125–126].

Характерно, что Япония в этой классификации не отнесена ни к одной группе. В предисловии к «Описанию стран мира» Фукудзава пишет, что «просто переводил» книгу А. Митчелла (*A System of Modern Geography*), ничего не добавляя от себя. Однако в данном случае это не так, потому что у Митчелла к «частично цивилизованным странам» отнесены и Китай, и Япония [Ibid., p. 126].

Тема расового деления людей по их физиологическим признакам и уровню их прогресса находила отражение в японских географических сочинениях и учебниках до 1890-х гг., после чего она практически полностью исчезла [Ibid., p. 131–132]. Вероятно, это было связано с быстрыми темпами модернизации Японии, победой в Японо-китайской войне, вхождением в группу передовых держав, и как следствие – ощущением себя цивилизованной страной.

Несмотря на то что Фукудзава придерживался расовой теории, в конечном итоге он считал, что расовый фактор не является определяющим. Он полагал, что любая страна вне зависимости от того, на каком уровне развития она находится в настоящий момент, при должном старании может пройти все стадии и достичь высокого уровня развития, встав в один ряд с передовыми державами [Baibikov 2020, p. 4]. По мнению Фукудзава, цивилизованная Европа, ставшая символом технологического и научного прогресса, тоже

прошла все стадии «от хаоса до просвещения» [Ibid., p. 6]. Такой же путь, по его мнению, прошли и США, которые просветитель также причисляет к «развитым» странам.

США в «Описании стран мира» и «Положении дел на Западе»

В «Описании стран мира» рассказ о США, Мексике и Канаде помещен в четвертом томе. Повествование об Америке предваряют портрет Колумба и рассказ о нем: «В конце XV в. был в Италии человек по имени Колумб. Ребенок из бедной семьи, в одежде из овечьей шерсти, он всем сердцем хотел изучать мореплавание…» [Fukuzawa 1869, 4, p. 1–2]. Далее следует описание открытия Колумбом Америки и иллюстрация «Отплытие Колумба из Испании». Фукудзава сообщает, что те места «приносили большие прибыли», поэтому впоследствии туда «перевезли людей для освоения новых земель» [Ibid., p. 3]. Повлияло открытие Америки и на осмысление мировой географии в целом: «На основе масштабов земли ученые разделили ее на две большие части, северную и южную, и назвали Азию, Африку и Европу Старым светом, а Америку – Новым светом» [Ibid.].

На страницах «Описания стран мира» Фукудзава знакомит японцев с коренными жителями Америки: эскимосами и индейцами. Про эскимосов сообщается: «Рост их не достигает 5 *сяку*[1]. Письменности у них нет. Люди крайне глупые» [Ibid., p. 4]. Очевидно, что отсутствие письменности воспринимается Фукудзава как важнейший маркер нецивилизованности, и как следствие – глупости. Завершают пассаж упоминание о жилищах изо льда, которые строят эскимосы, и соответствующая иллюстрация.

Далее Фукудзава переходит к описанию индейцев. Он сообщает, что индейцы населяли эти земли еще до прибытия Колумба, а потому «коренным населением Америки являются именно они»: «Они живут в этом краю, и от начала мира являются американцами (亜米利加人, *амэрикадзин*) [Ibid., p. 5]. Однако, по словам Фукудзава, уровень их цивилизованности был крайне низок: «По натуре [они] были грубы, грамоты не знали … домов [у них] не было, ходили по горам и холмам и из луков и стрел убивали диких животных, ели мясо, одевались

[1] 1 *сяку* = 30.3 см.

в шкуры» [Ibid., p. 6]. Низкий уровень цивилизованности привел к тому, что европейцы, заселявшие Америку, «стали эти народности преследовать, не разрешали им появляться в городах, и со временем количество этих людей сократилось» [Ibid.].

В качестве иллюстрации к этому пассажу предлагается изображение, на котором группа «коренных американцев» копьями и дубинками забивает лежащего на земле европейца. Несомненно, иллюстрация была призвана продемонстрировать читателям жесткость и кровожадность индейцев и оправданность действий европейцев, «преследовавших эти народности». Оригиналом для иллюстрации, использованной Фукудзава, стала картина «Убийство Джейн МакКри» американского художника Джона Вандерлина (1775–1852). На полотне изображены двое индейцев, нанятые британской армией во время Революционной войны, которые собираются снять скальп с молодой американки. Основой для создания картины послужила история, произошедшая в 1777 г. [Fabricand-Person 2011, p. 88]. Полотно было представлено на Парижском художественном салоне в 1804 г., однако особого расположения публики и критиков не снискало [Ibid, p. 87]. Тем не менее картина закрепилась в массовом сознании, стала общепринятой в том, что касается изображения индейцев, и послужила основой для целого ряда иллюстраций в американских учебниках и географических справочниках вплоть до начала XX в.

Картина Вандерлина нашла отражение даже в гравюрах на тему театра Кабуки. Так, в 1879 г. художник Адати Гинко: 安達吟光 (1853–1908) создал гравюру по мотивам современной на тот момент пьесы Кабуки «Странная история о потерпевших кораблекрушение: западный Кабуки». Пьеса была написана Каватакэ Мокуами 河竹黙阿弥 (1816–1893) и поставлена Морита Канъя XII 守田勘弥 (1846–1897) [Ibid, pp. 88–89]. На гравюре изображена молодая японская пара в западных одеждах. Их поезд потерпел крушение посереди полной опасности равнины, и теперь они стали жертвами жестоких, босоногих, одетых в одни юбки американских дикарей. В руках у дикарей дубинки, а сами они – красного цвета, что, по-видимому, должно было четко ассоциироваться у японского обывателя с демонической сущностью этих персонажей.

Фукудзава при работе над «Описанием стран мира» активно пользовался американскими и английскими учебными пособиями, о чем он сообщает в предисловии к своему географическому сочинению.

Фукудзава признает, что его рукопись отличается от переводных изданий, которые существуют в мире. Однако сообщает, что на самом деле им были взяты географические и исторические справочники, изданные в Англии и Америке, и из них он перевел наиболее важные куски; он заключает, что его собственных идей там ничуть нет [Fukuzawa 1869, 1, p. 5]. Однако представляется, что это не совсем так. Как минимум имел место строгий отбор письменного и иллюстративного материала. Поэтому видится уместным назвать проделанную им работу словами Утияма Акико – «перевод как репрезентация» [Uchiyama 2009, p. 63–83]. Автор стремился представить каждую страну в определенном свете, сформировать у читателей четкий образ того или иного государства, выделить характерные черты разных народов.

Подобный подход можно будет наблюдать и в настольных играх *сугороку*, издаваемых в тот период и посвященных путешествиям по странам мира. В игре каждая клетка-поле соответствовала одной стране, на ней изображалась типичная для этой страны достопримечательность, давалась краткая информация, характеризующая эту страну. Другими словами, происходила не только «каталогизация» и упорядочивание мирового пространства, но и формирование общественного сознания.

Фукудзава рассказывает читателям о добыче золота в Калифорнии, сообщает, что на территории США много мест, где добывают золото, серебро, медь и железо. Он пишет, что в отличие от японских рудников, в США «везде используется паровое оборудование, благодаря чему достигается большая искусность». Кроме того, читателю предлагается взглянуть на иллюстрацию «Устройство шахты на золотом руднике» [Fukuzawa 1869, 4, p. 18]. В глазах Фукудзава США представляются технологически развитой страной. Он резюмирует, что по уровню образования, объему производства и торговли США не уступают Англии и Франции [Ibid., p. 17].

В сочинении «Положение дел на Западе» описанию США отводится почетное место в первом томе, вместе с описанием Голландии. Соотношение явно неравномерно: на описание США отводится сорок три страницы, а Голландии всего девять. Рассказ о США строится по стандартному для этого произведения принципу. Фукудзава начинает с истории, достаточно подробно останавливаясь на личности Колумба, затем переходит к политическому устройству страны, говорит об образовании, вооруженных силах и военно-морском флоте

и завершает рассказом о товарно-денежной политике США. Фукудзава упоминает несколько городов: Вашингтон, Филадельфию, Балтимор. Сообщается, что южные штаты преуспевают в сельском хозяйстве, в частности, в выращивании хлопка и табака, а северо-восточные штаты – в торговле.

В разделе, посвященном политическому устройству, Фукудзава уделяет особое внимание американской конституции и приводит ее полный перевод. Упоминается и отец-основатель США Джордж Вашингтон. Особый раздел Фукудзава отводит образовательной системе США. Он сообщает, что в Америке больше всего начальных школ и заверяет читателей, что в этом заключается «первостепенный предмет гордости американской политики» [Fukuzawa 1866, 2, p. 37].

В частных школах изучают основы английского, арифметику, географию и другие предметы, а в столичных школах преподаются также французский и греческий языки [Ibid., p. 38]. Число старших школ – вероятно, Фукудзава имеет в виду университеты, – в настоящее время увеличивается. Какие-то из них строятся за счет государства, какие-то на деньги частных компаний. В старших школах изучаются новые и старые языки, история, науки, сочинительство, этика [Ibid.]. Другими словами, Фукудзава представляет США как страну с высоким уровнем образования, который будет лишь повышаться.

О важности образования Фукудзава пишет еще в предисловии к первому тому «Описания стран мира», настойчиво проводя мысль что образование – ключ к тому, чтобы стать полезным своей стране. Так как это сочинение было в первую очередь обращено к детям и женщинам, то его можно считать посланием подрастающему поколению, на чьи плечи впоследствии ляжет создание нового общества. Фукудзава также подчеркивает важность подготовки преподавателей – ведь именно они будут формировать будущую интеллектуальную элиту страны. И примечательно, что в данном случае в пример он приводит не Голландию, главного проводника западных знаний в Японию в эпоху Токугава, а именно США [Fukuzawa 1869, p. 2].

США прервали японскую политику самоизоляции, длившуюся более двухсот лет, коммодор Пэрри навсегда вошел в историю как человек, открывший Японию Западу. Можно предположить, что, в сравнении с другими странами, к Америке японцы относились с особенно пристальным вниманием и заинтересованностью, а позднее – уважением и почтением (а возможно, даже и страхом): как

к сильному сопернику, и более того – как к победителю, которому они вынуждены покориться. Подобное случилось в Японии дважды: с открытием страны коммодором Перри в середине XIX в. и спустя чуть меньше ста лет, по окончании Второй мировой войны. Можно сказать, что Фукудзава тонко прочувствовал веяния международной политики и даже удивительным образом словно предугадал дальнейшее тесное взаимодействие Японии и США.

За свою жизнь Фукудзава Юкити побывал в США дважды. Он очень благосклонно относился к этой стране, считал ее высокоразвитой, передовой – и в научно-техническом плане, и в общественно-политическом, и в образовательном. Наравне с некоторыми державами Европы США представлялись ему страной, на которую Японии во многих аспектах стоило бы равняться.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2014). Автобиография Фукудзава Юкити как репутационный ресурс. *Отечественные записки.* № 1. https://strana-oz.ru/2014/1/avtobiografiya-yukiti-fukudzavy-kak-reputacionnyy-resurs

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

References

Baibikov, E. (2020). Recycled Images: 21st Century Edition of Fukuzawa Yukichi's Geography Textbook. *The Asia Pacific Journal*, 18 (20), 5, 1–15.

Fabricand-Person, N. (2011). Images of American Racial Stereotypes in Nineteenth-Century Japan. In *East-West Interchanges in American Art: A Long and Tumultuous Relationship* (pp. 80–94). Washington: Smithsonian Institution Scholarly Press.

Fukuzawa, Yukichi. (1866). *Seiyō Jijyō* [The State of Affairs in the West]. Vol. 2. Tokyo: Shōkodō. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (1869). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 1. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Fukuzawa Yukichi. (1869). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 4. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (1934). *The Autobiography of Fukuzawa Yukichi*. Trans. by Eiichi Kiyooka. With the Introduction by Shinzo Koizumi, President of Keio University. Tokyo: The Hokuseido Press.

Masuno, K. (2006). *Mieru minzoku, mienai minzoku. "Yochi Shiryaku" no sekaikan* [Visible Nations, Invisible Nations. Outlook on the World According to "Yochi Shiryaku"]. Kanagawa daigaku nijyūisseiki CEO puroguramu [Program CEO of the Twenty First Century of the Kanagawa University]. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2014). Avtobiografiya Fukuzawa Yukichi kak reputatsionnyi resurs [Autobiography of Fukuzawa Yukichi as a reputation resource]. *Otechestvennye zapiski*, 1. Retrieved from https://strana-oz.ru/2014/1/avtobiografiya-yukiti-fukudzavy-kak-reputacionnyy-resurs (In Russian).

Sun Jiang. (2012). Blumenbach in East Asia: The Dissemination of the "Five-Race Theory" In East Asia and a Textual Comparison. *Oriens Extremus*, 51, 107–153.

Uchiyama, A. (2009). *Translation as Representation: Fukuzawa Yukichi's Representation of the "Others"*. Ed. by Milton, J. and Bandia, P. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 282–295
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 282–295
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-282-295

А. Ф. Вакано и его коллекция

О. В. Торбин

Аннотация

Статья посвящена коллекции японских артефактов Самарского областного художественного музея, собранных Альфредом фон Вакано (1846–1929), австрийским предпринимателем, в 1881 г. основавшим в Самаре пивоваренный завод. В статье освящены возможные причины, подвигнувшие Вакано на приобретение восточных ценностей, судьба коллекции на протяжении столетия, ход работы по ее изучению, результаты и перспективы использования накопленных наработок.

Ключевые слова:

Альфред фон Вакано, Самарский областной художественный музей, Тоёхара Кунитика, Утагава Тоёкуни III (Кунисада), Кикукава Эйдзан, Тёбунсай Эйси.

Автор:

Торбин Олег Владимирович, независимый исследователь
E-mail: pelton2009@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Alfred von Vacano and His Collection

O. V. Torbin

Abstract

The article is dedicated to the collection of Japanese artifacts owned by the Samara Regional Art Museum and originally collected by Alfred von Vacano (1846–1929), an Austrian entrepreneur, who established a brewery in Samara

back in 1881. The article highlights possible reasons which drove Vacano to acquire Eastern treasures, destiny of the collection through the hundred-year period, nuances of translation work, results and prospects of using the acquired experience.

Key words: Alfred von Vacano, Samara Regional Art Museum, Toyohara Kunichika, Utagawa Toyokuni III (Kunisada), Kikukawa Eizan, Chōbunsai Eishi.

Author:
Torbin Oleg Vladimirovich, independent researcher, Samara, Russian Federation.
E-mail: pelton2009@yandex.ru

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась бумом интереса к восточному изобразительному искусству. После открытия Японии в 1853 г. для внешнего мира в Европу и Америку хлынул поток гравюр, ваз, чайной утвари, пепельниц, курильниц, мебели и иных предметов обихода в восточном стиле. Крупнейшим коллекционером восточного изобразительного искусства в Европе можно назвать Эмиля Гимэ (1836–1918), французского промышленника и путешественника из Лиона, имя которого и поныне носит Музей восточных искусств в Париже. С небольшим запозданием бум из Европы пришел и в Россию. Известны по крайней мере две крупные коллекции восточной живописи и утвари в России рубежа XIX–XX вв.: собрания военного моряка Сергея Николаевича Китаева (1864–1927) и самарского предпринимателя Константина Павловича Головкина (1871–1925). Коллекция Китаева в настоящее время хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина [Штейнер 2022]. С коллекцией же Головкина приключилась история почти детективная: часть артефактов, считавшихся собранными этим меценатом, при изучении архивов в 1990-х гг., оказались коллекцией домашней галереи другого самарского бизнесмена австрийского происхождения – Альфреда фон Вакано. Сейчас предметы из этой коллекции хранятся в Самарском областном художественном музее (СОХМ).

А. Ф. фон Вакано – предприниматель, меценат и коллекционер

В конце XIX в. многие иностранцы открывали свой бизнес в России. Европейских предпринимателей привлекали дешевая рабочая сила и отсутствие конкуренции. Одним из них был австрийский дворянин Альфред (Альфред Филиппович) фон Вакано[1]. Биография его до прибытия в Самару недостаточно хорошо изучена. Известно, что родился он в 1846 г. [Казарин 2001, с. 91], окончил Коммерческую академию в Вене, участвовал в Австро-прусской войне 1866 г., работал на пивоваренных заводах в Чехии, Германии, России (в Санкт-Петербурге), содержал бюро сбыта машин и механизмов для пивоварения. Бывая в поездках с целью создания пивоваренного производства, сравнивал возможности различных регионов и в итоге остановил свой выбор на Самаре.

В 1880 г. А. Ф. Вакано сообщает властям Самары о своем желании арендовать участок земли на берегу Волги. В письме он обозначил территорию, на которой уже стоял пивоваренный завод, ранее принадлежавший купцу Буреева. Выиграв торги, Вакано незамедлительно приступает к перестройке старых зданий завода и возведению новых. Уже через год Жигулевский пивоваренный завод был полностью готов к работе. В марте 1881 г. «Самарские губернские ведомости» объявляют о поступлении в продажу двух сортов пива Жигулевского завода: «Бочковое Венское» и «Венское столовое». Недостаток средств подтолкнул Вакано к поиску компаньонов. Пивовар привлек к сотрудничеству австрийского подданного Морица Фабера и самарского купца Петра Субботина.

С 1900 г. Жигулевский завод стремительно развивался. С разрешения властей члены товарищества подключили заводской водопровод к городской магистрали, а также построили собственную пристань для торговых кораблей. Пиво распространяли по всему Поволжью, Уралу, Средней Азии, Западной Сибири, Казахстану и даже Персии. К 1911 г. завод оснастили механизированными установками, увеличив объем производства пива до 20 млн литров в год. Жигулевский пивоваренный завод стал третьим по мощности в России после заводов «Трехгорный» в Москве и «Калинкинский» в Петербурге.

[1] См. документальный фильм «Лодка времени Альфреда фон Вакано»: https://www.youtube.com/watch?v=7277Fm6ymTI&t=1s

В 1888 г. Вакано строит газовый завод на территории города с условием подавать газ для освещения драматического театра и Струковского сада. Уже 1 сентября завод производил газ для нужд товарищества, а с 1 октября газ поступал в городской театр. Затем предприниматель за свой счет начинает обустраивать территорию театра и прилегающие к ней улицы. Через три года работы по благоустройству завершены.

К 1906 г. А. Ф. Вакано назначили членом комиссии, заведовавшей городским водопроводом, электростанцией и скотобойней. Также он финансировал постройку городской канализации и выстроил за свой счет пробный участок, который в 1909 г. был сдан в эксплуатацию. Так Самара стала одним из первых городов Российской империи, где появился столь важный объект городской инфраструктуры.

Неудивительно, что в предвоенный период А. Ф. Вакано как австриец по происхождению попадал под подозрения жандармов. Бизнесу Вакано приходилось сдерживать натиск лидеров пивного рынка, в частности – московской пивоварни «Хамовники» (основана в 1863 г.), которая всячески пыталась конкурировать, причем далеко не всегда честными методами: доставкой баржами пива из Москвы в Самару, постройкой собственных складов в городе, ценовым демпингом, а также заказными статьями в местных газетах [Казарин 2004, с. 185]. Тем не менее Вакано, будучи человеком образованным и отзывчивым, ставил целью не только личное обогащение, но и улучшение общего благосостояния. Кроме перечисленных проектов следует назвать открытие детского приюта в 1903 г. и содержание Семейно-педагогического кружка. Лояльность сотрудников была на высоком уровне, и это снижало риски погромов, бунтов, вредительства, что было особенно важно в период революционных волнений.

Кроме того, А. Ф. Вакано имел статус Австро-венгерского консула в Самаре, принимал и сопровождал важных персон из Европы. Около 1910 г., передав старшему сыну Вальдемару (Владимиру) управление заводом и консульские обязанности, предприниматель отправился в турне по странам Азии.

Мотивами А. Ф. Вакано могли быть потребность в отдыхе и желание окунуться в мир экзотики, пополнить знания в области восточного искусства, с которым он, скорее всего, впервые познакомился еще в 1873 г. во время Всемирной выставки в Вене, где Япония представила предметы декоративно-прикладного искусства.

Возможно, целями поездки были налаживание связей с коллегами-пивоварами на Дальнем Востоке и сбор информации из дополнительных источников о геополитических расстановках в Азии. Одним из таких источников мог быть вице-консул Австро-Венгрии в Тяньцзине в 1910–1913 гг. Феликс фон Штумфоль (1883–1951), который тоже был пивоваром (его пивоварня в пригороде Харбина носила название Jannau) и ценителем искусства; собранная им коллекция китайских фарфоровых статуэток ныне украшает Академию консульской службы в Вене. Не исключено, что А. Ф. Вакано планировал наладить контакт с японскими фирмами. Уже после поездки, в 1915 г., он изучал вопрос о возможностях экспорта солода в Японию; сохранился ответ на его письмо выходца из Самары В. Циблина, жившего в Японии. Циблин сообщал, что «в Японии применяется исключительно американский солод, сделаны большие припасы…» [Казарин 2001, с. 63]. Переписка может свидетельствовать о том, что либо Вакано так и не добрался до Японии, либо не сумел напрямую познакомиться с японскими пивоварами.

Установить точные даты и маршрут путешествия А. Ф. Вакано в Азию пока не представляется возможным: железнодорожные и морские перевозчики, как российские, так и японские и европейские, в то время не вели или не сохраняли поименных списков пассажиров. Однако по совокупности косвенных фактов можно предположить, что поездка Вакано в Китай и, возможно, в Японию состоялась в период с 1910 по 1913 г. Судя по снимкам из личного фотоархива фон Вакано, в Китае он побывал. Вероятно, он встречался там с Ф. фон Штумфолем.

По предметам из коллекции Вакано можно предположить, что маршрут его путешествия пролегал либо из Владивостока, либо из китайского порта, сопряженного с Южно-Маньчжурской железной дорогой, с заходом в порты Кусиро на о. Хоккайдо (клеймо на чайнике из ресторана «Камакити»), Сэндай (клеймо княжества Итибаси), далее через Токио (отметки на нескольких гравюрах) и Киото (надписи на гравюрах, вазах, тарелке и шкатулке), затем на архипелаг Рюкю (резной шкафчик с табуретом и подносом); оттуда, с заходом в порты Китая, Индии и Египта, фон Вакано мог вернуться в Россию через порты Черного моря. К сожалению, документов, подтверждающих ввоз восточных артефактов в Россию на имя Альфреда фон Вакано или его гражданской супруги Марии Баредер, обнаружить в доступных нам архивах не удалось.

Можно допустить, что Вакано и Баредер выбирали произведения искусства по каталогам, а Штумфоль помогал с их приобретением; покупки оплачивались, например, через один из Самарских банков. Некоторые предметы мог прислать в Самару младший сын А. Ф. Вакано Эрих, служивший во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Маньчжурии. Также восточные артефакты Вакано мог приобретать у других состоятельных самарцев, путешествовавших по Азии и Ближнему Востоку. Касательно предметов с Ближнего Востока, из Египта и Северной Америки в коллекции фон Вакано нет единого мнения и каких-либо подтверждающих документов: они могли быть приобретены самим Вакано в ходе поездки 1910-х гг. или в другое время или же получены в подарок.

Судьба коллекции

Коллекцию Вакано планировал разместить в своем новом трехэтажном особняке в Самаре. А. Ф. Вакано избежал тюремного заключения как при царской власти, так и после революции, и благополучно вернулся на родину в октябре 1918 г. Он даже сумел увезти с собой фотоархив; совсем недавно потомки Вакано передали фотографии в дар СОХМ (Илл. 1, Илл. 2, Илл. 3).

После отъезда А. Ф. Вакано из России коллекция, по его собственному распоряжению, осталась в ведении Самарского археологического общества (создано в 1915 г. коллекционерами-любителями как кружок при городском музее, в 1916 г. получило одобрение властей). Передавались артефакты частями: 38 предметов от М. Баредер, несколько ящиков от старшего сына Владимира. Усилиями членов археологического общества удалось сохранить костяк коллекции; египетские и греческие артефакты были переданы в Эрмитаж при посредничестве академика С. Я. Лурье [Казарин 2001, с. 59–62]. До национализации коллекции в 1925 г. многие артефакты либо были распроданы на аукционах, либо расхищены; часть предметов разошлась по учебным заведениям в качестве наглядных пособий, а в январе 1931 г. в «Рудметаллторг» на переплавку отправились 24 предмета – канделябры, складни, блюда и др. [Казарин 2001, с. 61–62].

В 1937 г. коллекция стала основой для создания Куйбышевского художественного музея. Она была размещена в новом здании Дворца культуры им. В. В. Куйбышева (пл. Куйбышева, д. 1), построенном

на месте взорванного кафедрального собора. Для посетителей музей открылся в 1939 г.

К 1930-м гг. относится коллекция вееров с надписями на китайском, японском и русском языках. Вероятно, некоторые из вееров могли быть привезены в СССР бывшими сотрудниками КВЖД. Часть вееров содержит информацию о товарах японских компаний, торговавших в Китае: средства против домашних насекомых фирмы Уэяма Сэйдзо и компании, лекарства от болей в желудке фирмы Ота-Исан, сеть магазинов Такасимая и т.д. Не исключено, что эти вещи могли попасть в музей и после 1945 г.

В годы Великой Отечественной войны залы были закрыты для посетителей, а коллекции убраны в запасники. С конца 1947 по 1953 г. директором музея был вернувшийся с фронта В. И. Володин. Это были годы активной собирательской работы. В музей поступали не только художественные произведения, но и архивы художников: письма, дневники, фотографии. Восточная коллекция значительно расширилась: в 1953 г. из московского Музея восточных культур поступило 145 произведений искусства Китая; в 1958 г. – 136 работ мастеров Индии XX в.; в 1959 г. – 95 экспонатов из Японии, опять-таки XX в.

Перевод в 1989 г. основного музейного собрания в здание бывшего Волжско-Камского банка (ул. Куйбышева, д. 92, архитектор В. И. Якунин, 1913–1915 гг.) предоставил возможность постоянно экспонировать около тысячи произведений. В настоящее время музей знакомит посетителей почти со всеми разделами коллекции: постоянно экспонируются русская и зарубежная живопись и графика XVI–XX вв., керамика России и Западной Европы, искусство стран Востока. В XXI в. собрание музея продолжает пополняться за счет даров и закупок, проводимых музеем[2].

Восточная коллекция СОХМ насчитывает сейчас около двух тысяч артефактов, включая около сорока предметов японского происхождения, собранных А.Ф. Вакано: тринадцать гравюр работы разных мастеров, одиннадцать ваз, несколько металлических предметов утвари и др.

[2] См. сайт Самарского областного художественного музея: https://artmus.ru

Уточнения к атрибуции предметов из коллекции А. Ф. Вакано

Изучая предметы из коллекции Вакано, мы смогли уточнить атрибуцию некоторых из них и с итогами этой работы хотели бы познакомить читателей. Мы установили имена авторов для нескольких гравюр, а в одном случае уточнили авторство; кроме того, определили имена мастеров, изготовивших тарелку, шкатулку и одну из ваз. Также мы выяснили принадлежность гравюр к сериям и смогли ответить на вопросы, кто изображен на гравюрах. Для расшифровки скорописи на гравюре Тоёхара Кунитика из серии «36 загадок» нам пришлось обратиться за помощью в Киотоский институт изобразительных искусств: японские исследователи откликнулись, и из их ответа выяснилось, что изучение этой серии далеко не завершено и в самой Японии.

На наш взгляд, между гравюрами в собрании Вакано прослеживается определенная сюжетная связь, и мы не исключаем, что сам коллекционер учитывал сюжеты: отбирал для своей коллекции театральные гравюры, так или иначе связанные с темами верности и предательства.

Нами опубликована статья на японском языке – она стала первой публикацией об А.Ф. Вакано и его коллекции в Японии[3]. Ниже мы расскажем о нескольких предметах из коллекции.

1. Комаи Сэйбэй. Тарелка «Журавли в небе».
Начало XIX в.
Дамаскинаж.
Хранится в СОХМ. Илл. 4.

Тарелка с изображением группы журавлей на фоне горы Фудзи выполнена в ювелирной технике дамаскинажа – нанесения одного слоя металла на другой. На тарелке имеется печать мастерской Комаи. Несколько поколений семьи Комаи в Киото занимались производством и отделкой мечей. В период Мэйдзи ремесленникам пришлось искать новые способы заработка: семья Комаи начала производство ваз, кошельков, медальонов, портсигаров, предметов мебели и быта. Известным мастером второй половины XIX в был Комаи Отодзиро: 駒井音次郎. Его работы пользовались популярностью не только в Японии, но и за рубежом. Изделия под маркой «Комаи» блистали

[3] См.: https://ncode.syosetu.com/n1137hs/

на выставках в Санкт-Петербурге, Брюсселе, Лондоне, Сан-Франциско и Вене. Дело Отодзиро: продолжил сын, Комаи Отодзиро: II, он же Комаи Сэйбэй 駒井清兵衛 (1883–1970). Клеймо этого мастера нашлось не только на поверхности тарелки, но и на дне другого экспоната из коллекции СОХМ – шкатулки с изображением орла на ветке сосны. Оба произведения удивительны тем, что насечка сделана как бы по черной бархатистой поверхности металла [Чернова 2022].

2. Кинкодзан Со:бэй. Ваза.
XIX в.
Фарфор, надглазурная роспись.
Хранится в СОХМ. Илл. 5.

Роспись изображает жителей Киото, гуляющих вдоль реки Камогава в пору цветения сакуры. Дамы модно одеты – узорные кимоно, красивые прически, причудливые заколки и головные уборы. На вазе имеется клеймо: 京都粟田錦光山造り, *Кё:то: Авата Кинко:дзан цукури* – «Произведено Кинко:дзан, мастером из Киото, из района Авата». Кинкодзан Со:бэй 錦光山宗兵衛 (1823–1884) был мастером в шестом поколении, производил керамику, известную под названием Кё:-Сацума 京薩摩, «Столичная Сацума».

По преданию, второй из трех объединителей Японии, Тоётоми Хидэёси, в конце XVI в. во время корейского похода перевез из Кореи в Японию мастеров гончарного дела и поселил их в Сацума на острове Кюсю. Изначально использовалась глина с высоким содержанием железа, скромная роспись – изделия обладали большой прочностью и использовались в хозяйстве, в частности, в таких сосудах подавали напиток *сё:тю:*. В период Мэйдзи прочность уступает место декоративности, вазы яркой расцветки производятся для состоятельных заказчиков из Европы и Америки [Николаева 1996, с. 199]. Всего в коллекции СОХМ имеется пять ваз Кё:-Сацума, и подобный выбор говорит в пользу того, что часть предметов для коллекции приобреталась еще до поездки А. Ф. Вакано в Азию по каталогам, подготовленным специально для иностранцев. Все пять ваз находятся в процессе регистрации в Государственном каталоге Министерства культуры Российской Федерации (далее – Госкаталог)[4].

[4] В настоящее время в Госкаталоге представлена только одна ваза работы Кинко:дзан, хранящаяся в Эрмитаже: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25410622

3. Тоёхара Кунитика. Портрет актера[5]. (Такэти.)
1866 г.
Бумага гофрированная, ксилография цветная. Размер: 15,0×21,0.
Хранится в СОХМ. Илл. 6.

Уточнены автор, датировка, серия и сюжет. В Госкаталоге в качестве автора ошибочно указан Утагава Тоёкуни III (см. о нем ниже); на самом деле автор – Тоёхара Кунитика 豊原国周 (1835–1900), ученик Тоёкуни III. Кунитика прославился работами в жанре 役者絵, *якуся-э*, то есть портретами актеров театра Кабуки. Под именем Такэти на сцене Кабуки появляется исторический персонаж – Акэти Мицухидэ, предавший первого объединителя Японии Ода Нобунага в 1582 г. Гравюра относится к серии «Тридцати шести загадок» (なぞ合三十六句, *Надзо авасэ сандзю:роккаку*)[6].

На гравюре за изображением Такэти две рамки. В правой загадка: «Касается Такэти», а ключ к разгадке – название женщин, ловящих моллюсков *аваби*. В левой рамке отгадка: «Все мысли об Амагасаки». Женщин-ныряльщиц называют *ама*, в городе Амагасаки жила мать Акэти Мицухидэ. Приехав ее проведать, Акэти почувствовал, что за ширмами кто-то прячется, и нанес удар бамбуковым копьем сквозь бумажную перегородку, думая, что убивает подосланного убийцу. Но за перегородкой была его мать. Случайное убийство матери Акэти считается карой небес за то, что Акэти предал своего сюзерена Ода.

4. Утагава Тоёкуни III (Кунисада). Портрет актера[7].
(Рыбачка О-кику.)
1860-е гг.
Бумага, ксилография цветная. Размер: 25,0×36,0
Хранится в СОХМ. Илл. 7.

Уточнены датировка, серия и сюжет. Утагава Тоёкуни III 三代歌川豊国, он же Утагава Кунисада 歌川国貞 (1786–1865), один из самых плодовитых мастеров японской гравюры, сменил несколько жанров и псевдонимов. Гравюра из собрания СОХМ входит в серию «Современные отражения» (今様押絵鏡, *Имаё Осиэ Кагами*).

[5] https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25122384 Проводятся экспертные процедуры по исправлению атрибуции.

[6] См.: https://ja.ukiyo-e.org/search?q=%E3%81%AA%E3%81%9E%E5%90%88%E4%B8%89%E5%8D%81%E5%85%AD%E5%8F%A5

[7] См.: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25122394

Каждый лист этой большой серии – портрет актера в виде отражения в зеркале (поджанр актерских портретов, разработанный Кунисада)[8]. В данном случае актер исполняет роль рыбачки О-кику 女漁師おきく, героини, видимо, вымышленной, но относимой к той же эпохе, что и герой на предыдущей гравюре. Когда в 1615 г. Токугава Иэясу, третий объединитель Японии, после долгой осады захватывает Осакский замок, Хидэёри, сын второго объединителя Тоётоми Хидэёси, и вдова Хидэёси, госпожа Ёдо, совершают самоубийство. О-кику, служанка госпожи Ёдо, прихватив деньги, бежит из замка; жест актера, видимо, указывает на то, что неверная служанка запечатлена как раз в тот момент, когда она прячет деньги в рукав.

5. Кикукава Эйдзан (1787–1867). Утренний туалет[9].
1860-е гг.
Бумага, ксилография. Размер: 35,5×23,5
Хранится в СОХМ. Илл. 8.

Уточнены автор, датировка и серия. Кикукава Эйдзан 菊川英山 (1787–1867) – один из самых знаменитых мастеров жанра 美人画, *бидзинга*, изображений красавиц. До конца 1830-х гг. работал как резчик, затем как художник; изображал женщин с их слабостями, в которых он видел «мягкую силу». Гравюра, вероятно, относится к серии «Изысканные красавицы» (風流美人, *Фу:рю: бидзин*)[10], в японских собраниях исследователям удалось найти 25 листов этой серии, гравюра из СОХМ – 26-я.

6. Тёбунсай Эйси. Японка в черном кимоно[11].
(Куртизанка Асагао.)
После 1795 г.
Бумага, ксилография. Размер:37×26
Хранится в СОХМ. Илл. 9.

Уточнены автор, датировка и сюжет. Согласно печати (華暁, Каё:), автор – Тё:бунсай Эйси 鳥文斎栄之 (1756–1826), ученик Кано

[8] См. URL: https://ja.ukiyo-e.org/search?q=%E4%BB%8A%E6%A7%98%E6%8A%BC%E7%B5%B5%E9%8F%A1

[9] См.: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19353500 Проводятся экспертные процедуры по изменению атрибуции.

[10] См.: https://ja.ukiyo-e.org/search?q=%E8%8F%8A%E5%B7%9D%E8%8B%B1%E5%B1%B1%E9%A2%A8%E6%B5%81

[11] См.: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25122348

Митинобу 狩野典信 (1730–1790), мастер *бидзинга*. Каё: – псевдоним Эйси для гравюр. Оригинал, картина на шелке, датируемая 1795 г., хранится в Музее префектуры Тиба [12], ее название – 朝顔遊女, *Асагао ю:дзё:*, «Куртизанка Асагао». Цветок *асагао* (ипомея) в подвесном горшке указывает на прозвище красавицы. Прозвище дано, возможно, не по цветку как таковому, а по литературной героине – Асагао из «Повести о Гэндзи».

7. Утагава Ёситора. Актер, изображающий воина[13].
(Усиода Таканори.)
1840-е – 1950-е гг.
Бумага, ксилография. Размер: 36,7×25,2
Хранится в СОХМ. Илл.10.

Уточнены автор, датировка и сюжет. Утагава Ёситора 歌川芳虎 (?–?) работал в 1850-х – 1880-х гг. Перед нами гравюра в жанре *якуся-э*; Ёситора работал также в жанре *ёкохама-э* 横浜絵, «гравюр из Иокогамы», с изображением иностранцев, прибывавших в Японию.

Гравюра из собрания СОХМ относится к серии «Сорок семь воинов, верных долгу» (義士四拾七人之内, *Гиси сидзю:ситининно ути*) – одной из серий портретов сорока семи самураев, отомстивших за господина, известных по пьесе 仮名手本忠臣蔵, *Канадэхон тю:сингура*, и множеству других изводов этой истории. Актер исполняет роль воина по имени Усиода Таканори 潮田高教 (1669–1703)[14].

На гравюре имеется печать резчика – 鶴遊斎弘忠, Цуруюсай Хиротада. Печать справа внизу – 本泉市, «город Мотоидзуми»; этот город в префектуре Сайтама известен своими лавками, продававшими гравюры.

[12] См.: https://www.ccma-net.jp/exhibitions/special/18-5-30-7-8-2/

[13] См.: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19353555. См. также: https://ja.ukiyo-e.org/image/japancoll/p200-yoshitora-ushioda-masanojo-takanori-4604

[14] На гравюре указано: «прожил полных 34 года» 行年三十四歳. Об истории сорока семи самураев и другой серии их портретов см.: [Успенский 1997]; https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XVIII/1700-1720/Sam_vost_stol/frametext.htm

8. Ито: Со:дзан. Вороны[15].
Конец XIX – начало XX в.
Бумага, тушь. Размер: 19,0×39,8
Хранится в СОХМ. Илл. 11.
Уточнены автор и датировка. Ито: Со:дзан 伊藤総山 (1884–?) работал в основном в жанре «цветы и птицы» (花鳥画, *катё:га*), создал несколько работ в жанре *бидзинга*, провел несколько выставок в Токио.

В музеях России по-прежнему находятся тысячи нерасшифрованных гравюр, в том числе полсотни гравюр авторства Тоёхара Кунитика. Чем быстрее будет проведена работа по их расшифровке, тем раньше с их творчеством смогут ознакомиться любители восточной живописи и истории. Не было бы слишком поздно – клейма выцветают и, возможно, многие шедевры уже не подлежат экспонированию.

Библиографический список

Казарин В. Н. (2001). *Пивной король и наследники*. Самара: Новая техника.

Казарин В. Н. (2004). *Возрожденные имена*. Самара: Управление государственной архивной службы Самарской области.

Николаева Н. С. (1996). *Япония–Европа: Диалог в искусстве*. Москва: Изобразительное искусство.

Успенский М. В. (1997). *Самураи Восточной столицы или Сорок семь преданных вассалов в гравюрах Итиюсая Куниеси и биографиях Иппицуана*. Калининград: Янтарный сказ.

Чернова В. С. (2022). Альфред фон Вакано. Путешествие в Японию начинается. *Свежая газета. Культура.* 20.01. 2022. № 1–2 (222–223). С. 38–39.: http://sjrs.ru/wp/?page_id=838

Штейнер Е. С. (2022). *В пучине бренного мира. Японское искусство и его коллекционер Сергей Китаев*. Москва: Новое литературное обозрение.

Юсупова А. И. (1993). Три века японской гравюры. Москва: Государственный музей Востока.

[15] См.: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19353507

References

Chernova, V. S. (2022) Al'fred fon Vakano. Puteshestviye v Yaponiyu nachinaetsya [Alfred von Vakano. Journey to Japan Begins]. *Svejaya gazeta. Kul'tura.* January 20, No. 1–2 (222–223), 38–39. Retrieved from http://sjrs.ru/wp/?page_id=838 (In Russian).

Kazarin, V. N. (2001) *Pivnoi korol' i nasledniki*. [Beer King and Successors]. Samara: Novaya Tekhnika. (In Russian).

Kazarin, V. N. (2004). *Vozrojdennye imena* [Revived Names]. Samara: State archival service of Samara region. (In Russian).

Nikolaeva, N. S. (1996). *Yaponiya – Evropa. Dialog v iskusstve* [Japan and Europe. A Dialogue in the Arts]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russian).

Shteiner, E. S. (2022). *V puchine brennogo mira. Yaponskoe iskusstvo i ego kollektsioner Sergei Kitaev* [In the Depths of Fleeting World. Japanese Art and Its Collector Sergey Kitaev]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Uspenskiy, M. V. (1997). *Samurai vostochnoi stolitsy ili sorok sem' predannykh vassalov v gravyurakh Itiyusaya Kuniyosi i biografiyakh Ippitsuana* [Samurai of the Eastern Capital, or Forty-Seven Loyal Vassals in the Woodblock Prints by Ichiyusai Kuniyoshi and the Biographies by Ippitsuan]. Kaliningrad: Yantarnyi skaz. (In Russian).

Yusupova, A. I. (1993). *Tri veka yaponskoi gravyury* [Three Centuries of Japanese Woodblock Prints]. Moscow: The State Museum of Oriental Art. (In Russian).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 296–321
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 296–321
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-296-321

Они были первыми: вспоминая создателей послевоенной японской моды

Е. Л. Катасонова

Аннотация

Статья посвящена недавно ушедшим из жизни выдающимся японским модельерам – Мори Ханаэ, Такада Кэндзо и Миякэ Иссэй, которых по праву можно назвать пионерами послевоенной японской моды.

Они не только создали этот культурный феномен на основе синтеза восточного и западного искусства, но и совершили мощный прорыв японской одежды на мировые подиумы, создав новые тренды, получившие широкое распространение во многих странах. В работе освещены наиболее важные моменты их биографий и творчества.

Ключевые слова: Япония, мода, европейская одежда, национальная культура, Мори Ханаэ, Такада Кэндзо, Миякэ Иссэй.

Автор

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН. Москва, 131031, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: katasonova@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

They Were the First: Remembering the Creators of Post-War Japanese Fashion

E. L. Katasonova

Abstract

The article is devoted to the recently deceased outstanding Japanese fashion designers, Mori Hanae, Takada Kenzo and Miyake Issey, who can rightfully be called pioneers of post-war Japanese fashion.

They not only created a cultural phenomenon based on the synthesis of Oriental and Western art, but also made a powerful breakthrough of Japanese clothing into the world's catwalks, creating new trends which became widespread in many countries. The work highlights the most important moments of their biographies and work.

Keywords: Japan, fashion, European clothes, national culture, Mori Hanae, Takada Kenzo, Miyake Issey.

Author: *Katasonova Elena Leonidovna,* Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031.

E-mail: katasonova@rambler.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Их имена уже стали историей

На протяжении последних десятилетий японская мода не просто гармонично и стремительно вписывалась в мировую: ее влияние достигло таких масштабов, что в наши дни японские дизайнеры во многом определяют ее самые актуальные тренды, порой смело заглядывая далеко в будущее. Кто бы мог предположить, что когда-то мы просто забудем о таком понятии, как размер, который будем одномоментно менять при помощи небольшого регулирующего диска, искусно спрятанного на боку изделия? А кто мог представить себе одежду, поддерживающую одну и ту же температуру тела

в разных климатических условиях? А как вам понравятся платья, реагирующие на ультрафиолетовые лучи и меняющие цвет под их воздействием? И таких чудес много. Но пока это еще только эксперименты по применению передовых технологий в одежде. Их успешно проводят японские разработчики, одним из наиболее успешных из них является модельер Моринага Кунихико 森永邦彦 (р. 1980). В 2019 г. он стал обладателем всемирно известной награды в области моды – Премии LVMH за претворение в жизнь идеи «устойчивой моды».

Всех потрясли представленные им вещи, в которые вплетены нитки, обладающие свойством органического разложения. Новый узор на вещах проявляется спустя месяц после того, как они пролежат в земле. Цель своего творчества Моринага выразил так: «Фантазия возникает тогда, когда пересекается то, что обычно друг с другом не пересекается. Я хочу продолжить расшатывать систему ценностей, культуру, понятие возраста, пола – все стереотипы, о которых каждый думает как о само собой разумеющихся»[1].

Не знаю, как следует отнестись к этим словам модного дизайнера, но современная мода пока не ушла так далеко вперед, и мы продолжаем жить в эпоху, образно говоря, «аналоговых» вещей. Другое дело, что с каждым годом наша одежда меняется в сторону комфортности, практичности и многофункциональности. Это – с одной стороны. А с другой, как отмечают эксперты, в Японии «расцвет модной индустрии ушел в прошлое. Продолжается время “дизайнерских страданий”, вызванное общим спадом швейной индустрии и набирающей все большую силу фаст-фэшн – модой, ориентированной на массовое производство и быструю смену ассортимента без лишних затрат. От дизайнера одежды ждут не только совершенных творений, но и обращения к социальной сфере»[2].

На фоне потрясающих изобретений и не менее экстравагантных заявлений с большой ностальгией вспоминаются имена первых японских модельеров, которые стали создателями послевоенной японской моды, когда мир, пережив трагические потрясения войны, стремился не к технологическим находкам, а к поиску элегантности

---

[1] Мода, изменяющая жизнь. Кунихико Моринага. *Япония. Стили и жизни.* Весна 2020. С. 14: https://www.ru.emb-japan.go.jp/MAGAZINE/MAGAZINE_20/2020_SPRING_all.pdf

[2] Там же. С.15.

и красоты. Для Японии это было тем более злободневным, поскольку европейская одежда окончательно вошла в повседневный обиход населения лишь в послевоенное время в контексте стремительной модернизации жизни всей страны. Среди прочих актуальных проблем на повестку дня сразу же встала задача не только создания мощной текстильной промышленности, с чем японцы достаточно быстро и легко справились, но и разработки новых образцов одежды, гармонично сочетающей японские традиции с западными стандартами, а также с новыми требованиями дня. Эту задачу попытались решить первые японские модельеры, которые начали с освоения и адаптации западных образцов к японской реальности, а в дальнейшем и вовсе совершили модную революцию на западных подиумах, уже тогда предложив миру иной подход к одежде, ее конструированию, художественным образам, материалам [Ермилова 2018; Тормозова 2007; English 2004; Kawamura 2001].

Сегодня мы вспоминаем троих пионеров японской моды – Мори Ханаэ 森英恵 (1926–2022), Такада Кэндзо 高田賢三 (1939–2020) и Миякэ Иссэй 三宅一生 (1938–2022), которые один за другим как-то незаметно и тихо ушли из жизни за последние несколько лет, оставив после себя богатейшее культурное наследие. Их смелые креативные идеи не только изменили мир моды, но и оказали огромное влияние на каждого из нас, на то, что мы любим и носим, начиная с лаконичных черных водолазок и кончая столь актуальной сегодня одеждой «оверсайз». Но мода – это не только одежда, это наша жизнь, наша культура и, наконец, как любил говорить об этом Миякэ Иссэй, это – счастье, поскольку в японском языке слова «одежда» и «счастье» – синонимы и звучат как *фуку*, хотя и пишутся разными иероглифами (服/福). Для меня большим счастьем была возможность встречаться и общаться с этими замечательными людьми, переводить их многочасовые дружеские беседы с нашим теперь уже тоже покойным модельером Вячеславом Зайцевым (1938–2023), бывать в их творческих мастерских и бутиках на самой модной улице Токио Омотэсандо в районе Харадзюку и наблюдать за тем, как их креативные идеи разлетались по всему миру.

Японская бабочка, перелетевшая через границы Японии

О Мори Ханаэ знает каждый, кто изучал культуру послевоенной Японии или хотя бы что-то читал о ней, поскольку долгие годы эта прославленная женщина являлась лицом своей страны. Ее образ всегда ассоциировался с изящной бабочкой благодаря созданным ею моделям и рисункам, а одновременно с этим напоминал любимую во всем в мире героиню оперы Дж. Пучинни «Мадам Баттерфляй». Мори заняла «особое место в умах японцев» [Kawamura 2004, p. 155] благодаря высокому статусу кутюрье, который она приобрела во Франции, будучи принятой в состав Синдиката высокой моды. Это – титул, которого на тот момент не имел ни один японский дизайнер. Ее появление в Париже в 1960-е гг. стало первым шагом к широкой японской экспансии в мире красоты и дизайна. Именно работы Мори открыли «моду на японцев», которая быстро перешагнула границы французской столицы.

Правда, все это случилось далеко не сразу и, как может показаться, во многом случайно. Но, как говорится, случайных вещей не бывает на свете. Мори родилась в 1926 г. в многодетной семье преуспевающего хирурга и воспитывалась так, чтобы стать идеальной женой и домохозяйкой, как и ее мать, посвятившая себя целиком заботе о доме и детях. Однако при огромной домашней нагрузке эта женщина всегда находила время, чтобы приобщиться к красоте и приобщить к ней маленькую Ханаэ, пролистывая вместе с ней журналы мод, которые часто приносили в их дом. В одежде она знала толк и своей дочери с детских лет старалась привить хороший вкус и умение делать все по дому своими руками. Но ни о какой дизайнерской карьере никто тогда даже не помышлял. После окончания школы девушка поступила в Токийский женский христианский университет на факультет японской литературы и, получив высшее образование, вскоре удачно вышла замуж за сына крупного текстильного магната. В общем, типичная история японской женщины из среднего класса послевоенного времени. Правда, на этом обыкновенная история прерывается и начинается звездная история, определившая весь дальнейший жизненный путь нашей героини.

Постигать профессию дизайнера она решила у себя на родине, вдохновленная опытом Европы и бережно сохраняя свои национальные традиции. Для этого окончила один из старейших колледжей при Академии моды Сугино, где изучала систему традиционного и европейского кроя, училась разбираться в тканях. Именно тогда она сделала для себя поразительное открытие, поняв основное отличие двух концепций – восточной, которая была «плоской» и двумерной, и западной – объемной и трехмерной.

И уже в 1951 г. она открыла в оживленном торговом районе Токио свое первое маленькое ателье, в котором стала шить одежду на заказ. А ровно через год она уже становится владелицей шикарного салона мод на главной улице Токио – Гиндзе. Ей во всем помогал муж, который взял на себя и заботу о двух детях, и всю деловую сторону их совместного бизнеса. И спустя несколько лет семья Мори уже владела несколькими бутиками. В Японии в те годы происходили разительные перемены – впервые ношение европейской одежды приняло массовый характер. Японцы облачились в деловые костюмы, а японки – в платья и юбки вместо кимоно, а традиционные сандалии гэта японские модницы быстро сменили на туфли на каблуках. Мори, как и большинство ее соотечественников, также попала под власть западных дизайнеров, копируя для своих клиенток модели из модных журналов. И это имело среди молодых состоятельных женщин большой успех, на волне которого начинающая портниха вскоре стала модным дизайнером, создающим одежду в европейском стиле. Модели с лейблом «Мори Ханаэ» стали продаваться в самых дорогих универмагах японской столицы, а спустя какое-то время и по всему миру.

Но прежде чем стать по-настоящему знаменитой, и особенно за пределами Японии, Мори Ханаэ пришлось много учиться и работать в США и Франции, обшивать мировую элиту, делать костюмы для японского театра и кино. Ей повезло: японское кино в те годы переживало свои золотые времена, и именно эта сфера деятельности, а не заказы японских модниц в самом начале ее звездного пути, стала приносить максимальные материальные и иные дивиденды. Да и не могло быть иначе, ведь ей посчастливилось работать с такими прославленными режиссерами, как Куросава Акира 黒澤明 (1910–1998), Мидзогути Кэндзи 溝口健二 (1898–1956), Осима Нагиса 大島渚 (1932–2013) и др. В общей сложности на счету Мори создание костюмов для нескольких сотен фильмов. Забегая на десятилетия вперед,

уместно вспомнить, что одной из ее последних работ в кино стала картина о выдающемся советском разведчике Рихарде Зорге, поставленная классиком японского экрана Синода Масахиро 篠田正浩 (р. 1931) в 2003 г., где в роли главного героя выступил британский актер Иэн Глен.

Кинематографический опыт молодого модельера и дружба с мэтрами японского экрана стали ее своеобразной визитной карточкой для признания в высших кругах японского общества, да и в Европе тоже, потому что японское кино к тому времени уже приобретало необычайную популярность во многих странах. Неудивительно, что и во Франции о нем говорили с восторгом, правда, при этом все еще считая эстетическим удовольствием для избранных. Но завоевание Парижа Мори Ханаэ начинала не с кино и не с показа своей коллекции, а с того, что, накопив солидную сумму денег, приехала туда якобы для шоппинга. Вместо всевозможных дешевых распродаж она колесила под видом клиентки по всемирно известным модельным домам и, невзирая на внушительные цены, заказывала для себя последние дизайнерские новинки. А сама в это время наблюдала за тем, как работают мэтры – Живанши, Карден, Боан и др. и как организовано их производство. Впоследствии Мори Ханаэ вспоминала, что «все они одевали женщину, будто она была не живым человеком, а красивым приложением к мужчине. Все – кроме Коко Шанель…»[3].

Удивительно, но в Японии Шанель в те годы была непопулярна. Ханаэ о ней практически ничего не знала. Но именно общение с этой знаменитой женщиной, ее работы, ее взгляд на мир стали для Мори настоящим источником вдохновения. В те годы Запад переживал сексуальную революцию, танцевал рок-н-ролл, пел песни «Битлз» и курил марихуану. Знамением времени стало новое поколение – хиппи, именовавшее себя «детьми цветов». Последним изобретением в моде были мини-юбки, а самой популярной одеждой – джинсы. Пьер Карден представил коллекции в стиле роботов, а Ив Сен-Лоран наполнил высокую моду идеями улицы. Япония же все еще жила образами европейской классики и романтическими ощущениями пятидесятых, которые ассоциировались с триумфальными показами коллекции Диора в Японии в 1953 г. И этот здоровый и во многом

[3] Егорова С. Как Ханаэ Мори стала первым дизайнером из Японии, покорившим Париж. Культурология.РФ : kulturologia.ru/blogs/021021/51298

традиционный для японцев консерватизм по большей части пошел им только на пользу.

Набравшись профессионального и практического опыта во Франции, Мори отправилась изучать фэшн-индустрию в США. Там она посещала курсы дизайна, часто ходила по крупным универмагам, продававшим готовую одежду известных брендов, изучая каждую деталь ее изготовления. Но однажды она спустилась в подземный этаж одного из торговых центров, где продавались дешевые и некачественные товары, сделанные в Японии, и была просто шокирована таким открытием. И после этого она долго еще не переставала искать ответ на вопрос, как случилось так, что ее страна с такой древней и богатой культурой вынуждена была довольствоваться столь плачевным положением в мире моды. И это придавало ей силы в достижении поставленной весьма амбициозной цели – стать профессиональным модельером.

А еще, будучи в США, она открыла для себя оперу, малопопулярный жанр в Японии. Однажды Мори попала на постановку «Мадам Баттерфляй», которая потрясла ее настолько, что именно с тех пор бабочка навечно стала ее визитной карточкой. И именно здесь, в Нью-Йорке, в 1965 г. она впервые представила свои работы на суд местных и зарубежных знатоков моды. Коллекция называлась весьма символично: «Восток встречается с Западом» – тема, которая пронизывает все творчество модельера. Публику потрясло в этом показе буквально все: и непривычные силуэты, и крой, во многом заимствованный из традиционной японской одежды. При этом, в отличие от будущих японских модельеров авангардного толка, Мори не искажала человеческое тело, а украшала его, следуя в целом европейским лекалам.

Другим запоминающимся моментом оказался материал, из которого были выполнены эти шедевры. Это – тончайший японский шелк с популярным японским декором – изображениями бабочек, ирисов, хризантем, – который переливался всеми красками, почерпнутыми из самой природы. Одним словом, одежда, представленная молодой японкой, была довольно консервативна и близка по своему духу европейцам и американцам, но особенно впечатлял поклонников традиционно японский колорит ее работ. С тех пор визитной карточкой Ханаэ стали шелковые платья, обильно украшенные цветами и, конечно, бабочками, которые исследователи моды считают лучшими дизайнерскими находками на отрезке времени с конца 1970-х

по начало 1990-х гг. Публика была в восторге, и уже через какое-то время открылись первые бутики Мори Ханаэ в Нью-Йорке и Лондоне. Но это было только начало. Вслед за этим талантливая японка запустила первую собственную парфюмерную линию и расширила географию своей известности, организовав очередные показы в Индии и на Ближнем Востоке.

А в 1977 г., утвердившись в статусе дизайнера в США, Мори все-таки приехала в Париж, на сей раз не учиться у своих коллег, а покорять столицу мировой моды. И покорила, войдя в состав Синдиката высокой моды, учрежденного еще самим Чарльзом Вортом. Так она стала первым азиатским модельером, разрабатывающим одежду *haute couture*. Ее стиль, сочетающий в себе этнические мотивы и универсальность, был и здесь принят с восторгом. Ее модели все чаще стали появляться на страницах американского *Vogue*, ее постоянными клиентками стали женщины из японской императорской семьи, представительницы высшей знати и богемы других стран, жены политиков и дипломатов. Вот только несколько имен: Жаклин Кеннеди, Хиллари Клинтон, Нэнси Рейган, принцесса Монако Грейс Келли и т.д. А еще следует вспомнить, что именно Мори придумала свадебное платье для императрицы Масако, усеянное гирляндами из роз.

На волне своей популярности Мори открыла бутик в Париже. И в скором времени торговый знак ее фирмы – красочные бабочки – разлетелись по планете: почти 70 магазинов по всему миру давали доход ее фирме, превышающий 40 млрд. иен в год (323 млн. долл.). Как писали в те годы американские газеты, «изделия Ханаэ Мори помогли нам избавиться от предубеждения, что лейбл “Japan” – признак дешевого низкокачественного товара». Считая себя сугубо европейским дизайнером, Мори никогда не порывала с традициями японской культуры. Предложенный ею интернациональный стиль всегда сохранял едва уловимые приметы Востока

Как у большинства домов высокой моды, основным источником ее дохода являлась готовая одежда с маркой «Мори Ханаэ», которая успешно продавалась по всем миру. Однако в условиях экономического спада после кризиса конца 1990-х гг. дорогая одежда в Японии потеряла массовый спрос, и, несмотря на всемирную известность и безупречную репутацию, модный бизнес Мори стал убыточным. Ее иностранные конкуренты также немало сделали, чтобы вытеснить известного модельера с международного рынка моды. В результате

в 2002 г. в связи с огромными объемами долга принадлежавшая ей линия *prêt-à-porter* (готовой одежды) перешла в руки концерна Mitsui & Co. Ltd. Однако и это еще не было концом звездной карьеры. После закрытия собственного бренда Мори Ханаэ еще какое-то время осуществляла руководство своими ателье в Париже и Нью-Йорке, где шили одежду для избранных особ. Да и в Токио на улице Омотэсандо еще долго действовал ее знаменитый дом моды, прославляя ее имя, но уже торгуя изделиями, разработанными и выполненными под руководством других мастеров. В очередной раз легендарное имя Мори Ханаэ прозвучало на Неделе моды в Токио в конце 2010-х гг. на представлении новой линии женской одежды Hanae Mori Manuscript, правда, разработанной уже не ею, а молодым дизайнером Амацу Ю 天津憂 (р. 1979). Его тогда прочили в продолжатели дела Мори, но из этой затеи так ничего и не вышло. При этом сама Мори тогда еще оставалась в мире моды, создав благотворительный фонд для поддержки молодых дизайнеров, который возглавляла вплоть до своей смерти в 2022 г., когда этой великой женщине уже шел девяносто седьмой год. Возможно даже, что самых талантливых из них когда-нибудь символично нарекут «внуками Мори», поскольку именно от нее ведут отсчет истории современной японской моды, и уже следующее за ней поколение прославленных японских дизайнеров на Западе с любовью называют «детьми Ханаэ Мори».

Самый парижский из японских кутюрье

Японские дизайнеры в Париже – это особое явление. Японская культура органично влилась во французскую моду, но не смешалась с ней. Сегодня самым парижским из всех японцев и первым японским мужчиной-кутюрье часто называют Такада Кэндзо. Его предшественница Мори Ханаэ когда-то не без гордости сказала: «Я завоевала мир, в котором женщинам не было места»[4]. Она говорила так о верхушке мировой моды, во главе которой в те годы находились мужчины. Наверное, нечто похожее, но в зеркальном отражении, произошло и с Такада Кэндзо, который стал первым мужчиной-модельером в японской фэшн-индустрии, в те годы преимущественно женской.

[4] Егорова С. Как Ханаэ Мори стала первым дизайнером из Японии…

В Японии долгие годы мода считалась чисто женским занятием. Профессия дизайнера одежды для мужчины являлась малопрестижной, да и двери профессиональных учебных заведений были закрыты для юношей. И многим ныне прославленным японским модельерам-мужчинам пришлось выдержать довольно серьезное сопротивление семьи, а порой получить вначале другое образование, прежде чем избрать моделирование одежды делом своей жизни. Но, как правило, всемирная слава к ним приходила далеко не сразу и не из Японии, а из Парижа, где они вначале проходили школу выживания, а затем их ждал стремительный профессиональный взлет. Такада Кэндзо проделал в своей жизни и творческой биографии именно этот типичный для того времени путь.

Он родился в 1939 г. в г. Химэдзи и с ранних лет окунулся в мир красоты и искусства. Еще учась в средней школе, он с искренним интересом наблюдал за учебой своей старшей сестры в школе кройки и шитья. Она часто приносила домой популярные в те годы журналы «Химавари» и «Сорэйю», которые выпускал известный японский художник Накахара Дзюнъити 中原淳一 (1913–1983). В этих изданиях публиковались его рисунки с изображением миловидных кукольных созданий, напоминающих героинь *манга* для девочек, в чем Накахара не знал себе равных. Кэндзо очень нравились эти образы, и он любил копировать их на бумаге. Как впоследствии рассказывал сам модельер: «Через эти журналы я впервые соприкоснулся с миром моды, ощутил аромат Европы»[5].

Вот почему, когда настало время выбора профессии, он первым делом навел справки о возможности поступления в учебное заведение дизайнерского профиля, но прежнее табу еще продолжало существовать. И тогда Кэндзо не без давления со стороны семьи поступает на отделение английского языка и английской литературы в Институт иностранных языков г. Кобе. Но проучился он там немногим больше семестра, когда случайно увидел в электричке объявление о первом наборе молодых людей в престижный колледж «Бунка фукусо: гакуин» 文化服装学院, который в силу его популярности обычно называют просто «Бунка». И конечно же, не слушая возражений родителей, он бросает институт и направляется в Токио, где, пройдя профес-

[5] Исидзэ М. Кендзо Такада: «В России сбалансированно сочетаются западная, европейская культура и восточная, азиатская…» *Япония. Стили и жизни.* Осень 2012. С. 5.: https://www.ru.emb-japan.go.jp/MAGAZINE/MAGAZINE_7/All%20articles.pdf

сиональный отбор, поступает на кафедру преподавания и дизайна. Жил он вместе с другом в маленькой съемной комнатке, на жизнь подрабатывал везде, где повезет, порой даже подмастерьем маляра. Но все-таки для будущей знаменитости это был счастливый период в жизни. Потом он с большой теплотой рассказывал об этих годах, о дружбе с сокурсниками, среди которых были Косино Дзюнко コシノジュンコ (p. 1939) и другие будущие знаменитости подиума. Но чаще всего Такада вспоминал своего преподавателя Коикэ Тиэ 小池千枝 (1916–2014), которая незадолго до этого побывала в Европе и в восприятии романтичного юноши олицетворяла собой свободный дух Европы. А непосредственно с новинками из Европы начинающий модельер познакомился на показах моделей Пьера Кардена, которые были организованы прямо в актовом зале колледжа во время его приезда в Японию в 1957 г.

Сам же Такада отправился в Париж в 1965 г., уже после того как окончил колледж и проработал какое-то время дизайнером женской одежды в универмаге «Санай», куда он попал, выиграв нескольких студенческих конкурсов. По совету своей любимой преподавательницы Коикэ он отказался от привычного авиаперелета в Париж через Европу и отправился морем на торговом судне. Путь пролегал из Иокогамы до Марселя через портовые города многих стран – Гонконг, Тайвань, Сингапур, Макао, Барселону и т.д. Это заняло в общей сложности около месяца. По ходу морского путешествия молодой дизайнер знакомился с укладом жизни разных народов, изучал их национальную одежду, открывал для себя необычные и разнообразные сочетания цветов местных тканей и т.д. Спустя годы, вспоминая прошлое, Такада Кэндзо не раз говорил о том, что полученные тогда неожиданные и разнообразные впечатления сильно повлияли на его дальнейшее творчество, пробудив в нем огромный интерес к этническому стилю, основателем которого он вошел в историю моды. Но на тот момент все мысли молодого человека были заняты ожиданием долгожданной встречи со столицей мировой моды. В Париже он первоначально планировал провести всего несколько месяцев, но стремительное развитие его профессиональной карьеры на долгие десятилетия связало модельера с этой страной, где он провел и последние дни своей жизни в октябре 2020.

Первые впечатления от Парижа не стали столь светлыми и радостными, как представлял себе начинающий дизайнер. Город поначалу

показался Такада Кэндзо блеклым и унылым, пока он не увидел Собор Парижской Богоматери, который потряс его своей красотой. И тогда молодому человеку захотелось окрасить в яркие тона эти грустные пейзажи. Он начал рисовать свои знаменитые цветы, радуя и себя, и окружающих, и все это – несмотря на то, что сам мучительно переживал в это время полную бытовую неустроенность и безденежье. Но случилось чудо, и благодаря его рисункам о нем заговорили в Париже. И этот во многом случайно возникший художественный промысел помог молодому художнику не только хоть как-то наладить свою жизнь, но и обзавестись полезными знакомствами среди художественной богемы. При поддержке новых друзей он вскоре стал работать стилистом на текстильной фабрике и одновременно рисовал эскизы для модных домов, получая за каждый из них 25 франков. А в свободное время молодой человек шил одежду просто для себя из ткани, которую привез из Японии, а также из купленных на блошином рынке лоскутов. Большего он позволить себе тогда не мог. Но из этой эклектики фактур и материалов, парижского настроения и традиций японской культуры родилась первая коллекция его работ.

В 1970 г. один из местных приятелей предложил Такада Кэндзо снять небольшое полуразвалившееся помещение бывшей галереи неподалеку от Гранд Опера, и тот обрадовался такой возможности. Переселившись туда, он сразу же приступил к ремонту помещения, декорируя его под джунгли в стиле рисунков Анри Руссо – тропические цветы, листья и звери. Так было положено начало самобытному этностилю модельера, насыщенному яркими экзотическими цветами, птицами, бабочками, который не теряет своей актуальности и по сей день. Так родился бренд Такада с экзотическим названием “Jungle Jap”. Его презентация происходила непосредственно перед открытием магазина на первом этаже здания.

Коллекция состояла из 50 моделей, которые демонстрировали не профессиональные манекенщицы, а знакомые девушки Кэндзо, которые не требовали за работу никакой оплаты. Правда, вместо строгого дефиле они устроили веселое шоу с танцами в странной для того времени одежде. Модельер вынужден был экономить на всем и в особенности на тканях, на которые было затрачено не более 200 долл. Отсюда – его особое увлечение так называемыми лоскутными нарядами (пэчворк), что стало главной отличительной чертой его первой

коллекции. Зрителей тоже оказалось немного, но среди них можно было встретить знаковые фигуры во французском мире моды. Так что, хотя презентация первой коллекции Такада прошла без особой помпы, слухи об этом событии быстро распространились по Парижу. И через несколько дней на обложке очередного номера модного журнала *Elle* уже красовалась фотография лучшей из представленных Такада моделей. Это была победа начинающего мастера и его смелый вызов своему кумиру – Иву Сэн-Лорану. А еще через год Кэндзо уже представлял свои модели в Нью-Йорке и Токио.

Секрет его успеха состоял в том, что в первой же коллекции он соединял формы европейской одежды и кимоно. На основе японских традиций он создал свой оригинальный свободный силуэт, обеспечивающий непринужденность и раскованность движений, сохранив приверженность яркой необычной цветочной палитре и рисунку, контрастирующему с серой обыденностью. В душе Такада давно таил дерзкий вызов традициям высокой моды и стремление создать моду заново. «Мне хотелось сделать что-то нестандартное, и я показал одежду, дизайн которой не был связан с устоявшимися здесь представлениями, – отмечает в одном из интервью модельер. – Я использовал материал для кимоно и традиционные ткани. Кимоно подсказало мне идею просторной одежды. Азия тоже вдохновляла меня. Это было слияние японского и западного стилей. Мне кажется, мое творчество как раз обусловлено тем, что я – японец, моим японским восприятием. И еще, думаю, в моем творчестве мне помогала та самая эпоха»[6].

Незадолго до этого, в 1968 г., Францию потрясли студенческие бунты, приведшие к отставке правительство де Голля и поставившие перед жителями страны вопросы поиска новых путей общественного развития. Это была свободная эпоха, построенная на контрастах, эпоха, испытавшая большое влияние движения хиппи с их тягой к свободе, сексу, наркотикам и т.д. Общественные перемены повлекли за собой и серьезные трансформации в области моды, завершившиеся переходом от высокой моды *haute couture* к повседневной *prêt-à-porter*, от одежды дорогого пошива на заказ, рассчитанной на состоятельную публику, к более дешевой готовой одежде массового производства.

[6] Исидзэ М. Кендзо Такада… С.6.

Стиль Кэндзо точно отвечал этим запросам парижской моды. Его модели ярко контрастировали со строгими нарядами французских модельеров 1960-х гг. своей подчеркнутой сексуальностью и гламуром. А еще, по словам самого же модельера, «его одежду отличала высокая функциональность, одежда подходила под климатические условия любой местности». Модельер ориентировался, как говорил он сам, «на одежду для женщины, в которой она одна может ездить в метро»[7].

Такада ввел на Западе моду на просторные мешковатые фасоны, скрывающие фигуру. Он искусно вписывал в современные тренды пышные рукава и шаровары, элементы кимоно, многослойность и другие особенности японской национальной одежды. Хлопок, редко используемый в модных парижских домах, позволял экспериментировать с большими пропорциями и свободным кроем и т.д. Одним словом, «эстетика Кэндзо попала в стиль и образ того времени и помогла ему стать знаменитым»[8].

А еще модельер буквально поразил местную публику, продемонстрировав на первом же показе совершенно новый тип дефиле с музыкой, клоунадой и фейерверком. С тех пор элементы театрального действа прочно вошли в парижские показы мод. И это он тоже заимствовал из национальной культуры, возможно, даже из спектаклей театра Но, преданным поклонником которого он оставался всю жизнь. Достаточно вспомнить его знаменитую экспозицию Kenzo No, с которой он приезжал в Москву в 2012 г. На ней были представлены картины, изображающие кутюрье в костюме артиста театра Но, а также видеокадры спектаклей.

Казалось бы, что может быть общего между современным дизайном прославленного мастера и древним японским театральным искусством? Он сам дал ответ на этот вопрос в одном из интервью: «Традиционная культура любой страны имеет глубокую историю. Я сам как японец, и театр Но как традиционная культура Японии, сливаемся воедино. Иногда это может быть классикой, а иногда модернизмом. Я всегда это чувствую»[9]. И еще одно откровенное высказывание

---

[7] Мидзусима М. Основатель Kenzo: Кэндзо Такада. *Япония. Стили и жизни.* Весна 2021. С. 11.: https://www.ru.emb-japan.go.jp/MAGAZINE/MAGAZINE_22/2021_SPRING_all.pdf

[8] Делюкин Е. «Мода для всех, она не должна быть серьезной»: кем был Кендзо Такада, создавший бренд Kenzo… *VC.ru* https: //vc.ru/design/164261-moda-dlya-vseh-ona-dolzhna-byt-sereznoy-kem-byl-takada-sozdavshiy-brend-kenzo.

[9] Исидзэ М. Кендзо Такада... С. 7.

Такада на этот счет: «Моя принадлежность к японскому народу, конечно же, является основой моего творчества. В то же время вдохновение от японской традиционной культуры я воплощаю в одежде, пропуская через свой собственный фильтр. Когда я представил свою коллекцию в 1970 году, я идентифицировал себя как японца, азиата»[10].

Однако настоящую известность Такада Кэндзо приобрел лишь после 1976 г., когда зарегистрировал свой всемирно известный бренд “Kenzo” и открыл флагманский магазин в центре Парижа. А “Jungle Jap” ушел в историю. Так посоветовали ему в США, так как прежнее название оказалось некорректным в отношении японцев. Вместе с новым названием бренда модельер создал целое новое направление в европейской моде – «деструктивный кутюр». Показы его коллекций превратились в грандиозные шоу – на площадках размером со стадион, рок-музыкой, приглашенными знаменитостями. Билеты продавали всем желающим. Так, в 1978 и 1979 гг. Кэндзо устроил шоу в цирке с наездницами на лошадях в прозрачной униформе, а сам модельер в конце программы выезжал на арену на слоне.

В дополнение ко всему в 1980 г. Кэндзо занялся парфюмерным бизнесом, который, по его словам, начал буквально «ради развлечения». В результате аромат Flower by Kenzo журнал *Vogue* назвал одним из лучших классических французских духов всех времен. Вслед за этим на волне необычайной востребованности в 1980-х гг. модельер расширил линейку одежды: в 1983 г. появилась мужская коллекция, в 1986 г. – детская, началось производство мужских и женских джинсов. Следующим шагом в его головокружительной карьере стало сотрудничество с бюджетными брендами, что газета *The New York Times* назвала новаторским подходом[11]. В 1984 г. Такада подписал контракт с сетью доступных магазинов Limited Stores на создание недорогой одежды Album by Kenzo, чем вызвал среди других торговых домов большие опасения по поводу судьбы его основного бренда. Но модельер, хотя и признавал огромный риск, уверенно настаивал на том, что мода не должна быть только для избранных, и стремился к тому, чтобы сделать ее доступной каждому.

Одна за одной успешно выходят его знаменитые коллекции, а также парфюмы. Творческая активность Такада бьет ключом. Но

[10] Там же. С. 6.
[11] Там же.

тут на самом пике популярности прославленный кутюрье неожиданно продает свою торговую марку концерну LVMH и через шесть лет сам уходит из модного дома. Так что сегодня, строго говоря, назвать японской марку “Kenzo” трудно: имя самого знаменитого японского модельера носит прибыльное международное предприятие, к Такада Кэндзо уже давно не имеющее никакого отношения. В свое время сам маэстро объяснял это непростое решение множеством причин, в том числе смертью близких друзей и партнеров, сменой моды и т.д. И тем не менее какое-то время он еще пытался найти для себя новую сферу деятельности: занимался дизайном интерьера и мебели, а потом и посуды, организовывал выставки своих картин, создавал костюмы на заказ, в частности, для Токийской оперы. Но это продолжалось недолго, в 1999 г. он окончательно расстался с миром моды. Во время его прощального показа кроме топ-моделей на подиуме появилось около 200 друзей модельера, устроивших дружеское выступление. Это стало двухчасовым зрелищем, на котором было показано около 300 работ звездного модельера, созданных за почти полувековую историю его деятельности. Сам же 50-летний юбилей со дня дебюта Такада в фэшн-индустрии отпраздновали в 2000 г., после чего его имя практически исчезло из первых строчек модных показов. И тем не менее в 2002 г. он вновь громко напомнил о себе, решив создать линию одежды под символичным названием «Юмэ» («Мечта»). Его последние работы еще несли в себе отголоски художественных исканий Мори Ханаэ, но уже в большей степени предвещали грядущие перемены, которые осуществит следующее поколение японских дизайнеров.

Великий оптимист

О решительном наступлении японцев на мировые подиумы впервые заговорили в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Именно тогда к уже гремевшим на Западе именам Мори Ханаэ и Такада Кэндзо присоединились следовавшие по их стопам Миякэ Иссэй, а вслед за ним Ямамото Ё:дзи 山本耀司 (р. 1943) и Кавакубо Рэй 川久保玲 (р. 1942), которые внесли настолько кардинальные изменения в мировую моду во второй половине XX в., что их сравнивают с модной революцией. Правда, самих революционеров еще часто называют «детьми Мори». Однако, в отличие от своей знаменитой предшественницы, эти бунтари от моды бросили вызов европейским классическим

канонам в одежде, всему тому, что проповедовала она, и встали на путь «антимоды». Но их дерзкие эксперименты во многом перекликаются с принципами традиционной японской эстетики. И в этой ярко выраженной или искусно скрытой, но всегда присутствующей в их творчестве национальной окраске, возможно, и состоял тот элемент «кровного родства» с Мори Ханаэ, о котором любят писать в прессе.

На самом деле найдется куда больше оснований называть следующее поколение японских модельеров продолжателями креативных идей Такада Кэндзо. Но если Такада пытался найти компромисс между парижской модой и своим восточным взглядом на одежду, то Миякэ, Кавакубо и Ямамото совсем не пытались подстроиться к модным тенденциям в тот момент, когда появились в Париже. Главное, что они стремились донести до публики, – это то, что «одежда предназначена не только для украшения человека, но для осознанного наслаждения тем, что носишь»[12], что она несет в себе интеллектуальное начало. И более того, они настаивали, что одежда – еще и искусство и в то же самое время явление социальное. Достаточно вспомнить, как в 1982 г. Кэндзо совместно с Миякэ Иссэй устраивали модные шоу в Токио и Осаке, пропагандируя важную роль моды во всех общественных сферах – в экономике, культуре и повседневной жизни. Миякэ стал следующим, кто подхватил новые идеи Кэндзо и подготовил почву для тех серьезных трансформаций, которые назревали в мировой фэшн-индустрии.

Как и Кэндзо, Миякэ сделал свой осознанный выбор в пользу профессии модельера еще тогда, когда в учебные заведения модельного профиля допускались только девушки. Родился он в 1938 г. в г. Хиросима, в семь лет пережил атомную бомбардировку, во время которой потерял практически всю семью, а сам получил тяжелое облучение, от которого страдал всю жизнь. Но тогда ему посчастливилось выжить, и это вселило в него оптимизм. С тех пор он научился особенно остро ценить красоту, стремясь передать ее в своих рисунках. И окончив художественную школу в 1959 г., юноша сразу же отправился в Токио, где поступил в художественный университет Тама на отделение графического дизайна. И именно тогда он впервые задумался о моделировании одежды. В 1963 г. появилась его дебютная коллекция под возвышенным названием «Поэма из ткани и камня». По ней

[12] Мацусима М. Основатель Kenzo… С.11.

уже было нетрудно предсказать большое профессиональное будущее талантливого студента.

И все-таки утверждать себя как модельера молодой человек решил, как и его предшественники, в Париже, куда он и направился через год после завершения учебы в 1965 г. Цель была ясна – совершенствовать свое мастерство и добиться международного признания. Здесь он сразу же поступает в школу при Синдикате высокой моды, а после ее окончания дипломированный специалист становится ассистентом в модном доме Ги Ларош. Через год он переходит в мастерскую Юбера де Живанши, а вслед за этим и вовсе переезжает в США, где сразу же находит работу в Центре мировой массовой культуры и поп-арта. Именно эти два направления тогда более всего привлекали юношу. Параллельно он работает стилистом в мастерской Джеффри Бина, известного в первую очередь как создатель простой, удобной и нарядной женской одежды. Судьба всячески благоволила Миякэ, но долго за границей молодой человек не стал задерживаться. Набравшись полезного опыта в США, он поспешил вернуться на родину.

За время пребывания за границей Миякэ, в отличие от Кэндзо, не особенно был вдохновлен западной одеждой. Куда больше его занимал вопрос о том, как придать новое современное звучание традиционному костюму. В одном из интервью кутюрье так выразил свою мысль: «Вдали от дома, работая в Париже, я с трудом представлял свое место в моде и задавался вопросом: “Что я могу сделать как европейский дизайнер?” Тогда я понял, что мой недостаток – отсутствие европейской традиции – это и есть мое главное достоинство. Я свободен от европейских представлений об одежде, зная это, назад идти не мог и пошел вперед»[13].

В действительности, размышляя о своих творческих задумках, Миякэ никогда не брал в расчет модные тенденции последних лет, предпочитая творить свое. Правда, вместе с тем из опыта своего знакомства с Западом он навсегда вынес для себя две идеи, которым следовал всю свою жизнь. Первая – идея свободы. Он хотел создать одежду – «вторую кожу», дающую свободу движению, самовыражению личности, соединению разных культурных традиций. И вторая – идея демократичной одежды, одежды для людей. Эти принципы стали концептуальным наполнением его творчества.

---

[13] Ориентализм. История восточных влияний на западную моду (часть девятая): https://vita-colorata.livejournal.com/860040.html

Обосновавшись в Токио, будущий кутюрье начинает работать над созданием собственного бренда и собственной дизайн-студии. И это не потребовало долгого времени: в апреле 1970 г. заработала его творческая мастерская, а конце года Миякэ уже представил первую коллекцию своего бренда для сезона веста-лето 1971 г. главному редактору американского издания *Vogue* Д. Бриланд. Основная концепция этой коллекции была взята у американцев, уделяющих главное внимание простоте, удобству и практичности повседневной одежды. Как правило, это были джинсы и трикотажные майки, и Миякэ также взял за основу эту несложную комбинацию из двух предметов, декорировав белый верх портретами кумиров американской поп-культуры – рок-певицы Дженис Джоплин и музыканта Джимми Хэндрикса. При этом все принты были выполнены в стиле татуировок, являющихся, как известно, непременным атрибутом образа японской мафии *якудза*. Но если в преступном мире эти рисунки наносятся на кожу, то в коллекции Миякэ они были выполнены на ткани.

Вот такое удивительное и неожиданное смешение элементов американской и японской культур: сочетание рок-н-ролла и современного искусства с традиционным японским искусством тату 入れ墨, *ирэдзуми*. И вся коллекция была создана в том же эклектическом стиле. Речь, в частности, идет о пальто из стеганой джинсовой ткани, которая напоминала орнаменты тканей эпохи Нара (VIII в.). Далее шли яркие облегающие комбинезоны из трикотажа, похожие на костюмы конькобежцев, с рисунком, словно скопированным со старой крестьянской одежды. В дальнейшем идеи для оформления тканей дизайнер стал черпать в таких привычных предметах национального быта, как старинный японский зонтик, фонарик и т.д. Источником вдохновения для Миякэ не раз становились старинные гравюры. А из японских традиций костюма модельер перенял стремление к комфорту, универсальности, а также многослойности и свободному широкому крою. Его привлекали такие геометрические фигуры, как прямоугольник, квадрат и круг. Именно такие формы имеют его модели в разложенном виде.

Все эти обращения к национальной культуре вряд ли позволяют причислить Миякэ к последователям западной моды, но и прямое и единственное влияние исключительно восточной художественной традиции на его творчество тоже трудно признать. Так что, наверное, правы те, кто считает модели Миякэ японскими по корням,

западными по духу и универсальными по принципу, – чем-то бóльшим, чем одежда[14]. О нем заговорили как о смелом новаторе и авангардисте в области фэшн-индустрии, подогревая интерес как к самому молодому дизайнеру, так и к его бренду

На волне растущей популярности, быстро преодолевшей границы Японии, в том же 1972 г. Миякэ открывает свои офисы в Париже, а затем и в Нью-Йорке, где он впервые за рубежом показал свою новую коллекцию сезона осень–зима 1971–1972 гг. в рамках открытия галереи «Японский дом». В 1973 г. дизайнер уже принимает участие в парижской и нью-йоркской Неделях *prêt-à-porter*, с чего, собственно и началась его известность в мире моды. В 1974 г. появляется первый фирменный бутик в Токио, а в следующем году – в Париже. При этом настоящее признание на родине приходит к Миякэ лишь в 1977 г., когда ему присудили престижную премию газеты *Майнити симбун* 毎日新聞, впервые доставшуюся дизайнеру. И все равно на Западе куда больше знали и чтили профессиональные заслуги японского кутюрье. В 1999 г. журнал *Time* назвал его вместе с Далай-ламой и Мао Цзэ-дуном одним из самых влиятельных людей Азии XX в. Он получил почетную докторскую степень в лондонском Королевском колледже искусств, а также Орден Почетного легиона от французского правительства и т.д. Среди его многолетних и верных поклонников можно назвать Майлза Дэвиса – известного джазового музыканта, Роберта Раушенберга – художника поп-арта и др.

Его давним почитателем и просто хорошим знакомым был основатель корпорации *Apple* Стив Джобс, в гардеробе которого долгие годы была практически незаменимой знаменитая черная водолазка от Миякэ, вошедшая в энциклопедию моды, как когда-то маленькое черное платье Коко Шанель. Любовь к этому базовому предмету одежды началась у Джобса еще в 1990 г., когда он побывал в офисе компании *Sony* и увидел, что носят сотрудники. Тогда он обратился к Миякэ с просьбой сделать то же самое для него самого и его команды. Правда, идея именно черного цвета в его офисе не прижилась, так что разработанная униформа стала ассоциироваться именно с Джобсом. В его гардеробе было около сотни одинаковых черных моделей, которые, несмотря, на внешнюю простоту, обладают редкой элегантностью и комфортом в носке за счет качества материала,

[14] См.: https://theside.ru/mhk/modeler-issey-miyake#slides-15.

хорошо выверенных пропорций и т.д. Показательно, что когда Джобс ушел из жизни в 2011 г., дизайнер в память о нем сразу прекратил производство этого изделия.

Другое не менее популярное изобретение Миякэ – это красный силиконовый корсет, точно повторяющий изгибы женского тела. Он сделан из формованного армированного волокна, пластика, но при этом практически точно повторяет образцы традиционных народных промыслов – лаковых изделий, которыми славится Япония. Над созданием этого оригинального скульптурного эксперимента дизайнер трудился почти пять лет. Сейчас этот эксперимент уже не вызывает удивления, но в начале 1980-х гг. это было настоящим прорывом в мире фэшн-индустрии. Затем в коллекции весна–лето 1982 г. появились жесткие конструкции, сплетенные из ротанга, которые напоминали одежду самураев. А дальше – лифы из проволоки, желтый дождевик из пропитанной маслом бумаги ручной работы, трико телесного цвета с черными геометрическими рисунками и т.д. В этом же ряду стоит его коллекция “Second skin” («Вторая кожа»), выполненная из эластичного трикотажа, которая состояла из фантастических вещей, напоминающих «костюм змеи», щедро декорированный цветными «татуировками».

И, наконец, еще одна до сих пор востребованная дизайнерская находка Миякэ – сумка Бао Бао (Bao Bao). Эту хорошо известную вещь, наверное, видел даже самый далекий от моды человек. Ее отличительная черта – это материал, покрытый слоем мозаичных треугольных панелей из ПВХ. Благодаря этой особенности изделие легко может менять форму и даже размер. Как и большинство главных работ Миякэ, эта сумка проста, но при этом берет на себя не только функции и практичность обычной классической сумки, но и превращает ее в живой движущийся предмет искусства.

Но это лишь наиболее знаковые работы Миякэ, ставшие его своеобразной визитной карточкой. На самом деле знаменитый модельер прославился не только этими новациями. Еще больше он известен как создатель новых тканей, с которыми не переставал экспериментировать всю жизнь, стараясь отыскать для людей что-то вроде «второй кожи». По мнению Миякэ, «покрой западной одежды ориентирован на тело, а покрой японской одежды на ткань» [Тормозова 2007, с. 14]. В связи с этим он пропагандировал плоский крой одежды – максимальное использование прямых линий и цельной ткани. Такая технология пошива позволяет сохранять традиции кроя кимоно.

Первые свои изделия Миякэ создавал из натуральных полотен, сделанных из хлопка и джута со следами ручной окраски и промывки в речной воде. Затем мастер стал все больше интересоваться современными технологиями, созданием оригинальных фактур тканей и, подобно химику, скрупулезно работать над изобретением новых материалов, используя традиционные и новые техники. Так появились надувные брюки, плиссированные туники с вкраплениями металлических нитей. Затем настал черед дутым штанам из нейлона и, наконец, знаменитым хитонам. А в 1990-е гг. фантазия заставила его переключиться с осязаемых образов на невидимые – он увлекся созданием парфюма. И один из первых придуманных им ароматов был посвящен «минутам счастья» (*фуку*), о чем я уже писала.

И все-таки среди всего этого обилия креативных идей следует выделить три гениальных авторских идеи, которые легли в основу разработанных им коллекций одежды. Речь, в первую очередь, идет о знаменитом плиссе Миякэ, идею которого он вынашивал еще с 1982 г., а с 1988 г. начал экспериментировать с разными материалами из натуральных и синтетических волокон, которые смешивал в самых невероятных комбинациях. Спрашивается: к чему он стремился? Ведь техника плиссировки уходит своими корнями в далекое прошлое. Но это было новым прочтением старой идеи. Если раньше одежду кроили из плиссированных тканей, то Миякэ поступил наоборот: готовые вещи из специально термически обработанного полиэстера, которые шились специально в два-три раза больше необходимого размера, укладывались складками между двумя слоями тонкой бумаги под горячий пресс. Плиссе показалось Миякэ идеальным материалом не только для повседневной жизни, но и для костюмов танцовщиков, поскольку этот метод основывался на использовании горячего пара и особого переплетения нитей, а значит, изделия можно было не бояться помять, можно было стирать, не боясь повредить. Так в 1993 г. был запущен весьма успешный в коммерческом плане бренд “Pleats Please”.

Далее следует сказать о другой легендарной линейке одежды *A-POC*, которая произвела настоящую революцию в области дизайна одежды в 1990-е гг., хотя сама идея овладела дизайнером еще в 1976 г. Эта загадочная аббревиатура расшифровывается как “A Piece of Cloth” (кусок ткани) и означает принцип, базирующийся на традиционной японской эстетике. Силуэт изделия прямой, не соответствующий

линиям тела и использующий ткань по максимуму, что напоминает кимоно, которое традиционно воспринималось не только как одежда, но и как картина, нацеленная на художественное и эмоциональное восприятие. Это по существу и есть основа концепции «кусок ткани»: максимально простой крой и полная свобода вариаций. Представьте себе: обмотанный вокруг тела кусок ткани, оснащенный прорезями и минимумом деталей, что позволяет менять силуэт и назначение вещи. Внешне процесс созидания выглядит примерно так: из специального аппарата подается ткань в форме цилиндра и ли же непрерывной «трубы», вытканной из единой нитки, на которую при помощи перфорации нанесены несколько вариантов линий будущего силуэта, сопряженных между собой. Выбрав наиболее понравившийся вариант, сам покупатель прямо в магазине может вырезать ножницами готовое платье без всяких швов. При этом отходов практически не остается: мелкие обрезки превращаются, к примеру, в варежки и т.д. «Без изобретательности тех, кто будет ее носить, моя одежда – не одежда»[15], – как-то сказал Миякэ.

Сам Миякэ всю жизнь много фантазировал, постоянно экспериментировал с различными вариантами складок на одежде, применяя самые невероятные способы изготовления: кручение, сдавливание, комкание, усадку. Его шутливо называли «королем складок». Одним из его гениальных замыслов стала высказанная в 2000-х гг. идея перенести принципы японского искусства *оригами* (изготовление различных конструкций и моделей из бумаги) на ткань. В результате из детской забавы родился новый метод создания «вырезанных» моделей, который сегодня с удовольствием используют в своем творчестве многие известные мастера одежды. На Западе этому новому японскому открытию сразу же приписали влияние любимого там *high tech*, причислив Миякэ к самым ярким представителям этого направления.

Но на этом дело не закончилось. В 2010 г. новый бутик в Токио «132,5 Иссэй Миякэ» предложил коллекцию женской одежды, построенной на принципе «оригами наоборот». Модели такой одежды представлены в бутике сложенными в плоские фигуры так, как обычно

[15] Константину К. 5 гениальных вещей, которые создал Иссэй Миякэ: от водолазки Стива Джобса до плиссированных платьев. *Peopletalk:* https://peopletalk.ru/article/5-genialnyh-veshhej-kotorye-sozdal-issej-miyake-ot-vodolazki-stiva-dzhobsa-do-plissirovannyh-platev/

хранится кимоно. Если потянуть за уголок вверх, получится платье, юбка или топ. И это была новая оригинальная идея, исходившая уже не от самого Миякэ, а от новых дизайнеров – его учеников и последователей, занявших его место в компании после ухода великого кутюрье из бизнеса в 2007 г.

На самом деле он никогда не уходил из мира моды, а просто занялся другим видом творчества – работой в своем фонде, организацией выставок, различных шоу, новыми технологическими экспериментами, разработкой очередных креативных идей, всем тем, на что всю жизнь хватало времени. Однако тяжелая болезнь не позволила воплотить все его планы в жизнь. 5 октября 2022 г., за день до трагической годовщины бомбардировки Хиросимы, гения современной моды не стало. Но бренд Миякэ Иссэй продолжает успешно развиваться, предлагая своим преданным клиентам новинки одежды для каждого сезона и запоминающиеся ароматы в свойственном только ему оригинальном стиле. И новые коллекции, и новые коммерческие проекты, выходящие под брендом прославленного модельера, по-прежнему продолжают будоражить молодые умы.

Заключение: вклад Японии в мировую моду

Итак, нетрудно убедиться, что, несмотря на уход из жизни трех крупнейших японских модельеров – Мори Ханаэ, Такада Кэндзо и Миякэ Иссэй – их работы и идеи продолжают жить и развиваться в мире моды. А вслед за ними появилось уже не одно, а целых несколько поколений фэшн-дизайнеров, снискавших огромную популярность у модников многих стран. Сегодня японские модельеры по-прежнему остаются признанными лидерами по части самых революционных преобразований в модной индустрии. У них свой, особый взгляд на соотношение моды и стиля. Когда-то именно они спасли мир от необходимости носить строго определенные для каждого сезона фасоны, введя в обиход вечные ценности концептуальной одежды, когда стиль становится важнее моды и вещи можно носить годами. Сегодняшний потенциал Японии в области моды достаточно велик. Оригинальные творческие идеи, исходящие из Японии, бросают вызов моде западного мира. Сегодня все чаще стали говорить о работах японских модельеров как о прообразе одежды будущего. Легендарный Карл Лагерфельд, большой любитель Японии, создавший в свое время

знаменитую коллекцию «Карл в Токио», взяв за источник вдохновения традиционную национальную одежду и комиксы *манга*, не раз подчеркивал, что японские дизайнеры оказались наиболее подготовленными для XXI в.

Во всяком случае, сегодня есть немало оснований утверждать, что именно японцы с их особенно тонким видением мира, бережным отношением к окружающей среде, удивительным умением соединять в единое целое традиции и современность, национальное и заимствованное из других культур, ощущать тонкую связь между прошлым, настоящим и будущим, будут и дальше активно влиять на развитие мировой моды.

Библиографический список

Ермилова Д. Ю. (2018). *История домов моды. Учебное пособие для вузов.* Москва: Юрайт.

История моды с XVIII по XX век. Коллекция Института костюма Киото. (2003) Москва: Арт-родник.

Тормозова О. С. (2007). *Искусство современного японского костюма в контексте диалога с европейской модой XXI в.* Автореф. … канд. искусствоведения. Санкт-Петербург.

References

English, B. (2004). *Japanese Fashion Designers. The Work and Influence of Issey Miyake, Yohji Yamamoto and Rei Kawakubo*. New York: Berg Publishers.

Ermilova, D. (2018). *Istoriya domov mody. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [The History of Fashion Houses. Study Guide for Universities]. Moscow: Yurait. (In Russian).

Istoriya mody s XVIII po XX vek. Kollektsiya Instituta kostyuma Kioto [The History of Fashion, 18th – 20th Centuries. The Collection of the Kyoto Costume Institute]. (In Russian).

Kawamura, Y. (2001). *The Japanese Revolution in Paris Fashion (Dress, Body, Culture)*. New York: Berg Publishers.

Tormozova, O. (2007). *Iskusstvo sovremennogo yaponskogo kostyuma v kontekste dialoga s evropeiskoi modoi XX veka* [The Art of Modern Japanese Costume in the Context of a Dialogue With the European Fashion of the 20th Century]. Candidate of Sciences Thesis Summary. Saint Petersburg. (In Russian).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 322–338
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 322–338
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-322-338

Синкретизм в новых религиозных движениях Японии на примере Оомотокё

А. Г. Шехтер

Аннотация

Статья посвящена идейному наполнению одного из самых значимых японских новых религиозных движений XIX–XX вв. – Оомото-кё:, в значительной мере повлиявшего на методы прозелитизма и учения более поздних новых религий. Основателями некоторых из них были выходцы из Оомото (в частности – Сэйтё-но Иэ и Сэкай Кюсэйкё). Автор пытается выявить происхождение различных доктринальных элементов Оомото, которые, как и во многих других новых религиозных движениях, имеют синкретический характер, существуют бок о бок с постулатами, имеющими корни в совершенно разных религиях.

В ходе исследования выясняется, что особое влияние на Оомото оказали народные секты *кося* поздней эпохи Эдо, традиционный шаманизм, синтоистские верования и их интерпретации в рамках традиции Кокугаку, а также отдельные вырванные из контекста буддийские элементы и различного рода западные идеи, в число которых входят интернационализм и библейская экзегетика в ее весьма упрощенном, неортодоксальном и свободном изводе.

Полученные результаты дают более точное понимание японского религиозного ландшафта с конца XIX в. до наших дней и помогают лучше понять, каким образом Оомото могло повлиять на формирование учений более поздних сект. Работа также призвана привлечь внимание к слабой изученности новых японских религий в академической среде.

Ключевые слова: новые религиозные движения, синкретизм, современные секты, Кокугаку; синтоизм, буддизм; Оомото-кё.

Автор: *Шехтер Александр Геннадьевич* – лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: Jaller23rus@gmail.com

ORCID: 0009-0008-4934-0483

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Syncretism in New Religious Movements of Japan: The Case of Oomotokyō

A. G. Shechter

Abstract:

This work is devoted to the ideological content of one of the most significant Japanese new religious movements of the 19th – 20th centuries, Oomotokyō, which to a high degree influenced the proselytizing methods and teachings of later new religions, the founders of which were also descendants of Oomoto (in particular, Seicho-no Ie and Sekai Kyūseikyō). The author attempts to identify the origin of various doctrinal elements of Oomoto, which, as in many other new religious movements, are syncretic in nature, existing side by side with postulates rooted in completely different religions.

The study finds that Oomoto was particularly influenced by late Edo-era *kosha* folk religious organizations, traditional shamanism, Shinto beliefs and their interpretations within the Kokugaku tradition, as well as selected Buddhist elements taken out of context and ideas from various kinds of Western ideas, which include internationalism and biblical exegesis in its highly simplified, unorthodox, and loose version.

The findings provide a more accurate understanding of the Japanese religious landscape from the late nineteenth century to the present day and help to better understand how Oomoto may have influenced the formation of the teachings of later NRMs. The work is also intended to draw attention to the poorly studied nature of Japan's new religions in Russian-speaking academia.

Keywords: new religious movements, syncretism, modern sects, Kokugaku, Shinto, Buddhism, Oomoto.

Author: *Shechter Alexander Gennadyevich*, Assistant-Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031.
ORCID: 0009-0008-4934-0483
E-mail: Jaller23rus@gmail.com

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Термином «новые религиозные движения» (далее – НРД) в Японии принято обозначать религиозные направления, которые, как правило, возникли и продолжают возникать с начала XIX в. до наших дней. В японской и западной академической среде они также известны под термином 新宗教, *синсю:кё:*, «новые религии», в отличие от «укоренившихся религий» 既成宗教, *кисэйсю:кё*, то есть все известные деноминации традиционного японского религиозного ландшафта [Winter 2018, p. 17]. Японские НРД мало изучались в русскоязычном научном сообществе. Из востоковедческих работ на эту тему можно отыскать в основном статьи [Бабкова 2022]. Тем не менее некоторые представители новой японской религиозности все же привлекли внимание отечественных исследователей, например, секта Тэнрикё: 天理教, разобранная в книге [Комаровский и др. 2014]. Кроме того, хорошо изучена Аум синрикё: オウム真理教, *о:му синрикё:*, основанная в 1984 г. Асахара Сё:ко: 麻原彰晃 (1955–2018). Уже к концу 1980-х гг. она приобрела репутацию недобросовестной организации – тогда поползли слухи об обмане прозелитов и вымогательстве денег. Помимо ряда иных правонарушений с использованием химического оружия[1], секта известна свои главным преступлением – зариновой атакой 1995 г. в токийском метро. Аум синрикё: была очень популярна в России: к 1995 г. в ее российском отделении насчитывалось в восемь раз больше последователей, чем в японском (около 50.000 человек)[2]; активно велась кампания по прозелитизму – на телеканале «2х2» и на

[1] Bacillus anthracis Bioterrorism Incident, Kameido, Tokyo, 1993. *The National Center for Biotechnology*.: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3322761/ ; Japanese cult used VX to slay member. *ACS Publications*.: https://pubs.acs.org/doi/10.1021/cen-v076n035.p007

[2] «Аум синрике» в России. *Коммерсантъ*, 30.09.1999: https://www.kommersant.ru/doc/226542?query=%D0%B0%D1%83%D0%BC%20%D1%81%D0%B8%D0%BD%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B5

радиостанции «Маяк» регулярно выходили передачи Аум. Все это не могло не заинтересовать как отечественных японоведов[3], так и религиоведов[4]. НРД на основе буддизма школы Нитирэнсю: 日蓮宗 под названием Сока гаккай 創価学会 (основана в 1930 г.) тоже затрагивалась в энциклопедических[5], а также аналитических статьях [Молодякова 2012]. Наиболее всеобъемлющим научным трудом о Сока гаккай, а также о других НРД нитирэновского толка на данный момент является книга Игнатовича А. Н. и Комаровского Г. Е. «Лотос и политика» [Игнатович, Светлов 1989]. Иными словами, если об определенном уровне изученности вышеперечисленных новых религий в русскоязычной академической среде говорить можно, то другие представители японских НРД до сих пор остаются без внимания.

На данный момент японские новые религиозные движения оказывают ощутимое влияние на общество, что выражается, в частности, в их внутриполитической активности. Здесь снова можно привести пример Сока гаккай, адепты которого создали партию Ко:мэйто: 公明党 в 1964 г., а в 1986 – религиозное формирование Ко:фуку-но кагаку 幸福の科学, выступающее на политической арене в виде партии Ко:фуку-дзицугэнто: 幸福実現党 (с 2009 г.). Кроме того, «паствы» японских НРД, судя по всему, весьма внушительны и составляют около 10% от всего японского населения (порой исследователи даже говорят о 10–20% [Mullins 2011, p. 65]). Следует понимать, что цифры эти весьма условны – критерии «адепта» той или иной японской НРД крайне расплывчаты[6]. Ситуации не помогает и то, что в современном японском обществе, как правило, не принято ставить во главу своей идентичности приверженность тому или иному религиозному движению. Так или иначе приведенная статистика говорит об определенном влиянии японских НРД на жизни японцев.

[3] К примеру, социально-психологический фактор преступлений секты был затронут в диссертации А. Е. Раевского [Раевский 2015].

[4] Так, к примеру, И. Я. Кантеров, религиовед неяпоноведческого профиля, написал статью про Аум Синрикё: в Большой Российской Энциклопедии: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1840127

[5] Икэда Дайсаку, статья в Большой российской энциклопедии. Автор: Э. В. Молодякова: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2004589

[6] Не вполне понятно, кого записывать в «адепты»: человека, прошедшего некую инициацию? Подписавшего какие-то особые бумаги? Или же просто регулярно слушающего проповеди той или иной секты? А может быть, этот вопрос остается только на уровне личного мировозренческого восприятия конкретного индивида? Пожалуй, в определенной мере в современной Японии схожий вопрос касается и «укоренившихся религий».

Изучение новых религий Японии важно и для понимания современной японской религиозности[7], осевым моментом в формировании которой можно считать как эпоху конца сёгуната, так и даже более ранние периоды эпохи Эдо. Бакумацу и период реставрации Мэйдзи характеризовались активным вторжением западных идей в японское общество, что сильно повлияло на формирование отношения его представителей как к своим религиям, так и чужеродным, а также дало почву для совершенно новых религиозных образований. В то же время поток новых идей – отнюдь не единственный компонент формирования новых религиозных движений и новой японской религиозности в целом. Немаловажную роль сыграли и традиционные для Японии верования, о чем далее и пойдет речь.

Народный теизм как генезис новых религиозных движений в Японии

«Отец японского религиоведения» Анэсаки Масахару 姉崎正治 (1873–1949) еще в 1930-х гг. обратил внимание академического сообщества на народные культы XIX в., которые исследователь объединил под зонтичным термином «народный теизм» [Anesaki 1930, p. 309–311]. Такие секты по-японски нередко именовались термином 講社, *ко:ся*, что обычно переводят как «религиозная община» или «религиозное братство». Буквальный же перевод этого иероглифического бинома – «сообщество проповеди/чтения вслух», что, вероятно, связано с институциональным положением этих сект в эпоху Токугава. В то время *ко:ся* в условиях сильного религиозного контроля со стороны *бакуфу* были вынуждены официально аффилировать себя с буддийскими институтами. Первый иероглиф 講 на тот момент имел в основном буддийские коннотации и использовался в слове 講会, *ко:э*/*ко:кай*, обозначавшем собрание буддийских монахов (а иногда и мирян[8]) для чтения вслух буддийской литературы и скандирования сутр или для проповеди. До появления феномена «народного теизма» само слово *ко:ся*, как правило, обозначало лишь коллектив,

[7] Термин «религиозность» в рамках данной статьи обозначает качество, тесно связанное с религиозным сознанием и поведением представителей японского общества, а также оценками такого поведения.

[8] 講社とは [What is Kosha?]. 本願寺とともに [Together with Honganji]. (In Japanese): https://kousha.hongwanji.or.jp/html/cat2.html

проводящий такого типа буддийские собрания. Исключением можно считать использование иероглифа 講 в контексте конфуцианских[9] центров образования для самураев 藩校, *ханко:*. Знак 講 в данном случае использовался для обозначения поучений или, говоря современным языком, лекций. Одна из школ-*ханко:* в княжестве Такамацу так и называлась 講道館, *Ко:до:кан*, то есть «Дом чтения лекций о Пути».

Весьма любопытно, что у сект-*ко:ся* мы находим сильно выраженный генотеистический элемент, почти что граничащий с монотеистическим. Главенство определенных божеств в различных синтоистских культах – совершенно неудивительный для Японии феномен: в святилище в какой-нибудь деревне может жить один *ками*[10], которого почитают местные жители, пытающиеся смягчать его буйный нрав различными ритуалами (к примеру, празднествами *мацури*). А в селе неподалеку будет совершенно другое святилище с иным божеством, методы угождения которому могут разительно отличаться. Таким образом, каждое божество властвует только на своей территории.

Секты «народного теизма» отличились тем, что зачастую выдвигали какое-то божество в качестве властителя или создателя всего мира вообще. Анэсаки даже выдвинул гипотезу, что на народных теистов могли повлиять японские подпольные христиане *какурэ киристан*, которые почти всю эпоху Эдо старались сохранять запрещенную на тот момент в Японии христианскую традицию [Anesaki 1930, p. 312].

Проследить христианские корни «народного теизма» легче всего на примере первого религиозного движения подобного рода, основанного в 1802 г. крестьянкой Киноきの (1756–1826) из провинции Овари. Свое наименование это движение получило более сотни лет спустя: в 1927 г. на секту обратила внимание японская наука и назвала

[9] На деле спектр направлений мысли в этих школах был весьма различен в зависимости от конкретной *ханко:* и эпохи. Если изначально все дисциплины в *ханко:* были преимущественно конфуцианскими, то начиная с XVIII в. в этих школах наблюдалась заметная диверсификация: популярными стали Кокугаку, «национальная наука», и даже Рангаку, «голландская наука», изучавшая все европейские знания, проникшие в Японию в период самоизоляции. Адепты интеллектуального движения Кокугаку изучали тексты японской классики, а также пытались сконструировать из *синто* полноценное философского-религиозное течение со своей герменевтикой, теологией, разработанной доктриной и т.д.

[10] Безусловно, существуют и святилища с несколькими божествами. Особенно много их появляется в период Мэйдзи (1868–1912), когда правительство активно старалось «переносить» культы нескольких святилищ в одно, «спаивать» их в единый культ ради бюрократического удобства.

ее 如来教, Нёрайкё:, учением Татхагаты[11] [Anesaki 1930, p. 312]. Сами же последователи Кино назвали свое движение この度, *Конотаби*, что, вероятно, правильнее всего перевести как «[учение о] нынешней эпохе, [знаменующей собой спасение человечества]». Религиозный нарратив секты записывался со слов Кино четырьмя писарями и в конце сверялся пятым участником всего действа – слушателем. Согласно текстам секты (около трехсот свитков), генотеистический[12] бог, зовущийся Татхагатой, несет свое последнее слово человечеству через горное божество Компира 金毘羅, которое, в свою очередь, передает его шаманке Кино. Татхагата пытался спасти людей и до этого, посылая на землю всяческих святых, но они всякий раз не справлялись со своей миссией. Но «в этот раз» (*коно таби*) бог обрел сосуд, способный вместить и передать полное и неискаженное божественное послание о спасении человечества: этим сосудом и является Кино [Waley 1933, p. 105].

Прямых свидетельств о связи шаманки Кино и *какурэ киристан* не сохранилось. Тем не менее многие идеи Нёрайкё: поразительным образом схожи с христианскими догмами. Так, Татхагата по версии Нёрайкё: является создателем и всемогущим властителем всего мира (неоднократно подчеркивается его отцовский статус), а также богом, любящим и жалеющим человечество [Waley 1933, p. 108], то есть носителем атрибутов, традиционных для христианской интерпретации монотеистического Бога. Более того, как указывает Анэсаки, словом «Нёрай» своего Бога зачастую именовали сами *какурэ киристан* [Anesaki 1930, p. 312]. Отдельного упоминания в связи с христианскими параллелями заслуживает и то, что Кино любила именовать себя りゅうぜん, *рю:дзэн*, этот своего рода духовный титул обозначал ее мессианскую природу, то есть особую роль спасителя. Как указал современник Анэсаки, британский востоковед Артур Уэйли, это слово часто встречается на христианских надгробиях эпохи Муромати (1336–1573) и, вероятнее всего, является японизированным португальским именем Люция (именем святой Люции Сиракузской) [Waley 1933, p. 109].

Несмотря на явное влиянии буддизма и вполне вероятное – японского подпольного христианства, Нёрайкё: в остальных своих аспек-

[11] В японском буддизме слово «Татхагата» (*нёрай*) нередко является синонимом слова «будда» (佛, *хотокэ*/*буцу*).

[12] В Нёрайкё: Татхагата – главный, но не единственный объект почитания. Все остальные божества (в особенности синтоистские) являются его подчиненными.

тах, скорее всего, является порождением традиционной японской религиозности, тесно связанной с шаманизмом и культами гор, на что намекает, в частности, бог-посланец Компира, почитаемый горными аскетами 修験者, *сюгэндзя*.

В синкретизме традиционной японской религиозности с вырванными из контекста буддийскими идеями, а также косвенным влиянием *какурэ киристан* (либо – влиянием генотеизма), на мой взгляд, следует видеть генезис новой японской религиозности. Именно такой набор идей будет характеризовать многие НРД Японии вплоть до начала XX в.

Особое место Оомотокё: среди японских новых религий

Некоторые исследователи считают, что «народных теистов» вообще не следует включать в категорию НРД, поскольку многие из них были юридически признаны в качестве так называемых «синтоистских сект» (教派神道, *кё:ха синто*), а следовательно, должны рассматриваться как часть истории синтоизма [Earhart 1983, p. 5]. Так или иначе их влияние на формирование более поздних НРД, как правило, не подвергается сомнению. Особое место здесь занимает секта Оомотокё: 大本教, возникшая в 1892 г. Согласно западным исследованиям, она сильно повлияла на институциональное и идейное становление множества НРД, в частности, Сэйтё-но иэ 生長の家 (1930) и Сэкай Кюсэйкё 世界救世教 (1935), основатели которых были выходцами из Оомото. Влияние этой секты на современные японские секты, с точки зрения религиоведа Франца Винтера, ощущается и по сей день [Winter 2018, p. 17–33].

Оомотокё: в начале своего существования, по сути, представляла «народный теизм». Основательница секты, крестьянка Дэгути Нао 出口直 (1837–1918), в общем и целом, недалеко ушла от методов и практик шаманки Кино. Нао тоже играла роль медиума – через нее передавалась воля некого главенствующего божества. Таких шаманок и шаманов в Японии к тому времени было уже немало: достаточно будет вспомнить Накаяма Мики 中山 みき (1798–1887) из Тэнрикё: 天理教 (1838), жреца Куродзуми Мунэтаду 黒住 宗忠 (1780–1850) из Куродзумикё: 黒住教 (1814) и Бундзиро Каватэ 川手文治郎 (1814–1883) из Конко:кё: 金光教 (1859). В то же время, приемный сын Нао,

Дэгути Онисабуро: 出口王仁三郎 (1871–1948) в процессе институционального и доктринального оформления Оомото связал движение со множеством западных концептов и методов, присущих уже новой Японии: от использования средств массовой коммуникации до интерпретаций христианства. Автор самого большого из опубликованных на западных языках на данный момент академического труда об Оомото Нэнси Сталкер считает, что многие лидеры успешных новых религиозных движений в послевоенной Японии рассматривали Оомото в качестве образца. Они следовали за Дэгути в написании своих религиозных сочинений, попытках привлечь внимание общественности с помощью многочисленных медиа, а также в согласовании интересов секты с экономической, социальной и культурной ситуацией в Японии [Stalker 2018, p. 52–53]. Именно высоким уровнем влияния на другие НРД Оомото выделяется на фоне предшественников и представляет особый интерес для исследователей.

Народные верования, интерпретации синтоизма и иные учения традиционной Японии в Оомото

Датой основания Оомото принято считать 1892 г. – именно тогда, в вечер праздника *сэцубун* (он проводился в третий день второго месяца), согласно традиционному повествованию секты, Дэгути Нао впала в состояние одержимости божеством, представившимся как Уситора-но Кондзин 丑寅の金神, «Северо-восточный бог металла»[13]. Поселившись в ее животе[14], бог заставил крестьянку блуждать по родному поселку Аябэ и громко скандировать проповедь о грядущем конце света. В конце концов ее задержали полицейские, после чего посоветовали соседям соорудить специальную клетку, в которую и заключили Нао. Считается, что некоторое время

[13] Здесь и далее мы излагаем историю Оомото по материалам официального сайта секты: 教祖 [The Founders of the movement]. おほもと [Oomoto. The official site]. (In Japanese).: https://oomoto.or.jp/wp/kyouso/; Nao Deguchi: Biography of the founders of Oomoto. A translation of Oomoto Kaisoden. Oomoto.: http://www.oomoto.or.jp/English/enKyos/kaisoden/index.html

[14] Живот в дальневосточных культурах может являться вместилищем души – «полем киновари» (丹田, *тандэн*). В японских верованиях такое может встречаться, к примеру, в народных представлениях о водяных-*канпа*, нередко охотившихся за людской «малой анальной яшмой» (尻子玉, *сирикотама*), особую важность которой может объяснять близость с «полем киновари» – именно такую интерпретацию *сирикотама* приводит независимый исследователь японского буддизма Марк Шумахер на своем сайте: https://www.onmarkproductions.com/html/kappa.shtml

спустя Кондзин направил ее руку, заставив начертить гвоздем первые строки священного текста Оомото, получившего наименование お筆先, *Офудэсаки* («[вслед] за кончиком кисти»), позднее в самом деле записанного кистью на японской бумаге. Любопытно, что основательница секты якобы не могла прочитать то, что писала, – источники Оомото указывают, что в *тэраkоя* (начальной школе при буддийском монастыре) она, в отличие от других крестьян, не училась и хираганы не знала (этой слоговой азбукой был записан текст *Офудэсаки*). Биографы Нао постоянно подчеркивают, что ее жизнь была полна страданий: жила она бедно, ее дети сходили с ума или умирали, а муж, работавший плотником, упал с крыши, был парализован и через два года скончался. Исстрадавшейся Нао пришлось стать старьевщицей и бродить по селам, собирая старые тряпки.

Исходя из такого несколько упрощенного извода жизнеописания Дэгути Нао можно постараться проследить связь раннего Оомото с «народным теизмом». Помимо вселения в Нао некого всемогущего божества (этот мотив встречается практически во всех ранних японских НРД), любопытен и выбор именования этого бога – Уситора-но Кондзин. Кондзин появился в Японии в рамках учения и гадательных практик Оммё:до: 陰陽道 в эпоху Хэйан; это злонравное божество отвечало за северо-восток – сторону света, связанную с демонической силой. Смена роли божества на человеколюбивого демиурга и спасителя – вовсе не изобретение Оомото. Уситора-но Кондзин в своей доброжелательной ипостаси уже успел появиться в рамках секты Конко:кё:[15]. Известно, что Нао была одним из адептов этого религиозного движения, но позднее ушла оттуда. *Офудэсаки* в качестве наименования священного текста тоже появилось раньше, чем об этом сообщается в биографии шаманки. Так назывался текст учения Тэнрикё:, записанный в виде стихов *вака*. С одноименным текстом Оомото его сближает использование слоговой азбуки без иероглифов. Призванные вызвать жалость мотивы в житии основательницы Оомото, которые в то же время рассматриваются как своего рода маркер идеального медиума божества, появляются уже в жизнеописании шаманки Кино из Нёрайкё:. Итак, на раннем этапе Оомотокё: продолжет традиции «народного теизма».

[15] Konjin. Kokugakuin: Encyclopedia of Shinto.: http://eos.kokugakuin.ac.jp/modules/xwords/entry.php?entryID=217

Импульс доктринальному развитию секты дал ее новый член, Уэда Кисабуро: 上田喜三郎, позднее усыновленный Нао под именем Дэгути Онисабуро:. Традиционный нарратив Оомото приписывает ему родство с художником Маруяма О:кё 円山応挙 (1733–1795), который тоже родился в крестьянской семье в провинции Тамба. Впрочем, куда больший интерес представляет другой его предок – Накамура Ко:до: 中村孝道 (?–?), приверженец Кокугаку, один из интерпретаторов синтоистского концепта 言霊, *котодама* («душа слова»), который принято связывать с архаичным верованием в особую магическую силу произнесенных вслух слов и отдельных слогов. Знания о *котодама* юный Онисабуро: получал от продолжательницы традиции Накамуры, своей бабушки Уно, которая также привила внуку любовь к японской классике. Уже взрослый Дэгути Онисабуро: обучался у другого адепта *Кокугаку,* Окада Корэхира 岡田惟平 (1822–1909), а после знакомства с Нао поступил в синтоистское учебное заведение Ко:тэн Кокю:сё 皇典講究所. Иными словами, сооснователь Оомото почти всю свою жизнь изучал различные интерпретации синтоизма, что не могло не отразиться на идеях его секты.

Котодама в интерпретации Накамуры послужила главным инструментом в трактовке *Офудэсаки*. Помимо того, что священный текст был преобразован Дэгути в удобочитаемый для образованного японца вид (к слоговой азбуке были добавлены иероглифы), была задействована и особая герменевтическая техника. Она заключалась в виртуозном использовании различных чтений иероглифов для поиска особых, неочевидных смыслов, которые казались Дэгути наиболее верными. Так, имя бога Кондзин, традиционно записываемое с первым иероглифом «металл» (金), Дэгути иногда писал с помощью знака «основа/корень» (根, *кон*), что, вероятно, связано с попытками избавить головное божество секты от хэйанских зловещих коннотаций. Н. Сталкер считает, что с помощью такой обработки текста Дэгути продвигал свои идеи, нередко идущие вразрез с заложенными Нао смыслами. Многие фрагменты *Офудэсаки* порой изменялись до неузнаваемости, что вызывало недовольство как Нао, так и некоторых адептов Оомото [Stalker 2008, p. 57–58]. Основатели секты в целом известны своими ссорами и доктринальными разногласиями. Тем не менее молодой Онисабуро: был просто необходим Нао – она высоко ценила его образованность и организаторские способности.

Впоследствии именно он преобразовал секту в полноценную организацию с юридическим статусом.

В текстах собственного авторства Дэгути апеллирует ко многим теориям Кокугаку. Особый интерес представляет его взгляд на двойственную природу божества Кондзин, теперь уже несомненно монотеистического Бога – именно такую идею сооснователь секты передает в труде «Вёрсты [божественного] Пути» (道の栞, *Мити-но Сиори*), единственной книге Оомото, переведенной на русский язык. В этом тексте фигурируют два божества – Идзу и Мидзу (по-японски записываются, как правило, только каной – いづ、みず), являющие собой две ипостаси единого Бога. Дэгути приводит атрибуты каждого из божеств: Идзу связан со строгостью и величием, огнем, небом, отцовством и духовным началом, тогда как Мидзу олицетворяет собой свежесть и красоту, воду, землю, материнство и телесное начало[16]. Иными словами, Идзу и Мидзу – это очередной извод натурфилософского концепта «Великого предела» – Инь и Ян. Созданием таких якобы «исконно японских» Инь и Ян занимались и в Кокугаку. А. А. Накорчевский пишет, что у *кокугакуся* вместо Ян был популярен огненный дух небес Амэ-но хо-но кэ, а вместо Инь использовался водный дух земли Цути-но мидзу-но кэ [Накорчевский 2003, с. 379], о которых, судя по всему, Дэгути должен был знать.

Другой труд, «Повествование о мире духов» (霊界物語, *Рэйкай моногатари*), Дэгути, как считается, диктовал писарям в состоянии одержимости божествами. В отличие от Нао, схожим образом написавшей *Офудэсаки*, Дэгути был прекрасно знаком с теорией одержимости духами в рамках Кокугаку. В ее изучении ему помог основатель секты Инари ко:ся 稲荷講社 (основана в 1892 г.) Нагасава Кацутатэ 長沢雄楯 (1858–1940). Он был учеником создателя теории одержимости *тинкон кисин* 鎮魂帰神, Хонда Тиикацу 本田親徳 (1822–1889), который, в свою очередь, учился у Аидзава Сэйсисай 会沢正志斎 (1782–1863) – одного из самых известных представителей школы Мито, впоследствии очень сильно повлиявшей на формирование японской государственной идеологии. В Оомото техника *тинкон кисин* использовалась в качестве своего рода рекламы для завлечения новых адептов. Так, во время распространения этой техники

[16] Вёрсты божественного пути в переводе с эсперанто на русский С. И. Аникиева. К читателю 5: https://vk.com/wall-56141234_163

адептами Оомото в начале 1920 г. в секту приходило около 700–800 новых верующих в месяц, а в мае, июне и июле – по 6000 в месяц. Считается, что успех Оомото с *тинкон кисин* был так велик, что все позабыли о первоначальном распространителе этой техники – Инари ко:ся. Н. Сталкер объясняет успех такой рекламной кампании особым интересом японской общественности к спиритуализму и мистицизму в эпоху Тайсё [Stalker 2008, p. 77–78].

Буддийские идейные элементы, милленаризм и мессианство

Оомото, подобно многим другим японских сектам того времени, уже на раннем этапе своего существования впитала в себя ряд несколько видоизмененных буддийских идей. Такая тенденция среди ранних японских НРД в целом не удивительна – в Японии на протяжении многих веков в синтоистских святилищах могла храниться буддийская утварь, а отправлением ритуала мог заниматься буддийский священник, именуемый 社僧, *сясо:*. Кроме того, на территориях синтоистских святилищ могли возводиться и буддийские постройки. Различные буддийские элементы в народном сознании шли бок о бок с синтоистскими.

Эйвери Морроу, изучавший текст *Офудэсаки*, отмечает, что в нарративе Дэгути Нао будды выступают как злокозненные существа, отнявшие у *ками* былое величие и власть. Милостивый Кондзин, однако, на них вовсе не обижен [Morrow 2017, p. 174]. В то же время основатель *дзэн*-буддизма Бодхидхарма 菩提達磨, *Бодай-Дарума* (440–528/536), выступает как сугубо положительный персонаж, сторонник главного бога Оомото. Впрочем, вполне возможно, что о его связи с буддийской традицией Нао попросту не знала – еще в эпоху Эдо Дарума успел укорениться в японской народной культуре (в особенности городской).

В ранней проповеди Нао не последнюю роль играла идея разрушения современного несправедливого мира и его смены новым миром, где будут властвовать боги. С точки зрения Н. Сталкер, подобные идеи раннего Оомото имеют корни в народном представлении о 世直し, *ёнаоси*, «излечивании/исправлении мира», которое зародилась во второй половине эпохи Эдо и подпитывало ряд социальных протестов того времени [Stalker 2008, p. 44]. Нередко в таких

протестных движениях «новый справедливый мир» именовался 弥勒の世, *Мироку-но ё*, то есть мир будды Майтрейи. Именно этот будда, с точки зрения традиционных буддийских эсхатологических представлений, должен появиться по окончании нынешней мировой эпохи. Приближение к ее концу должно сопровождаться природными катаклизмами, падением нравов и пр. Весьма схожие представления об эпохе конца Закона (末法, *маппо:*) бытовали и в средневековой Японии. Сталкер предполагает, что подобные эсхатологические мотивы проповедей были реакцией на популярные в то время в сельской местности настроения, выражавшиеся в неприятии стремительной модернизации Японии. Жители японских деревень как правило не видели ничего хорошего в новшествах: молодых крестьянских парней стали забирать в армию, появились новые законы и правила заключения сделок по западному образцу, которые служили удобным инструментом для обмана необразованных селян [Stalker 2008, p. 58].

В конце концов Дэгути начинает мыслить себя в качестве ипостаси Майтрейи, что, с одной стороны, вписывалось в концепцию *ёнаоси*, а с другой, смягчало антибуддийский характер секты, который ей пыталась придать Нао. Когда Дэгути исполнилось 56 лет и семь месяцев (3 марта 1928 г.), он провел первое празднество Мироку. Традиционно считается, что сам исторический Будда называл число 567, связывая его с пришествием Майтрейи [Stalker 2008, p. 63]. Одним из атрибутов этого будды является телесная полнота, от чего толстяка Будая (布袋, Хотэй), персонажа дзэнских преданий и народных верований, принято считать его аватарой. Свою полноту Дэгути считал доказательством особой связи с Майтрейей (хотя на современный взгляд сооснователь Оомото на фотографиях выглядит вполне стройным; должно быть, полным он казался лишь по японским стандартам).

В то же время полнота как атрибут играла и несколько иную роль в идеях секты – она меняла гендерные роли. Дэгути называл себя термином 変成女子, *хэндзё: нёси* («перевоплощенная женщина»), а Нао именовал 変成男子, *хэндзё: нанси* («перевоплощенным мужчиной»). Термин *хэндзё: нанси* обозначает состояние, при котором женщина-монахиня духовно становится мужчиной для обретения спасения. Как известно, в хинаянском буддизме считалось, что высшего состояния просветленности могут достичь только мужчины, что нашло определенное отражение и в буддизме дальневосточных стран. В своей телесной полноте и длинных волосах Дэгути

видел доказательство потаенной женской духовной натуры. Считается, что из двух ипостасей Кондзин Дэгути бывал одержим божеством Мидзу, то есть женским началом Бога.

Влияние Запада. Интернационализм

В *Рэйкай моногатари* сооснователь секты впервые вводит концепцию «мириады учений – один корень» (万教同根, *банкё: до:кон*). Согласно этой теории, религии по сути не имеют существенных различий, лишь небольшие, второстепенные, которые объясняются особенностями климата, культуры или эпохи. Оомото под предводительством Дэгути в целом проявляет преимущественно дружелюбное отношение к другим религиям, особенно иностранным НРД [Stalker 2008, p. 152–153]. Известны его контакты с представителями Бахаи или болгарского Всемирного Белого Братства [Stalker 2008, p. 66–67].

У Дэгути были и попытки толковать Библию. Он сопоставлял персонажей японских мифолого-летописных сводов, Идзанаги и Идзанами, с библейскими Адамом и Евой. Из трех сыновей Ноя в прародители японскому народу он выбрал Сима, сделав японцев, с теологической точки зрения, семитами, а также придав им богоизбранный статус [Stalker 2008, p. 71–72]. Дэгути в целом амбивалентно трактовал статус японского народа: с одной стороны, японцы и японская земля могли объявляться священными, а с другой, все народы провозглашались братьями.

Интернационалистские настроения Дэгути находили и практическое воплощение. Так, секта в 1920-х гг. фактически была в авангарде распространения языка Эсперанто в Японии, а его создатель, Лазарь Заменгоф, был объявлен божеством[17]. В 1925 г. создается светская организация *Дзинруй айдзэнкай* 人類愛善会 («Общество выражения любви и доброты к человечеству»), связанная с Оомото, и занимающаяся гуманитарной помощью, в том числе и за пределами Японии. Организацией выпускался журнал, который к 1935 г. публиковался в 22 странах [Stalker 2008, p. 66–67].

Вероятно, резкий поворот к интернационализму в какой-то мере был обусловлен смертью основательницы Оомото в 1918 г. Нао отличалась тягой к нативизму и ксенофобии и не разделяла многих

[17] См.: http://www.oomoto.or.jp/Esperanto/esDokt/demres.html (In Esperanto)

интернационалистских настроений Дэгути. В то же время статус особости Японии и японского народа в его несколько амбивалентной ипостаси, приглушенной идеями «братства народов», преследовал и преследует идеи Оомото по сей день.

Заключение

Целью моего исследования было не столько изучение японских новых религиозных движений, сколько привлечение внимания к лакуне в отечественных исследованиях. Среди всех японских НРД секта Оомотокё: заслуживает особого внимания, поскольку, по уже указанным в тексте причинам, она особенно сильно воздействовала как на идейные комплексы, так и на различные методы прозелитизма в более поздних НРД. В рамках же данной статьи была предпринята попытка понять происхождение различных элементов доктрины секты, выявить их связи с предшественниками Оомото. Взяв синкретический конгломерат, заданный Нёрайкё: в начале XIX в., состоящий из элементов народных верований, буддийских идей и тенденции к генотеизму, Оомото сильно его преобразует, добавляя к нему теорию Кокугаку, более тонкое осмысление буддийских элементов, а также ряд идей западного происхождения. Именно такая синкретическая система повлияет на формирование ряда будущих японских НРД.

Библиографический список

Бабкова М. В. (2022). Дзэн-буддийское влияние на учение Макуя, или Скинию Христа. *Ежегодник Япония*. Т. 51. С. 266–285.

Игнатович А. Н., Светлов Г. Е. (1989). *Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии.* Москва: Мысль

Комаровский Г. Е., Арутюнов С. А., Григорьева Т. П. (2014). *Закон Неба.* Москва–Берлин: Директ-Медиа.

Молодякова Э. В. (2012) Политическая система Японии: возможны ли радикальные перемены? *Восточная аналитика.* № 3. С. 32 – 38.

Накорчевский А. А. (2003) *Синто.* Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение.

Раевский А. Е. (2015). *Социально-психологические факторы религиозного терроризма в Японии.* Дис. кандидат. психологических наук. Москва.

References

Anesaki, M. (1930). *History of Japanese religion*. Rutland, Vermont & Tokyo, Japan: Charles E. Tuttle Company.

Babkova, M. V. (2022). Dzen-buddiiskoe vliyanie na uchenie Makuya, ili Skiniyu Khrista [Zen Buddhist Influence on Makuya Teaching, or "Tabernacle of Christ"]. *Yearbook Japan*, 51, 266–285. (In Russian).

Earhart, H. B. (1983). *The New Religions of Japan: A Bibliography of Western-Language Materials.* Ann Arbor: Center for Japanese Studies, University of Michigan.

Ignatovich, A. N., Svetlov, G. E. (1989). *Lotos i politika: neobuddiyskie dvizheniya v obshchestvennoj zhizni Yaponii* [Lotus and Politics: Neobuddhist Movements in Japanese society]. Moscow: Mysl' (In Russian).

Komarovskiy, G. E. Arutyunov, S. A., Grigor'eva, T. P. (2014). *Zakon Neba*. [The Law of Heavens]. Moscow–Berlin: Direkt-Media. (In Russian).

Molodyakova, E. V. (2012). Politicheskaya sistema Yaponii: vozmozhny li radikal'nye peremeny? [Political System of Japan: Is There a Possibility for Radical Changes?]. *Vostochnaya analitika.* [Oriental Analytics], 3, 32–38. (In Russian).

Morrow, A. (2017). The Power of Writing in Deguchi Nao's Ofudesaki. In Inga, B. T., Christian, G. (Eds). *Female Leaders in New Religious Movements* (pp. 165–188). London: Palgrave Macmillan.

Mullins, M. R. (2011). Religion in Contemporary Japanese Lives. *Routledge Handbook of Japanese Culture and Society*, 16 (1), 63–74.

Nakorchevskiy, A. A. (2003). *Sinto* [Shinto]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Raevskiy, A. E. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory religioznogo terrorizma v Yaponii.* [Socio-Psychological Factors of Religious Terrorism in Japan]. Candidate of Sciences Thesis. Moscow. (In Russian).

Stalker, N. (2018). Ōmoto. *Brill Handbooks on Contemporary Religion*, 16 (1), 33–52.

Stalker, N. (2008). *Prophet Motive: Deguchi Onisaburo, Oomoto and the Rise of New Religion in Imperial Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press

Waley, A. (1933). Kono Tabi: A Little-Known Japanese Religion. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 7, (1), 105–109.

Winter, F. (2018). Japanese New Religious Movements: An Introduction. *Brill Handbooks on Contemporary Religion*, 16 (1), 17–33.

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 339–369
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 339–369
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-339-369

Обретение личности: Фукудзава Юкити о своей учебе в школе Огата Коан (глава «Школа Огата» из «Автобиографии старца Фукудзавы»)[1]

Перевод и комментарии А. Н. Мещерякова

Аннотация

Фукудзава Юкити (1835–1901) справедливо считается человеком, который внес весомый вклад в дело приобщения японцев к западной цивилизации. Его творческому наследию, то есть продукту деятельности уже «зрелого» Фукудзавы, посвящено множество работ, исследующих его воззрения на политику, общество, государство, педагогику и т.д. Однако сама его личность обычно остается за рамками таких исследований. Нам представляется чрезвычайно важным понять, как формировалась личность этого выдающегося просветителя, посмевшего поднять руку на основополагающие ценности государства и общества эпохи Токугава. Это позволит нам лучше понять не только самого Фукудзаву, но и тот тип человека, который оказался востребован временем революционных перемен.

В 1899 г. была опубликована «Автобиография старца Фукудзава», она считается первым «полноценным» произведением автобиографического жанра в Японии. В этом тексте с небывалой для прежней Японии откровенностью автор рассказывает о себе. Фукудзава надиктовал текст стенографисту, поэтому его публикация обладает всеми свойствами спонтанной устной речи: живостью, вульгаризмами, фактическими ошибками, повторами, противоречивыми высказываниями, непосредственностью и некоторой хаотичностью. Это не отменяет того факта, что Фукудзава был человеком наблюдательным и прекрасным рассказчиком. Значительная часть «Автобиографии» посвящена детству и молодости, то есть тому времени, когда происходит формирование личности.

Мы публикуем перевод главы, посвященной учебе Фукудзавы в осакской школе медицины, которую открыл Огата Ко:ан (1810–1863) – известный врач, практиковавший европейскую медицину. Его школу закончило около

[1] Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований «От древности до модерности: эпистемология и концептуализация развития материальных и духовных культур Востока» НИУ ВШЭ.

трех тысяч человек. В описании Фукудзавы студенты этой школы отличались девиантным поведением, которое обеспечивало им идентичность, отличную от того типа личности, который преобладал в токугавской Японии. Многие выпускники школы Огата стали впоследствии знаменитостями и оказали значительное влияние на облик новой Японии, которая существенно отличалась от Японии прежней.

Ключевые слова: Япония, Фукудзава Юкити, школа Огата Ко:ан, формирование личности.

Автор:
Мещеряков Александр Николаевич, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21.
E-mail: meshtorop@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6004-5743

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Finding One's Identity: Fukuzawa Yukichi About His Studies in Osaka (Chapter "Ogata School" From "The Autobiography of Elder Fukuzawa")

Trans. by A. N. Meshcheryakov

Abstract
Fukuzawa Yukichi (1835–1901) is rightly considered a person who made a significant contribution to introducing Western civilization to Japan. His writings on politics, society, state, pedagogy, i.e., products of "mature" Fukuzawa, are often being studied. However, Fukuzawa's personality itself usually remains outside the scope of such studies. But it seems extremely important to understand how the personality of this outstanding educator, who dared to raise his hand against the fundamental values of the state and society of the Tokugawa era, was formed. This will allow us to understand not only Fukuzawa himself, but also the type of person who was in demand during the time of revolutionary change.

In 1899 Fukuzawa published his autobiography (*Fukuō Jiden*). It is considered the first "full-fledged" work of the autobiographical genre in Japan. In this text, with unprecedented frankness for former Japan, the author talks about himself. Fukuzawa dictated the text to a stenographer, so his publication has all the usual properties of spontaneous oral speech: liveliness, vulgarisms, factual errors, repetitions, contradictory statements, spontaneity and some randomness. This does not change the fact that Fukuzawa was an observant man and an excellent storyteller. A significant part of the "Autobiography" is devoted to his childhood and youth, that is, the time when the formation of one's personality occurs.

In this publication, we provide a translation of a chapter dedicated to Fukuzawa's studies at the Osaka School of Medicine, which was opened by Ogata Kōan (1810–1863), a famous doctor who practiced European medicine. About three thousand people graduated from his school. In Fukuzawa's description, the students at this school were characterized by deviant behavior, which provided them with an identity different from the personality type that prevailed in Tokugawa Japan. Many graduates of the Ogata school later became famous and had a significant influence on the appearance of the new Japan, which was significantly different from the old Japan.

Keywords: Japan, Fukuzawa Yukichi, Ogata Kōan's school, personality formation.

Author: *Meshcheryakov Alexander Nikolaevich*, Doctor of History, professor. HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: meshtorop@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6004-5743

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Фукудзава Юкити 福澤諭吉 (1835–1901) принадлежал к семье низкоранговых самураев из крошечного княжества Накацу, расположенного на севере Кюсю. Но родился он не там, а в Осаке. Место рождения было обусловлено тем, что отец Юкити, Хякусукэ, был послан туда в представительство княжества и занимался там торговыми и финансовыми вопросами.

Фукудзаве было всего восемнадцать месяцев, когда умер его отец. Он прожил сорок четыре года – приблизительно столько же жил

в то время и «средний» японец. После смерти Хякусукэ мать Юкити с пятью детьми вернулась в Накацу, где они вели весьма бедную жизнь на причитавшееся семье рисовое довольствие. Из-за нехватки средств Юкити смог начать учиться, только когда ему исполнилось четырнадцать лет – много позже обычного. В Накацу имелась княжеская школа, но низкое происхождение не позволяло Юкити поступить в нее. Поэтому он учился в классах, набранных частными преподавателями.

Свое родное княжество Фукудзава неизменно характеризовал как захолустье. В Накацу он зубрил канонические конфуцианские тексты, но ему страстно хотелось постичь «западную науку», под которой тогда подразумевалось изучение голландского языка. В 1854 г. ему удалось отправиться в Нагасаки – ближайшее место, где это было возможно. Немного поучившись там, в 1855 г. Фукудзава переехал в Осаку, где Огата Ко:ан 緒方洪庵 (1810–1863) открыл школу европейской медицины. Там учились молодые самураи из разных княжеств. Притягательность школы Огата заключалась для Фукудзавы прежде всего в том, что там он мог выучить голландский язык. В то время Япония еще была закрытой страной, но голландский язык давал возможность познакомиться с научными и цивилизационными достижениями Запада. Фукудзава не собирался стать медиком, но штудировал вместе с другими студентами книги по анатомии, биологии, химии, что привило ему вкус к естественным наукам. Сначала Фукудзава жил в представительстве Накацу в Осаке, потом перебрался в школьное общежитие. В школе Огата он проучился до 1858 г. В этом году по приказу княжества он отправился в Эдо, где стал преподавать голландский язык для молодых самураев как самого Накацу, так и других княжеств.

Школа Огата любопытна не только тем, чему там учили. Не меньший интерес представляет царившая там атмосфера, в которой Фукудзава окончательно сформировался как личность. В «Автобиографии старца Фукудзавы» (福翁自伝, *Фукуо: дзидэн*, 1899 г.) он посвятил школе Огата отдельную главу. Там он дал красочное описание школярской жизни тех молодых людей, которые овладевали западными науками. Студенты школы являлись абсолютным меньшинством в конфуцианской стране с сильным ксенофобским уклоном. Для создания и поддержания «другой» идентичности студенты вели себя подчеркнуто вызывающим образом

и гордились этим. Фукудзава охотно участвовал в проделках своих товарищей.

Целью этих рассказов является стремление показать, что автор с самого начала обладал независимой натурой, не признающей сложившихся норм поведения. Традиция мало значила для Фукудзавы. Несколько утрируя, можно сказать и так: она существовала только для того, чтобы нарушать ее. Если раньше идеальным типажом считался человек, неукоснительно следующий завещанному предками поведенческому канону, то теперь наступала очередь японцев, для которых традиция потеряла абсолютную ценность. Эти люди верили не в «стабильность», а в «прогресс».

Обычно подчеркивается вклад Фукудзавы в строительство новой Японии. Однако следует помнить: он был не только строителем новой Японии, но и разрушителем Японии старой. В «Автобиографии» прекрасно показано, как причудливо сочетались в душах студентов тяга к новому и отрицанию старого.

Стиль жизни студентов школы Огата и их хулиганские проделки далеко не всегда соответствуют ожиданиям современного читателя, привыкшего к современному образу «стерильного» японца, который выстраивает свое поведение строго в соответствии с социально приемлемыми нормами. Но не будем забывать, что после революции Мэйдзи многие «буйные» соученики Фукудзавы заняли, как и он сам, видное положение в обществе и оказали значительное влияние на облик новой Японии, которая существенно отличалась от Японии прежней. А это означает, что именно такой тип личности был востребован временем перемен.

Перевод главы «Школа Огата» сделан по изданию: Fukuzawa Yukichi (2021). *Fukuō jiden.* Tokyo: Iwanami, 75–114.

Школа Огата

Я стал старостой в школе Огата, но продолжал оставаться нищим. Мать и племянница существовали на крошечную пенсию от княжества. Когда меня назначили старостой, я получил официальное право столоваться в доме Огата. Кроме того, в школе существовало такое правило: новый студент не только подносил «благодарственные деньги» самому Огате, но и платил 2 *сю* старосте. То есть, если в данный месяц поступало три новичка, я получал 1 *бу* и 2 *сю*, а если

новичков оказывалось пятеро, то 2 *бу* и 2 *сю*[2]. Для карманных расходов это было неплохо – на выпивку хватало. Мать высылала мне сшитую ею одежду, с этим проблем не было. Так что если у меня заводились денежки, я их тут же пропивал. Я приглашал выпить и других студентов, и они поневоле приобщались к вину.

Пил я безобразно. Когда денег оставалось мало, я покупал в винной лавке три или пять *го* сакэ[3] и выпивал в общежитии в одиночку. Когда в кармане оказывались один или два *сю*, отправлялись в харчевню. Это была настоящая роскошь, чаще всего мы ходили туда, где подавали курятину. Но самым выгодным было посещение заведения, где кормили говядиной. В то время в Осаке находилось всего два заведения, где готовили *усинабэ*[4]. Одно находилось возле моста Нанива, другое – возле квартала публичных домов Симмати. Это были самые ужасные едальни, приличные люди туда не захаживали. Тамошняя клиентура – татуированные с ног до головы бездомные бродяги и студенты школы Огата. Откуда бралось мясо? Это были и забитые коровы, и сдохшие от болезней – без разницы. Всего за 150 *мон* на брата ты получал вдоволь мяса, сакэ и риса. Мясо было жестким и вонючим.

Раздетые студенты

В то время самураям полагалось появляться на публике с двумя мечами. Я никогда не закладывал своих вещей, но из пяти или шести десятков наших студентов оружие имелось только у двух или трех. Все другие заложили его. Остальные мечи превращались в предметы общего пользования. Оба меча нацепляли только когда направлялись в представительство своего княжества, обычно же появлялись на людях только с коротким мечом – чтобы не выглядеть уж совсем жалко.

Осака – место теплое, зиму пережить легко. А вот летом приходилось раздеваться буквально догола – ни набедренной повязки, ни нижней рубахи. Разумеется, совесть мы все-таки имели и к столу или на занятия чем-нибудь прикрывались, многие облачались в кимоно

---

[2] Соотношение денежных единиц в период Токугава было таким: 1 *рё:* = 4 *бу* = 16 *сю* = 4000 *мон*.

[3] 1 *го* = 0,18 л.

[4] Суп из вареной говядины с овощами.

с гербами прямо на голое тело. Словом, вид имели престранный – кто бы сейчас на нас взглянул, посмеялся бы.

Столовая была устроена так, что сидя не поешь. Пол дощатый, ступать жестко. Поэтому заходили в столовку прямо в тапочках, ели стоя. Поначалу строились в очередь, но она быстро распадалась, студенты грудились вокруг котла, набирали себе полные чашки и жрали стоя, похожие на чертей. Зато еда была дешевой. По дням, в обозначение которых входила единица или шестерка, полагались овощи (вареный лук и батат); по дням с пятеркой и десяткой – соевая похлебка; в дни с тройкой и восьмеркой – похлебка из морских ракушек. Так что ты точно знал, что дадут сегодня.

Две истории про наготу

Про наготу у меня есть смешной рассказ. Летним вечером мы – человек пять или шесть – разжились сакэ. Кто-то предложил употребить его на площадке, предназначенной для сушки белья. Она располагалась на крыше. Всей компанией мы бросились туда, но, пока поднимались, заметили, что там уже прохлаждаются три или четыре служанки. Вот незадача! Если мы будем выпивать в их присутствии, эти подлые твари наверняка нажалуются начальству! С нами был Мацуока Юки из княжества Тёсю. Он сказал, что знает, как в мгновение ока прогнать этих теток. Он разделся догола, вышел на крышу и произнес: «Госпожа Омацу! Госпожа Отакэ! Что-то жарко сегодня!» И тут же растянулся с расставленными ногами перед женщинами. Тут даже всякое повидавшие тетки не выдержали. Состроив недовольные рожи, они спустились вниз. Тогда Мацуока прокричал нам сверху по-голландски, что путь свободен, и мы притащили на крышу свои бутылки. Так нам удалось хорошенько попировать на холодке.

А вот еще один случай про наготу. В тот раз я опростоволосился. Лежу я вечером в своей комнате на втором этаже, и тут слышу, как какая-то женщина кличет меня снизу. Я уже принял свою порцию, только что задремал. Я подумал: «Что за противная служанка! Что ей надо от меня в такое-то время!» Но она продолжала звать меня, нужно вставать. Я вскочил и как был, нагишом, выскочил на лестницу и скатился вниз. «Чего надо?» – закричал я, но тут увидел, что передо мной вовсе не служанка, а госпожа Огата. Что делать? Куда скрыться? Я же голый, так что отвесить поклон не могу, куда свое тело деть – не

знаю! Наверное, госпожа Огата меня пожалела. Не сказав ни слова, она ушла к себе. На следующее утро я не нашел в себе сил, чтобы принести извинения. Так и остался непрощенным. Такое не забывается. Несколько лет назад я посетил дом Огата в Осаке и вспомнил ту нежданную встречу сорокалетней давности, и мне стало так же стыдно.

Антисанитария

Сказать, что в общежитии не все обстояло идеально с чистотой и порядком, – значит ничего не сказать. Там царили хаос и бардак. Там было страшно грязно – настоящая помойка. В комнатах не разрешалось держать тазы и тарелки, но они там были. Имелись и глиняные печки для готовки, и кастрюли. В комнатах и готовили, и кушали. Окрестности стола для занятий представляли собой подобие кухни. Тем не менее, она была далека от совершенства – утвари не хватало. Тазы для мытья использовались вместо кастрюль. Если нам в жаркий день удавалось разжиться лапшой, мы просили повариху сварить ее на кухне, а промывали ее в тазике для умывания. Чтобы приготовить соус, воровали сахар из подсобки. Чтобы разделать рыбу или помыть овощи, в ход шел тот же самый тазик. Никто не считал, что это не гигиенично.

И это еще не все. Вши были неотъемлемой частью нашей жизни. Избавиться от них не мог никто. Разденешься – штук пять или десять точно поймаешь. Весной, когда потеплеет, таскаешь их прямо из-за воротника. Один парень философствовал так: «Вши – все равно что бататы на нашем столе. Зимой их полно, весной и летом становится сильно меньше, в жару на пару-тройку дней совсем исчезают, а в девятом месяце, когда соберут новый урожай, наши вши снова тут как тут. Смешно, правда?»

Прачки выводили вшей кипятком. Но я сказал, что этот старый способ недостаточно хорош, – есть другой, с помощью которого можно разом всех вшей извести. В морозную зимнюю ночь я вывесил свою одежду на улице и покончил разом и с вшами, и с их яйцами. Я не сам это придумал, кто-то меня научил.

Операция «Свинья»

Как легко догадаться, мало кто из студентов одевался прилично. Вот выходим мы вечером в город по случаю какого-нибудь праздника. Встречные люди и в особенности девицы шарахаются в сторону и кричат: «Студенты прутся!» Так привечают только неприкасаемых *эта*[5]. Ужасно! В глазах горожан мы выглядели, словно эти отверженные.

Однажды хозяин нашей любимой мясной едальни, что у моста Нанива, купил свинью. Хоть он все время имел дело с убоиной, но был слабаком и забить свинью не решался. Тут он вспомнил про нас, студентов. Мы ему ответили так: «Прикончить твою свинью мы согласны, а что мы с этого поимеем?» Хозяин призадумался, а мы потребовали у него свиную голову. Он согласился. Хорошо, но как убивать? Мы изучали биологию и знали, что самый простой способ умертвить животное – лишить его воздуха. Едальня находилась на берегу реки. Мы потащили туда свинью, связали ей ноги и бросили в воду. Она тут же и захлебнулась. Мы же получили обещанную голову и позаимствовали хозяйский разделочный топорик. Первым делом провели анатомическое обследование – мозг, глаза и так далее. А потом мелко порубили голову на куски, сварили и съели. Нет ничего удивительного в том, что в глазах хозяина мясной лавки мы выглядели как настоящие отверженные.

Медвежья услуга

А еще был такой случай. Фармацевт из района Досёмати получил то ли из Тамбы, то ли из Танго живого медведя. Через знакомого врача он попросил нас – якобы для повышения своего образовательного уровня – провести его вскрытие[6]. Прекрасное предложение! В то время мы увлекались анатомией и потому сразу же согласились. Я не был врачом и потому остался в школе, но семь или восемь студентов отправились на вскрытие. Вскрыли тушу

[5] Неприкасаемые (*эта*) находились вне основных сословных градаций токугавского общества. К ним относились люди «низких» занятий – убойщики скота, кожевники, могильщики, палачи, мусорщики и т.п

[6] Традиционная медицина не знала хирургии и вскрытия трупов (как людей, так и животных), так что даже врачи имели слабое представление о строении внутренних органов.

медведя, объяснили фармацевту: вот это сердце, а это легкие… Когда дело дошло до печени, фармацевт с врачом забрали ее, сказали «большое спасибо» и ретировались. И тогда студенты сообразили: эти люди знали, что студенты Огата сумеют достать желчный пузырь неповрежденным, и потому как только он был извлечен, они тут же потеряли всякий интерес[7].

Студенты решили, что их просто «использовали» и задумали отыграться. Обязанности распределили таким образом. Среди нас был студент по имени Танака Хацутаро (сейчас он переменил имя на Синго и живет в Канадзаве) – человек бойкий на язык, речистый, очень жесткий и напористый. Его выбрали главным переговорщиком. Я составил черновик письма. Нумата Умпэй (он приехал из Иямы, что в Синсю), обладавший каллиграфическим почерком, перебелил послание. Потом стали искать парня, способного угрожать, но такового не сыскалось, так что пришлось сойтись на студенте, который только выглядел похожим на типа, способного решать проблемы быстро и грубо. В общем, собрали силу в шесть-семь человек, владеющих логикой убеждения. На сей раз мы не смотрелись оборванцами, вырядились в парадную одежду, нацепили по два меча и, прибегая к железной логике, выступили в защиту медицины, поставив фармацевта и врача в безвыходное положение – они признали свое неподобающее поведение. Они не только извинились – мы унесли с собой 5 *сё* сакэ[8], курицу и рыбу. Довольные собой, мы устроили в общежитии настоящий пир.

Театральная драма

Но не только победы ожидали нас. Когда самураи соответствующей должности являлись с проверкой в театры, расположенные в районе Дотомбори, их тут же проводили в ложу, служители приносили им чай и фрукты, а они с внушительным видом наблюдали за представлением. Мы знали об этом, и некоторые дурные студенты, нацепив мечи и накинув темные капюшоны, частенько являлись в таком обличье в театр, делая вид, что пришли с инспекцией, а сами спокойненько за бесплатно наслаждались представлением. Так происходило много раз, и никто ничего не заподозрил. Но однажды

[7] Желчный пузырь медведя считался ценным лекарственным средством.

[8] 1 *сё* = 1,8 л.

в театре оказались настоящие проверяльщики. Никаких оправданий у студентов не было – они мошеннически выдавали себя за официальных лиц. Поднялся ужасный скандал, но у одного студента оказались связи на самом верху, так что в результате слезных извинений делу не дали хода, и оно рассосалось. Но студентам пришлось притащить соответствующим чинам сакэ и рыбу, что обошлось им в сумму около трех *бу*.

Во главе этой аферы стоял Такахаси Дзюнъэки, студент из Миядзу, что в провинции Танго. Но я не поддавался на его уговоры: и в театре никогда не бывал, и полагал, что затеянное им дело – нехорошее и опасное. Он же отвечал, что мои опасения – ерунда. Когда студентов поймали, было не до смеха, я сильно волновался о последствиях.

Инсценировки потасовок

А вот еще одна история. Нынешним японцам трудно себе представить степень нашей разнузданности. Поскольку настоящей полиции тогда не существовало, люди могли вести себя своенравно. Уж так сложилось, что осакские горожане – ужасные трусы. Когда в Эдо случалась уличная драка, вокруг собиралась толпа, а вот в Осаке все разбегались.

Летом после ужина мы имели обыкновение шататься по городу. По предварительному сговору мы устраивали на улице фальшивую потасовку. С разъяренными лицами и воплями мы бросались в драку и делали вид, что от души мутузим друг друга. Лавочники заметали товары внутрь магазинов, запирались, улица пустела. Никакой «выгоды» при этом мы не преследовали. Мы делились на две группы по несколько человек и устраивали весь этот спектакль в каком-нибудь оживленном месте. Чаще всего в квартале публичных домов Симмати. Но если бы мы «дрались» только в одном месте, нас бы разоблачили. Поэтому мы «кочевали» – сегодня это был квартал Дотомбори, а завтра – Дзюнкэймати. В этом деле особенно отличался Нумата Умпэй из Синсю[9].

[9] Нумата Умпэй 沼田芸平 (1829–1890) – впоследствии деревенский врач, активный участник Движения за свободу и народные права.

Убийство понарошку

Случалось и такое…

Вместе с моим старшим товарищем по имени Мацусита Гэмпо[10] (он был родом из княжества Курумэ) мы отправились поглазеть на вечерний рынок Горё, расположенный неподалеку от святилища. Мы ошивались возле прилавка с растениями. Тут хозяин произнес: «Господа, только ведите себя прилично!» Мы так поняли, что по нашему виду он принял нас за воров, а это было оскорбительно. Я гневно закричал – совершенно в духе Бэнтэн Кодзо:[11] «Мацусита! Убей его! Не говори ни слова – убей!». Мацусита ответил примирительно: «Может, все-таки пожалеем?». Я сказал: «Отстань! Не мешай мне! Я сам убью его одним ударом!».

Вокруг стали собираться люди, целая толпа. Дело принимало интересный оборот, это мне нравилось. Тут откуда ни возьмись появился борец сумо и сказал: «Простите хозяина, пожалуйста!» Я отвечал: «Хорошо, если ты просишь за него, так и быть – прощу. Но если он завтра осмелится здесь торговать, я его все равно убью! Но раз ты просишь, сегодня я его пощажу».

На следующий вечер мы снова отправились на рынок. Цветочник оказался честным человеком, на месте его прилавка зияла пустота. Вот я и говорю: полиции тогда не было, можно было творить, что хочешь. Но вообще-то я не творил настоящих безобразий. Случай с цветочником на такое безобразие не тянет.

Держи вора!

Один раз я влип по-настоящему. Неподалеку от того же рынка Горё по случаю праздника Сунамоти[12] устраивали процессию: сотня-другая молодых людей с бумажными фонариками на голове с шумными выкриками обходили квартал. Нас было трое или четверо студентов, и я, не знаю уж зачем, наверное, под влиянием выпитого, сбил палкой такой фонарик с головы молодого человека. Он закричал: «Держи вора!». А в Осаке ведь как было принято: вора без лишних слов

[10] Мацусита Гэмпо 松下元芳 (1831–1870) – врач, преподавал в основанной Фукудзава школе Кэйо Гидзюку.

[11] Бэнтэн Кодзо: 弁天小僧 – герой постановок театра Кабуки, злодей и разбойник.

[12] *Сунамоти* – букв. «принесение песка». Во главе процессии шествуют люди, несущие на коромыслах песок, требующийся при постройке святилища или храма.

забивают до смерти, а труп бросают в реку. Я испугался по-настоящему. Нужно бежать! И я припустил – босиком – в направлении Додзимы. Короткий меч был при мне. Если бы меня догнали, пришлось бы пустить его в ход. Это была бы катастрофа. Порань я кого – прощения не добиться. Вот я и бежал изо всех сил – пока не добежал до представительства Накацу. Только там я смог перевести дух.

Никаких богов и будд!

На северо-востоке Осаки есть мост Асия. Место перед ним называлось Цукидзи. Там выстроились заведения с сомнительной репутацией. Это был грязный район дешевых проституток. При входе в него находился храмик, посвященный то ли Дзидзо, то ли Компире[13]. Похоже, что он пользовался популярностью, ведь ему делали много подношений: рисунки молящихся мужчин и женщин; конверт, приклеенный к рамке с пучком волос[14]. Присмотревшись к этим подношениям при свете дня, мы ушли, а ночью своровали и пучок, и конверты. Вернувшись в общежитие, мы открывали конверты и читали вложенные в них молитвы. Люди просили о самом разном, и это было интересно! Ага! Вот этот мужик хочет распрощаться с азартными играми, а этот с выпивкой. Этот благодарит, что корабль не затонул во время шторма. Кто-то винился, что чересчур любвеобилен, а вот какая-то девица мечтает о мужчине. Любопытно, сколько ей годков? Мы воровали такие письма не один раз, нам было интересно. Читать для забавы сокровенные послания было большим грехом. Но уж таковы были голландоведы, не признававшие ни богов, ни будд.

Подделываю письмо проститутки

Вот еще одна забавная история из студенческой жизни. Почти все наши студенты были сыновьями врачей. Они приезжали в Осаку, как и положено врачам, – либо бритыми наголо, либо с косичкой. Но пробыв какое-то время в Осаке, они начинали предпочитать выбритый лоб – так, как это делали обычные самураи. Сейчас похожие прически

[13] Бодхисаттва Дзидзо. В посвященных ему храмах часто почитали души младенцев, погибших от инфантицида, широко распространенного в Японии. В условиях отсутствия надежных противозачаточных средств проститутки часто беременели и избавлялись от плода или прибегали к неонациду. Компира – популярное божество народного буддизма.

[14] Знак ухода в монахи.

носят монахи из школы Синсю[15]. Наши студенты гордо вышагивали с такой вот самурайской прической и нацепив меч.

У нас учился студент по имени Тэдзука[16], он приехал из Эдо. Он был сыном врача, состоявшего при доме Токугава. Он носил кимоно с гербом цветка мальвы[17] – подарок его отцу от сёгуна. Вместе с самурайской прической и своими прекрасными мечами он выглядел великолепно, но он был шалопаем. Однажды я сказал ему: «Если надумаешь учиться как следует, я каждый день буду заниматься с тобой. Но ты должен прекратить развлекаться в квартале Кита-но Синти». Тэдзука изобразил раскаяние и произнес: «Да мне об этом и вспомнить противно! Я совсем там теперь не бываю». – «Тогда я с тобой обязательно позанимаюсь. Но я в тебе уверен не до конца. Напиши обязательство туда не ходить». – «Договорились. Я что хочешь подпишу». И действительно, он написал такое обязательство: буду, мол, учиться как следует, а если сорвусь, остригусь под монаха.

Как и договорились, я занимался с Тэдзукой каждый день. Но потом, должен повиниться, мне стало скучно. Тэдзука занимался, а я заскучал – нехорошо получилось. Запал пропал, и я стал расспрашивать знакомых о той женщине из Синти, с которой у Тэдзуки была связь. Ее имя выяснилось быстро, и я написал от имени этой проститутки письмо Тэдзуке с соблюдением всех норм таких посланий. Женщина якобы писала про бессердечие Тэдзуки и про то, что он обещал подарить ей какие-то благовония. У меня дурной почерк, и я попросил Мацуока Юки, приехавшего из Синсю, перебелить письмо женским почерком. Потом мы велели дежурному: «Скажешь, что это письмо принесли из Синти. А если проболтаешься, мы тебя хорошенько вздуем. Усёк?» Мы тайно наблюдали за Тэдзукой. Конечно, весь этот розыгрыш был отвратительным поступком.

Через пару-тройку дней Тэдзука все-таки отправился в Синти. Мы с нетерпением ожидали его возвращения. Он вернулся спокойным, но и мы тоже были спокойны. Я схватил его, в моих руках были

[15] Синсю – сокращенное именование буддийской школы Дзё:до-Синсю: 浄土真宗 (Истинная вера в Чистую Землю). Ее последователи верят, что в результате праведного поведения и молитв будде Амиде они возродятся в Чистой Земле (раю). В токугавской Японии адепты Синсю были наиболее многочисленными. Сёгунский дом тоже принадлежал к их числу.

[16] Речь идет о Тэдзука Рицудзо: 手塚律蔵 (1822–1878). После революции Мэйдзи служил в МИДе.

[17] Мальва – герб дома Токугава.

ножницы. «Чего ты от меня хочешь?» – закричал Тэдзука. Я ответил: «Ничего особенного! Просто остригу тебя! Через пару лет ты снова превратишься в красавца. Приготовься!». Я схватил его за косичку и стал клацать ножницами, а Тэдзука взмолился о пощаде. Тут один из моих сообщников притворно вмешался: «Фукудзава, не слишком ли ты лютуешь?». Я сказал: «Какие могут быть претензии? Уговор есть уговор». Тогда вмешались другие заговорщики, и мы, в конце концов, уговорились отменить стрижку в обмен на вино и курятину. Попивая сакэ, я снова огорошил Тэдзуку: «А не отправиться ли тебе еще разок в Синти? А то сакэ на исходе».

Мы поступили жестоко, но для Тэдзуки это был хороший урок.

Нелепые предрассудки

В школе учились самые разные студенты. Вот, например, Ямада Кэнсукэ из провинции Хиго верил в какие-то там знамения. Он избегал в своей речи слога «*си*», потому что он мог обозначать смерть. В то время в Дотомбори выступал актер Эбидзо, отец нынешнего Итикава Дандзюро[18]. Так вот, при разговоре о театре Ямада говорил не «*сибай*», а «*ёбай*», «сватовство»[19]. Вот настолько он был человеком предрассудочным. Он обладал сходным характером, но студенты его не жаловали. В конце одного разговора, в котором я высмеивал его, он произнес: «Послушай, Фукудзава, ты все время меня достаешь. Но ты вот представь себе такое. В первый день нового года ты отправляешься с поздравительными визитами. Что ты предпочитаешь встретить на пути – похороны или процессию, где люди несут в открытом паланкине птицу долголетия и счастья – журавля?». Я привычно отвечал издевательским тоном: «Это вопрос простой! Я выбираю журавля – покойника ведь не сожрешь! А если птицу мне не дадут, тогда мне без разницы – журавль это или покойник».

В другой раз я сговорился с Нагаё Сэнсай[20] (а, может, и с кем-то другим), чтобы поглумиться над Ямадой как следует. Вот что мы

[18] Итикава Дандзюро: 市川團十郎 – сценическое имя актеров из семьи Итикава, которое они получают на пике своей карьеры. Под «нынешним» имеется в виду Итикава Дандзюро: IX (1838–1903), носивший это имя с 1874 по 1903 г.

[19] *Сибай* 芝居 – спектакль, представление; *ёбай* よばい.

[20] Нагаё Сэнсай 長與專齋 (1838–1902) занимал впоследствии крупные должности в правительстве (занималсся созданием современной системы здравоохранения), был членом Совета старейшин (Гэнро:ин) и верхней палаты парламента.

придумали. Пока Ямады у себя не было, мы обернули его тушечницу в бумагу – так, что она стала похожа на поминальную табличку. У Нагаё хороший почерк, и он вывел на ней посмертное имя Ямады. Табличку поместили на стол, а перед ней поставили его же чашку для еды, насыпали туда пепла. Зажгли и благовония. Когда Ямада вернулся, у него сделалось ужасное лицо, он весь позеленел и разозлился. Мы даже испугались. Если он был бы менее сдержанным человеком, он просто изрубил бы нас на куски своим мечом.

Про рыбу фугу

А вот еще одна страшная история – как я накормил одного человека якобы рыбой фугу. Когда я жил в Осаке, частенько угощался ей. Не брезговал и печенью, а это опасно. Однажды я предложил угостить маринованным морским окунем студента по имени Мито Гэнкан (он приехал из Нигаты, что в провинции Аки). Он с благодарностью согласился, сказав, что очень любит окуня. Прошла пара часиков, и я сказал ему: «Слышь, какая ерунда получилась. Я все перепутал и угостил тебя не окунем, а рыбой фугу. Мне подарили ее в представительстве Накацу. Ты ведь представляешь себе как устроены кишки? Теперь рвотное уже не поможет. Но все-таки попробуй сам выблевать яд». Мито изучал медицину, он меня понял. Он пришел в неописуемый гнев и готов был изничтожить меня. Уже потом я решил, что, пожалуй, перестарался – дело могло закончиться плохо.

Воровство в харчевнях

Я уже поминал, что цветочник на рынке Горё заподозрил в нас воришек. Он был недалек от истины – студенты школы Огата и вправду подворовывали. Правда, это не касалось дорогих вещей, скажем, в магазине одежды. Угостившись вином в какой-нибудь харчевне, мы прихватывали с собой чарку, тарелочку или еще какую-нибудь подручную мелочь. Мы хвалились друг перед другом такой ловкостью рук. На больших сборищах, вроде проводов кого-то на родину, добыча была особенно велика. После одной вечеринки кто-то засунул за спиной под одежду большой веер, кто-то спрятал за пазуху целое блюдо, а кто-то довольствовался крышкой от суповой пиалы в рукаве. Один парень сказал: «Вы все мелочитесь, я вам сейчас покажу, что такое настоящее мастерство!». И продемонстрировал

десяток тарелок, которые он унес в узелке из полотенца. Сейчас я думаю, что поскольку мы пировали в одних и тех же местах, там все про нас понимали и включали цену сворованного в счет. Там знали, что мы заядлые воришки.

Швыряюсь тарелками с моста Нанива

Еще раз про тарелки. Летний вечер, начало одиннадцатого. Кто-то сказал: «Надо бы горло промочить!». Тут же образовалась компания человек из четырех или пяти. Ворота общежития были уже заперты, но мы пригрозили дежурному, и он выпустил нас. В крошечной едальне под открытым небом выпили дешевого сакэ, закусили дрянным супчиком из осьминога, а на прощанье по привычке захватили с собой несколько тарелок. В начале первого мы оказались на мосту Нанива. Под нами проплывала прогулочная лодка, откуда доносились звуки сямисэна. И тут я сказал: «Гляди-ка! Мы протратили все свои 150 *мон*, выпили по чуть-чуть, а уже должны возвращаться. А этим в лодке хоть бы хны! У нас нет денег, потому что у этих их навалом!». С этими словами я запустил несколько тарелок в лодку. Когда бросил последнюю, сямисэн замолк. Тогда мы опрометью бросились бежать – может, я кого там в лодке зашиб.

По странному стечению обстоятельств через месяц выяснились подробности того, что случилось в лодке. Один наш студент отправился в Синти, познакомился с гейшей и вот что она ему рассказала. «И какие же мерзавцы бывают на этом свете! Месяц назад катаюсь я с клиентом на лодке, остановились у моста, и тут кто-то стал швыряться с моста тарелками, одна попала в сямисэн, всю кожу порвала. Страшное дело! Хорошо еще, что сама цела осталась. Это какие-то парни швырялись тарелками, они побежали к югу. И каких только подонков не бывает!». Из рассказа гейши мы прекрасно поняли, кто были эти «подонки». Наша проделка была нехороша, так что мы предпочли ничего никому не рассказывать.

Завязываю с сакэ и начинаю курить

Пьянством я нанес изрядный вред своему здоровью, я его ощущаю и сегодня. У студентов школы Огата не было такой идеи, что воздержание от алкоголя – это достоинство. Я же вдруг подумал, что так дело не пойдет, и буквально мгновенно бросил пить. Мои приятели

не оценили этого и ржали: «Ишь ты! Фукудзава вчера завязал! Ничего себе! Во дает! И что – теперь навсегда? Да ты и десяти дней не продержишься! Три дня потерпишь, а потом развяжешься!». Все надо мной издевались, но я держался тверже алмаза – и десять дней, и пятнадцать ни капли в рот не брал. Тогда мой друг Такахаси Дзюнъэки принялся по-доброму увещевать меня: «Ты держишься молодцом! И в будущем так держись! Я тобой горжусь. Но человек таков, что у него должны быть привычки, пусть даже и дурные. Человек без привычек – это не здорово. Человек не может жить без привычек. Если ты решил отказаться от алкоголя, тогда хоть курить начни. Должна же быть у человека какая-нибудь радость!».

Так-то оно так, но только я табак терпеть не мог. Когда другие студенты закуривали трубку, я говорил: «Не понимаю, как вы можете курить такую бесполезную и вредную дрянь. Только воняете и воздух портите. Чтоб никто у меня под боком не курил!». После того, как я вот так ругался на курильщиков, начать курить мне было ох как непросто, но и резоны Такахаси не были лишены смысла. Так что я решил все-таки разок попробовать. Ребята засуетились: отсыпали табаку, одолжили трубку, а кто-то даже купил мне табачку полегче. Но все это вовсе не означало, что они хотели мне добра. Я прекрасно понимал, что они собираются сделать из меня курильщика и поиздеваться над человеком, который раньше издевался над ними. В общем, я напрочь отказался от алкоголя и против своей воли закурил трубку. Прошло десять дней, потом пятнадцать, и дым, казавшийся мне вонючим и горьким, перестал быть таковым. Я почувствовал, что курение доставляет мне удовольствие. А через месяц сделался заядлым курильщиком.

Не стоит забывать, что я любил сакэ. Я знал, что даю слабину, но мне так хотелось пропустить чарочку! Как-то раз я выпил одну, потом другую… Я говорил себе, что все, хватит, но когда встряхивал бутылку и слышал, что там еще булькает, не мог остановиться. В общем, выпил три *го*, а на следующий день уже пять. Я вернулся к своей привычной дозе. Я хотел бросить курить, но у меня ничего не вышло. Глупо, но тут уж ничего не попишешь. В общем, отказаться от вина у меня не получилось, и, как это ни ужасно, через месяц оказался «при двух мечах» – с бутылкой и с трубкой. Сейчас мне больше шестидесяти лет, пить я бросил, а вот курить – так нет. Я сам навредил своему здоровью, и этому нет оправданья.

Возвращаясь из Момоямы, тушим пожар

В нашей школе было полно бедных студентов. При походе в харчевню хорошая рыба нам доставалась редко. Вечером мы направлялись на рыбный рынок, расположенный в районе моста Тэнсин или Тэмма. Там задешево продавали то, что не продали днем. Мы закупались, возвращались в общежитие, мыли рыбу в тазике для умывания и разделывали ее на столешнице от сломанного стола с помощью боевого ножика. У меня руки растут из правильного места, так что разделка доставалась мне.

Была третья луна, цвели персиковые деревья. Мы слышали, что красивее всего они цветут на горе Момояма, расположенной к востоку от осакского замка. Вот мы и решили там полюбоваться. О том, чтобы выпить и закусить в тамошней чайной, речи не шло, поэтому накануне вечером мы купили на рынке рыбы, запаслись и тофу с овощами. Рано утром все приготовили, кое-как упаковали, купили сакэ и компанией человек в пятнадцать отправились к Момояме. Мы хорошенько попировали и пришли в прекрасное расположение духа. Тут взглянули на запад и увидели, что на юге Осаки бушует пожар. Было начало восьмого, солнце уже заходило. Мы ужасно разволновались, потому что в этот день Нагаё Сэнсай должен был пойти в театр, что в Дотомбори. Мы находились в Момояме, от далекого пожара нам самим было ни жарко, ни холодно, но Нагаё ведь был там! А что, если он сгорел? В общем, мы бросились спасать Нагаё. Пробежали до Осаки два или три *ри*[21], добрались до Дотомбори. Полыхало жарко, все три тамошних театра сгорели дотла, огонь распространялся к северу. Мы страшно беспокоились о Нагаё, но найти его не было никакой возможности. Солнце село, настала ночь. Ищи не ищи – все без толку. «Давайте хоть на огонь поглазеем!», – сказал кто-то, и мы подобрались поближе к пожару. Люди в страшной спешке спасали свое имущество. Нам тоже пришлось как следует потрудиться: таскали вещи, таскали узлы с постельным бельем, таскали шкафы. В то время в Осаке горящий дом было принято обрушивать с помощью канатов, привязанных к опорным столбам[22]. Нас попросили помочь, и мы взялись за канаты. Потом нас угостили рисовыми колобками и сакэ. Это было здорово!

[21] 1 *ри* = 3973 м.

[22] Так поступали, чтобы огонь не перекидывался на соседние крыши. Повалившийся дом было легче тушить на земле.

Когда мы разделались с угощением, было уже совсем поздно. Вернулись в общежитие. А пожар-то еще не потушили. Мы решили снова отправиться туда. Жители Осаки вели себя на пожарах специфически. Люди толпились и галдели вдалеке от огня. А ближе к огню – тишина, никого нет. Странная картина: здесь шумят, а там тихо. Криками и пинками мы без труда проложили путь к огню. Там оказались только пожарные и студенты школы Огата. Мы там трудились изо всех сил, хорошо поработали.

Я много говорил о безобразиях, которые творили студенты, но отношения между нами были самыми доброжелательными, мы не враждовали. Разумеется, споры были. Спорили о самых разных вещах, но жаркие дискуссии не приводили к вражде. По своему характеру я таков, что в спорах с друзьями не доводил дело до крайности. Я старался дискутировать только на какие-нибудь интересные темы. Вот зашел разговор о 47 ронинах[23], и возник спор, вели они себя благородно или нет. Я сказал: «Это ведь как посмотреть, язык без костей. Если ты скажешь, что благородно, я буду доказывать обратное. А если скажешь, что неблагородно, тоже найдусь с ответом. Приступим! Я буду один против вас всех!». Кто-то не соглашался со мной, кто-то поддерживал. Можно было выиграть спор, а можно и проиграть. Это было интересно. Мы спорили на повышенных тонах, но без злобы. Никогда не доходило до исступления, когда кто-нибудь говорил: только я прав, и все тут.

Про наши занятия

Эти школяры только выйдут в город, так тут же и набедокурят, останутся в общежитии – поссорятся… Если судить только по тому, что я здесь понарассказывал, то так и покажется: эти парни науками не занимались, только бездельничали. Но это вовсе не так. На самом деле студенты школы Огата были в учении и науках первыми в тогдашней Японии.

Сошлюсь на личный пример. В третьем месяце третьего года Ансэй (1856) я валялся с температурой в комнате старшего брата в представительстве Накацу в Осаке. К счастью, я уже пришел в себя.

[23] Речь идет о 47 самураях, которые поклялись отомстить обидчику их сюзерена и в конце концов убили его. В токугавской самурайской культуре они обычно считались воплощением воинской верности и благородства.

Пока болел, под голову клал свернутую трубкой подушку для сидения на полу, но когда стал выздоравливать, мне захотелось поспать на обычной подушке, и я велел слуге брата принести мне ее. Он стал искать, но не нашел. И тут я сообразил, что хотя я жил в представительстве уже целый год, но подушки так и не завел. Я потерял счет времени, не различал ни дня, ни ночи. Когда наступала ночь, спать не ложился, только и делал, что книги читал. Если уставал от чтения и тянуло в сон, я засыпал, положив голову на стол, или растягивался на полу, и тогда подушкой мне служила ступенька *токонома*[24]. За все это время я ни разу не постелил матраса с простыней, не положил себе под голову подушки. Только теперь до меня наконец-то дошло: поскольку я не спал по-человечески, то и подушки у меня попросту не завелось. И я отнюдь не являлся исключением в части усердных занятий – большинство студентов были такими же. Заниматься больше, чем мы, было физически невозможно.

И после того, как поселился уже в общежитии, я не отступался. Если выпивал во время ужина, то засыпал, но, чуть подремав, просыпался около десяти. И тогда садился за книги и читал ночь напролет. Когда доносились звуки из кухни, это означало, что там готовятся к завтраку, и только тогда я отходил ко сну. Я просыпался уже к завтраку, шел в баню, приводил себя в порядок, возвращался в общежитие, завтракал и снова садился за книгу. Такого образа жизни я придерживался практически все время.

С гигиеной, конечно, обстояло плохо. Хоть студентам и твердили о важности гигиены, на практике о ней не думали и не вспоминали. Никто нас за это не отчитывал. А мы сами не обращали на чистоту никакого внимания. Молодые были, здоровые. Наверное, кто-то думал и так: если чересчур заботиться о чистоте, тогда, наоборот, навредишь здоровью.

Соревнование по переписыванию и чтению

Теперь расскажу, как мы учились. Поступивший в школу человек ничего не смыслил в голландском. С ним поступали так: выдавали ему напечатанный в Эдо двухтомник. Первый том – «Грамматика», второй – «Синтаксис». Новичок брался за «Грамматику»,

[24] *Токонома* – чуть приподнятая над полом часть комнаты, где полагалось вешать живописный или каллиграфический свиток, ставить цветы.

учился с помощью преподавателя читать ее вслух. Покончив с первым томом, брался за «Синтаксис», который осваивался таким же образом. После этого наступал черед занятий по самостоятельному чтению. Они проходили следующим образом. К группе из 10 или 15 человек приставлялся руководитель. Он выслушивал, как студент читает текст. К этому времени упор делался уже на самостоятельные занятия. При подготовке запрещалось обращаться к другим студентам за помощью. Да таких паршивых студентов у нас и не бывало. В школьной библиотеке имелись книги только по физике и медицине. Их было меньше десятка. Это были книги, привезенные из Голландии. Каждая – в одном экземпляре. Студент, освоивший грамматику, должен был переписать соответствующую книгу. Вот с такими копиями и проводились занятия по чтению шесть раз в месяц.

Поскольку вся группа из десяти, скажем, человек не могла одновременно заниматься копированием одной и той же книги, устанавливали очередь жребием. Европейской бумаги, разумеется, не было, писали уставным почерком на шершавой японской. Поскольку писать на такой бумаге было неудобно, ее предварительно разглаживали фарфоровой чашкой, а потом уже переписывали «орлиным пером». Такие перышки длиною в три суна делались из пера то ли журавля, то ли гуся. Их в то время продавали сколько хочешь в аптеках. Я еще слышал, что из них делали крючки для ловли тунца. Стоили всего ничего. Заострishь перо ножичком – вот тебе и ручка получилась. Никаких европейских чернил, понятно, не имелось. Растворишь тушь в банке – вот тебе и чернила. Поскольку все студенты были обязаны заниматься копированием, мы набивали руку, получалось хорошо. Один читает, а другой со слуха переписывает, ошибок не случалось. Вот так вдвоем и переписывали. Переписали – передали книгу другим. Ну, и так дальше. Задание на урок большим не казалось – страниц пять.

Самостоятельные занятия

Хорошо, текст переписали. Никто тебя не учит, никто и не слушает – готовься сам. Мы стыдились тайком получать помощь, никто правил не нарушал. Ты должен в одиночку разобраться с текстом. У тебя есть учебник и словарь. На них и рассчитывай. Словарь – это

переписанная копия словаря доктора Хендрика Дуффа[25], в школе имелся один экземпляр. Здоровенная книжища – шесть тысяч страниц. Поэтому словарь имелся только один – попробуй, перепиши! Голландец Дуфф когда-то жил на острове Дэдзима, что рядом с Нагасаки. Его словарь – перевод немецко-голландского словаря Халма[26], для всех голландоведов – сущее сокровище. Какой-то японец переписал его, а поскольку в школе Огата была только одна копия, возле полки с этим многотомным словарем всегда толпились студенты. Имелся и оригинал голландского лексикона Вейланда[27] в шести томах. Не нашел сло́ва у Дуффа – ищи у Вейланда. Но для начинающих Вейланд был труден – там все по-голландски написано. Поэтому Дуффом пользовались больше. Дни проверочных занятий были определены заранее, ночь накануне даже лентяи бодрствовали. В комнате со словарем Дуффа толпился десяток человек, они молча копались в словаре.

Но вот наступает проверочный день. Жребием определяется, кто и какой отрывок читает. Руководитель держит в руках оригинал книги. Каждый студент отвечает по попавшемуся ему отрывку. Если проваливается, наступает очередь следующего. Если и он не сдюжит, тогда – снова следующий. Кто смог прочесть – тому ставят белый кружок, кто провалился – черный. Кто прочел безупречно, удостаивается белого треугольника. Он ценился в три раза больше кружка. Классы в школе делились на 7–8 ступеней. Если студент на протяжении трех месяцев достигал наивысших результатов, его переводили на следующую ступень. Старшие студенты вели уроки с младшими (это не касается проверочных занятий), и в результате между ними складывались поистине братские отношения. Подготовка к проверочным занятиям лежала на совести каждого студента, и шесть раз в месяц он как бы сдавал экзамен.

По мере продвижения в учебе все книги в библиотеке прочитывались, и студенту было нечем заняться. Требовалось практиковаться

[25] Хендрик Дуфф (Hendrik Doeff, 1777–1835) – глава голландской торговой фактории в Нагасаки. Прибыл в Японию в 1801 г. Во время наполеоновских войн, когда связь с Европой была прервана, с помощью японских переводчиков начал составлять голландско-японский словарь (работа закончена в 1817 г.). Словарь ходил в рукописных списках до 1858 г., когда сёгунат разрешил опубликовать его.

[26] На самом деле это был голландско-французский словарь: Francois Halma. Woordenboek der Nederduitsche en Fransche taalen.

[27] Nederduitsch Taalkundig Woordenboek door P. Weiland.

на более сложных текстах. Самые продвинутые студенты брались за предисловия, которые не имели практической ценности. Или же просили самого Огату почитать им лекции. Я был одним из его слушателей. Слушая его, каждый раз ощущал точность и широту его знаний – он был светилом в голландоведении, его гигантом. После занятия мы возвращались в общежитие, и мои друзья говорили: «Ну как тебе сегодняшняя лекция? Мы просто неучи по сравнению с ним».

Наши хулиганские вылазки в город, сопровождавшиеся возлияниями, приходились на вечера или на следующие дни после проверочных уроков – ведь до следующего испытания оставалось еще несколько дней. Однако по мере приближения очередного испытания мы занимались все усерднее. Разумеется, твои успехи зависели и от природных способностей, но никто не мог перейти в следующий класс или получить свидетельство об окончании только потому, что он долго пробыл в стенах школы. Система подготовки способствовала получению настоящих знаний, так что студенты научались хорошо читать на голландском.

Переписывание книг

Расскажу между делом еще одну историю про словарь Дуффа. В то время многие князья делали заказы на переписывание этого словаря. Эта работа приносила студентам доход. Гонорар за переписку рассчитывался за страницу, в которой 10 вертикальных строчек по 20 знаков каждая. В словаре Дуффа с его горизонтальными строками на странице насчитывалось 30 строчек. За переписку такой страницы платили 16 *мон*. Плата за примечания на японском составляла 8 *мон*. Это было намного больше, чем гонорар за переписывание текста на японском языке. Перепишешь 10 страниц на голландском и получаешь целых 160 *мон*. 10 страниц примечаний на японском – 80 мон. Кто-то переписывал голландскую часть, кто-то – японскую. Полный текст – это три тысячи страниц. Хороший заработок! Он сильно выручал студентов. Сейчас такие деньги кажутся ничтожными, но тогда это была изрядная сумма. Один *коку*[28] белого риса стоил 3 *бу* и 2 *сю*, один *сё* сакэ – от 164 до 200 *мон*, а месячная плата за общежитие

[28] 1 *коку* = 150 кг.

1 *бу* и 2–3 *сю*, то есть меньше 100 *мон* в день. Если ты переписал за день 10 страниц словаря, получал 164 *мон*, то есть обеспечивал себе этот день с лихвой. Переписчики с голландского были на особом положении – перепиской с японского ты не мог заработать на образование и общежитие.

Приведу один конкретный пример. Князья жили в Эдо, так что спрос на переписку Дуффа и других голландских книг был там велик. В Эдо платили за переписку хорошо – намного больше, чем в Осаке. Человек по имени Судзуки Гироку (он был из Канадзавы, княжество Кага) приехал из Эдо в Осаку учиться. В свое время он явился в Эдо не имея ни гроша, но изо всех сил принялся за переписку голландских книг, выбился в люди и обзавелся капиталом. За год или два такой работы он скопил 20 *рё:*, отправился в Осаку и поступил в школу Огата. Закончив ее, вернулся в Канадзаву. Гонорары за переписку голландских книг позволили ему сделать это. Он полагал, что зарабатывать деньги перепиской лучше всего в Эдо, а вот учиться следует в Осаке. Он так и сделал.

Увлечение экспериментами

В те времена промышленности в Японии еще не было. Никакого парового двигателя не увидишь. Химического оборудования не существовало. Даже самого простого. Но мы все-таки имели какие-то общие представления о механизмах и химии, и нам хотелось применить знания на практике. Мы страстно желали сделать своими руками что-то такое, о чем написано в голландских книгах. Еще в Нагасаки я узнал, что олово можно припаять к железу с помощью хлорида цинка. В Японии для получения бронзы, то есть сплава меди и олова, издавна использовалась канифоль. Но вот мы узнали, что олово можно припаять и к железу, и решили получить хлорид цинка. В магазинах он не продавался, так что следовало его изготовить самим. Мы прочли, как это делается. И нам, в конце концов, удалось получить кислоту, мы растворили в ней цинк и попробовали спаять железо с оловом и у нас это здорово получилось. А ведь японские мастера не знали такого способа! Потом мы задумали получить йод. Порылись в книгах, отправились на рынок Тэмма, закупились водорослями. Мы полагали, что если сжечь их на огне, то добудем йод. Водоросли почернели, но толку не вышло.

Потом решили получить хлорид аммония. Разумеется, в магазинах ничего такого не продавалось. Для получения этого вещества требовались кости. Годились и лошадиные копыта. В лавках, торговавших изделиями из черепахового панциря, имелось сколько угодно обрезков копыт, нам их отдали бесплатно. Кажется, их можно было пустить на удобрение, но нам они были нужны для другого. Мы разжились такими обрезками в достаточном количестве, наложили их в бутылочки для сакэ, обмазали их глиной, поставили штуки три-четыре в большущий глиняный котел, а в бутылочки вставили керамические трубки так, что они выходили за пределы котла. Котел поместили на печку, раздули как следует угли и тогда из трубочек стала поступать жидкость. Это и был аммоний. Все шло прекрасно, но и воняло ужасно. Это и понятно: что кость, что копыта при нагревании должны вонять нестерпимо. Мы проводили свой эксперимент в крошечном школьном дворе, невыносимое зловоние проникало и в помещение. Разбежались даже самые отчаянные студенты. Вечером мы отправились в баню, от одежды несло так, что собаки на улице облаивали нас.

В следующий раз мы проводили опыт уже раздетыми, но потом от нас все равно исходила такая вонища, что люди шарахались. Зато сами экспериментаторы были довольны результатом, так что смрад нам был нипочем. Мы продолжали опыты, но окружающие были недовольны. Людям, которые работали в общежитии, становилось так дурно, что они не могли есть. Нам удалось получить некую аморфную массу, но до кристаллов дело не дошло. Это был какой-то недоделанный хлорид аммония. Недовольство окружающих тоже сыграло свою роль, и в один прекрасный день я решил эксперимент прекратить. Но среди нас находились люди и покруче меня. Они говорили: дело не доделано, а это для ученого – настоящий позор! Я, Мацусита Гэмпо из Курумэ и Цурута Сэнъан решили прекратить опыты, но несколько парней не отступились. Они наняли самую дешевую лодку с одним гребцом на реке Ёдогава, погрузили на нее оборудование и приступили к делу. Все бы ничего, да только задул ветер и стал сносить дым к берегу, там начали скандалить. Из-за этого парни стали то подниматься, то опускаться по течению – от мостов Тэндзин и Тэмман они спустились аж до моста Тамаэ. Вот так они спасались от неприятностей. Заводилой у них был Накамура Кёан из Компиры, что в провинции Сануки.

Наши студенты препарировали собак и кошек, анатомировали и казненных преступников. Студенты могли выглядеть как настоящие разбойники, но мало кто знал, как упорно они занимаются – штудируют книги и воплощают свои знания на практике.

А вот еще одна занимательная история про наши эксперименты. Мы пытались получить серную кислоту и в результате неимоверных усилий получили ее – далеко не чистую, черного цвета. На следующий день следовало очистить жидкость и добиться прозрачности. Мы налили ее в чашку и поставили на полку, но Цурута Сэнъан забыл про это и по неосторожности задел ее, и кислота пролилась на него. Был четвертый месяц по старому стилю, кислота прожгла одежду, но на кожу не попала.

Для опытов требовались бутылки. Мы, как и все другие студенты, заказывали сакэ в ближней винной лавке «Комэто» в районе Добуикэсудзи. Опустошенные бутылки использовали для опытов. После этого вернуть их в лавку было уже нельзя. Хозяину лавки показалось это странным, он потихоньку выведал об их судьбе у служителей общежития и обнаружил, что нас больше интересовали сами бутылки, чем их содержимое. После этого он отказался доставлять нам сакэ, что затруднило нашу деятельность.

Переписка книги князя Курода

Князь Курода, управитель провинции Тикудзэн, имевший титул управителя провинции Мино, был дедом нынешнего господина Куроды[29]. Учитель Огата был вхож в дом князя. Он не ездил ни в Тикудзэн, ни в Эдо, но пользовал членов дома Курода в Осаке. Когда Курода направлялся в Эдо или возвращался оттуда, он проезжал через Осаку, Огата являлся в представительство Тикудзэн и осведомлялся о здоровье князя.

Это было в третьем или четвертом году Ансэй (1856–1857). Князь проезжал через Осаку, и Огата, как обычно, явился в представительство Тикудзэн, расположенное в районе Наканосима. Вернувшись, он тут же вызвал меня. Я недоумевал о причине вызова, а Огата показал мне некую книгу: «Князь сказал, что недавно разжился этой книгой,

[29] Имеется в виду Курода Нагасигэ 黒田長成 (1867–1939). Впоследствии он учился в Кэйо Гидзюку. В то время, когда Фукудзава работал над автобиографией, занимал должность заместителя главы верхней палаты парламента.

а я ненадолго одолжил ее у него». Это оказался голландский перевод новой английской книги Вандербильта.[30] Там рассказывалось о новейших научных достижениях, в особенности подробно говорилось про электричество. Находясь в этой самой Осаке, я знал про электричество ничтожно мало – только то, что сообщалось в одном голландском школьном учебнике. В этой же книге, доставленной недавно из Европы, подробно рассказывалось об открытиях великого Фарадея в области электричества. Все было таким новым для меня, я прямо ахнул и спросил, на какое время учитель одолжил эту замечательную книгу. Он отвечал, что Курода пробудет в Осаке два дня и до его отъезда можно подержать книгу у себя.

Я решил показать книгу нашим студентам в общежитии. Они окружили книгу кольцом. Я посоветовался со студентами постарше, и мы решили переписать книгу. «Не будет никакого толку, если мы просто посмотрим книгу. Так что кончаем глазеть, приступаем к переписке. Здесь тысяча страниц, полностью переписать не успеем. Будем переписывать только последнюю главу про электричество. Всем приготовить кисти, бумагу и тушь!». Но вот ведь незадача: мы не имели права разброшюровать такую ценную книгу, принадлежавшую князю! Нас было несколько десятков человек и если бы мы были вольны в своих действиях, то успели бы к сроку… Но студенты школы Огата были опытными переписчиками. Один читал, другой записывал. Как только второй уставал и начинал работать медленнее, его сменял другой студент. Ну, и так далее. Те, кто притомились, тут же ложились спать – будь то день или ночь. Работа не останавливалась круглые сутки, перерывов на еду и перекуры не существовало, так что мы не теряли ни минуты. За три дня и две ночи мы переписали главу про электричество и скопировали все рисунки, успели даже провести сверку. Всего получилось страниц триста. Нам хотелось переписать и другие разделы, но времени не хватило. Но все равно хорошо, что успели с электричеством. Огата обмолвился, что Курода купил книгу за 80 *рё:*. Нищим студентам такая сумма и не снилась. Никто не мог даже и мечтать о покупке такой книги.

Но вот настал вечер, когда князь должен был отправляться в путь. Передавая книгу из рук в руки и бережно оглаживая ее, мы прощались с ней, как прощаются с дорогим родителем. Книгу мы вернули, но

[30] Книга не идентифицирована.

наши представления об электричестве поднялись на совсем другой уровень. Не побоюсь сказать, что в тогдашней Японии мы знали про электричество больше всех! Даже сегодня, когда заходит речь об электричестве, я могу поддержать разговор. И все это благодаря той самой книге. Так что многое в моей жизни связано с той доставшейся по случаю книгой. Я несколько раз просил нынешнего Куроду поискать ее у себя, но он не смог ее найти – говорил, что в бурные годы [революции Мэйдзи] она куда-то затерялась. Очень жаль.

Осакские студенты

Как можно понять из вышесказанного, студенты школы Огата были охочи до учения. Студенты из Эдо временами являлись в Осаку, чтобы поучиться, но из Осаки в Эдо не приезжал никто. А если кто-то и приезжал, то чтобы учить, а не чтобы учиться. Я не имею в виду, что только в Осаке собирались талантливые студенты. Не хочу и сказать, что в Эдо учились одни болваны. Стоит, однако, разобраться, почему студенты из Эдо и Осаки были такими разными. Разумеется, в то время мы гордились тем, что осакские студенты лучше всех. Но дело было не в том, кто умнее. Нужно иметь в виду, что атмосфера в Эдо и Осаке сильно отличалась.

Открытие Японии Западу началось с Эдо. Там располагались правительство и резиденции князей. Проникновение туда всего нового отличалось масштабностью и быстротой. Поэтому в Эдо находили применение люди даже с ничтожными знаниями о Западе, они там зарабатывали переводами, и студенты естественным образом становились дельцами. Если повезло, тебя брали и на княжескую службу. Случалось даже, что вчерашний студент становился самураем с доходом в несколько сот *коку* риса. А вот Осака был миром торговцев, а не самураев. Там никто не интересовался пушками и не нуждался в западных книгах. Поэтому студенты школы Огата, проучившиеся там несколько лет и ставшие большими знатоками западного, не обладали возможностями для заработка. Они не имели отношения к материальной стороне жизни. У них не было возможности заработать. Да они и не искали ее. И чего ради они учились так упорно? Они не задумывались о том, какое будущее их ждет. Они не стремились к успеху. Да что там успех – люди вокруг только и делали, что поносили голландоведов! Недолго и руки опустить.

Но корпеть днем и ночью над зубодробительными текстами было нам страшно интересно – без всякой на то выгоды. Если бы кто-то сумел заглянуть нам в душу, то обнаружил бы, что там поселилось счастье. Это была гордость за то, что мы каждый день читаем по-голландски все лучше и лучше – умение уникальное для японцев, только мы способны на это. Да, мы были бедны, наш быт – скромен, и мы выглядели на сторонний взгляд нищими, но нашим знаниям и полноте жизни могли бы позавидовать короли и аристократы. Мы жили трудно, но интересно, в трудностях мы обретали радость, сами трудности были в радость. Мы как бы пили лекарство и не знали, к чему это приведет. Зато знали, что больше никто не способен перенести эту горечь. Неважно, что станет с нами после лечения, но чем горше оказывалось лекарство, тем охотнее мы его принимали. Такое вот воодушевление владело нами.

Китайщина – наш враг

В чем была цель нашего многотрудного учения? Ответ туманен. Мы учились медицине, о политике судачили мало. В вопросе о том, должна ли Япония быть страной закрытой или открытой, все мы выступали за открытость, никто против этого не возражал, но нашим непосредственным оппонентом была китайская медицина. Мы ненавидели ее, и наша ненависть перекидывалась на конфуцианцев, а с ними и на все китайское, которое следовало вырвать с корнем. Никаких конфуцианцев среди нас не было, а когда мы встречались с каким-нибудь студентом, изучавшим китайщину, мы видели в нем сумасброда. Мы смеялись над этой публикой и поносили ее.

В Наканосиме, неподалеку от школы Огата, располагалось заведение Ханаока – авторитетного знатока китайской медицины. Тамошние студенты были не чета нам – богатые и прекрасно одетые. Когда на улице мы натыкались на них, то не обменивались приветствиями, а проходили мимо, со злобой глядя друг на друга. Чуть отдалившись, начинали такой разговор: «Ты только посмотри на них! У них один прикид в голове. Слушают свои дурацкие лекции, чепуху какую-то, а главным у них этот Ханаока, он весь замшел и задеревенел, он повторяет теории, которым стукнуло две тысячи лет. Вот разъедутся они по домам и станут людей губить! Жуть!

Погодите! Мы вас изничтожим, духу вашего нигде не будет!». Но как это сделать, мы не знали. Просто поносили темноту и невежество, и так отводили негодующую душу.

Учение без перспективы

Итак, большинство из нас упорно училось, не имея перед собой конкретной перспективы, но это не охлаждало нашего пыла. Мы знали больше, чем студенты из Эдо. Пусть нынешние студенты и прилежны в учении, но если кто-то чересчур беспокоится о своей карьере, настоящим профессионалом ему не стать. Правда, и учение ради учения – тоже не идеал. Тем не менее, если человек думает только о карьере и славе, если его заботят только деньги, роскошный дом, деликатесы и богатое платье, он не сможет как следует грызть гранит науки. Учение требует сердца умиротворенного.

References

Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuō Jiden* [Autobiography of Elder Fukuzawa]. Tokyo: Iwanami, 75–114. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 370–386
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 370–386
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-370-386

Visit of Itō Hirobumi to Saint Petersburg in 1901

E. O. Rogov

Abstract

The Russo-Japanese war had a dramatic aftermath for Russia, and both contemporaries of the period and historians speculated what was the key moment for Russo-Japanese relations to be improved and to prevent the war. The visit of Itō Hirobumi to St. Petersburg in 1901 is often mentioned as such a moment.

At the beginning of the 20th century, Japan was looking for allies among Western powers to continue its expansion in the Far East. Japanese diplomats in London had consultations considering the conclusion of the Anglo-Japanese alliance. However, Japan had not made the choice yet, as there were supporters of the idea of an alliance with Russia, with Itō Hirobumi and his *Seiyūkai* political party as one of the most noticeable.

After his resignation as Prime Minister in May 1901, Itō Hirobumi announced his trip to Europe and visit to Saint Petersburg. Even though the trip was claimed to be unofficial, political circles in Europe expected Itō to discuss the project of a Russo-Japanese agreement with the Russian government. At the end of November, Itō indeed went to Saint Petersburg and consulted with Russian ministers about the Korean problem – the main contradiction in the two empires' relations. However, the visit was unsuccessful. Itō left St. Petersburg and went to London, where, on January 30, 1902, the Anglo-Japanese alliance was signed.

Even though there were opinions expressed by minister Witte and ambassador Izvolsky that Itō's mission was a real chance to set the controversies and prevent the war, the analysis of the negotiations in Saint Petersburg and such evidence as the memoirs of Hayashi Tadasu, the Japanese ambassador in London, allow us to assert that Itō had given up the idea of a Russo-Japanese alliance before he came to the Russian capital. Even though it does not exonerate the Russian government for its failure to prevent the Anglo-Japanese alliance, it cannot be blamed for Itō's mission failure; by that time, the possibility of an agreement had been missed.

Keywords: Itō Hirobumi, Meiji period, Russo-Japanese war, Russo-Japanese relations, Sergey Witte, Anglo-Japanese alliance.

The author: *Rogov Egor Olegovich,* Assistant of the Department for Comparative Studies of Languages and Cultures, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034.
ORCID: 0009-0001-6070-1656
E-mail: rogovegor98@mail.ru

Conflict of interests
The author declares the absence of the conflict of interests.

Визит Ито Хиробуми в Санкт-Петербург в 1901 г.

Е. О. Рогов

Аннотация

Русско-японская война 1904–1905 гг. имела для России крайне тяжелые последствия, поэтому неудивительно, что многие – как современники, так и историки – пытались ретроспективно найти момент, когда траекторию развития отношений между двумя империями было можно изменить. Визит Ито Хиробуми (1841–1909) в Санкт-Петербург в 1901 г. часто называют одним из таких моментов.

На рубеже XIX–XX вв. Япония стремилась найти союзника среди западных держав, чтобы продолжить экспансию в дальневосточном регионе. С апреля 1901 г. японские дипломаты вели переговоры с Лондоном о возможном заключении англо-японского союза, но это не означало, что японское правительство сделало окончательный выбор. Так, Ито Хиробуми, один из главных политиков Японии своего времени, был сторонником сближения с Россией, того же внешнеполитического курса придерживалась образованная им в 1900 г. партия Сэйюкай.

После сложения полномочий премьер-министра в мае 1901 г., Ито Хиробуми объявил о своей поездке в Европу с посещением Санкт-Петербурга. Несмотря на подчеркнуто частный характер путешествия, в политических кругах Европы многие были уверены, что Ито намерен обсудить проект русско-японского соглашения. В конце ноября 1901 г. Ито действительно встречался в Петербурге с ведущими членами российского правительства

и обсуждал с ними возможность решения вопроса о Корее – главного противоречия в отношениях двух держав, однако переговоры зашли в тупик, и уже 30 января 1902 г. Ито присутствовал при подписании Англо-японского союза.

Многие, включая непосредственных участников событий С. Ю. Витте и А. П. Извольского, позднее утверждали, что визит Ито был возможностью заключить соглашение с Японией и избежать войны, однако анализ хода переговоров и другие свидетельства, такие как воспоминания японского посланника в Лондоне Хаяси Тадасу, позволяют утверждать, что Ито отказался от идеи русско-японского соглашения еще до приезда в Петербург. И хотя это не снимает ответственности с царского правительства за то, что оно не смогло вовремя предотвратить сближение Токио и Лондона, его нельзя винить за провал миссии Ито в 1901 г. – к тому моменту возможности для соглашения были упущены.

Ключевые слова: Ито Хиробуми, эпоха Мэйдзи, русско-японская война, Сергей Витте, Хаяси Тадасу, Англо-японский союз 1902 г., русско-японские отношения.

Автор: *Рогов Егор Олегович,* ассистент Кафедры сопоставительного изучения языков и культур Санкт-Петербургского государственного университета:199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

ORCID: 0009-0001-6070-1656

E-mail: rogovegor98@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

The article is devoted to the visit of Itō Hirobumi (Japanese: 伊藤博文, 1841–1909), one of the most significant statesmen of the Meiji period (1868–1912), to Saint Petersburg in 1901.

During his visit to the Russian capital, Itō Hirobumi met the leading members of the Russian government and discussed the possibility of the conclusion of a Russo-Japanese agreement that, arguably, could prevent the war between the two empires in 1904–1905. This makes Itō's visit a significant episode in the history of Russo-Japanese relations before the war, and, therefore, it is interesting to analyze why the idea of the treaty failed.

This article is an attempt to examine the history of the visit, assess its significance for Russo-Japanese relations, and analyze the reasons for its failure, based on the diplomatic correspondence, press publications, and memoirs of the participants to the events. The article also studies the reflection of Itō's visit to Saint Petersburg in Russian, British, and Japanese media, as well as the attitude of the public opinion in these countries toward the idea of a potential Russo-Japanese alliance.

Background of Itō Hirobumi's visit

One of the most important foreign policy challenges that the Japanese Empire faced at the beginning of the 20th century was establishing new colonies and broadening the sphere of its economic and political influence. In order to achieve this goal, the Japanese government had to find external military and financial support. Therefore, Tokyo was set to conclude an alliance treaty with one of the powerful Western countries [Ayrapetov 2014, p. 340]. Having a strong ally behind it could help Japan defend its interests in the Far East much more effectively.

Since April 1901, Japanese diplomats had been holding consultations considering the possibility of concluding an Anglo-Japanese alliance. However, this did not mean that Tokyo policymakers had already chosen Great Britain as an ally. Japanese politicians were in doubt. During the whole of 1901, the Japanese Empire was trying to decide whether to conclude a treaty with the British Empire or to join the Russo-French alliance that appeared in Europe at the beginning of the 20th century.

In May 1901, Itō Hirobumi, one of the most prominent Japanese politicians of the Meiji era, resigned from the position of prime minister. Despite his origins in peasantry, Itō managed to gain a good education, and he was among the first Japanese students who studied abroad in the 1860s. Itō Hirobumi was one of the leaders of the Meiji Restoration and a keen supporter of the Emperor's rule and modernization in Japan. Furthermore, Itō is known as the first (as well as the fifth, the seventh, and the tenth) Prime Minister of Japan and the author of the first Japanese constitution's project [Takii 2014, p. 11].

After his resignation, Itō went on a trip to Europe as a private person, planning to visit "the most important European capitals" like Paris, Berlin, and Saint Petersburg [Erukhimovich 1934, p. 37]. Even though the trip was unofficial, it was taken in close coordination with the actions

of the Japanese government and the Anglo-Japanese negotiations being conducted at the time [Lukoyanov 2008, p. 284].

In the beginning of the 1900s, Itō Hirobumi was known as a politician who supported the idea of rapprochement between Japan and Russia. In 1900, he founded the political party *Rikken Seiyūkai* (Japanese: 立憲政友会, Association of Friends of Constitutional Government), one of the leading political parties in Japan. The idea of Russo-Japanese entente (Japanese: 日露協商論 *nichiro kyōshōron*) in the first years of its existence might be considered as its foreign policy program [Shirokov 2018, p. 557].

The Russian government was informed about Itō Hirobumi's intention to visit the capital of Russia and discuss the possibility of a Russo-Japanese treaty. Russia's ambassador to Tokyo, Alexandr Izvolsky (Russian: Александр Петрович Извольский, 1856–1919), wired Russian Minister of Foreign Affairs Vladimir Lamsdorf (Russian: Владимир Николаевич Ламсдорф, 1845–1907) on September 3 that Itō Hirobumi was going on a trip and that "even though the journey is presented as a private one, it undoubtedly has political significance and is undertaken in order to acquaint closely with the positions of the European governments". Izvolsky also noted that "retired Marquis Itō is still playing an outstanding position among the eldest statesmen, enjoying the Emperor's confidence, and the result of his journey may significantly affect the course of Japanese foreign policy" [Erukhimovich 1934, p. 37].

Itō Hirobumi in Saint Petersburg

On November 25, Marquis Itō Hirobumi arrived at Varshavsky Railway Station in St. Petersburg.[1] In his journey, Itō was accompanied by his secretary, Tsuzuki Keiroku (Japanese: 都筑馨六, 1861–1923), an ex-deputy minister of foreign affairs of Japan,[2] a son-in-law of Inoue Kaoru (Japanese: 井上馨, 1836–1915), genrō, one of the leading Japanese politicians during the Meiji period [Shirokov 2018, p. 555]. At the station, the Japanese stateman was met by the deputy chief of mission, Sugimura, and the members of the Japanese Legation, as well as the official of the Asian department of the Russian Foreign Office, Dmitri Sementovsky-Kurillo (Russian: Дмитрий Константинович Сементовский-Курилло,

[1] *Peterburgskiy listok*, № 312, 13(26) November 1901.
[2] *Pravitel'stvenniy vestnik*, № 251, 16(29) November 1901.

1859–1911).[3] *The Homeward Mail* wrote that "the reception that had been accorded to the Marquis Itō in St. Petersburg has been more flattering. On the occasion of his arrival at the Warsaw Station (*Varshavsky Railway Station – author's note*) on Monday, he was met not only by M. Sugimura and the members of the Japanese Legation but also by a representative of the Foreign Office, an unusual attention that is not paid even to ambassadors.[4] After his arrival in Saint Petersburg, Itō Hirobumi stayed at the Evropeyskaya Hotel,[5] which is known as Grand Hotel Europe and is still in use today. The fact that Itō stayed in a hotel, not in the legation, was to emphasize the informal, unofficial and private nature of his visit [Nish 2001, p. 87].

The next day, November 26, Itō Hirobumi paid a visit to the minister of foreign affairs, Count Vladimir Lamsdorf, visited the Japanese Embassy, and went sightseeing in the city. On November 28, Itō was granted an audience with Czar Nicolas II at Tsarskoe Selo.[6] According to newspapers, the Japanese statesman set off for the Emperor's residence at one o'clock in the afternoon by the Tsarskoe Selo railroad train and returned to the capital at four o'clock.[7]

Later that day, Count Lamsdorf gave a banquet of 32 covers last night at the Foreign Office in honor of Marquis Itō. Among the other guests were secretary Tsuzuki, all members of the Japanese Legation, and the highest dignitaries of the Russian Empire, such as Sergei Witte (Russian: Сергей Юльевич Витте, 1849–1915), Minister of Finance, General Aleksey Kuropatkin (Russian: Алексей Николаевич Куропаткин, 1848–1925), Minister of War, Konstantin Pobedonostsev (Russian: Константин Петрович Победоносцев, 1827–1907), Procurator-General of the Holy Synod, and others.[8]

The main difficulty in Russo-Japanese affairs was the Korea problem [Erukhimovich 1934, p. 42]. At the end of the 19th – beginning of the 20th century, Japan focused on the Korean Peninsula as the territory that could potentially become the object of Japanese colonization [Ayrapetov 2014, p. 340]. However, Korea was the territory where Japanese ambitions

[3] *Novoe vremya*, № 9231, 14(27) November 1901.
[4] *The Homeward Mail*, № 1638, 9 December 1901.
[5] *Novoe vremya*, № 9231, 14(27) November 1901.
[6] Russia and Japan. *The Homeward Mail*, № 1638, 9 December 1901.
[7] *Peterburgskiy listok*, № 312, 13 (26) November 1901.
[8] *Pravitel'stvenniy vestnik*, 251, 16 (29) November 1901.

collided with the interests of the Russian Empire, which did not want to lose influence in the region close to its borders. Itō Hirobumi's visit to St. Petersburg in 1901 was an attempt to settle this collision.

On November 30, Itō and Lamsdorf held the first conversation, in the course of which the Japanese politician introduced his vision of a Russo-Japanese agreement. According to it, Russia should recognize Japan's exclusive rights to "help with advice" to Korea and to bring troops into the kingdom if needed. Japan also wanted to be assured that the Russian government did not plan to invade the Korean peninsula. Japan, in its turn, promised not to build fortifications on the south coast and not to threaten Port Arthur (today known as Lushun Port); however, this obligation should be mutual. Lamsdorf, having heard the suggestions of the Japanese politician, replied that such conditions could be favorable only for Japan. According to Lamsdorf, the agreement in the form in which it was offered by Itō was against the interests of Russia, which did not want to give up the influence that it enjoyed in Korea, and, therefore, could not be accepted by the Russian side [Lukoyanov 2008, p. 288].

The second meeting of Itō and Lamsdorf, which took place on December 4, was more defined. Itō introduced a project called the five-point agreement. According to the project, both countries, firstly, mutually offered a guarantee of Korea's independence; secondly, assumed an obligation not to use any part of the country for strategic plans against each other; and, thirdly, assumed an obligation not to undertake any military activities on the Korean Peninsula that could jeopardize sea traffic in the Korea Strait [Erukhimovich 1934, p. 46]. In addition, a separate point of the agreement's project fixed Japan's freedom of action in political and economic terms and gave it the right to send troops in case of any "rebellion or uprisings that can spoil the relationships between Japan and Korea." Finally, the fifth point of the project stated that the document replaces all regulations and agreements that had been concluded before [Erukhimovich 1934, p. 46].

Having heard the Japanese statesman, Lamsdorf noticed once again that the project is just a list of broad preferences that Japan is trying to get, rather than a mutually advantageous agreement [Erukhimovich 1934, p. 48]. He also added that the agreement implies not only concessions but also equal rights and obligations of the parties, while Itō's project considered only Japanese preferences. Itō Hirobumi recognized the fairness of Lamsdorf's remark and agreed to wait until the Russian

government formulates its demands that it finds sufficient compensation for the rights that Japan was seeking in Korea. As far as Itō was going to leave Russia that day, it was settled that Marquis would wait for the Russian response in Berlin, the next stop of his journey.

The conversation between Itō Hirobumi and Sergey Witte, Minister of Finance, that took place after the first meeting between Itō and Lamsdorf, had a somewhat different character. The Minister of Finance was much more yielding than his colleague and expressing his vision, according to which Saint Petersburg could accept Japanese conditions if Tokyo would grant Russia some rights in Manchuria (the region that held key importance as a part of the Trans-Siberian railway passed through there). However, Itō avoided the proposal, noticing that Manchuria could become the object of the next agreement [Lukoyanov 2008, p. 290]. It is interesting to mention that, a decade later, years after the Russo-Japanese war, Witte implied in his memoirs that he was the only member of the government that spoke in support of accepting Japanese conditions that, allegedly, could help to avoid the war and its catastrophic aftermath for the country [Witte 1924, p. 184].

After the departure of Itō Hirobumi, the Russian government discussed his project of an agreement, but the proposed conditions, in general, caused a negative response. Only Witte did not reject it completely. He basically accepted Tokyo's project but tried to amend it. Thus, he rejected the point that gave Japan the unrestricted right to introduce troops into the kingdom and to control and lead its inner affairs. In exchange for those concessions, according to Witte, Russia should demand the recognition of its rights in China's territory close to its borders [Lukoyanov 2008, p. 290].

However, other ministers were more vague and less accommodating. The highest officials of the Russian government did not believe that Japan would risk declaring war, so concluding an unfavorable agreement was unnecessary. In the end, the opinion expressed by the Minister of War, Aleksey Kuropatkin, won: "The new Russo-Japanese agreement should not be purchased at a costly price. The concession of Korea in Japan's favor would be such a price" [Erukhimovich 1934, p. 49].

A week after Itō's urgent departure from St. Petersburg, the Russian version of the agreement's project was sent to a Japanese statesman in Berlin. Apparently, the counterproposals disappointed the Marquis. He answered that points 4 and 6 (including the prohibition to bring Japanese troops into Korea without the approval by Russia and Japan's recognition

of Russia's rights in North China) "give him sufficient reason to doubt whether there is the relevance to recommend a Russian project to the Japanese government as a basis for a future agreement" [Romanov 1928, p. 339]. Meanwhile, Britain expressed concerns over Itō's visit to Saint Petersburg and the delay in Anglo-Japanese negotiations. It could not be postponed any longer; Itō departed for London, where the Anglo-Japanese alliance was signed on January 30, 1902 [Ayrapetov 2014, p. 341].

The results of the visit

Russian ministers, who met "the high-ranked guest politely but rather coldly" [Ayrapetov 2014, p. 341], are often blamed for the failure of Itō's mission to Saint Petersburg in 1901. Sergey Witte, the direct participant in those events, wrote in his memoirs that, despite his own readiness to conclude the agreement, other members of the government "hesitated and made various objections". According to Witte, it was the Russian government's hesitation that made Itō abandon the idea of the Russo-Japanese agreement, even though he had tried to conclude a treaty with Russia and prevent the conclusion of the Anglo-Japanese alliance [Witte 1924, p. 184]. One can find the same vision of Itō's mission in 1901 in the memoirs of Alexandr Izvolsky, Russia's ambassador to Tokyo at the time. He claimed that the success of Itō's visit might prevent the Russo-Japanese war in 1904–1905, and that the Russian government was to blame for its failure. Izvolsky also noticed that he strongly recommended meeting Japan's demands in Korea and Manchuria and concluding the agreement [Izvolsky 1924, p. 14].

The Russian government might be reproached for its excessive self-confidence and political rigidity in terms of the violent change of power balance in the Far East and the strengthening of the Japanese Empire. Russian ministers also underestimated Britain's readiness to sign an alliance with Japan. Perhaps the Russian government should have analyzed the foreign-policy situation much more carefully and acted more compliantly. However, that became clear only years later; therefore, judging the ministers for their political inflexibility too harshly seems unfair. What is more, it is difficult to say whether Itō Hirobumi could significantly influence the political course of Japan in the case of successful negotiations in Saint Petersburg in 1901. Undoubtedly, the ex-prime minister enjoyed influence on Japanese politics, and his opinion

had significant weight, but one should mention that, at the time of Itō's visit to Russia in 1901, Anglo-Japanese consultations had already lasted more than six months and were at their final stage. Besides, many members of the Japanese government sympathized with the idea of an alliance with Britain, while the idea of a treaty with Russia was anticipated both by the Japanese political elite and society.

Moreover, there is still a big question about whether Itō Hirobumi himself believed in the success of his mission. Anglo-Japanese consultations, as is known, had been underway since the spring of 1901, and Itō had been well informed about their progress. What is more, before the visit to the Russian capital, Itō received a cable from Prime Minister Katsura that read, "Your visit to Russia is due to take place during the first half of December. I ask you to set off for St. Petersburg as soon as possible. Please bear in mind that the negotiations for the British alliance have made such progress that they have reached a point where we cannot retract without incurring great national dishonor" [Nish 2001, p. 87]. That means that, even before the visit to Russia, Itō Hirobumi knew that Japan was about to sign an alliance with Britain. So, the question is: what was the point of Itō's mission to Saint Petersburg?

The answer can probably be found in the memoirs of Hayashi Tadasu (Japanese: 林董, 1850–1913), a prominent Japanese diplomat and Anglophile who served in 1901 as Japanese ambassador in London and made a great effort for the Anglo-Japanese Alliance to come true. His memoirs, *The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi*, that were published after his death by Jiji Press and were translated into several European languages, shed light on the events related to Itō's visit to Saint Petersburg and the signing of the Alliance. According to *The Secret Memoirs*, at the early stage of the negotiations, Hayashi recommended that Tokyo pretend that Japan is interested in an agreement with Russia in order to accelerate the Anglo-Japanese negotiations: "I therefore telegraphed to my government that, as the British Government was nervous of a possible alliance between Japan and Russia, if my government would hint that Japan and Russia would combine if there were no prospects of the successful conclusion of the proposed Anglo-Japanese Alliance, the British Government would be stimulated into making a favorable agreement" [Hayashi 1915, p. 324].

When Itō Hirobumi went to Europe, Hayashi met him and his diplomatic assistant, Suzuki, and revealed the details of the Anglo-Japanese consultations. Hayashi wrote that "Marquis Itō was much

puzzled" because "he had no idea that the negotiations with Britain had progressed so far" [Hayashi 1915, p. 145]. However, according to Hayashi, Marquis realized that the negotiations with Great Britain had reached such a point that the Japanese government could not withdraw. "So after further discussion, it was arranged that he should support the Anglo-Japanese Alliance in principle. It was further agreed that he should continue his visit to Russia, as his coming had already been announced by the Russian Government" [Hayashi 1915, p. 145].

Hayashi's memoirs point out that Itō's mission to Saint Petersburg was doomed even before the marquis' departure to Russia. That explains why Japan's project of the agreement was far from being mutually profitable and, therefore, acceptable for the Russian party – Itō did not have an intention to conclude the Russo-Japanese Alliance. His government had already made another choice, and Itō, no matter what he personally felt about it, supported its policy. What is more, from the Japanese point of view, Itō's mission was rather fruitful – it made Britain, which was rather annoyed by Itō's visit to Russia, accelerate concluding an Anglo-Japanese agreement on mutually favorable terms.

Itō Hirobumi's visit to Saint Petersburg and its reflection in Russian, British, and Japanese media

Itō Hirobumi's visit to Saint Petersburg in 1901 was widely reported in the Russian, British, and Japanese press. From the very beginning of Itō's mission to Russia until his departure, Russian newspapers informed their audience about every step of the "Japanese visitor, ex-Prime Minister". Materials dealing with the visit of the Japanese politician were published in such periodicals and newspapers as *Peterburgsky Listok*, (Russian: «Петербургский листок») *Novoe Vremya*, (Russian: «Новое время»), *Birzhevye vedomosti*, (Russian: «Биржевые ведомости»), *Pravitel'stvenniy vestnik*, (Russian: «Правительственный вестник»), and others.

The Russian press was not limited to the official chronicle of Itō's visit. *Peterburgsky listok* and *Novoe vremya*, for example, published several small articles that were to introduce the prominent Japanese statesman to a Russian audience. In this articles, Itō was called "Japanese Bismark"[9] and

[9] *Novoe vremya*, № 9231, 18 (1) November 1901.

"one of the most outstanding and popular statesmen in Japan".[10] Moreover, periodicals pointed out that Itō played an important role in Japan's transformation "from a backward country to a civilized state".[11]

However, the most significant research articles were published in *Novoe Vremya* and *Birzhevye vedomosti*, as they provided the audience not only with the details of Itō's mission but also attempted to analyze it.

On November 18, 1901, *Novoye Vremya* published an article titled "Russia and Japan." The author of the article doubted that Itō's Western trip was of a private nature and wondered what the true meaning of Itō's visit to the Russian capital was. The author admitted that Russia and Japan were too far from reaching any agreement at the time, as "the concluding of an agreement demands finding certain constant interests that would be shared by both nations." At the same time, in the article, there was an expressed opinion that Itō would find in the government circles of St. Petersburg a commitment to peace and a "lack of interest in political adventures." Besides, *Novoe Vremya* assured readers that the Russian people, as well as the Japanese, are striving for peace, and Russia is warning politically "young, immature, and quick-tempered" Japanese society from "well-wishers' intrigues" that would benefit from Russo-Japanese conflict.[12]

Even though *Novoye Vremya* believed that the conclusion of a Russo-Japanese agreement would not happen in the immediate future, other newspapers expressed more daring opinions, claiming that the time for a Russo-Japanese alliance had come. On November 20, 1901, *Birzhevye vedomosti* published an article titled "The Idea of a Russo-Japanese Alliance." It said that Itō's visit became the reason for a "heated discussion" of a Russo-Japanese agreement by "all significant media." The author claimed that Russia's aim to conclude an agreement with Japan was not motivated by the intention to make Japan's army and navy an instrument for the attainment of its own purposes, but on the contrary by the ambition to gain mutual benefits. Japan, as the article stated, had just joined "the family of civilized nations" with the object of achieving two major goals: to become a great naval power and to build a strong industry. According to the article, that corresponded with Russian intentions in its Far East policy: strong industry and navy could help Japan shield itself from its "natural enemy, which intends to draw Japan into a war with Russia, in order to

[10] *Novoe vremya*, № 9231, 16 (29) November 1901.
[11] *Peterburgskiy listok*, № 317, 18 (1) November 1901.
[12] *Novoe vremya*, № 9231, 18 (1) November 1901.

weaken the Asian nation and transform it into an instrument for its own policy (an unambiguous allusion to the British Empire). More than that, Russia, which just finished the costly Trans-Siberian railroad, could not help but be interested in Japanese industrial growth".[13]

After listing the benefits of a future Russo-Japanese agreement, *Vedomosti* speculated on the conditions of the possible treaty: "Russia does not demand anything besides unconditional recognition of Korea's independence" on the grounds of the strategically important geographical position of the Korean peninsula (the author meant the seaway between Port Arthur and Vladivostok). In exchange, "keeping in mind Japan's 'colonizational entrepreneurialism'", Russia could grant Japan freedom of colonization activities in South and North China and in islands south of Taiwan.[14] Therefore, an examination of Russian periodicals from the time of Itō's visit to Saint Petersburg makes it clear that the arrival of the prominent Japanese politician in the Russian capital became a significant event in the political and social life of Saint Petersburg. It is even possible to say that the mission gave Russian society hope of signing a Russo-Japanese agreement in the near future that would stabilize the situation in the Far East.

Itō Hirobumi's ten-day stay in Saint Petersburg was covered not only in the Russian newspapers but also in the British media. Several British newspapers published brief articles dedicated to Itō's visit to Russia. They assured readers that Itō's visit was far from being as politically important as it was stated in Russian newspapers. On December 9, 1901, *The Homeward Mail* published a brief article telegraphed by the Saint Petersburg correspondent of the *Times* that said: "It is not only in the Russian press that the visit of the Marquis Itō has given rise to political speculation. In diplomatic quarters here, there has been a tendency to attach political significance to the presence of the Japanese statesman in St. Petersburg. On the other hand, I am informed by excellent authority that the Marquis Itō's tour has no diplomatic object whatsoever. After 30 years of hard and continuous work, he has felt the need for rest and change. He has undertaken his present journey in order to get rid of the cares and responsibilities that it was impossible for him to throw off so long as he remained in Japan. He hoped, moreover, that his visits to the

[13] *Novoe vremya*, № 9235, 18 (1) November 1901.
[14] *Birzhevye vedomosti*, № 313, 20 (3) November 1901.

different capitals would familiarize him with the latest results of Western progress. In St. Petersburg, I am told, his intercourse with the official world has been of an exclusive social character. It is even stated that up to the present, politics have not even been mentioned in his conversations with Russian statesmen".[15] So, British media covered the visit as a private trip of a retired Japanese nobleman that could hardly threaten a future Anglo-Japanese alliance.

Besides, British periodicals rather coldly commented on publications in the Russian press and their optimistic expectations for Itō's visit. On December 5, *The Globe* published an article on "Russia and Japan. The Marquis Itō's visit." It said: "It is painted in glowing colors the advantages of such an alliance in Japan and endeavors to convince the Japanese that Codlin is the friend, not Short".[16] British journalists also struck back their Russian colleagues' speculations about "Japan's natural enemy": "The St. Petersburg *Viedomosti* expresses the hope that the Marquis Itō will realize what a difference there is between Russia and the Powers of Western Europe. The Powers of Western Europe are dangerous, commercial and political rivals of Japan, whereas Russia is neither in the commercial nor the political sense a competitor of the Japanese Empire".[17]

London's newspapers also stated that Japanese public did not pay any attention to Itō's visit. *The Globe* wrote, that "the Marquis Itō's visit to St. Petersburg is regarded by the Japanese Press with complete indifference. Evidently public opinion attaches no political significance to the visitor and does not believe in the efficacy of any Russo-Japanese agreement from which England should be excluded, even assuming that Japanese reluctance and distrust were overcome".[18]

In general, one can say that the British media paid close attention to Itō Hirobumi's visit to Russia. Even though papers continuously stressed the non-official character of Itō's trip, this fact itself shows London's concerns about the visit ahead of the signing of the Anglo-Japanese Alliance. At the same time, the Japanese media ran a campaign aimed at discrediting Itō and his visit to Saint Petersburg. Newspapers owned by political opponents of Itō Hirobumi published articles that were distinctly negative or even hostile to Itō and his mission to Russia.

[15] Russia and Japan. *The Homeward Mail*, № 1638, 9 December 1901.
[16] Russia and Japan. The Marquis Itō's visit. *The Globe*, 5 December 1901.
[17] Russia and Japan. Korea's independence. *The Morning Post*, 10 December 1901.
[18] Russia and Japan. The Marquis Itō's visit. *The Globe*, 5 December 1901.

Yomiuri Shimbun pointed at "Itō's innate tendency to Russia" and noticed that decoration that was given to Itō in Russia "is always given only for special services for Russia itself" and, hence, made the conclusion that Itō's visit to Russia would have adverse consequences [Samoylov 1998, p. 59]. *Asahi Shimbun* claimed that the very fact of Itō Hirobumi's visit to Russia is "extremely sad" and suspected the politician of his readiness to serve Russia by concluding a "far from being patriotic" treaty [Samoylov 1998, p. 59].

So, the Japanese press was not only pessimistic about the possibility of a Russo-Japanese agreement but even fiercely criticized Itō for his pro-Russian policy. The Japanese media's reaction to the visit and Itō Hirobumi's personality assessment were significantly different from what was written in Russian newspapers.

Thus, a cursory review of the Russian, British, and Japanese press at the end of 1901, when Itō Hirobumi visited Saint Petersburg, demonstrates the difference in public reception of the idea of a Russo-Japanese alliance with Russia, Great Britain, and Japan. The Russian public met the idea of a potential agreement between the Russian and Japanese Empires with enthusiasm. Russian periodicals of the period published admiring articles about Itō and proposed naïve projects for the future agreement. At the same time, British newspapers that closely followed Itō's trip to the Russian capital were skeptical about the very idea of an alliance between Russia and Japan, assuring their readers that Itō's visit was of a private nature. Finally, Japanese media were indignant with the idea of a Russo-Japanese alliance, blaming Itō Hirobumi for betrayal of national interests.

Conclusion

Itō Hirobumi's mission to Saint Petersburg was an important episode in the history of Russo-Japanese relations before the outbreak of the Russo-Japanese war in 1904–1905. The mission is often considered a key moment when Russia had an opportunity to change the trend in relations between the two nations and prevent the war that had a dramatic aftermath for the Russian Empire. That version was later expressed by some Russian policymakers who were directly involved in the described events. However, despite all the hopes that were placed on the visit (or anxiety for those who were against the Russo-Japanese alliance), they were not to come true.

The futility of Itō's mission to Russia was caused by several factors. Firstly, the Korea question was a fundamental contradiction in the relationships between two empires – both of them were not ready to give up that territory. Secondly, the analysis of Japanese periodicals of the time shows a strong opposition to the idea of a Russo-Japanese alliance. And, finally, at the time of Itō's arrival in Saint Petersburg, Japan and Great Britain were in the final stages of negotiations on the conclusion of an alliance, and that almost excluded the possibility of a Russo-Japanese agreement.

What is more, there is some evidence that allows us to doubt that Itō's real mission was to negotiate with the Russian government, as some Russian participants in the events stated afterward. Such references as the memoirs of Hayashi suggest that Itō's real intention during the visit was to examine the Russian government's readiness to give way to the Japanese empire in Korea. What is more, the visit could also be a sophisticated trick in order to make the British government nervous and to conclude the alliance with Japan on better terms for the time being. If that version is true, one could not say that Itō Hirobumi's mission to Saint Petersburg failed; on the contrary, the goals that the Japanese government allegedly set were completed. Japan made sure that Russia would not give up its interests in Korea and gained the support of Great Britain to take Korea by force.

The visit of Itō Hirobumi to Saint Petersburg could not end with the signing of the Russo-Japanese agreement; there were too many factors against it. What is more, it seems that Itō did not even have this task. Even though some of the Russians, such as Finance Minister Witte or Russian Ambassador to Tokyo Izvolsky, indulged in wishful thinking, Itō Hirobumi's visit to Saint Petersburg should not be regarded as a real attempt to resolve contradictions and prevent war between the two nations. Itō Hirobumi came to Saint Petersburg when the chance to conclude a Russo-Japanese agreement had already been missed, and neither Itō nor the receiving party could possibly change it.

References

Ayrapetov, O. R. (2014). *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg.* [On the Way to Collapse. Russo-Japanese War of 1904–1905]. Moscow: Algoritm. (In Russian).

Erukhimovich, I. (1934). *Nakanune russko-yaponskoi voiny. S predisloviem I. Erukhimovicha* [On the Eve of the Russo-Japanese War. With a Foreword by I. Erukhimovich]. In *Krasniy arkhiv* [Red Archive], 2 (63), 3–55. (In Russian).

Hayashi, T. (1915). *The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi*, G.C.V.O. ed. by A. M. Pooley. New York: The Knickerbocker Press.

Izvolsky, A. P. (1924). *Vospominaniya* [Memoirs]. Petrograd. (In Russian).

Lukoyanov, I. V. (2008). *«Ne otstat' ot derzhav…» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Keeping up With the Powers..." Russia in the Far East at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. Saint Petersburg: Nestor-istoriya. (In Russian)

Nish, I. (2001). Ito Hirobumi in St. Petersburg, 1901. In Nish, J. *Collected Writings*. Part 1. Tokyo.

Romanov, B. A. (1928). *Rossiya v Man'chzhurii (1892–1906). Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v ehpokhu imperializma*. [Russia in Manchuria (1892–1906). Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Era of Imperialism]. Leningrad: Leningradskii vostochnyi institut imeni A. S. Enukidze. (In Russian).

Samoylov, N. A. (1998). Ito Khirobumi: obraz yaponskogo gosudarstvennogo deyatelya v rossiiskom vospriyatii (nachalo XX veka) [Itō Hirobumi: The Image of the Japanese Statesman in Russian Perception (Early 20th Century)]. In *Iz istorii religioznykh, kul'turnykh i politicheskikh vzaimootnoshenii Rossii i Yaponii v XIX–XX vekakh*. Saint Petersburg (In Russian).

Shirokov, V. V. (2018). Partiya Seiyukaj i ee vliyanie na formirovanie otnosheniya k Rossii v yaponskom obshchestve epokhi Meidzi. [The Seiyukai Party and Its Influence on the Formation of Attitudes Towards Russia in Japanese Society of the Meiji Era]. In *Yaponiya: 150 let revolyutsii Meidzi* [Japan: 150 Years of the Meiji Revolution] (pp. 553–560). Saint Petersburg. (In Russian).

Takii, K. (2014) *Ito Hirobumi, Japan's First Prime Minister and Father of the Meiji Constitution.* London, Routledge.

Witte, S. Y. (1924). *Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II.* [Memoirs. The Reign of Nicholas II]. Petrograd: State Publishing House. (In Russian).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 387–404
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 387–404
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-387-404

«Идущие в ряд сюртуки»: эдвардианский Лондон в восприятии Ногути Ёнэдзиро

А. С. Горбаченко

Аннотация

Статья посвящена конструированию образа Лондона и лондонцев начала XX в. в сочинениях японского писателя и поэта Ногути Ёнэдзиро: (1875–1947), впервые прибывшего в Британию в конце 1902 г. В исследовании используются автобиография писателя на английском языке и сборник «13 лет Британии и США» на бунго с отрывками дневниковых записей. Рассматриваются ключевые характеристики, присущие, по мнению Ногути, городу и его жителям в эдвардианское время. Выявлено, что образы Лондона заданного периода имели общее происхождение – «предобраз» идеализированного города, сформировавшийся на основе воспоминаний японских путешественников 1860–1870-х гг.

В результате исследования было выделено два противоположных образа Лондона, отраженных в сочинениях Ногути. Для первого характерно преобладание негативных характеристик; причины этого состоят в том, что помимо «предобраза» на Ногути повлияло более раннее путешествие по США в 1893–1902 гг. и последовавшее сравнение столицы Британской империи с американскими городами, в которых до этого жил писатель. Второй, романтический образ придает столице черты изящной дамы. Возможные причины резкой трансформации образа Лондона – успешная публикация сборника «С Восточного моря», постепенная адаптация писателя в городе, обретение связей с местными жителями, подражание лондонцам и копирование привычек, традиций и устоев британского общества начала XX в.

***Ключевые слова*:** Ногути Ёнэдзиро:, Лондон, японские путешественники, Мэйдзи, эдвардианская эпоха, оксидентализм, кросс-культурные контакты.

Автор: *Горбаченко Арина Сергеевна,* студентка кафедры востоковедения, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 620002, ул. Мира, 19; студент-исследователь, Центр японского языка и культуры, Осакский университет: Япония, 562-8678, Осака, Мино, Сэмба-Хигаси 3-5-10

E-mail: arina_gorbachenko@mail.ru

ORCID: 0009-0003-6028-7621

"Frockcoats Walking in Line": Noguchi Yonejirō's Perception of Edwardian London

A. S. Gorbachenko

Abstract

This article is devoted to the construction of the image of London and Londoners in the early 20th century in the works of a Japanese writer and poet Noguchi Yonejirō (1875–1947) on his first trip to Britain in late 1902. The study utilizes the writer's autobiography in English and the collection *13 Years of Britain and the United States* in Bungo with extracts from his diary entries. The author examines the key characteristics of the city and its inhabitants in Edwardian times, according to Noguchi Yonejirō. It was discovered that the images of London of this period had a common origin – a "pre-image" of an idealized city which formed on the basis of memoirs of 1860–1870s Japanese travelers.

As a result, two contrasting images of London can be seen in Noguchi Yonejirō's writings. The first image of London is characterized by the predominance of negative characteristics in the texts of the Japanese writer. The reasons for this were that, in addition to the "pre-image," Noguchi had been influenced by an earlier trip to the United States of America in 1893–1902 and the subsequent comparison of the British Empire's capital with the American cities where the writer had previously lived. Later, the gloominess of city was replaced by a romanticized view of it as a graceful lady. The author suggests two reasons for the abrupt transformation of the image of London: the successful publication of the poem collection *From the Eastern Sea*, which was the purpose of Noguchi's trip, and the writer's gradual adaptation to the city, his acquiring ties with the locals, imitating Londoners and copying the habits, traditions, and foundations of the early 20th century British society.

Keywords: Noguchi Yonejirō, London, Japanese travelers, Meiji Ishin, Edwardian Time, Occidentalism, Imagology, cross-cultural contacts.

Author: *Gorbachenko Arina Sergeevna*, student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation); student-researcher, Center for Japanese Language and Culture, Osaka University (3-5-10 Semba-Higashi, Minoh, Osaka, 562-8678, Japan)

E-mail: arina_gorbachenko@mail.ru

ORCID: 0009-0003-6028-7621

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Исследование категорий «другого» является одной из перспективных задач современного российского востоковедения. В этой связи интересно обращение к вопросам восприятия поздней викторианской и эдвардианской Британии японскими подданными. Путешествия японцев на берега Альбиона носили не только государственный, дипломатический, но и образовательный характер, а также зачастую совершались по личной инициативе. Участники подобных поездок оставляли воспоминания о Британии, по которым можно сконструировать ее образ с точки зрения оксидентализма, то есть восприятия «других» британцев – японцами.

Работы, посвященные образу Британии второй половины XIX в. в восприятии японцев, охватывают по большей части студенческие поездки периодов Бакумацу и раннего Мэйдзи, а также миссию Ивакура 1872 г. Следует выделить фундаментальную монографию Э. Коббинга [Cobbing 1998], где на основе свидетельств участников событий дается подробная картина восприятия Британии. Не менее интересным представляется труд историка из Лондонской школы экономики и политических наук Я. Ниша о миссии Ивакура [Nish 1998]. Схожую тематику разрабатывает М. К. Ковальчук, раскрывшая элементы образа Англии в отзывах участников миссии [Ковальчук 2012].

Ряд работ посвящен британскому путешествию Нацумэ Сосэки в 1900–1902 гг. Одна из них – статья А.-М. Дунбар, в которой

автор приходит к выводу, что восприятие Лондона писателем имело несколько форм, включая сравнение японского и «западного» стандартов жизни, мировоззрений, а также опыт общения с отдельными личностями, которых писатель встречал во время путешествия [Dunbar 2018]. Японские историки чаще обращаются к поездкам других студентов. Так, Кобаяси Нобуюки, исследователь жизни и творчества Хирата Токубоку, раскрыл его впечатления от посещения Лондона и обучения в Оксфорде [Kobayashi 2006].

Одним из аспектов темы, редко затрагиваемых в исследовательской литературе, является образ Британии в восприятии писателя Ногути Ёнэдзиро: 野口米次郎 (1875–1947). Ему удалось побывать в Британии дважды – в 1900-х и 1910-х гг. Целью обоих путешествий было издание его произведений на английском языке. Писатель рассчитывал через свою поэзию показать британскому читателю Японию, выразить собственные чувства и переживания, а также обрести новые связи в писательских кругах. Результатом первой поездки стал сборник стихотворений «С Восточного моря» [Noguchi 1903], вышедший в издательстве «At the Unicorn»; автор посвятил книгу духам горы Фудзи. Второе путешествие было ознаменовано публикацией двух эссе издательским домом Дж. Мюррея («Дух японской поэзии» [Noguchi 1914a] и «Дух японского искусства» [Noguchi 1915]) и другого произведения, «Через тории» [Noguchi 1914c] – типографией Э. Мэтью.

Целью нашей статьи является воссоздание событий, относящихся к первой поездке Ногути Ёнэдзиро: в Лондон, и исследование образа этого города, «образа другого» у Ногути, в контексте оксидентализма. Источниками послужат сборник «13 лет Британии и США» и автобиография писателя. Сборник был опубликован в 1905 г., он написан на бунго с использованием некоторых английских слов: *ghost, frockcoat, biscuit, undertaker, pea-soup day* и т.д. Сборник являлся обобщающим трудом Ногути Ёнэдзиро:, включал в себя тексты разного характера: дневники, заметки, письма, которые, по словам автора, публиковались впервые, вместо того чтобы «быть брошенными в огонь» [Noguchi 1905]. В контексте путешествия писателя в Британию следует отметить дневник «Первая неделя в Лондоне» [Noguchi 1905, pp. 86–99]. Автобиография была написана на английском языке и опубликована в 1914 г. в Лондоне во время второго путешествия Ногути Ёнэдзиро:. В предисловии

Ногути отмечал, что некоторые главы книги уже были ранее напечатаны в различных журналах в виде статей, среди которых были и посвященные поездкам Ногути в Британию. В частности, в книге имеется две главы: «Мой первый лондонский опыт (1903)» и «Снова в Лондоне (1913–1914)». Глава «Мой первый лондонский опыт» не имела четкой структуры и логики повествования и содержала набор заметок на самые разнообразные темы: от погоды и прогулок по Лондону до размышлений о вкусах и привычках жителей и личных переживаний писателя. Также сюда вошли два хокку, написанные Ногути, и две иллюстрации, выполненные другом писателя – художником Маркино Ёсио, с которым он вместе проживал в Лондоне. Кроме того, имелись отрывки из «английского дневника» Ногути. Содержание некоторых отрывков совпадает с дневниковыми записями из сборника «13 лет Британии и США». Можно предположить, что первоначально текст был написан на бунго, а позднее переведен на английский язык. Данная гипотеза подтверждается тем, что дневник из сборника был опубликован на английском языке еще до выхода автобиографии – в британском журнале «Fortnightly Review» от 1 апреля 1911 г. под названием «Мой лондонский опыт».

«Предобраз» Лондона (вторая половина XIX в.)

Во второй половине XIX в. представления Японии о Британии были далеки от реального положения дел. В 1862 г. бакуфу для изучения западных порядков отправило в Европу посольство, которое останавливалось и в Британии, однако не принесло существенных результатов. Подданным было запрещено покидать Японию до 1866 г. из-за положения самоизоляции (鎖国, *сакоку*), однако проживавшие в Тё:сю: и Сацума сыновья даймё: и самураев были отправлены в Британию для обучения в Университетском колледже Лондона уже в 1863 и 1865 гг. Позже, в конце 1860-х и в 1870-х гг., Британия стала самым посещаемым государством среди стран Европы и США для японцев-студентов [Cobbing 1998, p. 110]. Этому также способствовала прибывшая в Британию в августе 1872 г. миссия Ивакура; после нее поток японских студентов в британские университеты долго не иссякал [Nish 1998, p. 26].

Образ Британии в 1860–1870-е гг. строился на поисках сходства между ней и Японией. Как сформулировала М. К. Ковальчук,

«…отыскав в начальный период Мэйдзи нечто общее между “Великой Японией” и “Великой Британией”, японцы, стоящие на пороге масштабных государственных преобразований… обрели *ориентир*» [Ковальчук 2012, с. 364]. Такая характеристика применима и по отношению к тем, кто останавливался в 1860–1870-е гг. в Лондоне, – студентам, артистам, дипломатам, консулам и участникам миссии Ивакура. Их воспоминания включали разнообразные замечания о пребывании в столице Британии – этот город стал местом встречи японцев заграницей.

Впечатления о Лондоне очевидцы оформляли в дневниках, по которым можно выделить основные характеристики его репрезентации. Особенностью образа Лондона 1860–1870-х гг. было сравнение его с Эдо (Токио). Так, студент Кавадзи Таро: проводил аналогии между Чаринг-Кросс в Лондоне и Нихонбаси в Эдо [Cobbing 1998, p. 76]. Для участников миссии Ивакура была подготовлена специальная культурная программа с посещением основных достопримечательностей британской столицы, фабрик и заводов; японцев порадовали высокие темпы развития города, технические новшества (например, первый в мире метрополитен) и удивило внимание к историческому прошлому и традициям [Nish 1998, p. 39].

Лондон представлялся очень впечатляющим городом, путешественники были поражены его многолюдностью. Однако, бедность, преступность и сильное социальное расслоение, скрывавшиеся за величественностью столицы, существенно снижали ее романтизированный образ [Cobbing 1998, p. 91]. Тем не менее в личных записях путешественников 1860–1870-х гг. сформировался образ Лондона как идеального города, абсолютно не похожего на Эдо (Токио), гораздо более развитого и комфортного для проживания. Столица Британской империи в восприятии участников событий стала примером для подражания при проведении комплекса реформ эпохи Мэйдзи.

Данный образ Лондона стал опорной точкой – «предобразом» – для японцев, отправившихся в Британию в следующие десятилетия, в том числе и для тех, кто оказался в Лондоне в начале XX в. На рубеже веков, помимо государственных и дипломатических миссий, в туманный Альбион отправлялись студенты по рекомендации Министерства образования Японии: по большей части это были либо преподаватели английского языка, либо исследователи, чьи

работы были посвящены его изучению. Другой категорией были японцы, добиравшиеся до Британии самостоятельно и преследовавшие собственные цели; одним из таковых оказался писатель Ногути Ёнэдзиро:.

Ногути Ёнэдзиро: – от увлечения английским языком до поездок в США и Британию

Ногути Ёнэдзиро: родился в 1875 г. в селе Цусима (в настоящее время – г. Цусима префектуры Айти). Писатель Шерард Вайнс в критическом исследовании, посвященном жизни японского автора, однако, опровергал данную информацию и указывал, что Ногути появился на свет на год раньше – в 1874 г. [Vines 1925, p. 17]. В собственных текстах Ногути не упоминал свою дату рождения и иногда путался в годах. Во время отъезда из Японии в Америку, 3 ноября 1893 г., Ногути называл себя «восемнадцатилетним мальчишкой» [Noguchi 1914b, p. 25], но в декабре того же года, в Сан-Франциско, указывал, что был только «на восемнадцатом году жизни» [Ibid., p. 8]. В автобиографии опущена информация о происхождении и роде деятельности родителей Ногути, а также о его детских годах. В ней эпизодически упоминались только отец и старший брат Ногути, а повествование начиналось с десятилетнего возраста – момента начала изучения английского языка.

Ногути учился в школе при буддийском храме. Позднее он признавался, что не отличался примерным поведением [Ibid., p. 3]. Единственное, что было интересно писателю, – это английский язык, который он изучал в паре с другом по учебнику Вильсона, ставшему для Ногути «удивлением, которое нельзя было забыть» [Ibid., p. 1]. Язык давался писателю тяжело из-за дефицита учебных материалов и нехватки профессиональных кадров, знавших английский на достойном уровне. Только зимой 1886 г. в провинциальную буддийскую школу, где обучался Ногути, был назначен учитель для обязательного изучения английского языка. Тем не менее будущий писатель быстро усомнился в его компетентности: «Однажды к нам в школу пришел американский миссионер (первый иностранец, которого я когда-либо видел), и учитель, кажется, не понимал его речь» [Ibid., pp. 3–4]. О миссионере, к сожалению, никакой подробной информации не

осталось. В возрасте 13 лет (1887–1888 гг.) Ногути переехал в Нагоя для продолжения обучения в школе Отани при буддийском храме, где увидел второго иностранца – преподавателя английского языка. Автор не называл его национальность, но писал, что заметил татуировку в виде якоря на запястье, и охарактеризовал запах кожи и дыхания как «западный», прокуренный табаком [Ibid., p. 4]. Ногути и его ровесники иронизировали, что именно «белая кожа и рыжие волосы» [Ibid., p. 5], а не хорошее владение материалом, были достаточным условием для трудоустройства преподавателя-иностранца в любую школу страны.

Желание преуспеть в английском языке побуждали писателя стоять у забора дома миссионеров, которых он называл «западными людьми» [Ibid., p. 6]: подслушивать их разговоры, а иногда преследовать на улице, чтобы уловить какие-либо английские слова. Спустя некоторое время Ногути переехал в Токио и перевелся в соответствующую старшую школу, а в 1891 г. поступил в университет Кэйо Гидзюку после подготовительных курсов Фукудзава Юкити. Именно с этим периодом можно связать начало увлечения писателя миром английской литературы: он любил читать эссе, такие как «Жизнь лорда Клайва» Т. Б. Маколея, «Образование» Г. Спенсера, «Записную книжку» В. Ирвинга, и поэмы, например, «Покинутую деревню» О. Голдсмита [Ibid., p. 7].

Ногути больше привлекали Соединенные Штаты Америки, несмотря на увлечение британской литературной традицией. В сборнике «13 лет Британии и США» он признавался: «Мечта среди грез у японской молодежи… поехать в Америку[1]. Они пересекут Тихий океан… как японские бабочки… Какие амбиции! Увы!» [Noguchi 1905, p. 207]. В 1893 г. Ногути уехал в США, где прожил девять лет в Сан-Франциско, Окленде, Лос-Анджелесе, Чикаго, Нью-Йорке [Noguchi 1914b, p. 25]. Именно здесь он впервые усомнился в своем знании английского языка, испытал острую нехватку денег и ощутил дискриминацию иноэтнического населения [Ibid., p. 28]. В воспоминаниях, однако, наблюдались и положительные моменты: Ногути продолжал увлекаться английской литературой (Ч. Кингсли, В. Скотт, энциклопедия «Британника»), познакомился с некоторыми американскими авторами, например, с Хоакином Миллером, которого называл «полубогом»

[1] Название страны Ногути записывает как *Amerikey*.

[Noguchi 1905, p. 58] и наставником. Ногути решил сам стать поэтом и издал сборник стихотворений под названием «Видимое и невидимое, или Монологи бездомной улитки» [Noguchi 1914b, pp. 40–41], где противопоставлял себя – «восточного» человека – «западному» миру: «Увы, мои застывшие слезы! – созревшие давным-давно, / на бескрайнем Западе, когда надежды с мечами в руках / отбросили меня от / брата – далеко-далеко» [Noguchi 1897, p. 28].

Американский опыт стал центральным в жизни Ногути Ёнэдзиро:, он часто возвращался к нему в воспоминаниях и дневниках, сравнивал с другими поездками. В США Ногути сформировался как поэт и стал довольно известным в литературных кругах. О Британии до 1902 г. он не упоминал, несмотря на увлечение ее литературной традицией. Туманный Альбион не являлся мечтой Ногути: только средством для обретения еще большей популярности в качестве поэта и продвижения японского искусства.

Между записями о пребывании писателя в Лондоне – сборником «13 лет Британии и США» и автобиографией – наблюдаются различия в хронологии по годам, месяцам и числам. В автобиографии Ногути упоминает «ноябрь» как месяц приезда в Лондон [Noguchi 1914b, p. 119], а в заголовке уточняет год – 1903. Отрывки из «английского дневника» датированы 2, 4, 6, 8, 13, 26 ноября. Напротив, в сборнике «13 лет Британии и США» год прибытия в Лондон не указан, а в качестве месяца только в первой записи указан 一月, *итигацу*, – «январь». Начальная заметка в дневнике датирована 20 января, числа следующих записей – с 21 по 26.

При сравнении источников выясняется, что записи из автобиографии частично совпадают по содержанию с заметками из сборника «13 лет Британии и США». Кроме того, наблюдается объединение некоторых замечаний писателя о Лондоне, например, 4 ноября из автобиографии соответствовало 21 и 22 января из сборника. Тем не менее, записи отличаются по датам. Единственное число, идентичное в источниках – это 26, помеченное в обоих случаях как воскресенье [Noguchi 1914b, p. 138; Noguchi 1905, p. 98].

Если следовать хронологии автобиографии, то 2 ноября 1903 г. Ногути прибыл из Нью-Йорка в Лондон. 26 ноября 1903 г. должно было быть воскресеньем, однако по календарю это четверг. Принимая во внимание факты из сборника «13 лет Британии и США», получаем, что писатель приехал в Лондон из Нью-Йорка 20 января 1902 г.,

26 января 1902 г. действительно пришлось на воскресенье. Такая датировка, однако, сомнительна из-за разницы с информацией в автобиографии на один год и десять месяцев. Кроме того, январь опровергается отдельным уточнением Ногути о ноябре как месяце приезда.

Целью поездки писателя в Лондон являлась публикация сборника стихотворений «С Восточного моря». Первоначально, в январе 1903 г., в частном порядке была опубликована шестнадцатистраничная брошюра с некоторыми произведениями из сборника, вошедшими позднее в издание «At the Unicorn» [Noguchi 1903]. В сборнике «13 лет Британии и США» имелась глава, посвященная реакции английской прессы и общественности на эту брошюру. В первой записи Ногути радовался, что впечатлениями о ней поделился Х. Миллер [Noguchi 1903, p. 26]. Заметка датирована 12 января 1903 г., из чего можно сделать вывод, что брошюра была опубликована до этой даты, когда Ногути уже находился в Лондоне.

Таким образом, писатель прибыл в Лондон в конце 1902 г. Мы склонны думать, что более точной датой его приезда являлось 20 ноября 1902 г., так как автобиография четко указывает сначала на ноябрь, затем на первые дни декабря [Noguchi 1914b, p. 120], сборник «13 лет Британии и США» – на 20-е число как первый день поездки [Noguchi 1905, p. 86], а дата 一月 может быть прочитана как «первый месяц». Ш. Вайнс не уточнял даты приезда Ногути, однако заметил, что тот решил копить деньги на поездку в октябре 1902 г., находясь в США [Vines 1925, p. 37]. Таким образом, Ногути оказался в Британии не раньше ноября 1902 г. Разночтения в датах можно объяснить либо ошибкой самого писателя, либо намеренным исключением некоторых фактов. Полная версия дневника представлена в сборнике «13 лет Британии и США», опубликованном на девять лет раньше автобиографии, что позволяет предположить его большую точность.

Итак, в конце 1902 г. Ногути Ёнэдзиро: оказался в столице Британской империи. Писатель прибыл из Нью-Йорка на пароходе, название которого не указано в источниках. На тот момент Ногути было 26–27 лет: он девять лет прожил в США, был хорошо знаком с английской литературой и вхож в круг американских писателей, издал сборник стихотворений на английском языке, который имел определенный успех.

«Такой холодный и черствый»: первое впечатление о Лондоне

Поездка в Лондон была запланированной, поэтому по приезде Ногути иронично записал в дневнике: «Как неожиданно!» [Noguchi 1905, p. 86]. Ирония и радость от путешествия, однако, быстро сменились недовольством. Писатель поселился в «рёкане», где записался как «Ногути из Америки и Японии» [Ibid., p. 88] (подчеркнем, что Америка стоит в этом ряду раньше Японии). Термин «рёкан», вероятнее всего, используется для обозначения обычной гостиницы в европейском стиле. Жизнь в ней Ногути не понравилась. Работников Ногути сравнивал с «гробовщиками» и скучал по непринужденной атмосфере американских «рёканов». Завтраки показались писателю невкусными и холодными, но более всего его неприятно удивили размеры порций, которые были меньше, чем в буддийском храме: для Ногути, получившего образование в этой среде, данный факт явился разочарованием. Писатель жаловался и на излишнюю экономию: каждому постояльцу предоставлялся всего один кувшин, которого хватало только чтобы ополоснуть лицо [Ibid., p. 89]. При этом на улицах Лондона Ногути не обнаружил ни одной уборной, но наткнулся по пути на бесчисленное количество статуй и памятников.

Кроме того, как и его предшественники, писатель был поражен быстрым темпом жизни и хаосом, царившим в городе. Ногути характеризовал Лондон как «один сплошной пазл» (puzzle), пришлось купить путеводитель, чтобы ориентироваться [Ibid., p. 91]. Улицы столицы автор описал как неухоженные и переполненные, попав на которые он сразу впадал в беспамятство из-за большого скопления «идущих в ряд сюртуков» [Ibid., p. 90]. Жители города показались Ногути суетливыми и недобрыми, придиравшимися к его американскому произношению и лексикону. Лондонских джентльменов Ногути назвал «напыщенными… некрасиво побритыми уродливыми мужчинами». Автор отмечал манерность лондонцев, разговаривавших чинно и безэмоционально, и сомневался, что дома они вели себя точно так же. Расстроили Ногути и вкусы лондонских леди, носивших неуклюжие ботинки и поношенные шляпы, а во время дождя неприлично высоко задиравших юбки, чтобы не намок подол. Неприветливость лондонцев усугублялась погодой: отсутствием

солнечного света, туманами и дождем. «Вчера я удивленно воскликнул: “Все еще утро”, а солнце уже садилось на западе» [Ibid., p. 92], – вспоминал писатель.

Сложной задачей для Ногути оказался счет фунтов. Писатель расстраивался, что лондонские кучеры никогда не называли сумму в золотых монетах, а когда им платили больше, то молча благодарили и не отдавали сдачу. На протяжении воспоминаний автор несколько раз отмечал свое небогатое положение, «меркантилизм Лондона» в зимние месяцы стал для него особой проблемой из-за нехватки денег. Также Ногути столкнулся с разницей между британским и американским английским языком. Писатель критиковал британский вариант за чопорность и сухость, подчеркивая, что при разговоре с лондонцами возникало ощущение «отсутствия чувств внутри» [Noguchi 1905, p. 93]; сам он разговаривал с американским акцентом.

Итак, первое столкновение образа Лондона с реальным городом привело Ногути Ёнэдзиро: к некоторому разочарованию. Однако проживший девять лет в Америке и знакомый с восторженными отзывами своих соотечественников о Лондоне, Ногути все же попытался разглядеть в нем особую красоту.

«Величайший город мира»: новый образ Лондона

Ногути сменил место жительства, поселился по адресу Брикстон Роуд, 151 у друга – японского художника Маркино (Макино) Ёсио 牧野義雄 (1869–1956), при содействии которого позднее издал сборник «С Восточного моря». Иллюстрация, сделанная художником и помещенная в автобиографии, изображала это здание трехэтажным, с двумя окнами на каждом этаже; за одним из окон, по сообщению Ногути, размещалась его бедная комната [Noguchi 1914b, p. 138].

Постепенно восприятие Лондона писателем менялось. Ногути часто гулял по городу и посещал его основные достопримечательности. Он упоминает Вестминстерское аббатство, Гайд-парк, Собор Святого Павла, Тауэр, Британский музей, Лондонскую национальную галерею, Британскую галерею Тейт. В национальной галерее писателю больше всего понравился зал У. Тёрнера, где автор любил спорить с воображаемым англичанином о восточном влиянии на картины художника [Ibid., p. 129–130], а в галерее Тейт пришел в восторг

от живописи Д. Г. Россетти, хотя и признался, что стихи Россетти нравятся ему больше [Ibid., p. 131]. Также Ногути подробно описал посещение Тауэра, которому он, по собственному признанию, был очень рад. Впечатления, однако, носили больше художественный, чем исторический характер. В сборнике «13 лет Британии и США» дано мрачное описание Тауэра: Ногути уверял, что по башне до сих пор бродят духи (幽魂, *ю:кон*) умерших Анны Болейн и Джейн Грей, а остальные духи пытаются достичь нирваны, – замечание вполне логичное для выросшего в буддийской среде писателя [Noguchi 1905, p. 96]. Им также были замечены бифитер (обозначен двумя вариантами – "beef-eater" и ビーフ・イーター, *би:фу и:та*) и солдаты[2], но ни слова не сказано о знаменитых воронах Тауэра.

Особенное впечатление на Ногути произвел уголок поэтов на территории Вестминстерского аббатства, где он, перечитывая «Записную книжку» Ирвинга, сетовал, что этому писателю не установили памятник за преданность Британии [Ibid., p. 98]. Увлечение Ногути миром английской литературы выразилось в частых отсылках к разным писателям: на страницах воспоминаний появляются Дж. Китс, А. Теннисон, Г. У. Лонгфелло, О. Голдсмит. Но наибольший интерес автор проявлял к личности С. Джонсона. Например, прибыв к Тэмпл Бар[3], Ногути представлял, как здесь Джонсон вместе с Дж. Босуэллом «важно расхаживали, смеялись, оживленно беседовали и ели бифштекс и пирог[4]» [Ibid., p. 91]. Кроме того, автор высказывал беспокойство насчет сохранения памяти о британском писателе. Ногути писал о памятнике С. Джонсону в уголке поэтов: «На памятнике доктору Джонсону, кажется, плевки. Я призадумался, словно уловил ушами воображения проклятья в адрес доктора» [Noguchi 1905, p. 98]. Любопытно, что С. Джонсон упоминался только во время поездки автора в Лондон в 1902–1903 гг. – ни до, ни после Ногути не писал об интересе к жизненному пути этого литератора или об увлечении его произведениями, как это происходило, например, с В. Ирвингом. Вероятно, в сознании японского писателя Джонсон представлялся

[2] В сборнике «13 лет Британии и США» обозначены просторечным "Thomy Atkins" с пометкой 英國兵, *эйкокухэй* («английский солдат»).

[3] В тексте встречается два варианта написания: "Temple Bar" и テンプル、バー, *тэмпуру ба:*. Заметим, что слова разделяются запятой, а не точкой ・, как принято в современном японском языке.

[4] ビーフステーキ, *би:фу сутэ:ки*, и パイ, *пай*.

«чистокровным англичанином», великим человеком и олицетворением своей эпохи, каким его описал Босуэлл. Этот «возвышенный» образ литератора был популярен и в последующие десятилетия и столетия после Босуэлла, пережив новую веху мифологизации в викторианское и эдвардианское время [Косых 2022, с. 61]. Джонсон был для Ногути воплощением английской нации и духа, их самым ярким примером.

Постепенно в представлении Ногути столица Британии начала приобретать человеческий облик дамы – капризной и загадочной, но величественной и запоминающейся надолго. Однажды, поэтично описывая прогулки по Вестминстерскому мосту и голубей, пролетавших над Темзой, писатель упомянул, что восхищался «умом» столицы – лондонскими туманами (pea-soup days). По собственному признанию, именно в этот момент Ногути начал проникаться атмосферой города [Noguchi 1914b, p. 120].

Более того, он стал восхищаться Лондоном. Ногути называл город «столицей церквей» [Noguchi 1905, p. 99], успокаивавшейся по воскресеньям со звоном колоколов. Писателя приятно удивляли цены на шампанское и каштаны [Noguchi 1905, p. 93]. В исследовании Кобаяси Нобуюки, посвященном учебе в Лондоне в 1903–1906 гг. преподавателя английского языка и эссеиста Хирата Токубоку, мы также узнаем, что Ногути Ёнэдзиро: присутствовал на встречах клуба театралов [Kobayashi 2006, p. 107]. Деятельность клуба концентрировалась вокруг обсуждения новых театральных постановок, вице-президентом являлся писатель О. Эдвардс, бывший также участником Японского общества Лондона и исследователем японского искусства. Ногути в автобиографии и сборнике «13 лет Британии и США» о посещении клуба не упоминал, вероятно, для него это было не столь важно.

На других встречах лондонские джентльмены в представлении Ногути стали приобретать положительные черты: обходительность, хорошее чувство юмора и острый ум. Леди пленили его добродушием и умением молчать на публике, что для писателя оставалось загадкой. Помимо этого Ногути перенял некоторые привычки местных жителей. Он научился ритуалу распивания чая (tea time), начал курить трубку и признался, что слегка поправился из-за «присущего только англичанам» обжорства. «Если я скажу тебе, что я перенял привычку британцев курить табак через трубку, ты удивишься скорости моего перевоплощения в англичанина?» [Noguchi 1905, p. 94], – иронично

спрашивал Ногути в письме к другу. Для писателя, однако, была непонятной «сила» британцев везде сохранять порядок. Он писал: «Здесь и там, можно увидеть знак “Держитесь левее”. Как пьяные кучера этому повинуются?» [Ibid., p. 92]. В некоторых замечаниях Ногути проводил аналогии между Японией и Британией. Писатель перестал осуждать частые лондонские туманы, признав, что не все японцы, например, любят 梅雨, *цую*, – сезон дождей. Также он оценил отсутствие у местных жителей педантичности, обращая внимание на то, что его соотечественники часто находились под влиянием «этой тирании» [Noguchi 1914b, pp. 125–126].

1902 г. был ознаменован законодательным оформлением японо-английского союза. Писателя, однако, не интересовали политические вопросы, устройство английской системы власти и т.д. Он не затрагивал в воспоминаниях и социальных проблем города – бедности, проституции и сильного социального расслоения, о которых часто упоминали его предшественники. Внимание в воспоминаниях уделялось только личным впечатлениям автора от поездки, поэтому понять его взгляды на политические и экономические отношения между государствами не представляется возможным. Более того, проблематично оценить, имелась ли какая-нибудь связь между оформлением союза и кардинальной переменой восприятия Лондона. Мы склонны считать, что влияние политической обстановки все же не являлось одним из ключевых факторов в формировании образа этого города.

Дата, когда Ногути Ёнэдзиро: уехал из Лондона, не указана в источниках. Следующий отрывок из автобиографии, однако, дает некоторое представление о том, когда именно это произошло: «Я был обязан покинуть Лондон перед тем, как фиолетовая осенняя паутинка начала покрывать Гайд-парк, словно вуаль. Я не смог отдать дань уважения Дизраэли в Примроуз Дэй» [Noguchi 1914b, p. 132]. Из первого предложения можно сделать вывод, что это случилось не позднее осени 1903 г. Но вторая часть отрывка вносит коррективы в хронологию: Примроуз Дэй – это годовщина смерти политика Б. Дизраэли, 19 апреля. Следовательно, Ногути уехал из Лондона в Бостон не позднее 19 апреля 1903 г. Таким образом, писатель пробыл в столице Британской империи около полугода. Финальные слова в сборнике «13 лет Британии и США» свидетельствовали о том, что писатель был очень рад посетить столицу, сохранив навсегда добрые воспоминания о ней [Noguchi 1905, p. 99].

Заключение

На основе двух источников – автобиографии и сборника «13 лет Британии и США», можно составить образ Лондона начала XX в. в восприятии Ногути Ёнэдзиро:. Данные документы позволяют не только рассмотреть специфику образа города, но и выявить эволюцию образа с учетом более ранних представлений японцев о столице Британской империи.

Итак, образ Лондона, составленный Ногути, строился в первую очередь на «предобразе» – впечатлениях, изложенных в заметках путешественников второй половины XIX в. В них основным показателем являлось противопоставление «своего» японского – «чужому» британскому. Описание первого знакомства с Лондоном у Ногути имело некоторые общие характеристики со свидетельствами его предшественников. Например, писатель также обращал внимание на грязные и тесные улицы Лондона, нехватку солнца и туманы. При этом побывав в разных городах США, Ногути проецировал приобретенный опыт на поездку в Лондон. В частности, по прибытии в город в конце 1902 г. он причислял себя больше к американцам, чем к японцам. Этим объясняется достаточно негативный образ столицы Британской империи – «хуже, чем любой американский город».

Со временем образ Лондона менялся в позитивном ключе и становился более романтизированным. Бездушный город постепенно принял облик прекрасной дамы. Ногути Ёнэдзиро: ближе познакомился с Лондоном, посетив основные достопримечательности и дольше пообщавшись с местными жителями. В некоторой степени писатель пытался вникнуть в традиции лондонцев – учился разговаривать на британском английском, ходил в церковь по воскресеньям, распивал чай, перенимал вкусовые предпочтения. В конце концов все, что первоначально не понравилось Ногути, стало объясняться им же как особый шарм города.

Причиной подобной трансформации может являться тот факт, что писатель успешно издал сборник стихотворений «С Восточного моря», который позволил ему стать известным в Британии, познакомиться ближе с британскими писателями, например, с А. Саймонсом, В. Шарпом, и в целом сделать более популярным японское поэтическое искусство. Лондон стал для Ногути олицетворением достигнутой цели и приобретения ценных связей.

Пример Ногути позволяет выявить два аспекта процесса адаптации японца в сердце Британской империи. С одной стороны, столкновение писателя с географическими особенностями Лондона, стилем и ритмом жизни его жителей, психологическими установками привело к первоначальному непринятию города. С другой, постепенная адаптация писателя способствовала копированию им английских устоев, привычек и традиций, лучшему пониманию наследия британской столицы. В целом уникальность образа Лондона в восприятии Ногути Ёнэдзиро: состоит в изложении личного опыта, находившегося как под влиянием текстов других японских путешественников, так и пребывания автора в Соединенных Штатах Америки, а также в индивидуальных поисках сходств и различий между Японией и Британией начала XX в.

Библиографический список

Ковальчук М. К. (2012). Великая Британия глазами японцев. Миссия Ивакура в Англии, 1872 год. *Ежегодник Япония.* Т. 41. С. 352–366.

Косых Т. А. (2022). *Сэмюэл Джонсон и его эпоха: Британия и мир глазами английского интеллектуала XVIII в.* Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

References

Cobbing, A. (1998). *The Japanese Discovery of Victorian Britain. Early Travel encounters in the Far West*. London: Routledge.

Dunbar, A.-M. (2018). "Three leagues away from a human colour": Natsume Soseki in Late-Victorian London. *Victorian Literature and Culture*, 46 (1), 221–236. https://doi.org/10.1017/S1060150317000407

Kobayashi, N. (2006). Igirisu ni okeru Hirata Tokuboku (1). [Hirata Tokuboku in England (1)]. *Eigakushi kenkyū*, 2007, 39, 97–115. https://doi.org/10.5024/jeigakushi.2007.97 (In Japanese).

Kosykh, T. (2022). *Semyuel Dzhonson i ego epokha: Britaniya i mir glazami angliiskogo intellektuala XVIII v.* [Samuel Johnson and His Epoch: Britain and World in the Perception of an 18th Century English Intellectual]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).

Koval'chuk, M. (2012). Velikaya Britaniya glazami yapontsev. Missiya Ivakura v Anglii, 1872 god. [Great Britain as Viewed by the Japanese. Mission of Iwakura to England, 1872]. *Yearbook Japan,* 41, 352–366. (In Russian).

Nish, I. (Ed.). (1998). *The Iwakura Mission in America and Europe. A New Assessment.* Richmond: Japan Library.

Noguchi, Y. (1897). *Seen & Unseen or, Monologues of a Homeless Snail.* San Francisco: Gelett Burgess & Porter Garnett.

Noguchi, Y. (1903). *From the Eastern Sea.* London: At the Unicorn.

Noguchi, Y. (1905). *Eibei no jūsannen* [13 Years of Britain and the United States]. Tokyo: Tōkyō insatsu kabushiki shakai. (In Japanese).

Noguchi, Y. (1914a). *The Spirit of Japanese Poetry.* London: John Murray.

Noguchi, Y. (1914b). *The Story of Yone Noguchi Told by Himself Illustrated by Yoshio Markino.* London: Chatto & Windus.

Noguchi, Y. (1914c). *Through the Torii.* London: E. Mathews.

Noguchi, Y. (1915). *The Spirit of Japanese Art.* London: John Murray.

Vines, S. (1925). *Shijin Noguchi Yonejirō* [Poet Noguchi Yonejiro]. Tokyo: Mizoguchi insatsujo. (In Japanese).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 405–430
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 405–430
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-405-430

Сравнение нарративов исторической памяти в Японии и ФРГ после Второй Мировой войны

Я. П. Фокин

Аннотация

Статья посвящена выявлению схожих и различных черт в исторической памяти Японии и ФРГ после Второй Мировой войны. Данные вопросы являются актуальной темой для исследований в условиях центрального и непреходящего влияния факторов исторических обид в отношениях Японии с бывшими жертвами агрессии, в отличие от аналогичных отношений Германии. В качестве теоретических рамок в работе используется подход О. Ю. Малиновой, интерпретирующей историческую память как продукт социального конструирования и вариацию символической политики. Кроме того, автором была использована классификации нарративов памяти о прошлом, предложенная М. Дианом.

В рамках исследования в числе прочего автор рассматривает влияние оккупационной политики на дальнейшее развитие исторической памяти, рассматривая схожие и различные черты. Кроме того, в работе сравниваются изначальное содержание основных нарративов памяти о прошлом в каждой из стран, основные мнемонические акторы, продвигающие их, а также эволюция данных нарративов в период с окончания войны по настоящее время. Автором также выделяются причины различий в содержании и эволюции нарративов в Японии и ФРГ.

В результате автор приходит к выводу, что, несмотря на определенную схожесть оккупационной политики в двух странах, а также выделение в рамках исторической памяти двух традиций (консервативной и лево-прогрессистской) в каждой из стран, содержание и эволюция последних серьезно разнится. В ФРГ изначально консервативная традиция включала нарративы самовиктимизации и амнезии, а прогрессистская – нарратив покаяния; с течением же времени традиции перешли от поляризации к консенсусу вокруг покаяния и элементов самовиктимизации. В Японии консервативная

традиция изначально кроме самовиктимизации включала героизацию прошлого, т. е. была более ревизионистской, а прогрессистская – фокусировалась на самовиктимизации, а не покаянии. С течением же времени традиции перешли от консенсуса вокруг самовиктимизации к острой поляризации: прогрессисты перешли к нарративу покаяния, а среди консерваторов укрепились позиции ревизионистов.

Ключевые слова: исторические нарративы, травматическое прошлое, политика памяти, Япония, Федеративная Республика Германия, Вторая Мировая война.

Информация об авторах: *Фокин Ярослав Павлович*, магистрант МГИМО-Университет МИД России: Москва 119454, просп. Вернадского, 76.
E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

The Comparison of the Historical Memory Narratives in Japan and the FRG After the Second World War

I. P. Fokin

Abstract
The article is devoted to identifying the similarities and differences in the historical memory of Japan and the FRG after World War II. These issues are a relevant topic for research in the face of the enduring influence of historical grievances on Japan's relations with its former victims, in contrast to similar relations of Germany. As a theoretical framework, the paper uses O. Malinova's approach, which interprets historical memory as a product of social construction and a variation of symbolic politics. In addition, the author used the classification of historical memory proposed by M. Dian. In the

scope of the study, the author examines the impact of occupation policies on further development of historical memory in the two countries. The paper compares the original content of the main narratives of memory of the past in each country, the main mnemonic actors promoting them, and the evolution of these narratives from the end of the war to the present day. The author also highlights the reasons for the differences in the content and evolution of the narratives in Japan and the FRG.

The author concludes that, despite a certain similarity of the occupation policy in the two countries, as well as the formation of two traditions (conservative and left-progressive) in historical memory of each of the countries, its content and evolution are seriously different. In the FRG, the conservative tradition initially included the narratives of self-victimization and amnesia, while the progressive tradition included the narrative of repentance; over the years, however, the traditions have evolved from polarization to a consensus around repentance and elements of self-victimization. In Japan, the conservative tradition initially included glorification of the past in addition to self-victimization, i.e., it was more revisionist, while the progressive tradition focused on self-victimization rather than repentance. Over time, the traditions shifted from a consensus around self-victimization to a sharp polarization: progressives moved to a repentance narrative, while revisionists gained ground among conservatives.

***Keywords*:** historical narratives, traumatic past, politics of memory, Japan, Federal Republic of Germany, World War II.

About the author: *Fokin Iaroslav Pavlovich*, Graduate student of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University): 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation).

E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00109).

Введение

Проблемы исторической памяти становятся все более актуальными: в официальном дискурсе многих стран распространяется риторика об исторических обидах и переписывании истории. Особую

значимость эти вопросы обретают в контексте международных отношений. В Восточной Азии противоречия, связанные с исторической памятью, проявляются особенно остро: воспоминания об агрессивной политике Японии выступают важнейшим фактором ее отношений с КНР, КНДР, РК. В то же время есть пример страны, чье схожее наследие прошлых преступлений не оказывает такого негативного влияния на международную позицию, – это Германия. Можно предположить, что важным фактором различия в международных позициях Японии и Германии являются различия в исторической памяти двух стран.

Целью настоящей статьи выступает выявление схожих и различных черт японской и немецкой исторической памяти: влияния на нее оккупационной политики, содержания и эволюции основных нарративов памяти в обществе. Необходимо отметить, что в работе не рассматривается историческая память в ГДР в силу принятия ей до известной степени нарратива памяти ФРГ после 1990 г. и ограниченности формата статьи.

Теоретической рамкой выступает подход О. Ю. Малиновой, рассматривающий политику памяти как вид символической политики. Последняя определяется как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование», что предполагает множественность акторов, производящих нарративы, и влияние на них системы уже существующих представлений [Малинова 2018, с. 30–31]. Нарратив памяти определяется как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» [Там же, с. 37]. Для типологизации нарративов памяти в работе используется классификация М. Диана, выделившего пять идеал-типичных моделей:

– *героизация прошлого*: насилие рассматривается как подвиги, совершение которых оправдано национальными интересами и ценностями; деятели военного прошлого героизируются, а страдания населения других стран замалчиваются;

– *самовиктимизация*: «простой народ» представляется в качестве жертвы, неспособной влиять на высокую политику, а вина за страдания возлагается на политическую элиту или на другие государства;

– *историческая амнезия*: травмирующие события прошлого игнорируются или изымаются из коллективной памяти;

– *признание вины*: ответственность за насилие признается (при том, что масштабы и мотивация сторон дискуссионны), однако активное раскаяние в совершенных преступлениях не предполагается;

– *раскаяние*: помимо признания вины за не поддающиеся оправданию преступления, выражается глубокое раскаяние жертвам [Dian 2017, p. 24–25].

Оккупационная политика в Германии и Японии

Важнейшими для формирования послевоенной памяти о прошлом в ФРГ и Японии являлись факторы оккупации странами-победительницами. Их первоочередной задачей стало недопущение повторной агрессии, для чего был взят курс на проведение в побежденных странах демилитаризации, демократизации, децентрализации и (в случае Германии) денацификации. Одним из основных выражений данного курса стало уголовное преследование виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. В рамках Нюрнбергских трибуналов над немецкими преступниками было осуждено более 5 тыс. человек, в том числе 18 преступников класса «А», и вынесено более 800 смертных приговоров [Herf 1997, p. 206]. В рамках японских трибуналов были осуждены более 5 тыс. человек и 28 преступников класса «А», почти 1 тыс. человек была приговорена к смертной казни [Dower 1999, p. 447]. Нацеленные на заложение символических основ «перевоспитания» немцев и японцев, трибуналы действительно стали точкой отсчета для их послевоенной идентичности.

Вместе с тем позитивный характер процессов имел определенные ограничения, вызывающие до сих пор дискуссии в обществах двух стран. Спорными моментами были отсутствие рассмотрения предполагаемых преступлений союзников (ковровые бомбардировки, применение ядерного оружия, грабежи и насилие против гражданского населения), а также ряда преступлений Японии и Германии: так, не были достаточно рассмотрены холокост (т. к. в юрисдикцию суда входили именно международные преступления), использование подневольного труда, проблема «женщин для утешения». Кроме того, проблемой стало обратное применение правовых норм («преступления против мира» и «преступления против человечности» де-факто

были определены лишь после факта их совершения), которое отмечал в т. ч. Р. Пал, судья Токийского трибунала, настаивавший на необходимости оправдания обвиняемых [Olick 2005, p. 106].

Важным следствием наказания конкретных лиц стало де-факто оправдание тех, кто перед судом не предстал, т. е. разделение народа на виновное меньшинство и невиновное большинство. Трибуналы стали альтернативой идее коллективной ответственности, элементы которой применялись в Германии в первые месяцы оккупации, но вскоре были отменены из-за низкой эффективности и необходимости наладить сотрудничество с народом [Olick 2005, p. 98–99]. В Японии же оккупационная администрация сразу взяла курс на отделение «милитаристской клики» от народа, отказавшись от наказания обычных японцев и пытаясь использовать милитаристов в качестве «козла отпущения» [Orr 2001, p. 16].

При этом вскоре с углублением холодной войны фокус усилий США сместился с усилий по демилитаризации и «перевоспитанию» агрессоров на превращение их в союзников. Насущными задачами стали закрепление у власти проамериканских сил и перевооружение, что вызвало необходимость реабилитации некоторых из ранее осужденных или ограниченных в правах лиц. При поддержке США проходили реабилитации ряда немецких офицеров и сворачивание судебных процессов. С одобрения Вашингтона Бундестаг в 1949 и 1954 гг. принял законы об амнистии, освободившие от наказания более 1 млн. бывших чиновников и функционеров НСДАП, СС и СА. В 1951 г. был принят закон, вернувший прошедшим денацификацию лицам право занимать госдолжности. В результате к 1953 г. около 30% всех постов в министерствах составляли бывшие члены нацистских организаций [Frei 2002, p. 23, 54], а в состав военных советников К. Аденауэра вошли в т. ч. Г. Гудериан и А. Кессельринг. Одновременно возросло давление на крайне левую оппозицию: в 1956 г. Конституционный суд ФРГ принял решение о запрете Коммунистической партии Германии, после чего тысячи коммунистов подверглись преследованиям.

В Японии проводился схожий «обратный курс». В 1950-х гг. по настоянию Вашингтона были начаты реабилитации. Вскоре около 200 тыс. деятелей старого режима были реабилитированы, большая часть из них вернулась в политику и госуправление [Harries, Harries 1987 p. 196–197]. По итогам выборов 1952 г. около 42% парламентариев составили реабилитированные лица [Finn 1992, p. 296]. Среди них

можно выделить Н. Киси, занимавшего министерский пост в 1941–1944 гг. и ставшего премьер-министром в 1955 г., а также М. Сигэмицу, министра иностранных дел в ряде как военных, так и послевоенных кабинетов. США также способствовали проведению «красных чисток» в 1949–1951 гг.: насильственному увольнению с госслужбы и из частных корпораций коммунистов и подозреваемых в симпатиях к ним. Преследованиям подверглись около 27 тыс. деятелей профсоюзов, журналистов, представителей интеллигенции [Hirata, Dower 2006, p. 3].

В оккупационной политике в отношении Германии и Японии существовали, однако, значимые различия: в отношении последней она была мягче. Помимо факта разделения Германии на несколько зон оккупации в ней проводилась политика денацификации, направленная на искоренение идей национал-социализма. Все взрослое население должно было пройти анкетирование об уровне вовлеченности в деятельность режима, на основании которого специальные суды (*Spruchkammern*) распределяли немцев на пять категорий виновности. В целом проверке было подвергнуто более 3 млн. человек, из которых «в наибольшей степени ответственными» или «ответственными» признали около 23,6 тыс. человек [Berger 2012, p. 48]. Этот процесс столкнулся с серьезными проблемами. В условиях недостатка времени и персонала решения выносились на основании поручительства благонадежных лиц. В итоге виновными часто признавались не настоящие преступники, многие из которых имели достаточно связей и ресурсов, чтобы найти поручителя, а менее связанные с режимом лица. Денацификация вскоре стала крайне непопулярна – к концу 1940-х гг. даже некоторые из жертв нацистов ее критиковали – и постепенно была свернута.

Хотя в Японии также накладывались ограничения на идеи и организации, считавшиеся драйверами шовинизма и экспансии, они включали менее жесткие меры и имели меньший охват. Так, США приняли решение сохранить институт императора и положение Хирохито, оградив его от ответственности для стабилизации обстановки в стране и предотвращения сопротивления. Народ убеждали в том, что военное командование обманом втянуло японцев в войну и предало своего императора.

Тем не менее оккупационная администрация приложила серьезные усилия для демилитаризации страны, а также отделения синто-

изма от государства, считая его главной движущей силой экспансионизма и шовинизма. Императору пришлось выпустить Декларацию о человеческом происхождении (*нингэн сэнгэн*), в которой он развенчивал «ложную идею о том, что император … обладает божественным происхождением, а японский народ превосходит другие расы, и ему предназначено править миром»[1]. В соответствии с новой Конституцией 1947 г. император наделялся исключительно символическим статусом, лишаясь реальных полномочий; религия отделялась от государства, функции императора как главы синто ограничивались церемониалом; ст. 9 постулировала отказ от «войны как суверенного права нации» и создания вооруженных сил, а ст. 66 – запрет занятия должностей премьер-министра и членов кабинета военными[2]. Из школьных программ были изъяты концепции японской исключительности, долга перед императором и прославления милитаризма. Образовательные учреждения покинули более 120 тыс. преподавателей в связи с националистическими воззрениями [Finn 1992, p. 60].

Степень демилитаризации в то же время стала фактором различия: в Японии она оказалась глубже и долговечнее. Хотя упомянутый «обратный курс» привел к отказу от жесткого следования предписанию об отсутствии вооруженных сил, тем не менее, некоторые результаты демилитаризации были зафиксированы. В отличие от Западной Германии бывшие японские имперские офицеры были в основном отстранены от восстановления военных институтов и участия в политике.

Историческая память в Японии и ФРГ в период холодной войны

Вторая Мировая война стала центральным элементом послевоенных памяти о прошлом немецкого и японского обществ, составив призму, через которую они видели свою историю, формировали идентичности и определяли значимых Других. Как в ФРГ, так и в Японии выделились две основные традиции коллективных представлений о прошлом: консервативная традиция, ассоциированная с крупным

[1] 官報號外　昭和21年1月1日　詔書　［人間宣言］.　国立国会図書館: https://www.ndl.go.jp/constitution/shiryo/03/056/056tx.html

[2] The Constitution of Japan. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html

капиталом, некоторыми религиозными организациями, а также избежавшей люстраций довоенной элитой, и прогрессистская (левая) традиция, ассоциированная с левыми силами, профсоюзами, частью интеллигенции и левой молодежью. В обеих странах в результате усилий оккупационных администраций по консолидации власти в руках прозападной элиты в первые послевоенные десятилетия консерваторы доминировали в политике. Однако содержание и эволюция двух традиций, особенности их соперничества и его итоги в каждой из двух стран оказались различными.

В ФРГ основным мнемоническим актором, стремившимся к продвижению консервативного нарратива о прошлом, являлась коалиция христианских демократов (ХДС/ХСС). В 1949–1969 гг. ей удавалось формировать большую часть каждого из правительств и назначать канцлеров. Эти силы, с одинаковым неприятием относившиеся к нацизму и коммунизму, стремились к перестройке страны в свободное, ориентированное на рынок демократическое государство и закреплению ее в западном союзе. Электорально партия опиралась на крупный бизнес, католическую общественность, а также в силу активного продвижения реабилитаций на бывших членов НСДАП и военных. Другими важными консервативными мнемоническими акторами стали различные организации «изгнанников» – эмигрантов и репатриантов, которые были вынуждены уехать с земель, переставших принадлежать Германии. Среди них существовала политическая партия GB/BHE, которая продолжительное время являлась парламентским партнером ХДС/ХСС. «Изгнанники», количество которых в послевоенное время достигло 9 млн. человек (около 17% всего населения ФРГ), формировали значительный электорат [Ahonen 1998].

Консервативная традиция в первые десятилетия основывалась на ряде ключевых убеждений. Во-первых, постулировалась необходимость восстановления национального достоинства и уверенности в себе, основанной на позитивной самооценке, которая де-факто связывалась с избеганием акцентирования внимания на преступлениях Германии. Во-вторых, разделение немцев на виновное меньшинство и невиновное большинство. Ответственность за преступления перекладывалась исключительно на группу руководителей режима. Хотя консерваторы однозначно осуждали эту группу, они отрицали любые концепции общей ответственности и видели большинство немцев невинными людьми, чье доброе имя было опорочено [Herf 1997, p. 212].

Консерваторы стремились оградить от ответственности в т. ч. солдат вермахта из уважения к военным и крупных промышленников ради нужд восстановления страны [He 2008, p. 59]. Консерваторы заявляли о преемственности с донацистской Германией, рассматривая Третий рейх как историческую аномалию. В-третьих, самовиктимизация немецкого населения – представление его в качестве жертвы одновременно репрессий нацистского режима и действий союзных войск, в т. ч. ковровых бомбардировок, насилия над гражданскими лицами, изгнания с восточных территорий, оккупации и разделения страны. Так, в 1952 г. правительство Аденауэра установило национальный день траура, призванный почтить память жертв войны среди немцев, тогда как никаких коммеморативных практик не было связано ни с холокостом или другими преступлениями, ни с капитуляцией.

Одним из основных мнемонических акторов в рамках же прогрессистского (левого) нарратива являлась Социал-демократическая партия. С точки зрения электоральной поддержки СДПГ опиралась на влиятельные немецкие профсоюзы. Социал-демократы видели приход к власти нацистов результатом социально-экономического развития Германии: ускоренная модернизация не сопровождалась буржуазной революцией, в связи с чем буржуазия стала зависима от государства и враждебна демократии. Они считали, что для закрепления демократии и предотвращения возрождения ультранационализма необходима национализация крупных предприятий и широкие меры по перевоспитанию народа: устранение из политики сочувствовавших нацизму, признание ответственности всех немцев за преступления и покаяние перед жертвами [Berger 2012, p. 50].

Другими важными акторами в рамках прогрессистской традиции являлись различные писатели и ученые. Так, известный писатель Т. Манн, являясь сторонником коллективной ответственности немцев за нацизм, заявлял, что «для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной» [Манн 1961, с. 324–325]. Философ К. Ясперс в известной работе 1946 г. выделял политическую ответственность – ответственность граждан государства за последствия его действий и отмечал, что хотя Нюрнберг позорен для Германии, он стал результатом того, что «немцы не освободили себя от преступного режима сами» [Ясперс 1999, с. 20, 103].

Таким образом, можно видеть, что в первые годы консервативный нарратив в ФРГ совпадает с моделями самовиктимизации и амнезии по классификации М. Диана, а прогрессистский – с моделью покаяния. Помимо неприятия нацизма они мало в чем могли согласиться. В этой связи, в первые послевоенные десятилетия общественный консенсус в сфере исторической памяти отсутствовал. В результате выборов 1949 г. к власти пришла коалиция в составе ХДС/ХСС и СвДП, которая начала проводить консервативную линию в области политики памяти, в т. ч. были изданы рассмотренные выше законы о реабилитациях, школьные учебники были приведены в соответствие с консервативным нарративом.

Одновременно правительство не избегало попыток примирения с жертвами нацизма. Были нормализованы отношения с Францией, Нидерландами, Грецией, Израилем. Кроме того, в 1953, 1956 и 1965 гг. были приняты законы о компенсациях, предусматривавшие выплаты немецким гражданам и эмигрировавшим из страны до 1937 г. за потерю близких, ущерб здоровью, лишение свободы, утрату собственности, принудительные увольнения[3]. Однако влияние консервативных позиций проявилось в том, что выплаты осуществлялись в т. ч. в пользу пострадавших немцев, а нормализация ограничивалась западными союзниками. В целом же в первые десятилетия после войны отсутствие консенсуса в обществе и острота переживаний привели к попыткам вынести болезненные вопросы за скобки. Этот период позже будет назван «эпохой активного подавления прошлого» [Berger 2012, p. 58].

Однако постепенно в силу разных факторов ситуация начала меняться. С одной стороны, продолжающиеся процессы против виновных в холокосте помогали поддерживать актуальность вопросов немецкой вины. Широкий резонанс вызвали дела высокопоставленного полицейского в Ульме в 1958 г. и А. Эйхмана в 1961 г. Последнее активизировало дискуссию о роли приспособленчества немцев в трагедии холокоста. В 1960-х гг. проходили также процессы над сотрудниками концлагерей Аушвиц, Белжец, Треблинка и Собибор. С другой стороны, распаду политики молчания поспособствовал

[3] Bundesgesetz zur Entschädigung für Opfer der nationalsozialistischen Verfolgung. *Bundesanzeiger Verlag:* https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl153s1387.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl153s1387.pdf%27%5D__1715565081852

рост левого студенческого движения и переход СДПГ от оппозиции к участию в правительствах. Вовлечение в политику молодого поколения, осуждавшего старших за соучастие в преступлениях нацизма, стимулировало актуализацию вопросов памяти. Одновременно принятие СДПГ более умеренных позиций и рост поддержки позволил ей войти в 1964 г. в правительство вместе с ХДС/ХСС. В 1965 г. социал-демократы добились продления срока давности преступлений нацистов. Он продлевался также в 1969 г., а в 1979 г. был полностью снят [Herf 1997, p. 337–342].

Победа СДПГ на выборах 1969 г. представила шанс для продвижения прогрессистского нарратива. Основным элементом курса канцлера В. Брандта стала «восточная политика», нацеленная на примирение с восточноевропейскими соседями. В начале 1970-х гг. он заключает договоры с СССР, Польшей, Чехословакией и ГДР. Его коленопреклонение во время визита в Варшаву в 1970 г. позитивно повлияло на образ ФРГ в странах Восточной Европы и символизировало вхождение нарратива покаяния в официальный дискурс. Общество, однако, было далеко от консенсуса: консерваторы отчаянно сопротивлялись реформам. Ратификация договоров Брандта обернулась острым противостоянием; в 1974 г. канцлер ушел в отставку, а годом ранее суд ФРГ в очередной раз отклонил требования компенсаций бывшим подневольным рабочим. Но фундамент был заложен. В 1970-х гг. проводятся образовательные реформы: растет освещение преступлений нацизма и организуются антифашистские памятные церемонии. Кроме того, широкое общественное обсуждение вызвал четырехсерийный телевизионный фильм «Холокост» [He 2008, p. 73–75].

В 1980-е гг. произошло формирование консенсуса в обществе вокруг нарратива покаяния. С распадом коалиции ХДС/ХСС и СДПГ и приходом на пост канцлера Г. Коля консерваторы попытались взять реванш в области памяти, вернувшись к идее «проведения черты» под нацистским прошлым и восстановления «духа здорового патриотизма». Консервативный порыв встретил отпор, отразившийся в двух скандалах. В 1985 г. острейшую критику вызвала инициатива совместного посещения Колем и президентом США Р. Рейганом американо-немецкого военного кладбища в Битбурге: на нем помимо прочих были захоронены члены Ваффен-СС. Хотя Коль убедил Рейгана не отменять визит, лидеры были вынуждены дополнить его посещением

концлагеря Берген-Бельзен [He 2008, p. 88]. В 1986 г. разгорелся т. н. «спор историков». Ряд консервативных ученых, в т.ч. М. Штюрмер и Э. Нольте, утверждали, что тема нацизма не должна доминировать в исторической памяти немцев и что к поддержке НСДАП привели оправданные опасения средних классов из-за угрозы коммунизма. В ответ Ю. Хабермас и другие левые мыслители обвинили их в релятивизации преступлений нацистов и стремлении ренационализировать немецкое историческое сознание [Berger 2012, p. 67].

Нарратив покаяния, таким образом, утвердился в обществе. Символическое значение имела речь президента ФРГ и члена ХДС Р. фон Вайцзеккера 1985 г., в которой он заявил, что покаяние не противоречит здоровому патриотизму, но является источником национальной гордости и долгом каждого немца[4]. Речь, высоко оцененная и консерваторами, и левыми, ознаменовала принятие консервативной традицией нарратива покаяния и формирование вокруг него консенсуса.

В Японии после войны также оформились консервативная и прогрессистская (левая) традиции памяти. Основными акторами среди консерваторов стали Либерально-демократическая партия и госслужащие. Значимая часть элиты обнаруживала преемственность с довоенным временем: многие избежали люстраций, либо были реабилитированы. Консервативный нарратив продвигался также рядом влиятельных негосударственных организаций. Одна из них – Ассоциация синтоистских храмов (*дзиндзя хонтё:*), учрежденная после отделения религии от государства и объединившая большинство синтоистских храмов. Недовольные снизившимся статусом синто, они стремились к ревизии послевоенных порядков и возврату традиций, в т. ч. воспитанию уникальных духовных (синтоистских) ценностей японского народа, центральному положению императора и культу воинов, отдавших за него жизнь [Seraphim 2006, p. 53]. Другая организация – Федерация семей погибших на войне (*ниппон идзокукай*), боровшаяся за общественное признания ветеранов и сохранение культа героев войны. Так, она продвигала возведение в ранг синтоистских божеств в святилищах духов героев войны, в т. ч. тех, кто был признан военными преступниками [Dian 2017, p. 42].

[4] Richard von Weizsäcker, “der 8.Mai 1945: 40 Jahre danach, Weizsacker, Von Deustchland aus: Reden des Bundesprasidenten. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987.

В центре системы идей японских консерваторов стояло неприятие «взгляда на историю, навязанного Токийским процессом». Часто ссылаясь на особое мнение судьи Р. Пала, они критиковали трибуналы как суд победителей: любые действия Японии с 1931 г. трактовались как агрессивные, а любые действия союзников – как справедливые. Консерваторы не считали войну исключительно агрессивной. Они утверждали, что Япония была в нее втянута, акцентируя внимание на факторах экономического кризиса, нефтяного эмбарго США и колониализма западных стран, устанавливавшего стандарты великодержавной политики [Gluck 1990, p. 12]. Наиболее рьяные ревизионисты подчеркивали мессианские цели войны – освобождение народов Азии от «белого колониализма». Заявлялось о добровольном характере аннексии Кореи, учреждения Маньчжоу-Го и правительства Ван Цзинвэя в Нанкине, а военные преступления представлялись преувеличением или ложью пропаганды. Важной для консервативного нарратива была идея континуитета между довоенной и послевоенной Японией, символом которой служили институт императора и синтоизм [Dian 2017, p. 43–45].

Наконец, консерваторы стремились поддерживать статус погибших на войне японцев. Они идеализировали «чистоту духа и японскость» военного поколения, принесшего себя в жертву во имя нации и ее будущего процветания, а признание войны агрессивной считали неуважением к героям [Orr 2001, p. 21]. Основным же местом для поминовения погибших солдат стал храм Ясукуни. Консерваторы видели основной целью восстановления Японией статуса «державы первого эшелона», однако расходились по вопросу путей ее достижения. Н. Киси, М. Сигэмицу, И. Хатояма стремились к полноценному перевооружению, а союз с США видели кратковременным злом; более умеренная группа (С. Ёсида, Х. Икеда, Э. Сато) делала упор на экономическое развитие, снижение участия в международных делах и опоре на гарантии безопасности США [Samuels 2007].

В рамках прогрессивистской (левой) традиции памяти основными акторами были Социалистическая и Коммунистическая партии. Хотя они не состояли ни в одном правительстве до 1993 г., эти партии имели значительное влияние, являясь мощным тормозом, ограничивавшим радикальных консерваторов. Важную роль также играли различные общественные организации. Одной из них стал Профсоюз учителей Японии (*никкё:со*). Так как оставшиеся после люстраций

в сфере образования учителя в большинстве своем придерживались левых взглядов, *Никкёсо* пользовался серьезной поддержкой. Центром его идей стало раскаяние за участие в милитаристской системе образования. Организация винила в войне «феодально-фашистские особенности» довоенной системы и заявляла о необходимости децентрализации образования [Duke 1973]. Другая организация – Общество памяти студентов, погибших на войне (*Нихон сэнбоцу гакусэй кинэнкай*), стремилась сохранить память об учащихся, призванных на войну в последние годы конфликта, в т. ч. пилотов-камикадзе, и гарантировать, чтобы бессмысленные жертвы не повторялись. Организации жертв атомных бомбардировок (*хибакуся*) ставили своей целью общественное признание и компенсации жертвам и продвижение ядерного разоружения.

В центре прогрессистской традиции стояла идея двойной виктимизации обычного населения: японцы представлялись жертвами одновременно режима милитаристов и войны, сопряженной со значительными страданиями, в т. ч. ковровыми бомбардировками и атомными ударами [Dian 2017, p. 51–52]. *Хибакуся* стали важным символом страданий японцев и борьбы за ядерное разоружение. Другой основной идеей был радикальный разрыв с прошлым. Милитаризм и войну прогрессисты связывали с незавершенной модернизацией и традиционализмом, выступая за «полную демократизацию, достижение гражданской субъектности и политической свободы» [Kersten 1996, p. 181]. Наконец, для прогрессистов было характерно крайнее неприятие милитаризма во внешней и внутренней политике. Их доктриной стал невооруженный нейтралитет: полный отказ от вооруженных сил и неприсоединение к альянсам.

Таким образом, можно видеть, что в отличие от ФРГ содержание консервативного нарратива в Японии помимо модели самовиктимизации включало героизацию прошлого, т. е. было более ревизионистским, а прогрессистский – концентрировался вокруг модели самовиктимизации, практически не включая покаяние. Помимо описанных различий в оккупационной политике данное несоответствие между ФРГ и Японией можно объяснить историческими обстоятельствами. Во-первых, в Японии невозможно было четко назначить определенную группу виновной за все японские преступления. Имперская экспансия Японии, финалом которой стала Вторая Мировая война, растянулась на всю первую половину XX века

и пришлась на несколько кабинетов и императоров. Кроме того, особенности системы принятия решений, в т. ч. распыление ответственности, конкуренция центров влияния, отсутствие единовластного лидера и единой партии дополнительно осложняло выделение группы виновных [Berger 2012, p. 130–131].

Наконец, использование группы милитаристов в качестве маркера виновных осложнялось размытостью определения и нежеланием признавать преступниками военных (как и в случае с вермахтом в Германии). Во-вторых, японские консерваторы могли занимать более радикальную позицию в силу отличий преступлений двух стран, а именно осуществления нацистами холокоста. Хотя идеи расового превосходства послужили основой для некоторых преступлений Японии, она не проводила системного курса полного физического уничтожения группы по расовому признаку. Холокост же стал как фактором полной делегитимизации режима нацистов, так и емким символом его преступлений: именно обсуждение геноцида евреев не давало обществу ФРГ подвести черту под нацистским прошлым [Ibid., p. 128–129].

В то же время в Японии существовало определенное поле схождения между нарративами. Используя его, умеренно-консервативная часть элиты смогла сформировать консенсус между двумя традициями в сферах памяти и внешней политики. Первый его элемент заключался в представлении японцев как основных жертв. Консерваторы уходили таким образом от вопроса ответственности и вызвали сопереживание жертве военного поколения, а прогрессисты – обосновывали неприятие милитаризма, который винили в войне. Консенсус обусловил общность коммеморативных символов (Хиросима и *хибакуся*) и игнорирование жертв японской агрессии.

В речи на Сан-Францисской конференции премьер-министр С. Ёсида обосновал «желание жить в мире» лишь «страданиями его народа»[5]. Организовывающаяся с 1950-х гг. Национальная служба памяти погибших в войне также игнорировала жертвы среди неяпонцев [Buruma 1995, p. 117]. Вторым элементом консенсуса стала минимизации военной роли Японии: умеренные консерваторы видели пацифизм, возведенный на флаги левым движением, практичной

[5] Prime Minister Shigeru Yoshida's Speech at the San Francisco Peace Conference. *Institute of Oriental Culture, University of Tokyo:* https://worldjpn.net/documents/texts/JPUS/19510907.S1E.html

отговоркой для отказов запросам США об увеличении военных обязательств. Попытки ревизионистов во главе с Н. Киси в конце 1950-х гг. пересмотреть оборонную политику в сторону большей военной роли натолкнулись на масштабное сопротивление общества, вылившееся в крупнейшие в истории страны протесты (*Anpo toso*). Хотя по итогу обновленный договор по безопасности с США – основное детище Киси – все-таки был заключен, протесты привели к отставке последнего, приходу к власти умеренных консерваторов и консолидации консенсуса между традициями [Dian 2017, p. 63].

Консенсус смог пережить ряд кризисов. На фоне принуждения США к участию во вьетнамской компании кабинет Э. Сато, в т. ч. под нажимом протестного движения, углубил доктрину Ёсида, закрепив три неядерных принципа и запретив любой экспорт оружия. Виктимность бывших жертв Токио признавал лишь в исключительных случаях: хотя под давлением Пекина в 1972 г. премьер-министр К. Танака заявил о глубоком раскаянии Японии за принесенный ущерб[6], уже в 1973 г. перед парламентом он отметил, что историками еще не установлено, являлось ли размещение войск в Китае агрессией [Dian 2017, p. 68].

В то же время происходило некоторое смещение прогрессивистского нарратива. Вьетнамская война и нормализация отношений с КНР способствовали все большему обращению к нарративу покаяния. Так, издается значительное количество литературы, посвященной японским военным преступлениям, в т. ч. работы К. Хонда, С. Моримура, К. Сэнда. Общественные дебаты вызвали судебные иски историка С. Иэнага, поданные против министерства образования, т. к. его учебник 1965 г., широко освещавший японские военные преступления, не был одобрен ведомством. Процесс, продолжавшийся до 1982 г., укрепил мнение, что Токио намеренно замалчивает неприглядные стороны истории.

В ответ происходила консолидация в лагере консерваторов. В 1980 г. ЛДП начала кампанию по исправлению «предвзятых учебников», продвигающих «мазохистское видение истории», а в 1982 г. объявила основой своей программы «культивирование японского духа и национальной гордости» [Conrad 2010]. Одновременно увели-

[6] Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. *Ministry of Foreign Affairs of Japan.* – September 29, 1972: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html

чилась активность историков-ревизионистов, оспаривавших применение термина «Нанкинская резня» и количество жертв. В 1982 г. пост премьер-министра занял Я. Накасонэ, выходец из радикальной части консерваторов. Острые дебаты вызвало посещение им 15 августа 1985 г. храма Ясукуни. Став первым посещением храма главой правительства после придания сакрального статуса военным преступникам класса «А» в 1978 г., оно спровоцировало дипломатический скандал и дальнейшую дестабилизацию консенсуса памяти.

Таким образом, к концу 1980-х гг. Япония оказалась на грани коллапса сформированного после войны консенсуса памяти вокруг нарратива самовиктимизации, в отличие от ФРГ, где к этому времени, наоборот, впервые за весь послевоенный период сформировался консенсус на основе нарратива покаяния.

Историческая память в Японии и ФРГ на современном этапе

В ФРГ в течение периода с 1990-х гг. по настоящее время консенсус вокруг нарратива «покаяния» во многом сохранился. Вызовом стало объединение Германии из-за необходимости интеграции нарративов о прошлом и опасений, что патриотический заряд объединения возродит крайний национализм. В 1990-х гг. действительно активизировалось движение новых правых, стремившееся к преодолению «мифологии вины», утверждению Германии как «нормальной» и «уверенной в себе» страны, противодействию иммиграции [He 2008, p. 100]. Одновременно в начале 1990-х гг. имел место скачок преступлений против иммигрантов. Однако усилиями умеренных сил крайне правые были вытеснены из мейнстримной политики.

Опасения по поводу роста национализма также связывались с присоединением ГДР. Тем не менее объединение не привело к распаду консенсуса вокруг покаяния. С одной стороны, ФРГ предприняла усилия по интеграции восточных немцев, в т. ч. в области исторической памяти. Так, была перестроена система образования: тысячи преподавателей школ и университетов, уличенные в сотрудничестве со Штази, были уволены, факультеты истории реорганизованы, а учебные планы пересмотрены [Лёзина 2015, с. 61–62]. Также организовывались мероприятия для молодежи, в т. ч. поездки в концлагеря, информирующие о многогранности движения сопротивления, опасностях

ксенофобии и расизма. С другой стороны, новые восточногерманские элиты стремились перенять исторический нарратив ФРГ.

В 1990 г. после первых свободных выборов было объявлено о признании «ответственности немцев в ГДР» за «геноцид, особенно затрагивающий евреев …, народ СССР, польский народ, синти и рома» [Jander 1990]. В результате историческая память Восточной Германии была де-факто ассимилирована нарративом ФРГ.

Нарратив раскаяния отразился в официальных мероприятиях к 50-летию окончания войны. Бундестаг объявил 27 января, дату освобождения лагеря Аушвиц, национальным днем памяти жертв нацистских гонений и геноцида. Президент ФРГ Р. Герцог по случаю годовщины отметил, что ответственность за холокост лежит на немцах в целом [Herf 1997, p. 369]. Устоялась традиция принесения извинений: соответствующие заявления делал Р. Герцог, Г. Шрёдер и другие лидеры. Схожий тренд наблюдался в музейной сфере. В 1995 г. выставка, посвященная расправам вермахта над мирным населением, вызвала споры, пошатнув миф о невиновности обычных солдат. В 2001 г. началось строительство в Берлине мемориала жертвам холокоста и открылся крупнейший в Европе Еврейский музей.

При этом к началу 2000-х гг. вслед за консенсусом о вине постепенно возникает сближение по вопросу изгнанных немцев за счет принятия левыми элементов самовиктимизации. Т. Бергер возводит его к 1999 г., когда левое правительство Г. Шрёдера, стремясь обосновать участие ФРГ в интервенции НАТО в Югославию, заявило, что в силу опыта нацизма немцы морально обязаны реагировать на нарушения прав человека, имея в виду действия Белграда [Berger 2012, p. 76]. Данная риторика создала шаблон для осуждения левыми силами нарушений прав немцев. В результате в мае 1999 г. Бундестаг принял резолюцию с призывом разрешить «все еще открытые вопросы истории», имея в виду изгнание немцев [Ibid., p. 77]. В 2008 г. в рамках коалиционного соглашения ХДС/ХСС и СДПГ Бундестаг учредил Центр против изгнания и государственный Фонд бегства, изгнания и примирения. Тренд продолжается до сих пор: в 2018 г. А. Меркель по случаю Всемирного дня беженцев отметила, что нет оправданий изгнанию судетских немцев[7].

[7] Merkel calls Sudeten German expulsion “immoral”, drawing Czech ire. *Czech Radio.*: https://english.radio.cz/merkel-calls-sudeten-german-expulsion-immoral-drawing-czech-ire-8157867

В отличие от Германии, где наблюдался все больший консенсус между традициями на основе покаяния и элементов самовиктимизации, политика памяти в Японии характеризовалась возрастающей поляризацией. На рубеже 1990-х гг. окончательно распался послевоенный консенсус. Смерть Хирохито в 1989 г., сломившая негласный запрет на обсуждение его вины, вновь разделила консервативную и левую традиции. Дискуссии вызвало заявление мэра Нагасаки Х. Мотодзима об ответственности императора за войну, а в левой газете *Асахи симбун* появился ряд публикаций по теме. Консерваторы же рьяно поддержали масштабные ритуалы, проведенные по нормативам эпохи Мэйдзи и призванные подтвердить актуальность вековых традиций.

Одновременно на фоне глобализации памяти и наращивания культурного обмена с Восточной Азией прогрессистская традиция стала переходить от самовиктимизации к принятию «немецкой модели покаяния» и примирению с жертвами. Еще в 1986 г. *Нихон сэмбоцу гакусэй кинэнкай* возглавило учреждение Японо-германского форума мира, объединившего активистов двух стран. Появились новые мнемонические акторы из числа правозащитных организаций. Одна из важнейших – Сеть по борьбе с насилием в отношении женщин на войне (*Violence Against Women in War Network – VAWW NET*), основанная известным журналистом Я. Мацуи. В сотрудничестве с южнокорейскими группами Сеть привлекала внимание к проблеме «женщин для утешения».

Так, они организовали Международный женский трибунал по военным преступлениям 2001 г., рассматривавший вопрос японского сексуального рабства во время войны. Трибунал признал виновными 10 руководителей страны, в т. ч. императора Хирохито как верховного главнокомандующего[8]. VAWW NET также поддерживала протесты против баз США на Окинаве, связывая их с насилием в отношении женщин. Кроме того, в 1998 г. была учреждена Сеть 21 «Дети и учебники» (*Children and Textbooks Japan Network 21*). Наследуя активистам, поддерживавшим иски С. Иэнага, она противостояла попыткам историков и политиков изменять учебники в сторону оправдания действий милитаристской Японии.

[8] Women's International War Crimes Tribunal Archives: https://archives.wam-peace.org/wt/en/judgement

Активность правозащитных и левых групп, историческое поражение ЛДП на выборах 1993 г., давление международного гражданского общества и западных стран, а также интересы сотрудничества с КНР и РК привели к попыткам сначала умеренных консерваторов, а затем коалиционных кабинетов реформировать официальную риторику: в течение ряда лет неоднократно приносились извинения за прошлые преступления от лица императора Акихито, премьер-министров и других официальных лиц. Наиболее важными считаются заявления Ё. Коно 1993 г. и Т. Мураяма 15 августа 1995 г. Первое признало ответственность правительства за проектирование станций для утешения, факты вербовки работниц против воли и выразило «искренние извинения и раскаяние»[9]. В заявлении Мураяма, премьер-министра от СПЯ, выражались глубокое раскаяние и искренние извинения за колониальное правление и агрессию[10]. Прогрессисты достигли успехов также в сфере образования: положения заявления Мураяма были включены в учебные планы, ведущие издательства учебников *Tokyo Shoseki* и *Kyoiku Shuppan* увеличили освещение военных преступлений.

Однако компромиссы ограничили возможность левых партий влиять на политику памяти, а к концу 1990-х гг. СПЯ потеряла былую поддержку. По итогу не только не произошло установления консенсуса вокруг раскаяния, но имела место острая ответная реакция консерваторов. Хотя следующие кабинеты не отменили заявления Мураяма и Коно, опасаясь навредить внешним связям, многие консерваторы их не приняли. Премьер-министр Р. Хасимото полагал, что признание войны агрессией – это проявление неуважения к погибшим солдатам, выражением чего стал его визит в храм Ясукуни. Аналогично действовали Дз. Коидзуми, С. Абэ и др.

В 1997 г. была основана Японская конференция (*Ниппон кайги*), ассоциированная со многими лидерами ЛДП и продвигающая идеи реформы Конституции, нелегитимности Токийского процесса, фальсификации Нанкинской резни 1937 г. и сексуального рабства, войны как освобождения Азии.[11] В 1996 г. консервативные историки

---

[9] Statement by the Chief Cabinet Secretary. August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan.* https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000343.html

[10] 「戦後50周年の終戦記念日にあたって」（いわゆる村山談話. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html

[11] Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. Updated January 6, 2023. *Congressional Research Service,* p. 44: https://sgp.fas.org/crs/row/RL33436.pdf.

учредили Общество реформирования учебников истории (*Атарасий рэкиси кёкасё о цукуру кай*) и предложили учебник, повторяющий положения ревизионистского нарратива. Хотя лишь около 1% школ в итоге утвердили учебник, его одобрение в 2001 г. вызвало протесты в Японии и за рубежом. Ревизионизм повлиял и на более нейтральных издателей: с 2000-х гг. учебники стали уделять меньшее внимание темам, вызывающих споры среди специалистов.

Одновременно к 2000-м гг. обозначилась все большая «усталость от извинений» в Японии: примирения с соседями достигнуто не было [Стрельцов 2020, с. 54]. Одной из причин было отсутствие консенсуса в японском обществе по вопросу вины, из-за чего извинения не воспринимались искренними: за расплывчатостью формулировок, провалом попыток парламента принять декларацию стояла острая борьба. Этим же объяснялось сочетание извинений с ревизионистскими действиями, в т. ч. посещениями храма Ясукуни. Другая причина – политика памяти в самих странах-реципиентах извинений, в т. ч. использование образа Японии как врага в политических целях.

Победа оппозиции в 2009 г. во главе с Ю. Хатояма ознаменовала последнюю попытку переломить консервативный тренд: кабинет попытался углубить официальные извинения и создать нерелигиозный мемориал солдатам как альтернативу Ясукуни. Однако недовольство США новым руководством, острейший кризис в отношениях с КНР в 2012 г. и приход к власти С. Абэ обеспечили превалирование консервативного нарратива [Dian 2017, p. 121, 125]. Абэ заложил основы нынешнего курса на окончательное снятие вопроса об извинениях, преодоление пацифистских ограничений Конституции и культивацию патриотизма.

Так, он предпринял усилия по исключению спорных вопросов из школьных программ и реформированию в аналогичном духе государственных музеев. Пример последней тенденции – полное исключение из Музея мира в Осаке, ранее известного фокусом на преступлениях Японии, дискуссии о японской агрессии [Seaton 2015, p. 1].

Важно отметить, что политика памяти в Японии остается поляризованной: попытки укрепить консервативный нарратив наталкиваются на противодействие общества. Примером могут служить масштабные протесты против изменения толкования Конституции в 2015 г.,

собравшие на улицах более 120 тыс. человек[12]. Их поддержала в т. ч. Конституционно-демократической партия, подхватившая роль основной прогрессивистской системной силы. Кроме того, партия Комэйто, связанная с буддийским движением Сока Гаккай и являющаяся с 1998 г. коалиционным партнером ЛДП, также продвигает умеренно-прогрессивистский нарратив, ограничивая стремления консерваторов [Нелидов 2022, с. 47].

Заключение

После 1945 г. Япония и Германия оказались в схожих условиях. Обе страны были оккупированы, их политика, экономика и общество подверглись насильственной перестройке. По итогам трибуналов над военными преступниками было осуждено схожее число лиц. Сами процессы страдали от одинаковых проблем: неучет ряда преступлений и обратное применение правовых норм. Сходными оказались практика де-факто разделения общества на виновное меньшинство и невиновное большинство и «обратный курс»: возвращение на госдолжности ряда ранее осужденных лиц и подавление левой оппозиции. При этом присутствовали некоторые различия режимов оккупации, отчасти повлиявшие на становление и эволюцию исторической памяти: разделение Германии; сохранение института императора в Японии, утвердившее некий идейно-государственный континуитет, но проведение более глубоких демилитаризации и секуляризации; а также организация в Германии более широкой политической чистки.

В итоге, несмотря на некоторые сходства памяти о прошлом в двух странах (важное место памяти о войне; выделение консервативной и лево-прогрессистской традиций) ее содержание и эволюция оказались во многом различными. Среди причин: в случае Японии большая преемственность элит по итогам оккупации; сложности с четким выделением группы, которую можно назначить виновной за преступления и отличия самих преступлений, в т. ч. отсутствие аналога холокоста (который в случае ФРГ поддерживал тему преступлений нацистов актуальной); более доминантное положение консерваторов в политической системе.

[12] Huge protest in Tokyo rails against PM Abe's security bills. *Reuters*: https://www.reuters.com/article/idUSKCN0QZ0C2/

В результате, если в ФРГ изначально содержание консервативного нарратива совпадало с моделями самовиктимизации и амнезии по классификации М. Диана, а прогрессистский – с моделью покаяния, то в Японии консервативная традиция помимо самовиктимизации включала героизацию прошлого (т. е. была более ревизионистской), а прогрессистская – концентрировалась на самовиктимизации, практически не включая покаяние. Более того, если в случае ФРГ эволюция нарративов предполагала движение от поляризации в первые десятилетия к консенсусу традиций к 1990-м гг. в силу принятия консерваторами нарратива покаяния, а в 2000-х гг. – его упрочение в силу принятия прогрессистами элементов самовиктимизации, то в Японии наоборот именно первые десятилетия были отмечены консенсусом традиций вокруг самовиктимизации, который сменился поляризацией к 1990-м гг. из-за перенятия прогрессистами покаяния, углубившейся к 2010-м гг. из-за усталости от извинений и укрепления позиций консерваторов.

Данные различия выступили фактором непреходящей актуальности вопросов исторических обид в отношениях Японии с соседями: отсутствие консенсуса создавало впечатление неискренности любых извинительных акций, предпринимаемых Токио.

Библиографический список

Лёзина Е. В. (2015) Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 2 (120). С. 61–62.

Малинова О. Ю. (2018) Политика памяти как область символической политики. *Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. Москва–Санкт-Петербург: Нестор История.

Манн Т. (1961) Германия и немцы / пер. с нем. Е. Эткинда. *Манн, Т. Собрание сочинений: в 10 т.* – Москва, 1961. Т. 10. С. 324–325.

Нелидов В. В. (2022) Историческая память во внешнеполитическом дискурсе Японии. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями* / под общ. ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс. С. 29–52.

Стрельцов, Д. В. (2020) «Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии. *Ежегодник Япония*. № 49. С. 29–61.

Ясперс К. (1999) *Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии.* Москва: Прогресс.

References

Ahonen, P. (1998). Domestic Constraints on West German Ostpolitik: The Role of the Expellee Organizations in the Adenauer Era. *Central European History*, 31 (1/2).

Berger, T. U. (2012). *War, Guilt, and World Politics After World War II*. Cambridge: Cambridge University Press.

Buruma, I. (1995). *Wages of Guilt. Memories of War in Germany and Japan.* London: Vintage.

Conrad, S. (2010). *The Quest for the Lost Nation: Writing History in Germany and Japan in the American Century.* Los Angeles, CA: University of California Press.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy.* Oxford: Elsevier.

Dower, J. W. (1999). *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II.* New York, NY: WW Norton & Company.

Duke, B. C. (1973). *Japan's Militant Teachers: A History of the Left-Wing Teachers' Movement.* Honolulu: University of Hawaii Press.

Finn, R. B. (1992). *Winners in Peace: MacArthur, Yoshida and Postwar Japan.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Frei, N. (2002). *Adenauer's Germany and the Nazi Past.* Trans. by J. Golb. New-York: Columbia University Press.

Gluck C. (1990). The Idea of Showa. *Daedalus*, 119(3), 1–26.

Harries, M., Harries, S. (1987). *Sheathing the Sword: The Demilitarization of Postwar Japan.* New York: MacMillan.

He, Y. (2008). *The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations Since World War II.* Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Herf, J. (1997). *Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanys.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hirata, T., Dower, J. W. (2006). Japan's Red Purge: Lessons From a Saga of Suppression of Free Speech and Thought. *The Asia Pacific Journal: Japan Focus*, 5 (7), 1–8.

Jander, M. (1990). Ending the 'Universalisation' of the Holocaust and the Wars Against Israel: The GDR People's Chamber Declaration of 12 April 1990. *Fathom*. Retrieved from https://fathomjournal.org/ending-

the-universalisation-of-the-holocaust-and-the-wars-against-israel-the-gdr-peoples-chamber-declaration-of-12-april-1990/#_edn2

Kersten, R. (1996). *Democracy in Post-War Japan: Maruyama Masao and the Search for Autonomy.* London: Routledge.

Lyozina, E. V. (2015). Lyustratsiya I otkrytie arkhivov v stranakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy [Lustration and Opening of Archives in Central and Eastern European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2 (120), 61–62. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki. [Memory Politics as an Area of Symbolic Politics]. In: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy] (pp. 27–53). Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Mann, T. (1961). Germaniya i nemtsy [Germany and Germans]. Transl. by E. Etkind. In: Mann, T. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collection of Works in 10 Vols.], Vol. 10. (pp. 324–325). Moscow. (In Russian).

Nelidov, V. V. (2022). Istoricheskaya pamyat' vo vneshnepoliticheskom diskurse Yaponii [Historical Memory in the Foreign Policy Discourse of Japan]. In: Streltsov D. V. (Ed.), *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 29–52). Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

Olick, J. K. (2005). *In the House of the Hangman. The Agonies of German Defeat, 1943–1949*. Illinois: University of Chicago Press.

Orr, J. J. (2001). *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan.* Honolulu, HI: University of Hawaii Press.

Samuels, R. J. (2007). Securing Japan: The Current Discourse. *The Journal of Japanese Studies*, 33 (1), 125–152.

Seaton, P. (2015). The Nationalist Assault on Japan's Local Peace Museums: The Conversion of Peace Osaka. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*, Vol. 13, Issue 30, No. 3, Jul 27, 1–20 (1).

Seraphim, F. (2006). *War Memory and Social Politics in Japan, 1945–2005*. Vol. 278. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Streltsov, D. V. (2020). «Diplomatiya izvineniy» vo vneshney politike poslevoyennoy Yaponii. ["The Diplomacy of Apologies" in the Foreign Policy of Postwar Japan]. *Yearbook Japan*, 49, 29–61. (In Russian).

Yaspers, K. (1999). *Vopros o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosti Germanii.* [The Question of German Guilt]. Moscow: Progress. (In Russian).

Ежегодник Япония 2024. Т. 53. С. 431–444
Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 431–444
DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-431-444

Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада. Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского «Куниёси и его время»

Д. И. Воробьёва

Аннотация

В начале 2024 г. петербургским издательством и независимым издательским партнёром Государственного Эрмитажа «Арка» было выпущено переиздание каталога выставки 1997–1998 гг. «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава», автором которого являлся один из крупнейших отечественных исследователей японского изобразительного искусства и хранитель японской коллекции музея М. В. Успенский (1953–1997).

Вслед за оригиналом центральными фигурами повествования переиздания являются современники и выпускники школы Утагава художники Утагава Куниёси (1798–1861) и Утагава Кунисада (1786–1865). Точно так же, как и в оригинале, за текстами, описывающими их разные периоды творчества, следуют каталожные описания. Последние в отличие от издания 1997 г. имеют бóльшее число цветных иллюстраций, некоторые из которых представлены впервые. Кроме того, приведены и недостающие листы полиптихов из коллекций других музеев, что, безусловно, даёт возможность более целостного восприятия произведений.

Всего каталожные описания содержат 299 иллюстраций, 143 из которых принадлежат кисти Куниёси и его учеников, а 156 – Кунисада. Что касается текстов, то они публикуются без особых изменений, за исключением добавления в издание статьи «Мемориальные портреты и автопортреты Куниёси и его учеников», а также включения в повествование иллюстраций и изображений с фрагментами иероглифических текстов, печатей, подписей и т.п.

В целом, на протяжении всей книги Куниёси и его *мусяэ*, которым посвящено две трети содержания, противопоставляются Кунисада и его *якусяэ*

и *бидзинга*. Благодаря этому, автору удаётся нарисовать довольно объёмную картину состояния *укиё*-э первой половины XIX в.

Ключевые слова: гравюры укиё-э, Утагава (Итиюсай) Куниёси, Утагава Кунисада (Тоёкуни III), М. В. Успенский, Эрмитаж.

Автор: *Воробьёва Дарья Игоревна*, студентка 1 курса магистерской программы «Кросс-культурные исследования Азии и Африки в контексте международных отношений», Институт востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург: 190068, Санкт-Петербург, наб. кан. Грибоедова, 123

E-mail: dashavorobeva01@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ukiyo-e Masters of the Utagawa School: Kuniyoshi and Kunisada. Review of the Second Edition of M. V. Uspensky's Monograph «Kuniyoshi and His Time»

D. I. Vorobeva

Abstract

In early 2024, a Saint Petersburg publishing house and independent publishing partner of the State Hermitage Museum "Arka" published a re-edition of the catalogue of the exhibition "Kuniyoshi and His Time. Japanese Prints of the 19th Century. The Utagawa School," which took place in 1997–1998. The author of this catalogue is M. V. Uspensky (1953–1997), one of the greatest Russian researchers of Japanese fine art and curator of the museum's Japanese collection.

Following the original, the central figures of the second edition's narrative are contemporaries and graduates of the Utagawa school, the artists Utagawa Kuniyoshi (1798–1861) and Utagawa Kunisada (1786–1865). Just as in the original, the texts describing their different periods of work are followed by catalogue descriptions. Bat, unlike the first edition, these cataloge descriptions have a larger number of exclusively colored illustrations, some of which are presented for the first time. Moreover, missing sheets of polyptychs from the collections of other museums are also included, which undoubtedly gives a more holistic perception of the works. In total, the catalogue descriptions contain 299 illustrations, 143 of which are

by Kuniyoshi and his students, and 156 by Kunisada. As for the texts, they are published without much change, except for the addition of the article "Memorial Portraits and Self-Portraits by Kuniyoshi and His Disciples" and the inclusion of illustrations and images with fragments of *kanji* texts, seals, signatures, etc. in the narrative.

In general, throughout the book, Kuniyoshi and his *mushae*, to whom two-thirds of the book is devoted, are contrasted with Kunisada and his *yakushae* and *bijinga*. This allows the author to paint a rather comprehensive picture of the state of *ukiyo-e* in the first half of the 19th century.

Keywords: *ukiyo-e*, Utagawa (Ichiyūsai) Kuniyoshi, Utagawa Kunisada (Toyokuni III), M. V. Uspensky, The Hermitage.

Author: *Vorobeva Daria Igorevna*, student of the Master's program "Cross-Cultural Studies of Asia and Africa in the Context of International Relations," Asian and African Studies educational program, Institute of Asian and African Studies, National Research University Higher School of Economics – Saint Petersburg: 123, Griboedov Canal Emb., St. Petersburg, 190068.

E-mail: dashavorobeva01@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Михаил Владимирович Успенский (1953–1997) – один из крупнейших отечественных исследователей японской культуры, кандидат искусствоведения и хранитель японской коллекции Государственного Эрмитажа, а также автор более 50 работ по истории искусства Японии, среди которых и рассматриваемая в данной рецензии книга под названием «Куниёси и его время».

Избрал искусство Японии сферой своих научных интересов Михаил Владимирович ещё в студенчестве годы, обучаясь на искусствоведческом факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и параллельно самостоятельно осваивая японский язык. Спустя 3 года после его окончания, в 1978 г., он уже сотрудник Эрмитажа, а с 1981 г. – хранитель японского отдела. Именно экспонаты последнего и стали главными объектами изучения искусствоведа, а точнее, как он сам предпочитал себя называть, «историка искусства». Как отмечает редактор книги «Куниёси и его время», особенностью всех исследований М. В. Успенского является сочетание музейного, искусствоведческого и востоковедческого подходов.

Тщательное рассмотрение конкретного предмета (перевод надписей и внимание к его физическим характеристикам) дополняется искусствоведческим анализом (внимание к манере исполнения и стилевым оттенкам) и завершается определением места произведения в общей картине японской культуры, шире – определением того, как оно отражает социальные, политические и религиозные явления эпохи. Таким сочетанием отличаются и его работы, посвящённые миниатюрным скульптурам *нэцкэ*, и несколько более поздние исследования о японской гравюре *укиё-э*, многие из которых были сосредоточены на экспонатах Эрмитажа. Стоит отметить, что М. В. Успенский не только занимался научной работой и, по сути, стал «легендой» музея, в том числе поспособствовав появлению на третьем этаже постоянной экспозиции *нэцкэ*. Кроме этого, преподавая на искусствоведческом факультете Института им. И. Е. Репина и в Восточном институте, он успел воспитать и плеяду исследователей-преемников.

Среди них и А. В. Савельева – нынешняя хранительница коллекции японского искусства Эрмитажа и научный редактор книги «Куниёси и его время». Последняя представляет собой переиздание каталога выставки «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава», проходившей с 11 ноября 1997 г. по 31 января 1998 г. Примечательно, что сам каталог вышел в день смерти Михаила Владимировича. Издан он был небольшим тиражом (1000 экз.) и сейчас стал библиографической редкостью, которую можно приобрести лишь с рук. Кроме того, по сравнению с современным изданием оригинальный каталог имеет ряд недочётов: отсутствие иллюстраций к некоторым экспонатам и чёрно-белые, а не цветные иллюстрации к некоторым. В переиздании же красочными изображениями (299 шт.) снабжены все каталожные описания, при этом некоторые листы полиптихов воспроизводятся впервые, а недостающие дополнены оттисками из коллекций других музеев. Ещё одним преимуществом является наличие иллюстраций (52 шт.) в текстах статей, что облегчает восприятие информации о биографии и творчестве упоминаемых мастеров. Помимо этого, на полях располагаются небольшие изображения (фрагменты иероглифических текстов, печатей, подписей и т.п.), которые можно увидеть на гравюре (41 шт.) – в текстах статьей же к ним даётся развёрнутое объяснение, благодаря чему понять структуру и содержание *укиё-э* может и читатель, не обладающий знаниями в японском. Другими словами, адресатами издания стано-

вятся не только специалисты в области японоведения и искусствоведения, но и все те люди, которые просто интересуются изобразительным искусством. Сами статьи (далее будем называть их разделами) представлены в переиздании без значительных изменений, за исключением небольших уточнений А. В. Савельевой. Единственное что можно отметить, так это то, что к текстам оригинального издания также добавлена статья «Мемориальные портреты и автопортреты Куниёси и его учеников» из сборника «Из истории японского искусства», на наш взгляд, логично завершающая книгу.

В целом, почти 500-страничное новое переиздание имеет следующую структуру. Во-первых, оно фактически разделено на 2 части: биография и творчество Утагава Куниёси (1798–1861) и Утагава Кунисада (1786–1865). Будучи современниками и представителями одной и той же школы, по мнению М. В. Успенского, они, тем не менее, являлись антиподами. Если Куниёси – это *кё:дзин* («безумец»), отрицающий социальные нормы, обладающий внутренней свободой и характеризующийся нестандартным поведением и творчеством, то Кунисада и его творения это олицетворение *сэй* («правильный»). Очевидно, исследователю больше импонирует первый: именно его именем озаглавлена книга, и именно ему посвящено две трети её содержания. Эти две трети включают 11 статей-разделов, освещающих разные периоды деятельности Куниёси: «Раннее творчество Куниёси», «1830-е годы», «Реформы Тэмпо и Куниёси» и т.д. В то же время Кунисада посвящён всего 1 раздел. Здесь стоит сказать о второй особенности структуры книги, а именно о том, что после каждого раздела приведён каталог с работами мастеров, находящимися в коллекции Эрмитажа. Всего в каталожные описания входит 299 иллюстраций, из которых 143 принадлежит Куниёси и его ученикам, в том числе Итимосай Ёситора (работал в 1840–1880-х гг.), Тайсо Ёситоси (1839–1892), Отиаи Ёсиику (1833–1904), Мидзуно Тосиката (1866–1908), Иссёсай Ёсимунэ II (1863–1941), Итиэйсай Ёсицуя (1822–1866), Иппосай Ёсифуса (1837–1860), Итибайсай Ёсихару (1828–1888) и Иппосай Ёсифудзи (1828–1887), а 156 работ – принадлежат Кунисада. К большинству из этих иллюстраций есть ссылки в текстах статей-разделов, где их разбор гармонично вкрапляется в биографию художников. Более того, как отмечалось ранее, иногда в статьях-разделах уделяется внимание и отдельным элементам гравюр – иероглифическим текстам, печатям и подписям.

Переходя к непосредственному содержанию переиздания, для начала остановимся на небольшом, но информативном введении. Здесь М. В. Успенский не только даёт краткий экскурс в историю развития гравюры *укиё-э*, появление которой принято связывать с Хисикава Моронобу (?–ок.1695), но и выделяет причины её популярности и цели: выполняя информативно-развлекательную функцию, *укиё-э* стали своего рода самой характерной формой городской культуры. Кроме того, исследователь отмечает, что сформированные первыми европейскими коллекционерами в середине-второй половине XIX в. предпочтения в гравюре в силу понятности сюжетов были отданы, скажем, *фукэйга* (пейзажи) Утагава Хиросигэ (1797–1858) и *бидзинга* (изображения красавиц) Китагава Утамаро (1753–1806), в то время как *якусяэ* (театральная гравюра), любимая Кунисада, и в ещё большей степени *мусяэ* (изображения воинов), характерные для Куниёси, остались за пределами интереса знатоков. Переоценке же этих жанров позднего этапа, по словам М. В. Успенского, было суждено начаться лишь во второй половине XX в., после выхода первой монографии о Куниёси в Англии.

Формирование склонности **Куниёси** к жанру *мусяэ* прослеживается ещё в молодые годы, о чём, в частности, сообщает нам первый раздел под названием «Раннее творчество Куниёси». Хотя с 1811 г. он попадает в мастерскую Утагава Тоёкуни I (1769–1825), специализировавшегося на театральных гравюрах *якусяэ* и не менее блистательного в изображавших красавиц *бидзинга*, Куниёси не получает от него покровительства, которое, кстати, проявлялось по отношению к Кунисада, и в будущем он практически не подписывает свои работы полным именем «Утагава Куниёси». Вместо этого чаще всего он использует псевдоним (*сайго)* «Итиюсай» (一勇斎), что по мнению М. В. Успенского, может быть связано с тем, что в него входит иероглиф «ю» («мужественный»), хорошо сочетающийся с историко-героической гравюрой *мусяэ*. Первой работой, принёсшей славу Куниёси, как раз стала героическая серия гравюр «108 героев простонародной версии романа “Речные заводи”» (*Цу:дзоку Суйкодэн го:кэцу хякухатинин хитори но икко*), выходившая с 1827 по 1830 гг. За отсутствием её в коллекции Эрмитажа, нет её и в каталоге, следующем за разделом. Тем не менее благодаря тому, что редакторы переиздания решили включить иллюстрации нескольких гравюр в сам текст статьи, мы можем понять, почему Михаил Владимирович описывает

манеру Куниёси раннего периода как насыщенную динамикой и экспрессией, граничащей с гротеском. Кроме этого, исследователь указывает, что именно в этой серии фактически сформулировано содержание жанра *мусяэ*, который отныне и до самой смерти возглавил никто иной, как Куниёси.

В течение следующего этапа творчества, которому посвящён второй раздел под незамысловатым названием «1830-е годы», художник экспериментирует – как с формой, так и манерой. Прежние динамичность и драматическая напряжённость уступают место более спокойному и уравновешенному общему решению листов, теперь очень часто объединённых в триптих. На примере одного из них рассмотрим структуру каталожного описания – допустим, возьмём гравюру «Сражение при Удзигава» (*Удзигава кассэн но дзу*), расположенную в каталоге под номером 3 и изображающую эпизод форсирования реки Удзигава силами Минамото во главе со знаменитым полководцем Ёсицунэ (1183) во время противостояния с кланом Тайра. Первое, на что стоит обратить внимание, это название, которое в данном случае носит описательный характер. Оригинальные названия гравюр, если они имеются на листах, приводится с японской транскрипцией. Сразу же после названия указан год создания произведения. А чуть ниже – размер гравюры в сантиметрах и инвентарный номер, под которым она хранится в Эрмитаже. Далее в зависимости от того, что указано на самой гравюре могут вариативно располагаться подпись художника, печать художника, печать резчика, печать издателя и печать цензора. Ещё далее, также вариативно, могут располагаться, как правило, описывающий происходящее на гравюре пояснительный текст и перевод её оригинального текста. Последнего на рассматриваемом триптихе, два листа которого, кстати, не представлены в Эрмитаже, нет, а потому они воспроизведены в чёрно-белом формате. Зато такой перевод есть в каталожном описании номер 84 к гравюре на ту же тему из серии «Дополнительные сюжеты к 53 станциям дороги Токайдо» (*То:кайдо: годзю:сан цуй*).

Последняя, как и целый ряд других, будет создана в 1840-е гг., описанию творчества Куниёси в которые посвящено аж 7 статей-разделов книги. На этот же период приходится и последняя попытка реформ сёгуната Токугава, направленная на оздоровление экономики и поддержание внутриполитической стабильности, – реформы годов Тэмпо (1842–1843). Поскольку особое значение придавалось

и исправлению нравов, коснулись они и культурной сферы в целом и *укиё-э* в частности. Во-первых, был ужесточён институт цензоров: теперь их функции выполняли не *гёдзи* (цензоры, выбиравшиеся из среды издателей), а *нануси* (цензоры, назначаемые правительством); использовавшаяся ранее печать *кивамэ* («превосходно») заменяется личной именной; начиная с 1847 г., ставят свои печати 2 чиновника, а с 1852 г. они дополняются ещё и пометой с датой выпуска. Послабление будет достигнуто лишь в середине 1850-х гг.: в 1853 г. именные печати уступают место печатям, содержащим знак *аратамэ* («проверено») и дату; а в 1857 г. возвращается институт *гёдзи*. Умело используя эту информацию, данные других помет и особенности самого изображения, М. В. Успенский определяет датировки множества работ – например, так произошло с триптихом «Сцена из спектакля “Хацумото юи Сога но кё:дай”» под каталожным номером 22. Редакторы переиздания же, в свою очередь, попытались вовлечь в этот процесс читателя, расположив на полях все примеры цензорских печатей тех лет. Во-вторых, накладывается запрет на изображения актёров и театральных сцен, куртизанок *ю:дзё* и гейш, то есть из репертуара художников фактически изымаются самые привычные жанры *якусяэ* и *бидзинга*. Как справедливо отмечет Михаил Владимирович в разделах «Реформы Тэмпо 1842–1843 гг. и гравюра *укиё-э*» и «Рефромы Тэмпо и Куниёси», художник, избравший для себя основным жанром *мусяэ*, очевидно, не был подвержен той растерянности, которая настигла его коллег, в том числе и Кунисада.

Подтверждение данного тезиса – следующие 5 статей-разделов, каждая из которых посвящена крупной серии гравюр, созданных Куниёси в 1840-е гг. Первая из них – это описанная в одноимённом разделе серия «Жизнеописания преданных вассалов» (*Сэйтю: гисидэн*). Поскольку объектами её являются действующие лица небезызвестного исторического эпизода мести Ако или возмездия 47 *ронинов* (1703), разделу о самой серии предшествует ещё и статья, сообщающая читателю предпосылки и подробности нападения самураев, потерявших своего господина. Строго говоря, изменив имена реальных людей, Куниёси изобразил не только их, но и господина, его врага, слугу одного из *ронинов* и *ронина*, не дожившего до мести, поэтому число листов в серии – 51. Каждый представлен в фонде Эрмитажа, а потому подробно разобран в каталожном описании. В целом, листы представляют

собой изображение героев в экспрессивных, но при этом статичных позах. Композиционное решение же по сравнению с более ранними работами лаконично и включает довольно большое количество текста. Последние – это что-то вроде мини-биографий за авторством Кэйсай Эйсэн (1790–1848), тем не менее довольно сухих и клишированных. Так, Михаил Владимирович выделяет 3 типа персонажей:

1) физически сильный и хладнокровный,

2) старый и немощный, но обладающий силой духа и мастерством,

3) интеллектуал, с виду не обладающий выдающимися боевыми качествами, но преображающийся в решающий момент.

Некоторое разнообразие в эти образы вносят стихотворения, призванные отразить характер и мировосприятие воинов, но, так или иначе, все из них готовы выполнить свой долг (*гири*) в качестве вассала – отомстить за господина и совершить *сэппуку*. *Гири* – безусловно, один из основных моральных принципов японского общества периода Токугава, а потому популяризация образов 47 *ронинов*, по мнению М. В. Успенского, имеет целью не что иное, как оздоровление нравственного климата, а сама серия Куниёси, очевидно, имеет дидактический оттенок.

Значительная доля текста на гравюре характерна и для следующей серии – «Биографии прославленных героев из "Сказания о Великом мире"» (*Тайхэйки эйю:дэн*), из 51 листа которой 3 представлены в Эрмитаже и каталоге соответственно. Согласно названию посвящена она должна была быть событиям, описанным в сочинении «*Тайхэйки*» (1380-е гг.), а именно борьбе кланов Нитта и Кусуноки с правящей династией Асикага во второй половине XIV в. На деле же она отражает события междоусобных войн XVI в., изображение которых было запрещено ещё в самом начале периода Токугава, в связи с чем Куниёси прибегает к эзопову языку, особенно прочно вошедшему в арсенал средств *укиё-э* после ужесточения цензуры в годы реформ Тэмпо. Каждый лист серии изображает воина в кульминационный момент эпизода, описанного в тексте гравюры, который занимает едва ли не весь фон. Композиция же, как не без основания указывает Михаил Владимирович, лишена не только декоративных излишеств ранних работ 1820-1830-х гг., но и чрезмерного аскетизма «Жизнеописаний преданных вассалов». Особую роль в ней играют картуши (*комаэ*), в этой серии имеющие форму тыквы-горлянки, что отнюдь не случайно. Дело в том, что именно эту форму имел воинский штандарт

Тоётоми Хидэёси (1537–1598), к которому, по мнению искусствоведа, Куниёси симпатизировал – возможно, из-за схожести его судьбы и трудного пути к успеху. Об этом, в частности, свидетельствует использование художником печати *кири* (цветок павлонии) как в этой серии, так и в других работах. Ещё одним проявлением приёма эзопова языка в какой-то степени можно считать и созвучие «*Тайхэйки*» и «*Тайкоки*» («Записки о тайко» – самое известное сочинение о Хидэёси), отличающиеся в написании всего одним кандзи.

Важную роль картуши играют и в третьей серии 1840-х гг. Серия «Дополнительные сюжеты к 53 станциям дороги Токайдо» (*То:кайдо: годзю:сан цуй)* была создана Куниёси в соавторстве с Хиросигэ и Кунисада. Из 58 листов (3 станции повторены дважды) последним принадлежат 19 и 8 соответственно, Куниёси же – все остальные, 9 из которых представлены в Эрмитаже. Из названия понятно, что серия освещает тему путешествия по соединяющей Эдо и Киото дороге Токайдо, и, наверное, является собранием пейзажей каждой станции. Однако последнее неверно в отношении работ Куниёси, который, словно оживляет истории, связанные с той или иной точкой. На гравюрах можно обнаружить изображения совершенно разных существ от зловредных оборотней до знаменитых поэтов и воинов, но на каждой сверху будет 2 картуша. Правый с названием серии и номером листа и левый с текстом, описывающим происходящую сцену, – его форма, кстати, часто связана с повествованием.

Ещё одной серией, появившейся благодаря объединённым усилиям трех упомянутых художников, является «Подражание “Антологии 100 поэтов”, составленной на горе Огура» (*Огура надзораэ хякунин иссю*). Из 100 листов Хиросигэ принадлежит 35, Кунисада – 14, Куниёси – 51, причем 5 из них имеются в коллекции Эрмитажа. Очевидно, посвящена серия стихам из одноимённого сборника, составленного Фудзивара Тэйка (1162–1241) и включающего творения поэтов разных эпох. Стихотворение каждого расположено вверху гравюры и сопровождается помещёнными чуть ниже комментарием и иллюстрацией, которые не всегда имеют очевидную связь с произведением. В целом, Куниёси придерживается военно-исторических сюжетов, впрочем, иногда отклоняясь от них, как и в предыдущей серии.

Творчество Куниёси 1850-х гг., которому посвящена следующая статья-раздел, хотя и является поздним, ни в коей мере не означает

затухания его традиции. Несмотря на болезнь, он не просто продолжает деятельность, но даже экспериментирует, выбирая сюжеты, малоизвестные публике, чего доселе обычно не делал. Ярким примером этого является серия «69 станций дороги Кисокайдо» (*Кисокайдо: рокудзю:кю: цуги но ути*), по названию относящаяся к пейзажному жанру, изображающему станции тракта Эдо-Оцу-Киото, а в действительности посвящённая малоизвестным историко-героическим эпизодам. При этом далеко не всегда они связаны с конкретным местом – связь между станцией и изображённой сценой и персонажем чаще всего устанавливается на основе приёма *гороавасэ* (омофоническая игра). Помимо этой серии, которая частично представлена в виде иллюстраций в статье, за последнее десятилетие Куниёси создал множество других работ, в том числе и входящих в коллекцию Эрмитажа. Наряду с ними в каталоге располагаются и творения его многочисленных учеников, к которым Куниёси, без преувеличения, относился очень тепло, заботясь о карьере каждого.

Ученики, впоследствии продолжившие его традицию, отвечали тем же. Например, в заключающей книгу статье «Мемориальные портреты и автопортреты в творчестве Куниёси и его учеников» М. В. Успенский приводит несколько *синиэ* (буквально «посмертные картины») мастера, каждая из которых носит довольно личный характер. Так, хотя работа Отаи Ёсиику представляет собой довольно официальный вариант посмертного портрета учителя, сам факт того, что в ней приняли участие ещё 3 человека – 3 молодых литератора, лично знавших Куниёси и написавших стихи к гравюре, – говорит о глубоком уважении к мастеру. Более «неформальной» является *синиэ* кисти Итигэйсай Ёситоми (работал в 1850–1880-х гг.).

Куниёси изображён в путешествии в сопровождении умершего годом ранее ученика Ёсифуса. По мнению, Михаила Владимировича, их непринуждённую беседу фактически можно считать отражением характера взаимоотношений художника со всеми его подопечными. Сам же Ёситоми оставляет довольно личную подпись: «Сдерживая слёзы, написал Итигэйсай Ёситоми», такими же являются и стихи хорошего друга Куниёси Умэноя Какудзю (1801–1865). Последний портрет принадлежит Тайсо Ёситоси. Он не только с теплом вспоминает учителя, но и отдаёт дань уважения тому, как тот видел и изображал себя сам: Куниёси сидит вполоборота в своём любимом *дотэра*

(тёплое кимоно на вате) с изображением сцен Ада и полотенцем через плечо, а рядом, конечно же, кошка.

Совсем иными были взаимоотношения с учениками у **Утагава Кунисада**, которому посвящена вторая часть монографии. При этом ранее сам Кунисада пользовался любовью и покровительством своего учителя Утагава Тоёкуни I – чего нельзя сказать о своенравном и не всегда платёжеспособном Куниёси. Попав в его мастерскую в 1800–1801 гг., примерно с 1808 г. он уже выполняет первые самостоятельные работы, впрочем, имеющие заметный оттенок влияния Тоёкуни I. При этом показательно, что с самого начала они в большинстве своём относятся к жанру *якусяэ*. Хороший пример – представленная в каталоге под номером 141 гравюра, изображающая актёра Сэгава Роко в пьесе «Сога но мацури».

Как отмечает Михаил Владимирович, такая зависимость от стиля учителя ослабевает к 1820-х гг. – времени, когда Кунисада уже приобрёл имя и известность. До момента его признания ведущим мастером театральной гравюры, в жанре уже сложились свои правила, главным из которых было изображение актёра в конкретной роли. Сложились также и две основные традиции: традиция школы Тории, заключавшаяся в схожести изображений с афишами, и традиция школы Кацукава, отличавшаяся более выраженным вниманием к индивидуальности актёра. Тоёкуни I и Кунисада же создают третий «большой» стиль *якусяэ*, одновременно сочетающий динамизм Тории и индивидуальность облика Кацукава. То, что гравюры Кунисада, безусловно, портретны, можно заметить, например, сравнив 148 и 149 иллюстрации каталога, изображающие актёра Бандо Миносукэ III в роли борца сумо Акицусима и Сёгунтаро Ёсикадо соответственно. Новые решения привнёс Кунисада и в *бидзинга*, которые также стали важной стороной его творчества. Так, М. В. Успенский указывает, что его гравюры показывали моделей более реалистичными вне изысканной романтической атмосферы, что было характерно для художников XVIII в.

Принимая это во внимание, неудивительно, что ужесточение цензуры после реформ Тэмпо, запретившей изображения актёров и красавиц, значительно повлияли на творчество Кунисада. Вообще запреты должны были стать для него очень серьёзным ударом, но парадоксальным образом этого не происходит. Наоборот, в 1844 г. его карьера ознаменовалась важным событием: он становится главой школы Утагава под псевдонимом Тоёкуни III. В этом же году после

годичного перерыва появляются и новые гравюры со сценами городской жизни, куда формально легально включаются запрещённые театральные изображения и изображения красавиц. Например, такой иносказательный приём используется в ранее упоминаемой совместной серии Хиросигэ, Куниёси и Кунисада «Дополнительные сюжеты к 53 станциям дороги Токайдо». В частности, в листе «Станция Ёккаити. Призрачный город в Наконоуми», расположенном в каталоге под номером 190. Кроме того, по мнению М. В. Успенского, с оглядкой на успех серии Куниёси о 47 *ронинах*, Кунисада также пробует свои силы и в *мусяэ*. Выбирая тот же самый сюжет, он создаёт серию «Повествование о жизни преданного и верного Обоси» (*Сэйтю: Обоси итидай банаси*). Интересно, что и для написания текстов гравюр приглашается Кэйсай Эйсэн, который работал с его соперником. Тем не менее серия Кунисада посвящена немного другому аспекту истории: если внимание Куниёси было приковано к осуществлению мести, то Кунисада – к её подготовке и предводителю. Проследить это можно на примере гравюры, расположенной в каталоге под номером 198, кроме того, характеризующейся заметным оттенком театральности, что неудивительно: ведь её автор всё-таки мастер *якусяэ*.

В 1850-е гг. количество издаваемых Кунисада работ возрастает. Среди них можно выделить совместную с Хиросигэ серию «Гэндзи в современном обличье» (*Фу:рю: Гэндзи*), особенностью которой является коллективная работа над каждым листом. К этой же теме художник обращается и самостоятельно, создав серию «Изображения фигур в фиолетовой гамме из произведения Мурасаки Сикибу» (*Соносугата юкари но уцусиэ*). Если обратиться к относящимся к первой серии иллюстрациям каталога под номерами 210–263, можно заметить, что они имеют некую связь с *бидзинга*, иногда изображая «весёлые кварталы». В то же время серия с Хиросигэ, по мнению Михаила Владимировича, вновь носит некий театральный оттенок. Самым же знаменитым творением этого периода считается ещё одна серия Кунисада о тракте Токайдо – серия «53 станции дороги Токайдо» (*Токайдо: годзю:сан цуги но ути*). И опять же здесь прослеживается влияние *якусяэ*: так, в каталожной иллюстрации номер 264, воспроизводящей лист «Мост Нихонбаси. Продавец тунца» в роли продавца явно выступает актёр. Издание данной серии в тираже аж 700 экземпляров является свидетельством пика популярности Кунисада, который в это же самое время, впрочем, начинает

выпускать и произведения не самого высокого качества. Очевидно, что популярность увеличила число заказов, а справиться со всеми из них одному было невозможно. Движимый коммерческими целями, Кунисада начинает использовать учеников, нередко занимаясь лишь общей редакцией рисунка. При этом их участие, как правило, остается анонимным, в отличие от практики Куниёси, который способствовал тому, чтобы его ученики становились более узнаваемыми. Возможно, именно качества Кунисада как человека и педагога и послужили тому, что кроме Тоёхара Кунитика (1835–1900) в один ряд с Ёситоси, Ёситора и Ёсиику не смог стать ни один ученик Кунисада.

Так или иначе, М. В. Успенский заключает, что творчество Куниёси и Кунисада дополняют друг друга, создавая едва ли не исчерпывающую картину *укиёэ* первой половины XIX в. Будучи современниками, сверстниками, зная друг друга с юности и выпустившись из одной и той же мастерской, они удивительным образом выбрали совершенно разные жанры *мусяэ, якусяэ и бидзинга*, привнеся туда новые правила, можно даже сказать, возглавив их. Их работы представляют собой два отличных подхода в рамках одного художественного направления, а потому невозможно переоценить их представленность в фондах российского музея. Точно так же невозможно переоценить и подробные описания эрмитажного собрания Михаила Владимировича, которые теперь доступны широкой аудитории.

Библиографический список

Успенский М. В. (2024). *Куниёси и его время.* Санкт-Петербург: Арка.

References

Uspensky, M. (2024). *Kuniyoshi i ego vremya* [Kuniyoshi and His Time]. Saint Petersburg: Arka. (In Russian).

О японоведческих конференциях (декабрь 2023 – февраль 2024): XVI ежегодная конференция Ассоциации японоведов и XXVI конференция «История и культура Японии»

С. В. Гришачев, А. А. Баринов

14 декабря 2023 г. в стенах МГИМО-Университета прошла очередная, уже XVI ежегодная конференция Ассоциации японоведов. Традиционно большая часть докладов на ней была посвящена проблемам развития современного общества и государства в Японии. Пленарное заседание открыл председатель Ассоциации, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО проф. Д. В. Стрельцов. Он традиционно выступил с отчетом о деятельности Ассоциации за прошедший 2023 г., об основных ее проектах – публикационных (изданиях «Ежегодник Япония», «Японские исследования» и «Russian Japanology Review») и медийных (проект Studia Nipponica). Он также выразил искреннюю благодарность Международному Фонду Шодиева и лично Фаттаху Каюмовичу за поддержку, которая играет основную роль при осуществлении проектов Ассоциации. В пленарной части выступили профессор А. Н. Панов с докладом об особенностях внешней политики Японии на современном этапе, а также профессор С. В. Чугров с докладом о цифровой трансформации современных японских университетов.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям «История и культура», «Внешняя и внутренняя политика», «Экономика и общество». Кроме того, была создана специальная секция «Исторические обиды в отношениях Японии со странами-соседями».

Несмотря на то, что конференция посвящена преимущественно проблемам развития современной Японии, на ней традиционно была представлена секция по истории и культуре страны. В ней был заслушан доклад профессора А. А. Долина о развитии искусства хайку в иберо-американском мире – в Испании и странах Латинской

Америки. Доклад Г. Б. Дуткиной был посвящен традиционно популярной теме японской демонологии – точнее тому, как представление о японских демонах укореняется в западной культуре. Директор ЦЯИ ИВ РАН Е. Л. Катасонова в своем сообщении рассказала об эволюции моды на японское искусство в Европе и о влиянии этой моды на западную архитектуру, музыку и театр, начиная с XIX в. вплоть до современности. Большой интерес также вызвал доклад М. А. Кириченко о дидактической поэзии *до:ка*, которая обычно не являлась прежде предметом пристального внимания отечественных авторов.

Доклады по истории начались с сообщения Д. Д. Романчева о т. н. «Репрессиях годов Ансэй» 1858-1859 гг. Отдельный интерес представляет доклад А. Б. Шаровой, в котором автор коснулась представлений великого просветителя Фукудзава Юкити о Голландии и России, зафиксированные в сочинениях «Описание стран мира» и «Положение дел на Западе».

Не менее увлекательным был доклад В. Г. Пясецкого, в котором он, демонстрируя почтовые конверты к. XIX – н. XX вв., показал связь их отправителей и получателей с некоторыми событиями эпохи Мэйдзи. Доклад же А. Е. Куланова, посвященный трагической и в то же время очень увлекательной судьбе Окада Ёсико, содержал информацию о прежде не известных фактах биографии японской актрисы, взятых из чрезвычайно редких архивных документов.

Секция «Внешняя и внутренняя политика» началась с докладов сотрудника ИКСА РАН Ю. А. Домахиной «Позиция Японии в отношении ракетно-ядерной программы КНДР», директора ЦЯИ ИКСА РАН В. О. Кистанова «Китайский фактор в стратегии Японии в сфере безопасности», а также сотрудника Дипакадемии МИД В. Н. Добровольского «Актуальные подходы Японии к проникновению НАТО в АТР». Все они содержали информацию по чрезвычайно актуальным вопросам, находящимся в сфере внимания ученых и журналистов.

Сотрудник РИСИ Р. Н. Лобов выступил с докладом о политическом диалоге между Республикой Корея и Японией, который в последнее время весьма сильно актуализировался. Сотрудник ИВ РАН Д. А. Милеев рассказал о морской политике Японии на сегодняшнем этапе, а докладчик из Санкт-Петербурга (НИУ ВШЭ) М. П. Чижевская охарактеризовала позицию Японии в нынешнем палестино-израильском конфликте.

Секция «Экономика и общество» была представлена 8 докладами. Помимо исследователей из Москвы, в ней приняли участие как коллеги из других городов России, так и коллеги из Японии. Доклад доцента МГИМО А. А. Киреевой был посвящен политике Японии в отношении зон свободной торговли. В сообщении А. И. Банчевой (МГУ) был проведен сопоставительный анализ данных по экологии и экономике Японии. Сотрудник ИМЭМО К. С. Костюкова сделала доклад на довольно интересную тему – «Нейросети на службе у японских элит».

Сообщение профессора ИВ РАН И. П. Лебедевой было посвящено вопросу, над решением которого уже много лет бьется правительство в Токио, – чрезвычайно быстрое старение японцев и тому, как это влияет на экономику страны. Профессор ИСАА МГУ И. Л. Тимонина делая доклад о проблемах инвестиционной привлекательности Японии, уточнила, что основное внимание в нем будет уделено изменению подходов к привлечению иностранных инвестиций.

Следующий доклад, о проблемах низкой производительности японских компаний, был озвучен доцентом НИУ ВШЭ С. В. Шапошниковым, но подготовлен был совместно с профессором университета Мэйдзё – Садои Юри.

Завершилась секция сообщением старшего научного сотрудника ИМЭМО С. Э. Юркова об изменении бизнес-модели японских корпораций, где все больше внимание уделяется цифровому инжинирингу.

Еще одна, специальная секция «Исторические обиды в отношениях Японии со странами-соседями» состояла из 6 докладов. Первым прозвучал доклад модератора секции, профессора МГИМО Д. В. Стрельцова о корейском меньшинстве в Японии и проблемах его адаптации в стране. Затем прозвучали еще два доклада сотрудников МГИМО – Е. В. Колдуновой «Военная дипломатия Японии, КНР и России в Юго-Восточной Азии» и В. В. Нелидова «Специфика исторической памяти в префектуре Окинава». Затем озвучили свои доклады научные сотрудники ИВ РАН – П. В. Кульнева, «Эволюция образа Японии в коммунистическом Китае» и В. А. Перминова, «Проблемы исторического прошлого в тайваньских учебниках по истории». В завершении прозвучал доклад доцента НИУ ВШЭ С. В. Гришачева «Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения».

В целом, хотя конференция и проходила на протяжении одного дня, уровень докладов и их информационность оказались традиционно на высоком уровне.

12–14 февраля 2024 г. в Институте классического Востока и античности (ИКВИА) Высшей школы экономики состоялась XXVI научная конференция «История и культура Японии». Как и в прежние годы, по итогам прошлогодней конференции был выпущен сборник работ исследователей-участников, уже шестнадцатый по счету. Как и проведение одноименной конференции, выпуск сборника является одним из важнейших научных событий российского японоведения.

В этом году с докладами выступило более семидесяти российских и японских исследователей. Как отмечает профессор А. Н. Мещеряков, всего было представлено 32 различных институции, не считая независимых исследователей. С каждым годом на конференции возникает больше новых имен, расширяется круг исследовательских тем. Помимо Александра Николаевича, членами организационного комитета, стали доценты ИКВиА С. А. Родин, Е. Б. Сахарова и А. А. Федорова.

Систематизация и стабильность серии «Orientalia et Classica», привлечение молодых исследователей способствуют более глубокому анализу самых разнообразных вопросов современного востоковедения. До недавнего времени сборники «Orientalia et Classica» выходили в РГГУ, однако последние четыре года фактически тот же коллектив выпускает его в стенах НИУ ВШЭ (Москва). Географически серия охватывает все регионы, традиционно относящиеся к Востоку, включая работы по восточной и классической филологии, философии, религии, истории и искусству.

Главным редактором серии является к.ф.н., научный руководитель ИКВиА НИУ ВШЭ синолог Илья Сергеевич Смирнов. Выступая со вступительным словом, он ярко обозначил современное состояние японоведения в России:

«Эта конференция – история того, как не дать забыть об этих прописных истинах. Для того, чтобы заслужить что-то по гамбургскому счету, нужен только истинный талант. Угодливость и пронырство не требуются. И две простейшие идеи, которые, при всей своей очевидности, звучат, мягко говоря, не модно. Истина суще-

ствует, и целью науки является ее поиск. В любом обсуждаемом вопросе профессионал, если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов, в нормальном случае более прав, чем дилетант. Японистика, как кажется, за последние годы перестала быть областью, где жаждут царить дилетанты…».

Как говорилось выше, по результатам конференции был выпущен шестнадцатый сборник научных работ участников. Стоит сказать пару слов и о введении к данной книге, состоящее из двух дискуссионных по отношению друг к другу частей. Первая, озаглавленная «Взгляд из Японии», написанная П. Э. Подалко, профессором университета Аояма Гакуин в Токио, характеризует общие черты и особенности российского востоковедения в постсоветский период. Автор делает пессимистичные выводы: если за последние годы востоковедам стало в среднем проще жить и работать, то общий уровень востоковедения в целом снизился. Небольшая часть выпускников профильных вузов остается работать в научной сфере, так как зачастую предпочтительнее и престижнее начать деятельность в сфере бизнеса или уехать в страну изучаемого региона. Вторая часть с заголовком «Взгляд из России» от редакторов сборника хоть и уточняет некоторые положения, касающиеся, например, отмены цензуры, благодаря чему поколение советских ученых-японоведов смогло расширить темы исследований, но в итоге указывает на сходную проблему современного японоведения: *«Где же выход? Кажется, он только один: несмотря на все сложности, делать свое дело как можно лучше. И при этом утешаться тем, что бывали времена и труднее»*.

Всего за три дня мероприятия было проведено девять секций. Утром 12 февраля первой секцией руководил профессор А. Н. Мещеряков. Темы докладов по большей части касались буддийской философской мысли. Профессор Н. Н. Трубникова выступила с презентацией об образе страны в хэйанском памятнике «Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии». А. А. Петрова и М. С. Коляда представили анализ средневековых источников, касающихся образа монаха Дзога и буддийской традиции соответственно. Профессор Л. М. Ермакова выступила с историографической темой, рассмотрев различные трактовки японской древности в российском японоведении первой трети XX в. Завкафедрой японского языка ИИЯ МГПУ В. А. Федянина сделала доклад о божествах-ками через призму средневекового буддизма. Е. Л. Скворцова в своем выступлении

говорила об эстетической мысли в Японии конца прошлого и начала нашего века.

В секцию был включен доклад студентки О. К. Матвеевой, посвященный изучению документов сокровищницы Сёсоин храма Тодайдзи, которые проливают свет на жизнь и культуру японцев эпохи Нара. Это не первое ее выступление на конференции — в прошлом году ею был представлен анализ текстов того же периода, исследование о личных мотивах монаха Докё, пытавшегося в 769–770 гг. занять место японского императора. Автор отдельно рассматривала источники, хранящиеся в здании Сёсоин, которое было законсервировано в связи с переездом двора в новую столицу в конце VIII в. и оставалось нетронутым вплоть до середины XIX в. Был представлен глубокий анализ исторических документов, их классификация и систематизация.

На дневной секции руководителем выступила профессор Е. М. Дьяконова. Темы докладов касались в основном японской литературы. Независимый исследователь Ёмота Инухико (四方田　犬彦) сделал доклад о творчестве современного писателя Ицуки Хироюки. А. А. Григорюк предложил новый способ описания произведений Мисима Юкио, обращаясь к понятию «вечный мальчик» (лат. Puer aeternus), введенному Марией-Луизой фон Франц, ученицей К. Юнга. М. В. Шах рассматривала отношения между стилем и сюжетом в повести «Мудрец с горы Коя» писателя Идзуми Кёка. В докладе профессора М. В. Торопыгиной на основе воспоминаний Таяма Катай рассматривалась история издательства «Хакубункан», типичного пути входа в мир писателей в Японии начала XX в. Профессор А. Н. Мещеряков выступил с темой, посвященной влиянию работ философа и переводчика Фукудзава Юкити на политический истеблишмент того времени. Из общего списка тем о литературном мире Японии выбивалась работа А. Н. Бертовой, в которой автор рассмотрела концепцию «царства Божьего» в восприятии японских христиан на рубеже XIX–XX вв.

Следуя задачам современных исследований, М. Г. Селимов провел анализ японской литературы начала прошлого века. Разбирая творчество Нацумэ Сосэки и Танидзаки Дзюнъитиро, автор выделил характерные черты понятий маскулинности и феминности в описании персонажей их произведений. Эпоха модерна стала концом тотальной объективизации женщин. «Женщина могла быть Беатриче, но не Данте», – процитировал З. Н. Гиппиус докладчик. Исследователь уделил внимание феминной стороне литературных героев, заметно

отличающейся от ранее сформированного и устоявшегося в Японии образа мужчины-воина.

Вечером 12 февраля в третьей секции, посвященной философской мысли в Японии в разные эпохи, ведущей стала Завкафедрой истории Японии ИСАА МГУ Е. Е. Симонова-Гудзенко. Профессор Е. М. Дьяконова выступила с презентацией о трактате XV в. «Разговоры вполголоса» буддийского монаха по имени Синкэй, рассматривая труд как художественное произведение. А. А. Максимов представил исследование об особенностях географического описания провинции Овари. Заимствованиям «Теории небесных знаний и откликов» в раннесредневековой Японии была посвящена презентация Д. В. Трухан. О специфике японо-корейских взаимоотношений в X–XI вв. говорил М. В. Грачев. О. А. Хованчук подготовила доклад об императорских символах в стране: солнце, павлонии и хризантеме. О поучительных рассказах сэцува говорила Е. С. Ванеян.

О дзэнской суггестии, своеобразного воздействия на сознание человека, в поэзии хайку было сделано оригинальное исследование профессора А. А. Долина. По его словам, задачей средневекового дзэн-буддийского творца являлось улавливание ритма трансформаций в меняющемся мире, настройке на их волну, с сохранением позиции медиатора. Чем точнее передавалось то или иное действие, состояние или качество предмета/явления при наименьшем количестве средств, тем живее становился образ, что и отражается в поэтике суггестивности. При этом в большинстве случаев характерной чертой сезонной поэзии хайку становился определенный дуализм «импровизации», но из-за сильного влияния традиционных слов-символов и эстетических концепций, то «импровизации по нотам» (季語 *киго*, индикатор сезона).

13 февраля началось с докладов по военной истории и внешнеполитическим отношениям Японии. А. М. Горбылев выступил с анализом трактата Иссай Тёдзан «Рассуждения тэнгу об искусстве [меча]» (1729 г.), в котором выделил философское понятие «ки» как одну из характерных черт дальневосточных боевых искусств. Изучая историю российско-японских отношений, С. В. Гришачев и З. А. Шмакотина подготовили совместный доклад о награждении японских военнослужащих российскими наградами в годы Первой Мировой и Гражданской войн. Факты такого награждения наглядно иллюстрируют процесс геополитического сближения и курса на сотрудничество двух стран

после войны 1904-1905 гг. М. Ю. Бочарова и А. Ю. Гвоздев в своих докладах провели исследования культурной составляющей эпохи растущего японского милитаризма. Первый докладчик обратился к репрезентации детских образов на политических открытках начала прошлого века, второй – к эстетическим проблемам в пропагандистских картинах (国策映画 *кокусаку-эйга*) в 1937–1945 гг. О советской дипломатии в Японии конца 1930-х гг. было сделано выступление к. И. А. Дегтева. К отдельной группе докладов, посвященных географическим знаниям в Японии, можно отнести работы Завкафедрой Истории Японии ИСАА МГУ Е. К. Симоновой-Гудзенко и А. В. Климова о картах Дайкокуя Кодаю и экспедиции Мацуда Дэндзюро.

Исследование С. А. Горбылева было проведено на основе политических документов, объясняющих причины начала иностранной интервенции в Россию во время Гражданской войны.

Во время дневной секции, которую возглавила профессор М. В. Торопыгина, были представлены доклады о различных сферах развития японского общества, с уклоном в социологию. Так, О. Н. Емельянова подготовила презентацию о начальном этапе индустриализации страны в эпоху Мэйдзи. А. А. Дудко выступила с рассказом об обстоятельствах написания «Записей о путешествии к Фудзи» (1567 г.) Сатомура Дзёха, что удачно сочеталось с докладом М. Н. Малашевской о документальной путевой прозе Сиба Рётаро. Про конфликтные ситуации (喧嘩 *кэнка*) среди граждан и способы их разрешения в первую половину периода Эдо было рассказано в выступлении С. А. Корнеевой. А. А. Ясинский выступил с работой о художественных особенностях «Тикусай моногатари», одного из примеров развлекательной литературы (仮名草子 *кана дзо:си*). А. Ф. Прасол говорил об идеологической наполненности и различных формах преступности в эпоху Токугава. Рассмотрению обстоятельств поездки Симоны де Бовуар в Японию было посвящено выступление О. И. Лебедевой.

Проводя черту между литературой и психологией, А. Ю. Борькина представила анализ произведения «Третья любовь» современной японской писательницы Каваками Хироми. В центре сюжета находится судьба молодой женщины по имени Рико, страдающей от постоянных измен своего мужа. Ее давний друг обучает ее практике осознанных сновидений, в результате чего главная героиня проживает жизнь куртизанки квартала Ёсивара, а затем представительницы высшей аристократии эпохи Хэйан. Докладчица выявила литературную

преемственность, проследив заимствование концепции «путешествий между мирами» через лейтмотив «Исэ моногатари».

Вечерняя секция 13 февраля, за исключением трех работ, преимущественно касалась тех или иных особенностей внешнеполитического или военного курса страны. На заседании модератором стал ведущий научный сотрудник ИВР (г. Санкт-Петербург) В. В. Щепкин, который также являлся одним из докладчиков, повествуя о механизмах принятия решений внешней политики правительства Токугава. Профессор П. Э. Подалко поднял важную тему современного состояния туристического сектора и студенческих миграций в Японию. С. С. Наумов подготовил презентацию о влиянии взглядов Омура Масудзиро и Окубо Тосимити на формирование вооруженных сил японской армии периода Мэйдзи. О первом военном марше современной Японии в контексте войны Босин было сделано исследование Д. Д. Романчева.

Процесс усиления влияния страны в северной Маньчжурии был отражен в выступлении Е. И. Нестеровой, рассмотревшей небольшой период с 1916 по 1917 гг. Тремя «выбивающимися» из общей канвы секции стали работы А. П. Беляева об историческом памятнике каллиграфии «Орхидеевая беседка», Ю. Д. Михайловой о газетных иллюстрациях (錦絵新聞 *нисики-э симбун*) и М. Р. Бушуевой о буддийском активизме эпохи Мэйдзи.

Завершающий доклад Л. В. Овчинниковой был посвящен истории колониальной администрации в Корее. Особый упор был сделан на историографии, направленной в свою очередь на социально-экономическую сферу. Если первоначально существовало лишь отрицательное мнение о колониальном периоде, то с 1980-х гг., как среди корейских, так и американских исследователей растет количество тех, кто выявляет и положительные результаты японского присутствия на полуострове. Результатом работы автора стал комплексный анализ конкретных примеров процесса индустриализации в Корее, проводимого администрацией Японской империи, его плюсов и минусов.

В последний день конференции ведущей утренней секции стала М. Н. Малашевская. Темы докладов касались разнообразных аспектов культуры японского общества, за исключением, пожалуй, первых двух. К. А. Спицына выступила с темой про сельское хозяйство и выращивание плодовых культур. Е. М. Османов подготовил исследование, посвященное деятельности Куроно Ёсибуми, препо-

давателя японского языка на Восточном факультете Петербургского университета.

В последующих докладах рассматривались кино, театр, музыка и литература. Совместное выступление И. В. Мельниковой и А. А. Федоровой было посвящено фильму «Угэцу моногатари», с даты производства которого прошло уже более 70 лет. М. В. Гришин в своей презентации рассказал о влиянии театра Но на западных режиссеров и исполнителей середины прошлого века. В то же время биографию и переводы советского японоведа В. М. Константинова представил в своем исследовании А. Е. Куланов. М. С. Болошина говорила о рецепции произведения «Медный всадник» А. С. Пушкина в исследованиях Сугино Юри. О литературном процессе и механизмах (само)цензуры в послевоенной Японии была сделана презентация С. А. Родина.

О деятельности Накао Тодзан, основателя школы игры на сякухати Тодзан-рю, и концертах японских музыкантов в России в 1915 г. был сделан доклад Н. Ф. Клобуковой (Голубинской). Вместе с Ёнэкава Кинъо (*сямисэн*) и Ёнэкава Тэруко (*кото*) Накао Тодзан совершил трехмесячный тур с выступлениями «Трех инструментов» (三曲) в Сеуле, Харбине, а затем и во Владивостоке, Москве и Петрограде. Путешествие ставило перед собой благотворительную цель: средства, полученные от концертов, шли на лечение раненых солдат Первой Мировой войны. Несмотря на благие намерения и уникальность такого рода опыта, в России приезд японских музыкантов вызывал сдержанную реакцию, не получив широкой огласки.

Дневная секция, модерируемая С. А. Родиным, была нацелена на освещение разных культурных явлений. О. В. Климова провела исследование описания русских в японском источнике «Росиа ибун» н. XIX в. О кризисе традиционной музыки и утрате ее определенных сегментов была сделана презентация М. В. Есиповой. В. В. Хомченкова выступила с анализом формирования японского канона драмы на примере становления процесса переводов драматургических текстов эпохи Мэйдзи. О храмовых фарсах (壬生狂言 *мибу кёгэн*) и смеховой культуре средневековой Японии выступила с докладом П. В. Самсонова. Связь чайной церемонии и японской поэзии была прослежена в работе А. В. Кудряшовой, которая рассказывала о сборнике «Ста песен Рикю». Оригинальный доклад о японских студентах в российских высших духовных учреждениях был представлен И. В. Кузьминой.

На секции также была представлена презентация Е. Б. Сахаровой, в которой докладчица рассказала о внешнеполитических торговых отношениях Японии XV в. с корейским полуостровом и минским Китаем. Исследование содержит анализ особенностей экономических связей Поднебесной со своими соседями, которые коротко можно определить термином «лицензионная торговля» (勘合貿易 *канго: бо:эки*). Однако данная торговая политика оказалась несостоятельной: если Китай таким образом пытался ограничить уровень контрабанды пиратов, то Корея и Япония пытались лишь увеличить экономический профит от данного сотрудничества.

На завершающей секции вечером 14 февраля пост ведущего занял Е. М. Османов. Основными темами докладов стали религиозно-философская и искусствоведческая сферы. О совокупности синкретических элементов в саду «Сюккэйэн» в Хиросима была представлена презентация С. А. Толстогузова. Две работы, А. И. Габитовой и А. Ю. Синицына, были посвящены религиозным ритуалам фестиваля Ивакури химацури (岩倉火祭) и поминальным табличкам (位牌 *ихай*). Об искусстве Японии, в частности фото-серии «Большое землетрясение Ноби» из «Альбома Кусакабэ Кимбэя (6)» и серии гравюр Цукиока Когё «Изображения театра Но», повествовали И. А. Леонов и Е. О. Тягунова.

Из общего ряда можно выделить доклад В. С. Фирсовой о японских библиотеках накануне и во время Второй Мировой войны. С 1920-х гг. начался стремительный рост количества публичных учреждений для чтения книг, формировались книжные комитеты среди молодежи. Содержание исследования дает более ясное понимание процесса развития книжной сферы и культурного развития Японской империи.

За три дня XXVI конференции было представлено множество докладов исследователей разных областей японоведческой науки. На данный момент содержание вышеперечисленных докладов находятся в свободном доступе онлайн для всех желающих.

За последние несколько лет среди участников конференции появилось большое количество новых имен – не только студентов, но и независимых исследователей. Отдельно хочется отметить исследования, посвященные японской современности. История и культура – сферы, изучение которых в первую очередь призвано объяснять настоящее, находить истоки сегодняшних процессов и явлений. Организаторам и участникам остается лишь пожелать терпения и сохранения интереса к работе: энтузиазм и любопытство всегда спасали науку.

Уважаемые авторы Ежегодника!

Для того, чтобы направить свою статью на публикацию в Ежегодник Япония, необходимо на сайте **www.yearbookjapan.ru** осуществить следующие действия:

– войти в раздел «Отправить статью»,
– зарегистрироваться и создать личный кабинет,
– в личном кабинете заполнить форму для подачи статьи.

Дата подачи статьи на данном ресурсе является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется в первом полугодии, крайний срок подачи на номер текущего года – **15 мая**.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с архивом предыдущих выпусков журнала, а также с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Ежегодник Япония является базовым ежегодным изданием отечественного японоведческого сообщества. Решение о его издании было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

Издание Ежегодника, начатое в 1972 г. инициативной группой советских японоведов, ни разу не прерывалось. С 1994 г. ежегодник издается Межрегиональной общественной организацией Ассоциация японоведов. Ежегодник получает финансовую поддержку Международного фонда Шодиева.

Сайт издания: http://yearbookjapan.ru

ISSN 2687-1432 Print
ISSN 2687-1440 Online

Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, –
0235-8182 Print

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-61497

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
  и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
  http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33360
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
  https://doaj.org/toc/2687-1440

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ
2024. Том 53

Главный редактор Научный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Трубникова Н. Н.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.
Редактор сайта	Казаков О. И.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная
Усл. п. л. 28,6 + 0,75 (вкл.)
Уч.-изд. л. 25,3 Тираж 500 экз.
Зак. №

ФГБУ «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
https://naukapublishers.ru https://naukabooks.ru
Редакция «Восточная литература» ФГБУ «Издательство «Наука»
тел.: +7 (499) 241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com
www.vostlit.ru

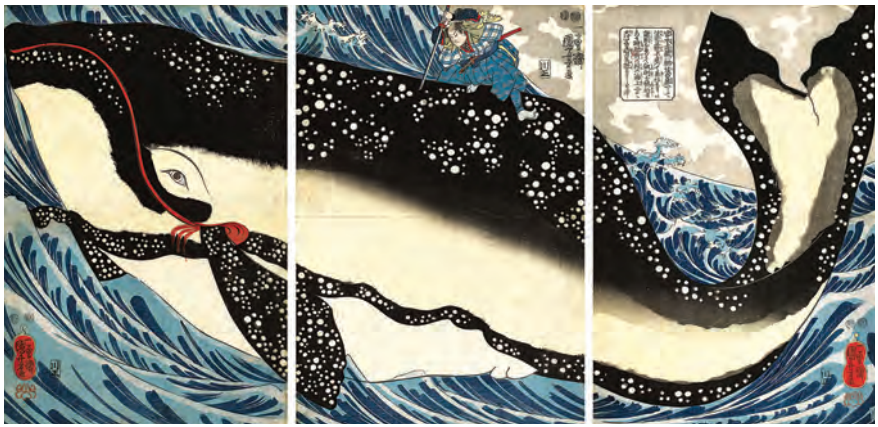
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Иллюстрации к статье Е. М. Дьяконовой «Символика рыб и рыбной ловли в японской культуре. Киты, дельфины и фантастические существа моря в легендах и представлениях»

Илл. 1. Нэцкэ. Слоновая кость. Мальчик с огромной рыбой. Япония

Илл. 2. Кацусика Хокусай. Китовая охота на островах Гото. Гравюра. 1831–1833 гг.

Илл. 3. Сиодзаки Кэн, Кит и солнце. Современная гравюра



Илл. 4. Утагава Куниёси. Легендарный воин Миямото Мусаси борется с огромным китом. Трехчастная гравюра. 1847–1850 гг.

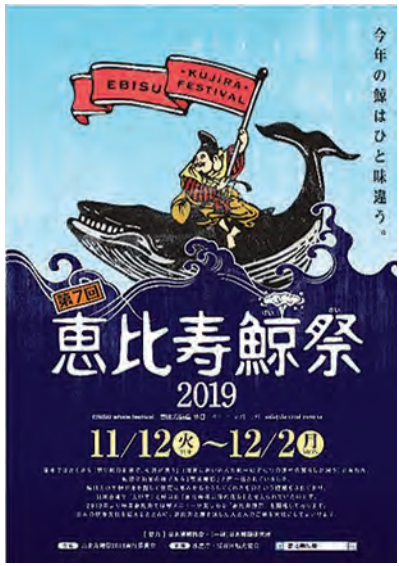
Илл. 5. Кит-оборотень, или костяной кит. Современная гравюра

Илл. 6. Злая рыбина Акуру, или Акугё. Гравюра. Эпоха Токугава

Илл. 7. Божество Эбису в святилище Нисиномия. Современная скульптура

Илл. 8. Святилище Нисиномия в префектуре Хёго. Построено в 1663 г. Головное святилище бога Эбису.

Илл. 9. Святилище Эбису. Перила и красные ворота сделаны из костей кита.



Илл. 10.
Современный постер
к празднику китов –
Кудзира мацури

Илл. 11. Святилище Имамия Эбису в г. Осаке.
Современная фотография

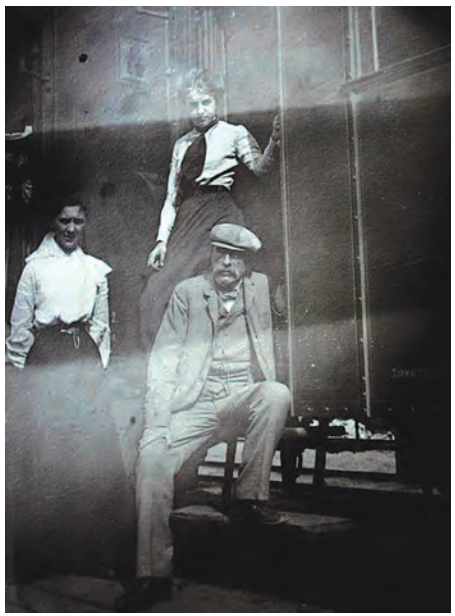
Илл. 12. Праздник Эбису в святилище Имамия. Современная фотография

Илл. 13. Блюдо из мяса кита

Илл. 14. Мыс Расколотый богом. Пейзаж к легенде. Современная фотография

Иллюстрации к статье О. В. Торбина
«А. Ф. Вакано и его коллекция»

Илл. 1. А. Ф. Вакано и китайские рикши



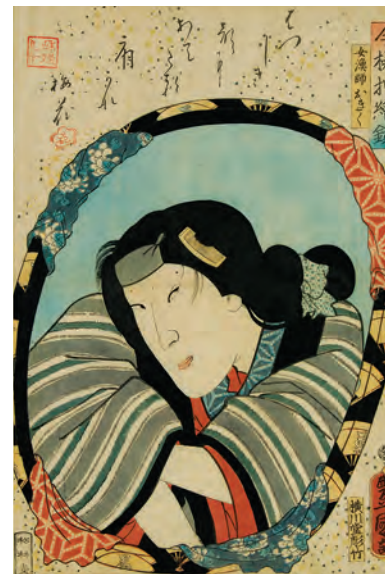
Илл. 2.
А. Ф. Вакано
с супругой
Марией Баредер
и дочерью Ольгой

Илл. 3. А. Ф. Вакано в Китае

Илл 4. Тарелка «Журавли на небе», мастерские Комаи

Илл. 5. Кинкодзан Со:бэй. Ваза

Илл. 6. Тоёхара Кунитика. Портрет актера (Такэти)



Илл. 7. Утагава Тоёкуни III. Портрет актера (Рыбачка О-кику)

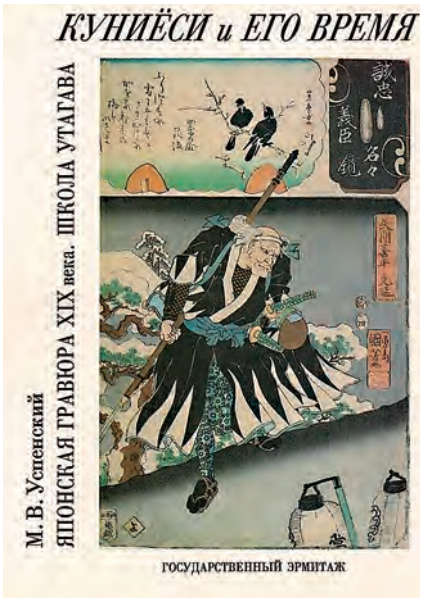
Илл. 8. Кикукава Эйдзан.
Утренний туалет

Илл. 9. Тёбунсай Эйси.
Японка в чёрном кимоно.
(Куртизанка Асагао)

Илл. 10. Утагава Ёситора. Актёр, изображающий воина. (Усиода Таканори)

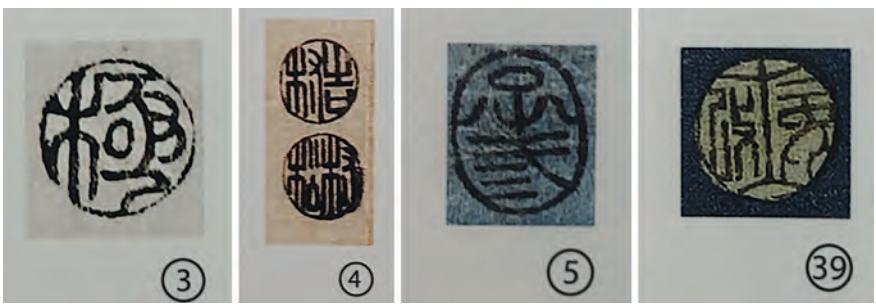
Илл. 11. Ито: Со:дзан. Вороны

Иллюстрации к статье Д. И. Воробьёвой
«Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада.
Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского
«Куниёси и его время»



Илл. 1. Издание 1997 г.

Илл. 2. Переиздание 2024 г.



Илл. 3. Цензорские печати разных периодов:
3. Печать кивамэ («превосходно») (1790–1842)
4. Личная именная печать цензоров, назначаемого правительством (1842–1853)
5. Печать с датой выпуска (1852)
39. Печать аратамэ («проверено») с указанием даты выпуска (с 1853)

Илл. 4. Триптих «Сражение при Удзигава»

Илл. 5. Гравюра «Станция Сёно». Сасаки Сиро Такацуна